Д5
20
Р89 Т.2

МОСКОВСКОЕ УЧЕБНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬ

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ ОЧЕРКАХЪ И СТАТЬ

Составлена при участіи профессо
и преподавателей

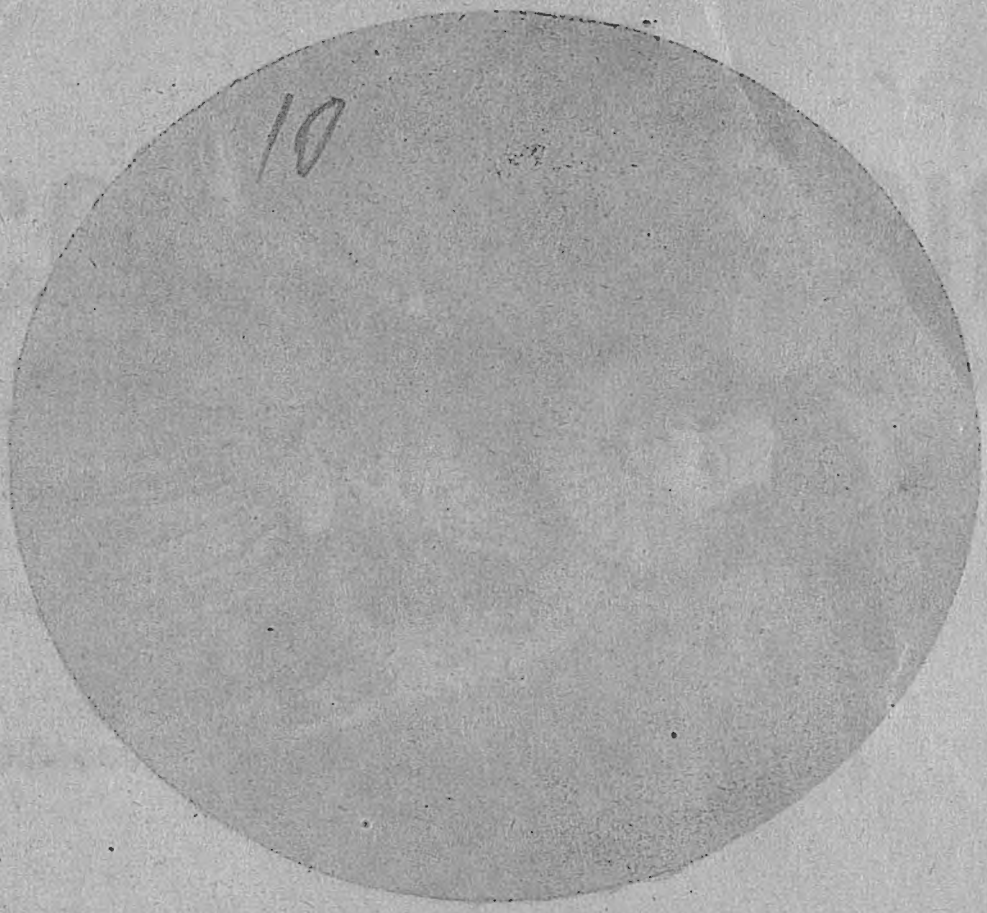
подъ редакціей

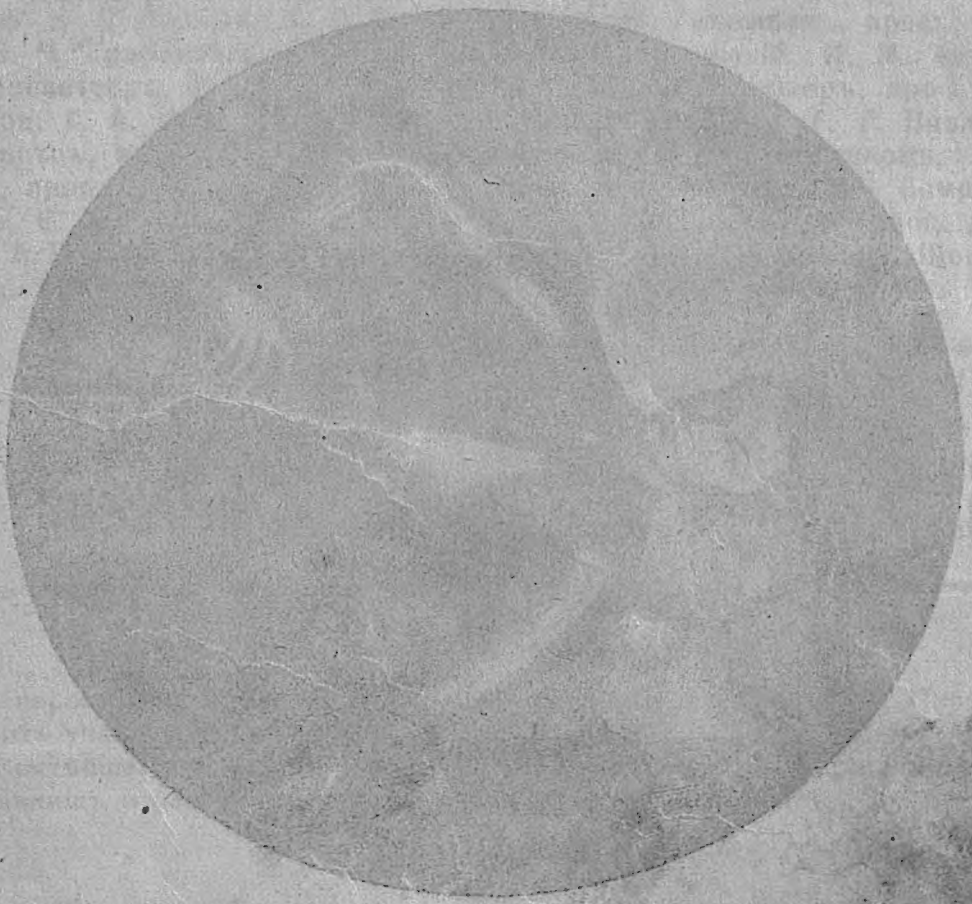
профессора М. В. Довнаръ-Запольск

Томъ II.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач.....





Димитрій I.

Марія Мнишекъ.

Къ статьѣ **„Димитрій I“**. *Проф. Е. Н. Щепкина.*

ДБ
20
Р 89

Московское Учебное Книгоиздательство.

9(47)

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

въ очеркахъ и статьяхъ.

Составлена при участіи профессоровъ и преподавателей

Подъ редакціей

профессора М. В. Довнаръ-Запольскаго.

Въ изданіи принимаютъ участіе слѣдующіе авторы:

Проф. Д. В. Айналовъ, проф. М. М. Богословскій, проф. А. К. Бороздинъ. И. Н. Бороздинъ, проф. К. Г. Воблый, В. Т. Георгіевскій, А. М. Гнѣвушевъ, проф. Ю. В. Готье, проф. В. М. Грибовскій, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, И. М. Катаевъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, Н. И. Кореневскій, проф. І. М. Кулишеръ, проф. А. М. Лобода, прив.-доц. Г. А. Максимовичъ, С. П. Мельгуновъ, проф. Г. Г. Павлуцкій, проф. В. Н. Перетцъ, прив.-доц. В. И. Пичета, проф. С. Ѳ. Платоновъ, проф. А. Л. Погодинъ, преп. Ком. Инст.-та А. А. Русовъ, прив.-доц. В. И. Семевскій, П. П. Смирновъ, Е. Д. Сташевскій, прив. доц. В. Н. Строевъ, прив.-доц. Д. Н. Ушаковъ, проф. А. Н. Филипповъ, прив.-доц. С. К. Шамбинаго, проф. Е. Н. Щепкинъ, прив.-доц. Л. Н. Яснопольскій, прив.-доц. А. И. Яцимірскій и другіе.

Томъ II.

2 II

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУР
№ 109199 48°

Первый томъ въ первомъ изданіи былъ ДОПУЩЕНЪ Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, безплатныя народныя читальни и библіотеки. Учен. Ком. при Святѣйшемъ Синодѣ ОДОБРЕНЪ для библіотекъ, семинарій и духовныхъ училищъ и рекомендованъ для военно-учебныхъ заведеній.

0.3
2998

Государственная Публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая
109199/80 м

Типографія И. Люндорфъ, Москва, М. Спасская, д. 2.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Москва въ XIV и XV вѣкахъ. *П. Смирнова* 1
Паденіе Великаго Новгорда. *А. М. Гнѣвушева.* 49
Движеніе населенія Московскаго государства. *П. Смирнова.* . . 62
Образованіе территорій Московскаго государства. *В. И. Пичета.* . 81
Политическія партіи первой половины XVI в. и власть Московскаго царя. *Проф. М. Довнаръ-Запольскаго* 118
Время царя Ивана Грознаго. *Его-же.* 155
Смута. *И. Катаева.* 224
Димитрій I. *Проф. Е. Н. Щепкина.* 265
Литовско-Русское государство. *В. И. Пичета.* 337

Москва въ XIV—XV вѣкахъ *).

I.

Еще въ первые вѣка нашей эры область центральнаго Междурѣчья, т. е. равнина между верхней Волгой и Окой, была заселена финскими народами: весью, мерей и муромой. Славянскіе переселенцы появились здѣсь, вѣроятно, не ранѣе VIII столѣтія. Попасть въ Междурѣчье славянамъ легче всего было изъ Новгородской области, занятой отраслью кривичскаго племени; отсюда въ Междурѣчье издавна были проложены многочисленные пути по рѣкамъ, по которымъ ходили на востокъ „руссы" арабскихъ писателей. Послѣдніе видѣли руссовъ въ Великихъ Булгарахъ, въ Итилѣ, караваны ихъ доходили даже до Багдада. Дѣйствительно, уже съ VII столѣтія здѣсь велся правильный

Колонизація Междурѣчья.

---

*) *Важнѣйш[illegible] литература*: *Бѣляевъ* „Городъ Москва съ его уѣздомъ" (Москви[illegible]инъ 184[illegible] г. I, V); *Погодинъ*. „Приращеніе Москвы". М. 1846 г.; *Вешн[illegible]въ*. „О причинахъ возвышенія Московскаго княжества". Спб. 18[illegible] г.; *Соловьевъ*. „Взглядъ на исторію установ. государственнаго по[illegible]ядка въ Россіи". М. 18[illegible] г. (въ сочиненіяхъ); *Чичеринъ*. „Духовныя и договорныя грамо[illegible] великихъ и удѣльныхъ князей". (Опыты по и[illegible] русск. права. М. 1858 г.); *Костомаровъ*. „Начало единодержавія [illegible]ъ древней Руси". (Вѣстникъ Европы 1870 г. XII; и собр. сочин. т. XII); *Полежаевъ*. „Московское княжество въ первой половинѣ XIV в." (М. 1878 г. и Истор. Библ. 1878 г. I—III); *Забѣлинъ*. „Взглядъ на развитіе Московскаго е[illegible]одержавія". (Истор. Вѣстникъ 1881 г., II—IV). *Онъ же*. „Исторія го[illegible] Москвы". Москва 1905 г., 2-е изд.; *Кл[illegible]* „Боярская Дума [illegible] Руси", [illegible] 3; *Рожковъ*. „Обзоръ р[illegible] ист. съ соц. точки зрѣні[illegible] II. М [illegible] *Онъ же*. „Происхо[illegible]ніе самодержавія въ Россіи". М. [illegible] *ловъ-Сильванскій*. „Ф[illegible] въ древней Руси". Спб. [illegible]

торгъ съ востокомъ. Арабская Сирія, Месопотамія, Персія и даже Индостанъ были связаны тогда торговыми сношеніями съ восточной Европой. Взамѣнъ своихъ мѣховъ, собольихъ, куньихъ, бобровыхъ и другихъ, многочисленныхъ рабовъ и рабынь, Междурѣчье получало съ востока украшенія, матеріи, оружіе и подобные предметы обрабатывающей промышленности. Естественно поэтому, что славяне рано устремились сюда изъ своей новой родины. Область Великаго Новгорода, неплодородная, богатая рѣчными путями, постоянно страдала отъ „умноженія людей“: первый разъ объ этомъ лѣтопись говоритъ уже подъ 862 годомъ. Позднѣйшія картины ея голодовокъ, съ вымираніемъ городовъ и селъ, съ продажей дѣтей, убійствами, даже людоѣдствомъ, потрясаютъ читателя ея лѣтописцевъ. „Крицъ и рыданіе и вопль“ стояли нерѣдко въ этой землѣ. Она гнала отъ себя „сходцевъ“ всякаго рода и указывала имъ удобный путь, „тѣмъ же... можетъ дойти на Востокъ въ жребій Симовъ“.

Колонизація Междурѣчья изъ Поднѣпровья начинается позже, когда начинается разложеніе Кіевскаго княжества. Поднѣпровская Русь стянула къ себѣ огромныя средства и стала центромъ эксплоатаціи природныхъ, главнымъ образомъ зоологическихъ, богатствъ восточной равнины, экспортировавшихся къ Черному морю. Ея князь, самъ промышленникъ и купецъ, широкимъ размахомъ своихъ предпріятій вводилъ въ экономическій оборотъ Поднѣпровья дани и добычу изъ далекихъ окраинъ. Пока этихъ богатствъ было достаточно (челяди, скоры, воску, меду и т. п.), Кіевская Русь процвѣтала и, по мѣрѣ истощенія ихъ, расширяла свои предѣлы. Но лишь только сказался ихъ недостатокъ въ самомъ Поднѣпровьѣ, а богатства сѣверныхъ областей нашли ближайшій и широкій сбытъ черезъ Новгородъ къ Балтійскому морю, какъ экономическая мощь Кіева исчезаетъ. Зависимость окраинъ, власть надъ ними великаго князя дѣлаются призрачными. Даже Черноморскій

рынокъ Поднѣпровья вскорѣ переходитъ отъ изсякнувшаго устья Днѣпра къ устьямъ Дона, поближе къ волжскому и пріокскому бассейнамъ: здѣсь расцвѣтаютъ богатые Сурожъ и Кафа. Съ половины XI столѣтія ужъ дробится „свѣтло-свѣтлая" русская земля. Лишенное привычныхъ промысловъ, тѣснимое кочевниками, многочисленное населеніе ея устремляется „за лѣсъ у вятичѣ". Тамъ гдѣ-то, на сѣверо-востокѣ, преданье рисовало ему золотое дно: тамъ съ неба падаютъ дожди изъ молодыхъ олешковъ и бѣлокъ „и возрастаютъ и расходятся по земли", въ чемъ былъ увѣренъ Кіевскій лѣтописецъ.

Обѣ колонизаціонныя струи, изъ области Новгородской и изъ Поднѣпровья, приводятъ къ тому результату, что рѣдкое сравнительно финское населеніе затопляется славянами: даже древній терминъ для обозначенія этихъ мѣстъ „Весь" и „Меря" исчезаетъ изъ лѣтописи—съ начала XI столѣтія его замѣняетъ „земля Ростовская", а съ половины этого вѣка область именуется „Ростовско-Суздальской землей", по именамъ самыхъ значительныхъ славянскихъ городовъ. На югѣ точно также Рязань и Муромъ даютъ свое имя этой части Междурѣчья.

Природа и экономическія средства Междурѣчья.

Не легко было изъ Поднѣпровья проникнуть въ Междурѣчье. Былина помнитъ, что эта область отдѣлена отъ Кіева „грязью топучею, корбою зыбучею". Какъ на подвигъ, указывалъ Мономахъ на свой переходъ „сквозе вятиче". Его сынъ, Юрій Долгорукій, съ 1149—55 г.г. нѣсколько разъ ходилъ изъ Суздальщины на Кіевъ. Изъ-за бѣглыхъ замѣтокъ лѣтописца объ этихъ походахъ рисуются непроѣздныя топи и болота, многоводныя рѣки, а зимою — глубокіе снѣга. Лошади портили ноги, падали, тонули: „похромата кони", „вода по чрево коневи", „моръ въ конихъ и во всѣхъ воихъ",—вотъ при какихъ условіяхъ совершались эти переходы. Въ дремучихъ лѣсахъ еще въ XII столѣтьи могли не встрѣтиться идущіе навстрѣчу другъ другу

полки: это случилось въ 1176 году, когда князь Михалко Юрьевичъ (сынъ Долгорукаго) спѣшилъ изъ Москвы во Владиміръ, а племянникъ его, Ярополкъ Ростиславичъ, хотѣлъ на него напасть изъ Владиміра. Соперники „Божьимъ промысломъ минустася въ лѣсѣхъ".

Покрытый вѣковымъ лѣсомъ, край однако обманывалъ надежды поселенца на обиліе дичи и особенно цѣннаго звѣря. Когда-то весь и меря занимались здѣсь звѣроловствомъ; но 400 лѣтній вывозъ мѣховъ на востокъ (VII - X в. в.), а затѣмъ княжеская дань, значительно истощили зоологическія средства Междурѣчья. Не удивительно, что въ мерянскихъ курганахъ VIII - IX вѣковъ уже попадаются сошники и серпы; обитатели верхней Оки, вятичи, въ половинѣ X столѣтія платили дань „отъ рала". То и другое указываетъ на существованіе здѣсь земледѣлія и, слѣдовательно, на недостаточность еще въ эту раннюю эпоху звѣроловства и рыболовства, какъ источниковъ существованія. Поэтому-то самыя раннія русскія извѣстья о богатствахъ Междурѣчья никогда не выдвигаютъ на первый планъ звѣря, да еще пушнаго. Это мѣсто прочно занимаетъ хлѣбъ, не безъ труда выдѣлываемый на свѣжихъ росчистяхъ суглинка. Извѣстія о голодахъ Суздальской земли (1024—1071 г. г.), во время которыхъ волхвы избивали женщинъ, перечисляютъ средства существованія въ XII столѣтіи: у убитыхъ женщинъ волхвы искали хлѣба, меду, рыбы и, наконецъ, скоры [1]). Вѣроятно, послѣдняя шла теперь главнымъ образомъ на княжескую дань, которую какъ разъ въ это время собиралъ здѣсь Янъ Вышатинъ.

Двигавшіеся изъ Новгорода и особенно изъ Поднѣпровья переселенцы должны были поэтому на небогатой сравнительно почвѣ, среди лѣсовъ, немедленно приниматься за земледѣліе. Первымъ подвигомъ Му-

[1]) **Мѣхъ, шкура.**

ромскаго богатыря на своей родинѣ была работа крестьянская: онъ чиститъ пожню-займище, вырубаетъ дубье-колодье.

Медленно чистилось это „великое займище“, осаживалось безымянное „множество людіе“, рубило, жгло, корчевало лѣса, „никому же возбраняющу“,—такъ рисуетъ колонизацію еще въ половинѣ XIV столѣтія Епифаній Премудрый [1]). Отсюда и пошли характерныя названія мѣстныхъ поселковъ, вродѣ—Дерки, Выгарь, Опалево, Палы, Пенье, Раменье и т. п.

Работа не остается безрезультатной: на глазахъ изслѣдователя рѣдѣютъ, распахиваются и заселяются лѣса; къ началу XVI вѣка только огромные пни оставались памятникомъ ихъ недавняго господства въ Московской области. Звѣрь, кромѣ самыхъ малоцѣнныхъ породъ, исчезаетъ изъ центральныхъ областей; вслѣдъ за звѣремъ отходятъ къ окраинамъ Междурѣчья и бортныя ухожаи: въ центрѣ ихъ замѣняютъ мало-по-малу ульями. Пашни и луга, разгороженные между собою, окружаютъ въ XV вѣкѣ посады и села.

Распаденіе Междурѣчья на отдѣльныя княжества и результатъ этого процесса.

Въ намѣченномъ процессѣ вымиранія старыхъ промысловъ Междурѣчья и въ увеличивающемся значеніи здѣсь земледѣлія слѣдуетъ искать главнымъ образомъ объясненія какъ, распаденію „многолюдной“ къ концу XII вѣка Ростовско-Суздальской земли на цѣлый рядъ княжествъ, такъ и послѣдующему возникновенію на ихъ развалинахъ Московскаго государства.

По мѣрѣ роста земледѣлія замирала процвѣтавшая когда-то торговля съ востокомъ и западомъ: сбывать туда было нечего. Прикамскіе балгары уже давно были народомъ земледѣльческимъ и неоднократно выручали Суздальскую землю, спасая ее отъ голода своимъ хлѣбомъ; нѣмцы у Балтійскаго моря сами иногда дѣлились хлѣбомъ съ новогородцами, продавая

---

[1]) Житіе Сергія Родонежскаго около 1340 г.; написано прибл. въ 1417—18 г.

его по дешевымъ цѣнамъ,—имъ нужно были цѣнные мѣха, медъ, воскъ, серебро, т. е. все то, чего не могло отпустить Междурѣчье (кромѣ южной окрайны); наконецъ, берега Чернаго моря были слишкомъ далеки и малодоступны, да и не нуждались въ хлѣбѣ. Благодаря этому земледѣльческая сторона оказалась надолго лишенной сбыта для своего главного продукта. Естественно, что Ростовско-Суздальская земля долго не можетъ найти своего экономическаго центра: потокъ народной колонизаціи подымаетъ то одинъ, то другой уголъ ея, соотношеніе силъ постоянно мѣняется, и земля неудержимо разламывается на все растущее количество борющихся, враждебныхъ другъ другу частей. Это области Ростова, Суздаля, Владиміра, Рязани съ Муромомъ, затѣмъ Твери, Москвы и такъ далѣе. Дробленіе не могло остановиться на раздѣленіи по областямъ городовъ. Хозяйственныя условія влекли его дальше, а условія землевладѣнія представляли готовыя рамки для этого процесса феодализаціи. Принадлежавшая рюриковичамъ Ростовско-Суздальская земля разбивалась на цѣлый рядъ крупныхъ боярщинъ, къ которымъ можно отнести и монастырскія владѣнія, и на черныя мірки „сябровъ“, сидѣвшихъ на княжской землѣ. Тѣ и другіе были разбросаны по рѣчками, на обработаныхъ полосахъ земли, на далекомъ разстояніи другъ отъ друга. Тѣ и другіе были лишены экономическаго центра, жили натуральнымъ хозяйствомъ почти ничего не продавая и не покупая. Естественно, что эти замкнутые, разобщенные мірки были готовымъ прообразомъ удѣльнаго княжества, особенно боярщина, образовавшаяся здѣсь вѣроятно очень рано, какъ въ Новгородѣ и Подвиньѣ. Боярщина охватывала иногда значительныя пространства земли. Такъ, бояринъ Кучко, по преданью, владѣлъ селами по р. Москвѣ; бояринъ Родіонъ Нестеровичъ получилъ отъ Калиты всѣ села по рѣкѣ Восходнѣ „на 15 верстъ“. Укрѣпленный боярскій дворъ былъ полонъ зависимыхъ отъ своего „государя“

людей,—у Родіона Нестеровича послѣднихъ было 1700 человѣкъ. Былина не добромъ запомнила такой дворъ „на семи верстахъ“, окруженный тыномъ; недружелюбно говоритъ о боярскомъ дворѣ и популярное Слово Даніила Заточника (XII в.) [1]). Бояринъ самъ судилъ людей своей боярщины и собиралъ съ нея налоги. — „Жалованныя грамоты“ князей иногда подтверждаютъ этотъ обычай и воспрещаютъ княжескимъ судьямъ и сборщикамъ вступать на территорію такого владѣльца (свѣтскаго или духовнаго). Бояринъ, наконецъ, самъ выбиралъ, какому князю онъ будетъ служить вмѣстѣ со своей землей: „а бояромъ и слугамъ вольнымъ воля“—подтверждаютъ это право междукняжскіе договоры.

Наконецъ и сами князья условіями времени увлекались въ сторону дробленія своихъ владѣній. Князь не могъ быть здѣсь сильнымъ и богатымъ данью и продажей ея, какъ были сильны князья кіевскіе и, позже, новгородскіе: ходкаго товара—пушнины здѣсь не существовало. Князь обращался волей неволей въ хозяина землевладѣльца, которому нужно относительно немного земли и много рабочихъ рукъ. Мимо плылъ колонизаціонный потокъ. Уже Долгорукій осаживалъ его на свои земли; Андрей Юрьевичъ хвалился, что онъ „всю Русь Бѣлую городами и селами великими населилъ и многолюдной учинилъ“. Тотъ же характеръ княжеской дѣятельности мы наблюдаемъ и позже. Такъ, однимъ изъ важнѣйшихъ стимуловъ кажущейся удѣльной безурядицы, ея мелкихъ войнъ, все время является желаніе захватить какъ можно больше людей. Плѣнные обращались въ холопство, мирные жители закрѣплялись за побѣдителемъ и его приближенными присягой, поруками, заемными грамотами, влекущему холопство, и т. п. Но обращаясь къ такой хозяйственной дѣятельности, князь наталкивался на

[1]) См. т. 1. стр. 304.

извѣстный уже намъ фактъ; какъ ни великъ былъ княжескій дворъ, сколько бы слугъ онъ не кормилъ своимъ хлѣбомъ, потребности этого двора было легко удовлетворить. А дальше у князя изчезалъ стимулъ погони за обширностью владѣній,—онъ терялъ вкусъ къ завоеваніямъ, мирно сидѣлъ въ своемъ удѣлѣ и быстро „дичалъ.“ Между тѣмъ, за неимѣненіемъ другого, ему приходилось награждать своихъ вольныхъ слугъ землей, давать имъ города и волости, дарить „селы и слободы“ церквамъ и монастырямъ; эксплоатировать свою вотчину при натуральномъ хозяйствѣ князь могъ только путемъ мелкихъ арендныхъ хозяйствъ. Все разрушало единство его княжества. Раздѣлы наслѣдства между братьями, находя благопріятную почву, проводятъ границы все новыхъ и новыхъ удѣловъ.

Совокупность названныхъ условій даетъ центробѣжнымъ силамъ огромное развитіе и не ставитъ имъ почти никакихъ препятствій. Со смертью сыновей Долгорукаго угасаютъ въ Ростовско-Суздальской землѣ традиціи широкой власти, и она быстро распыляется на цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ княжествъ. Такъ, отъ Владиміра обособляется княжество Ростовское, Переяславское, затѣмъ Суздальское. Суздальское выдѣляетъ изъ себя удѣлы Городецкій, Нижегородскій; Московскій обособляется впервые въ 1214 г. Отъ Переяславскаго отходитъ княжество Тверское, въ Ростовскомъ подымаются и дѣлаются независимыми Угличъ и Ярославль и др. Въ XIV-XV в.в. процессъ дробленія переступаетъ границы Междурѣчья: Ростовскіе и Ярославскіе князья образуютъ цѣлыя колоніи княжествъ, расположенныхъ по мелкимъ рѣчкамъ, не всегда охватывавшихъ даже ихъ бассейны. Волость изъ нѣсколькихъ деревень съ селомъ въ центрѣ нерѣдко составляла все такое княжество. Дворъ князя въ этомъ случаѣ ничѣмъ не разнился отъ боярскаго двора. Житіе преп. Іосифа Каменскаго рисуетъ, напр., резиденцію мелкаго удѣльнаго князя (Бѣлозерской линіи Яро-

славскихъ князей XIV-XV в.в.) такими чертами: на рѣкѣ Кубенѣ стоитъ княжескій дворъ, рядомъ съ нимъ церковь во имя патрона владѣльца усадьбы, далѣе „весь“ Чиркова—это приходъ храма и подданные князя, вотъ и все. На югѣ Междурѣчья происходилъ тотъ же процессъ раздробленія, впрочемъ сдерживаемый природными условіями края. Въ Рязанской землѣ уже съ 1131 года появляются „князи Рязанстіи, Пронстіи и Муромстіи“, дробящіе землю между своими наслѣдниками. Но въ какомъ бы мѣстѣ мы ни вошли въ княжескую усадьбу, мы не нашли бы въ ней прежняго дружинника, оборону земли, ходящаго „легко, какъ барсъ“. Вниманіе князя теперь обращено на землю и на ближайшихъ сосѣдей. Онъ едва ли нашелъ бы путь къ Царю-граду или къ столицѣ Хозаріи, да онъ и равнодушенъ къ „звону въ прадѣдьнюю славу“. Дворня замѣнила ему дружину, холопы ролейные и оброкъ съ арендаторовъ-крестьянъ—доходы съ полюдья и торговли Онъ примышляетъ сосѣдскія земли, скупаетъ, наслѣдуетъ, беретъ за женой и заботливо дѣлитъ ихъ между наслѣдниками, вмѣстѣ со всякой посудой, своими кожуками, портами, ожерельями и коробочками.

Княжеская власть опускается ниже и ниже къ землѣ и дробится вмѣстѣ съ нею; черпая изъ нея свои силы, она неразрывно сливалась съ властью вотчинника, чтобы съ этой новой силой и окраской подняться затѣмъ неизмѣримо высоко.

II.

Основаніе Москвы.

Изъ Поднѣпровья отъ Смоленска и изъ Новгорода удобнѣе всего проѣхать на востокъ къ Булгарамъ не по Волгѣ или по Окѣ, а черезъ центръ Междурѣчья: по верхнему Днѣпру до селенія Волочекъ или вверхъ по Волгѣ, затѣмъ волокомъ въ Москву, изъ которой, при поворотѣ ея къ югу, нужно переволочится въ Клязьму: къ послѣдней очень близко подходитъ притокъ Москвы, Яуза. Этимъ путемъ шелъ въ 1155 году Андрей Боголюбскій, уходя изъ Вышгорода. Изъ Новгорода въ

Пріокскій бассейнъ, въ богатую Рязанскую область и далѣе къ Дону, можно было проѣхать опять таки только по рѣкѣ Москвѣ. Наконецъ, изъ Кіевской и Черниговской области черезъ Москву шла дорога на Переяславль-Залѣсскій (какъ показываетъ названіе, основанъ выходцами изъ Переяславской земли) и на Ростовъ.

Всѣ три названныя большія дороги скрещивались у современной Москвы, недалеко отъ которой находились и волоки въ Клязьму. Узелъ торговыхъ путей издавна былъ обитаемъ: раскопки даютъ намъ предметы IX-X вѣковъ и указываютъ на участіе жителей этой мѣстности въ арабской торговлѣ. Народное преданье рисуетъ на мѣстѣ Москвы „села красныя, хорошія боярина Кучки". Въ лѣтописи Москва упоминается впервые подъ 1147-мъ годомъ, когда князь Юрій Владимировичъ Долгорукій послалъ отцу героя „Слова о полку Игоревѣ", сѣверскому князю Святославу Ольговичу, приглашеніе на пиръ: „Буди, брате, ко мнѣ на Москву!" Юрій возвращался изъ набѣга на новгородскія владѣнія, изъ захваченнаго имъ Новаго Торга, и звалъ союзника, очевидно, въ первый же пограничный Суздальскій станъ. Здѣсь сѣверскому князю съ дружиной былъ устроенъ „обѣдъ силенъ", что указываетъ на обиліе запасовъ этой, вѣроятно, вотчины суздальскаго боярина.

Съ 1155 года Юрій находился въ Кіевѣ. Старшій сынъ его, Андрей, въ этомъ же году бѣжалъ изъ Вышгорода и вернулся во Владиміръ на Клязьму. Въ Вышгородъ за нимъ приходили бояре Кучковичи, имя которыхъ связано преданіемъ и лѣтописью съ Москвой. Кучковичи сманили князя Андрея бѣжать, „безъ отча повелѣнія, лѣстію подьяша". Мы не знаемъ, чѣмъ отвѣчалъ Юрій, чезъ 2 года скончавшійся (въ 1157 году), на бѣгство сына, но въ Кучковѣ, на рѣкѣ Москвѣ, въ слѣдующемъ послѣ бѣгства 1156 году появляется княжескій городъ. Объ этомъ сообщаетъ Тверская лѣтопись въ такихъ словахъ: „Князь великій Юрій Володимеричь заложи градъ Москву на устниже (на устьѣ ниже)

Неглинны, выше рѣки Аузы". Одна редакція сказаній о началѣ Москвы, дорисовываетъ картину появленія здѣсь крѣпости. Согласно ей, князь Юрій Владиміровичъ въ 1156 году (въ сказаніи анахронистически 1158 г.), шелъ изъ Кіева во Владиміръ къ Андрею и дошелъ до того мѣста, гдѣ теперь Москва. „Стояли тутъ села, а владѣлъ ими нѣкій зѣло богатый бояринъ, имя ему Кучко Степановъ. Тотъ Кучко встрѣтилъ великаго князя зело гордо и недружелюбно... и поносивъ ему. Не стерпя той хулы, великій князь повелѣлъ того боярина ухватить и смерти предать". Затѣмъ князь „возлюби села оные и повелѣлъ вскорѣ сдѣлати градъ малъ древянъ по лѣвую сторону рѣки на берегу и прозва его... Москва градъ". Объ этомъ событіи, разукрашенномъ затѣмъ романтическими подробностями, когда-то пѣлись въ народѣ былины, разложившіеся остатки которыхъ и дошли до насъ въ видѣ сказаній.

Городокъ былъ срубленъ Юрьемъ недалеко отъ селеній, на покрытомъ боромъ Кремлевскомъ холмѣ. Памятникомъ этихъ временъ до сихъ поръ остаются названія въ Кремлѣ: „Боровицкія ворота", „Спасъ на бору" и т. п. Кремлевскій холмъ тогда вдавался обрывомъ въ 15-20 саженей высоты къ мѣсту впаденія р. Неглинной въ Москву. На этой возвышенности, „устниже Неглинны", и былъ расположенъ новый городокъ, двѣ стороны котораго были обращены къ рѣкамъ. Онъ былъ невеликъ, по вычисленіямъ Забѣлина, нѣсколько больше 100 саж., и весь умѣщался между современными Боровицкими воротами Кремля и Новымъ Дворцомъ. Въ центрѣ городка стояла деревянная „первая церковь на бору, въ томъ лѣсу и рублена" въ честь Рождества Іоанна Предтечи, о которой сообщаетъ намъ лѣтопись подъ 1461 годомъ [1]).

---

[1]) Въ 1847 году, при постройкѣ въ Кремлѣ Новаго Дворца, уже осыпавшійся мысъ, гдѣ стоялъ древній городокъ, былъ срытъ окончательно (мѣсто у Боровицкихъ воротъ); церковь Рождества Іоанна

Новый городокъ возникъ какъ разъ на границѣ Суздальской земли, поэтому, особенно послѣ убійства Андрея Боголюбскаго, его „милостивниками“—боярами Кучковичами (1174 г.), лѣтописи часто приходится упоминать „Куцково, рекши Москву“ и ея „Москъвлянъ“. Въ Москвѣ суздальцы встрѣчали князей, когда они ѣхали къ нимъ изъ Руси, т. е. изъ Поднѣпровья, до Москвы Черниговскій княжичъ Олегъ провожалъ суздальскихъ княгинь (женъ Михалка и Всеволода III Юрьевичей) въ Москву собираются Суздальскіе князья передъ походомъ за предѣлы своихъ земель; Москвѣ первой приходится подвергаться ударамъ вторгавшихся въ Суздальщину враговъ. Такъ, Глѣбъ Рязанскій въ 1177 году „пріѣха на Московь и пожже городъ весь и села“. Къ Москвѣ же впередъ всего попалъ въ 1238 году Батый, шедшій изъ Рязанской земли, отъ разоренной имъ Коломны; тогда въ огнѣ погибли городъ, церкви, монастыри и села, а побѣдители захватили „много имѣнія“, извѣстіе, указывающее на ростъ Москвы и благосостояніе ея жителей.

Выдѣленіе Москвы изъ велик. княж. Владим.-Суздальскаго.

Со времени своего основанія Москва считалась пригородомъ великокняжескаго Владиміра. Впервые она на время отдѣляется отъ него въ 1214 году, когда четвертый сынъ Всеволода III, Владиміръ, перебрался изъ Юрьева въ Москву. Обычно же она управлялась, вѣроятно, намѣстниками и тіунами великаго князя. При взятіи Москвы татарами въ ней погибъ воевода Филиппъ Нянька.

Въ Суздальщинѣ отъ татарскаго погрома уцѣлѣло всего около 15 человѣкъ князей, главнымъ образомъ молодежи даже дѣтей: взрослыхъ осталось только 3 сына Всеволода III. Когда въ 1246 году въ Каракорумѣ

Предтечи, стоявшая на мѣстѣ древней, была разобрана и перенесена въ Боровицкую башню, такъ какъ она закрывала видъ на новое зданіе. Тогда же у ю. з. угла церкви Спаса на Бору были найдены остатки рва и вала древняго города, такъ расположеннаго, что церковь Спасъ на Бору находилась внѣ укрѣпленій.

былъ отравленъ одинъ изъ нихъ—первый „собиратель“ разоренной татарами русской земли, Ярославъ Всеволодовичъ, то Суздальскіе князья съѣхались во Владиміръ и признали старшинство послѣдняго сына „Большого Гнѣзда“—Святослава Всеволодовича. Онъ и распредѣлилъ своимъ племянникамъ Ярославичамъ удѣлы изъ отцовской земли. Раздѣлъ этотъ интересенъ по тому значенію, какое придавалось въ половинѣ XIII вѣка Москвѣ,—она не только центръ особаго удѣла, но оцѣнивается выше Твери и Костромы. По раздѣлу Александръ (Невскій) сѣлъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, его братъ, Андрей, занялъ Суздаль съ Городцомъ и Нижнимъ, Константинъ—Галичъ, Михаилъ Хоробритъ получилъ Москву, наконецъ Ярославу досталась Тверь, а Василью Кострома. Ростовъ тогда уже не входилъ въ великое княжество Владиміро-Суздальское.

Пока старшіе, Александръ и Андрей, 2 года находились у татаръ, Михаилъ Хоробритъ Московскій выгналъ изъ Владиміра дядю Святослава и самъ занялъ его мѣсто. Очевидно, въ Москвѣ уже тогда чувствовали тяготѣніе къ Клязьмѣ, и этотъ удѣлъ въ половинѣ XIII столѣтія, черезъ 10 только лѣтъ послѣ татарскаго погрома, могъ предоставить своему князю какія-то средства для подобныхъ предпріятій. Хоробритъ рано погибъ въ борьбѣ съ литовцами (1248 г.). На великомъ княженіи смѣнялись его братья (Андрей Суздальскій 1248-53; Александръ Невскій 1853-63: Ярославъ Тверской 1263-71; Василій Костромской 1271-1276). Стольный Владиміръ видимо теряетъ свою важность: старшій Александръ Невскій беретъ себѣ не великое княженіе, которое сначала достается Андрею, а Новгородъ и „Русь“, т. е. Поднѣпровье. Затѣмъ онъ дѣлается княземъ и во Владимірѣ, но рѣдко живетъ въ немъ, а Ярославъ и Василій, получивши великое княженіе и Владиміръ, остаются въ своихъ Твери и Костромѣ. Москва послѣ Хоробрита переходила изъ рукъ въ руки. Сначала, вѣроятно, къ Андрею, который отобралъ у

Александра даже его отчину—Переяславль-Залѣсскій, затѣмъ она принадлежала великимъ князьямъ Александру и Ярославу Тверскому. Возможно, что послѣдній былъ только опекуномъ малолѣтняго племянника, княжича Даніила Александровича, которому Москва вѣроятно была предназначена отцомъ, когда ребенку было всего 2 года.

Смерть дяди освободила 10 лѣтняго Даніила отъ опеки, а Москву отъ тверскихъ тіуновъ. Это было въ 1271 году. Съ тѣхъ поръ Москва составляетъ особое княжество, въ которомъ утверждается младшая линія Александра Невскаго.

Причины усиленія Москвы.

Во второй половинѣ XIII столѣтія, Москва уже далеко не была небольшой крѣпостцой у устья Неглинны: городъ увеличился, въ немъ нѣсколько церквей и монастырей, онъ—центръ удѣльнаго княжества, правда небольшого. Послѣ Батыя Москва оправилась быстрѣе захирѣвшаго Владиміра, а это самый вѣрный показатель энергичной экономической дѣятельности.

а) Колонизація.

Оживленію способствовала усилившаяся послѣ нашествія татаръ на Южную Русь колонизаціонная волна: какъ пограничный пунктъ Москва была первымъ этапомъ, первымъ мѣстомъ, куда попадали бѣглецы Поднѣпровья. Здѣсь они и осаживались, такъ какъ въ Москвѣ было достаточно дѣла и хлѣба для искавшихъ того и другого. Зародившись среди удѣльнаго раздробленія, Московское княжество во второй половинѣ XIII столѣтія уже чувствовало приливъ новыхъ силъ и средствъ. Новгородъ усиливалъ торговыя сношенія съ Готландомъ и вендскими городами, онъ стягивалъ пушнину, медъ воскъ, ленъ, коноплю и т. п. товары; его выросшее населеніе требовало все больше и больше хлѣба изъ низовыхъ областей.

б) Москва—посредникъ Новгородской торговли.

Нужныя для вывоза произведенія добывающей промышленности Новгородъ доставалъ въ Пріокскомъ и близко съ нимъ связанномъ Донскомъ бассейнахъ, а также въ огромныхъ, рѣдко населенныхъ финскими племенами, про-

странствахъ сѣверо-восточной Россіи. Рязанская украйна не дѣлила участи всего Междурѣчья: въ памятникахъ она постоянно выступаетъ, какъ область, въ которой „звѣрей множество: козы, лоси, волки, лисицы, выдры, медвѣди, бобры", хотя и въ ней мы не видимъ соболя и куницы. Сюда любили наѣзжать „сокольницы цареви", т. е. ханская охота. Во время Герберштейна (1517-1522) г. къ Москвѣ приходилось привозить даже зайцевъ, тогда какъ Рязань изобиловала медомъ, воскомъ, птицей и дикими звѣрями. Хлѣбопашество на ея черноземной почвѣ давала удивительные результаты: черезъ густыя нивы ея не могли проѣхать лошади; по московскимъ слухамъ на Рязани изъ одного зерна выходило нѣсколько стеблей съ колосьями. Черезъ Новгородъ и Псковъ въ XIII-XIV вѣкахъ Русь снабжали мѣхами, медомъ, воскомъ, льномъ почти всю Европу. Между тѣмъ, богатства Рязани шли на Новгородъ черезъ Москву, которая, такимъ образомъ, является здѣсь непремѣннымъ посредникомъ торга.

Особенно цѣнные мѣха получали новгородцы изъ восточной части своихъ необъятныхъ владѣній, гдѣ послѣ разгрома Батыемъ Великихъ Булгаръ, на нѣкоторое время у нихъ не было конкурентовъ въ эксплотаціи финскихъ племенъ. Но удобнѣйшей путь отъ древнихъ Булгаръ а затѣмъ Казани къ Новгороду лежалъ черезъ Москву: Наконецъ, сѣверъ, какъ и самъ Новгородъ, нуждался въ хлѣбѣ и естественно тянулъ къ Волжскому бассейну, съ которымъ его соединяли прекрасные водные пути. Такъ Подвинье, богатое новгородское „Заволочье", получало изъ Междурѣчья хлѣбъ за который должно было отдавать соль и мѣха. Связи были настолько прочны, что великіе князья сами посылали промышленныя ватаги на Бѣлое море. Терскій берегъ дѣлается ихъ достояніемъ: „Какъ пошло при моемъ отцѣ и при моемъ братѣ не ходити на Терскую сторону новгородцемъ, и ныне не ходятъ" читаемъ мы въ грамотѣ

Андрея Александровича (сынъ Невскаго)[1]). Естественно, что Двина тяготѣла къ волжско-окскому бассейну и его центрамъ, а въ 1397 году временно даже присоединилась къ Москвѣ. По уставной грамотѣ, выданной ей тогда Васильемъ Дмитріевичемъ, видно, что двиняне торгуютъ въ Устюгѣ, Вологдѣ, Костромѣ, принадлежавшей Владимірскому княжеству, и по всему великому княженію.

в) Москва—торговый центръ.

Но это еще не все: Новгородъ, обогащаясь и разростаясь, не только не могъ отпускать на сѣверъ своего хлѣба, но самъ постоянно нуждался въ привозномъ. Образовался постоянный широкій сбытъ для главнаго продукта Междурѣчья, въ которомъ надолго устанавливается прочная циркуляція народныхъ богатствъ. Волжско-Окскій бассейнъ дѣлался посредникомъ запада и востока; на западъ онъ слалъ продукты добывающей промышленности, а себѣ требовалъ и передавалъ дальше произведенія промышленности обрабатывающей. Главнымъ узломъ этого обмѣна вскорѣ оказалась Москва, лежащая, какъ мы знаемъ, на скрещеніи трехъ торговыхъ дорогъ. Ея значеніе, какъ пункта торговли хлѣбомъ, показываетъ слѣдующая табличка цѣнъ на хлѣбъ въ 1393 году во время неурожая и голода по всей землѣ русской. Въ Великомъ Новгородѣ тогда оковъ ржи стоилъ 7 руб., въ Нижнемъ 9 руб., въ Костромѣ (вывозъ на сѣверъ) за оковъ платили только 2 руб., а въ Москвѣ 1 рубль. Хлѣбъ, мясо и др. припасы на Московскомъ рынкѣ еще въ XV-XVI вѣкахъ постоянно поражали заѣзжихъ иностранцевъ относительной дешевизною.

Поэтому-то въ Москву стекаются „хлѣбные“ и „низовые“ купцы Великаго Новгорода, въ лѣтописяхъ котораго попадаются иногда такія подробности о Москвѣ, какихъ нѣтъ въ ея собственныхъ извѣстьяхъ. Съ половины XIV столѣтія въ Москвѣ появляются гости-сурожцы (первое извѣстіе подъ 1356 годомъ), пріѣзжающіе по

[1]) Терскій берегъ—южно побережье Кольскаго полуострова.

Дону изъ Сурожа (Судакъ) и богатой генуэзской Кафы (Θеодосія); ордынскіе гости еще раньше проникаютъ даже въ Тверь; самъ ханъ одно время былъ озабоченъ процвѣтаніемъ новгородской торговли: въ ярлыкѣ онъ требовалъ отъ Ярослава Ярославича свободнаго доступа въ Новгородъ для нѣмецкихъ гостей. (ок. 1270 г.). По Волгѣ на судахъ и караванами Москва сообщалась съ Каспійскимъ моремъ, а черезъ него съ рынками далекаго востока. Въ XIV столѣтіи черезъ Донъ и Азовское море изъ Москвы ѣздили въ Константинополь.

Политическія послѣдствія новыхъ экономическихъ условій.

Такимъ образомъ объясняется очевидное усиленіе Москвы уже къ концу XIII и началу XIV столѣтій. Новыя условія экономическаго существованія скоро должны были пріостановить процессъ дробленія земли, а въ болѣе прогрессивныхъ частяхъ должно было начаться движеніе обратное: собираніе земли вокругъ экономическихъ центровъ, каковое мы дѣйствительно видимъ у Новгорода, Твери и Москвы. Здѣсь уже былъ смыслъ объединенія, было нужно широкое хозяйство; захваты и прикупы дѣлались выгодными и необходимыми, да для нихъ были и средства, приносившіяся торговымъ обмѣномъ.

III.

Новгородъ и великое княженіе Владимірское.

Въ XIII в. Новгородская республика сама выбирала своихъ князей. Она держала ихъ въ тѣсныхъ рамкахъ договорныхъ грамотъ, въ случаѣ нарушенія которыхъ „указывала путь“, т. е. изгоняла князей. Подъ контролемъ новгородцевъ князь руководилъ администраціей, судилъ, воевалъ въ интересахъ Новгорода. Кромѣ того, что особенно важно, онъ обязывался пускать новгородскихъ купцовъ въ свои владѣнья „гостить безъ рубежа“, т. е. торговать повольно, какъ во владѣніяхъ „Великаго Новгорода“.

За все это князь получалъ опредѣленные доходы, непремѣнно черезъ новгородскія руки, и пользовался

Государственная Публичная Библиотека Ярославская

извѣстными угодьями, не имѣя права пріобрѣтать въ собственность селъ, слободъ и людей. Онъ могъ даже торговать съ заморскими купцами, но не лично, а опять таки черезъ новгородцевъ. Для Новгорода договорная грамота являлась, съ одной стороны, приглашеніемъ за вознагражденіе должностного лица, а съ другой— одностороннимъ торговымъ договоромъ съ той землей, княземъ которой это лицо являлось. Послѣднее обстоятельство имѣло замѣтное вліяніе на выборъ новгородцевъ, постоянно призывающихъ къ себѣ князей такихъ земель, которыя съ Новгородомъ находятся въ экономической связи. Мы знаемъ уже направленіе новгородскихъ путей и зависимость Новгорода отъ Междурѣчья. Въ центрѣ послѣдняго, въ тѣсной связи съ Подвиньемъ, на удобнѣйшей дорогѣ на востокъ, на Клязьмѣ, расположено княжество Владимірское,—великаго князя Владимірскаго новгородцы и желаютъ постоянно видѣть своимъ княземъ. Устанавливается даже традиція, что Владимірскій князь обязательно правитъ Новгородомъ, или самъ (для этого онъ по договору долженъ пріѣхать въ Новгородъ лично) или черезъ своихъ намѣстниковъ, что для обѣихъ сторонъ было удобнѣе. Но дѣлая своимъ княземъ именно великаго князя Владимірскаго, Великій Новгородъ только поддерживалъ фикцію подчиненія когда-то сильнѣйшему князю. На самомъ дѣлѣ, съ половины XIII и до второй четверти XIV столѣтій, скорѣе Новгородъ давалъ своему князю великое Владимірское княженіе, нежели самъ шелъ въ придачу къ нему: недаромъ въ сознаніи людей конца XV и нач. XVI вѣковъ главнымъ городомъ русскаго государства (тогда уже возникшаго), столицей его, до Москвы былъ Новгородъ [1]). Тѣсная зависимость отъ Новгорода не позволяла какой-либо княжеской линіи укрѣпиться во Владимірѣ и

[1]) Дмитрій Герасимовъ устами Павла Іовія (Семеновъ „Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи“ стр. 36).

сдѣлать изъ него свою „отчину“, какъ позже сдѣлала это Москва. Великокняжескій столъ перебрасывался изъ рукъ въ руки, по мѣрѣ нужды Новгородской политики, и особенно охотнопередавался или Тверскому или Московскому князю. Кромѣ Клязьмы, именно эти земли новгородскимъ гостямъ нужно было держать „безъ рубежа“ для свободной торговли въ Междурѣчьи и съ восточными странами.

Соединеніе Волхова съ Клязьмой (черезъ верхнюю Волгу или черезъ р. Москву) дѣлало Владимірскій столъ особенно привлекательнымъ для небогатыхъ князей Междурѣчья. Оно породило ожесточённую борьбу „за великое княженіе“ и не за какое-либо другое, а именно Владимірское, за сравнительно небольшую область города на Клязьмѣ, куда князьямъ даже переѣзжать не хотѣлось, когда городъ попадалъ въ ихъ руки [1]). Борьба эта непрерывно возобновлялась, потому что Новгородъ непрерывно ссорился со своими князьями и приглашалъ новыхъ, давая имъ средства для борьбы и подкуповъ въ Ордѣ, а ссорился онъ потому, что ни одинъ князь не мирился съ тѣсными рамками новгородской конституціи.

Участіе Московскихъ князей въ борьбѣ за великое княженіе и первые захваты.

Московское княжество росло въ атмосферѣ этой борьбы за великокняжескій столъ. Уже Даніилъ принималъ въ ней участіе противъ своего брата Димитрія, когда новгородцы по обыкновенію разошлись съ нимъ, великимъ княземъ Владимірскимъ и своимъ. Городецкій князь Андрей Александровичъ тогда откуда-то добылъ крупныя средства, при помощи которыхъ въ Ордѣ „всѣхъ наполнилъ богатствомъ“ [2]). Разумѣется, ханъ далъ ему ярлыкъ на великое княженіе. Димитрій бросился было отъ брата въ Копорье къ новгородцамъ,

---

[1]) Въ XIV вѣкѣ великихъ княженій было 5: Владимірское, Тверское, Ярославское, Рязанское и Московское.

[2]) Забѣлинъ высказалъ предположеніе объ участіи въ этой исторіи новгородцевъ.

но тѣ встрѣтили его „лукавствующе“, какъ выразилась лѣтопись, и наконецъ заявили, припугнувъ кстати татарами: „Княже! не хощемъ тебя,—иди отъ насъ добромъ!“ Въ залогъ очищенья Копорья, новгородцы задержали жену и имущество несчастнаго князя, а съ Андреемъ обмѣнялись цѣлымъ рядомъ любезностей, разумѣется не изъ боязни Городецкаго князя. Потомъ Даніилъ Александровичъ боролся и съ Андреемъ, войдя въ союзъ съ Тверскимъ княземъ, Михаиломъ Ярославичемъ, и своимъ племянникомъ, Иваномъ Дмитріевичемъ Переяславскимъ. Послѣдній, умирая, завѣщалъ Переяславль Московскому князю (1302 г.), а годомъ раньше (1301 г.) Даніилъ отнялъ у Рязанскихъ князей Коломну. Послѣдняя стоитъ какъ разъ на концѣ дороги въ Рязанскую землю, при впаденіи рѣки Москвы въ Оку. Пріобрѣтеніе ея, равно какъ и Переяславля, было естественнымъ и прочнымъ расширеніемъ Московскаго удѣла по торговымъ путямъ; слѣдующій шагъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ Юрій Даниловичъ, захвативши у смольнянъ Можайскъ, лежащій у верховій Москвы. Послѣ этого Московскій удѣлъ, сосѣдъ Новгорода, вытянувшійся по Москвѣ рѣкѣ, дѣлается замѣтной величиной и скоро втягивается Новгородомъ въ борьбу за великое княженіе. Новгородцамъ приходилось выбирать между Москвой и Тверью. Сначала великое княженіе достается Тверскому князю.

Юрій Даниловичъ и Михаилъ Тверской.

На другой годъ послѣ смерти Даніила Александровича скончался великій князь Андрей Городецкій (1304 г.). По старшинству великимъ княземъ долженъ былъ сдѣлаться Михаилъ Ярославичъ Тверской, приходившійся Юрью Московскому двоюроднымъ дядей. Однако о родовыхъ счетахъ заботились мало. Оба князя поѣхали въ Орду. Юрій вступилъ тамъ въ переговоры съ „князьями татарскими“ и услышалъ характерный отвѣтъ: „оже ты даси выходъ больши князя Михаила Тверскаго, и мы тебѣ княженіе великое дадимъ“. Оче-

видно, Тверской князь далъ больше Московскаго, потому что ярлыкъ достался ему.

Михаилъ былъ сыномъ Новгородской боярыни Ксеніи, вѣроятно, имѣлъ связи въ Новгородѣ. Какъ великій князь Владимірскій, Тверскій и Новгородскій, онъ располагалъ серьезными средствами: недаромъ къ нему отъѣхали бояре изъ Суздальско-Нижегородскаго княжества, не желавшіе служить сыну Андрея Городецкаго, князю Михаилу; въ Тверь же бѣжали изъ Москвы братья Юрья. Михаилъ чувствовалъ свои силы и былъ „дързъ“ на широкія предпріятія. Такъ, онъ пытался захватить Нижній Новгородъ, отнять у Москвы Переяславль-Залѣсскій, подступалъ къ самой Москвѣ, но все неудачно. [1]) Вѣроятно, ему было тѣсно въ новгородской волѣ, дававшей только призракъ обладанія богатѣйшимъ торговымъ путемъ и всѣмъ сѣверомъ. Отсюда столкновеніе съ Новгородомъ, поставившее противъ Тверскаго княжества средства новгородской земли, а затѣмъ и Междурѣчья. Въ 1312 году Михаилъ „заратился“ на новгородцевъ, занялъ сосѣдній съ Тверью Торжокъ и „обиліе въ Новгородъ не пусти“ [2]). Новгородскій владыка Давидъ пріѣхалъ въ Тверь и быстро нашелъ умиряющее средство: онъ „кончавъ миръ“ съ княземъ на 1500 гривенъ серебра. Но „кончавъ миръ“, новгородцы не помирились съ Тверью, и когда Михаилъ находился въ Ордѣ, позвали къ себѣ княжить Юрья Московскаго. Юрій пріѣхалъ въ Новгородъ, выгналъ отсюда тверскихъ намѣстниковъ и сѣлъ самъ княжить. Вѣроятно по жалобѣ великаго князя царь Узбекъ вызвалъ тогда Юрья къ себѣ. Михаилъ, въ отсутствіе Юрья, разбилъ новгородцевъ и москвичей у Торжка,

---

[1]) О послѣднемъ походѣ въ одной припискѣ современника находимъ замѣчаніе: „Сего же лѣта (1307 г.) былъ бой на русской землѣ Михаила съ Юрьемъ *о княженіи Новгородскомъ*“.

[2]) Обиліе—это хлѣбъ, медъ рыба и мѣха, т. е. важнѣйшіе для Новгорода предметы торга съ Междурѣчьемъ.

и потребовалъ съ Новгорода 5000 гривенъ серебра, кстати продавши новоторжцевъ, „сколько кого станетъ“, т. е. обобралъ ихъ, сколько могъ. Новгородцы снова должны были „помириться“, заплатили деньги, причемъ Михаилъ *назначилъ* Новгороду посадниковъ и вновь послалъ туда своихъ намѣстниковъ (1315.).

Такъ началася борьба Москвы съ Тверью за Новгородъ и великое княженіе. Исходъ ея былъ предопредѣленъ позиціями противниковъ. Главной дѣйствующей силой въ завязавшейся борьбѣ, равно какъ и призомъ, являлся Новгородъ, простиравшій свое вліяніе на сѣверъ и на великое княженіе Владимірское. Могучія средства республики дѣлали почти непобѣдимыми въ Ордѣ ея креатуръ, между тѣмъ симпатіи Новгородцевъ теперь безусловно на сторонѣ Московскаго князя. Оказалось, что Тверь со своими городами была слишкомъ опаснымъ соперникомъ новгородскаго Торжка (у верховій р. Тверцы, у устья ея—Тверь), да и князь ея, получая Владиміръ и Новгородъ, усиливался до того, что становился опасенъ самому Великому Новгороду. Въ Новгородѣ было неспокойно: сторонниковъ Тверскаго князя избивали, а намѣстниковъ его скоро выгнали снова. Самъ Михаилъ пошелъ тогда къ Новгороду, но ушелъ обратно безъ битвы, на обратномъ пути заблудился въ болотахъ и растерялъ голодавшихъ людей. Юрій между тѣмъ 3 года жилъ въ Ордѣ и добывалъ ханскую милость; его поддерживали послы новгородскіе, разумѣется, главнымъ образомъ деньгами. Юрій получилъ ярлыкъ, женился на сестрѣ хана Кончакѣ, затѣмъ съ отрядомъ татаръ и своимъ войскомъ двинулся на Тверское княжество. Михаилъ далъ Юрью сраженье и выигралъ его. Въ руки Тверскаго князя попали татарскій посолъ Кавгадый и Кончака, а Юрій Даниловичъ успѣлъ убѣжать въ Новгородъ.

Владыка Давидъ Новгородскій (а не Московскій князь) заключаетъ тогда съ Михаиломъ мирный до-

говоръ о пропускѣ хлѣба, о другихъ важныхъ для Новгорода вещахъ, споръ же князя съ Юрьемъ о великомъ княженіи дипломатично передаетъ на усмотрѣніе хана, у котораго тяжба была только что выиграна Новгородомъ и его креатурой. Послѣдняя оговорка показываетъ, что Новгородцы и Юрій оружія не сложили.

Смерть Михаила Тверского.

Не сразу поѣхалъ Михаилъ въ Орду, гдѣ уже находился Юрій съ Кавгадыемъ и съ новгородцами. Только въ августѣ 1318 г. выѣхалъ онъ изъ Твери и 6 сентября достигъ устьевъ Дона, гдѣ „у моря Сурожскаго“ кочевала орда. Черезъ полтора мѣсяца ханъ приказалъ своимъ князьямъ разобрать дѣло Михаила и Юрья. Судьи собрались въ шатрѣ недалеко отъ ханской ставки. Дѣло, очевидно хорошо подготовленное, сразу получаетъ опредѣленное направленіе: Михаила обвиняютъ и обвиняютъ не Юрій или новгородцы, а почему-то Суздальскіе князья. Обвиненіе очень серьезное въ глазахъ татаръ: „Многія дани бралъ въ городахъ нашихъ, а царю ихъ не отдалъ.“ Михаилъ защищался, ссылался на свои записи. Тогда, черезъ недѣлю, князя привели въ судъ уже связаннымъ и предъявили новое обвиненіе: „бился противъ царскаго посла и уморилъ супругу великаго князя Юрья“. [1]) Въ результатѣ обвиненія Михаила выдали головой Московскому князю. Какъ узникъ, въ цѣпяхъ и съ колодкой на шеѣ, передвигался 4 недѣли великій князь Тверской къ Кавказскимъ горамъ, вслѣдъ за Ордой, впереди которой забавляяся охотой татарскій царь. У Желѣзныхъ воротъ (современный Дербентъ) 22 ноября 1318 года князь Михаилъ Ярославичъ былъ убитъ.

Тѣло Михаила увезли въ Москву и потомъ только выдали тверскому посольству. Жена его, Анна, постриглась въ монахини и долго еще жила въ Кашинѣ, удѣлѣ

[1]) Кончака скончалась въ тверскомъ плѣну.

своего младшаго сына, „работая Христу день и нощь“. Народъ при жизни считалъ святой „иноку Анну“ [1]).

Ссора Юрья съ новгородцами и гибель его.

Юрій, между тѣмъ, захватилъ въ Ордѣ въ плѣнъ сына погибшаго князя, бояръ и слугъ его и на слѣдующее лѣто вернулся домой, а затѣмъ уѣхалъ въ Новгородъ. Какъ это постоянно бывало здѣсь съ князьями, „новогородцы вмалѣ съ нимъ размолвиша“. Примиреніе состоялось; однако ссора повидимому не осталась безъ послѣдствій: въ томъ же году князь Тверской, Димитрій Михайловичъ „Грозныя Очи“, ѣдетъ въ Орду и получаетъ подъ Юрьемъ ярлыкъ на великое княженіе. Черезъ нѣкоторое время поѣхалъ туда и Юрій, „умоливъ“ новгородцевъ, чтобы они проводили его въ Орду. Въ 1324 году Дмитрій „Грозныя Очи“ убилъ собственноручно въ Ордѣ Юрія Даниловича, „надѣяся на царево жалованье“, какъ замѣчаетъ лѣтопись. Правда, почти черезъ годъ послѣ этого самъ Дмитрій погибъ у татаръ: царь Узбекъ, казнившій всего до десяти русскихъ князей, приказалъ казнить и Дмитрія вмѣстѣ съ княземъ Новосильскимъ, неизвѣстно за что. Но симпатіи царя не отвращаются отъ Твери: великое княженіе Владимірское получилъ Александръ Михайловичъ, отъ подарковъ ордынцамъ впавшій въ долги.

Иванъ Калита, побѣда Москвы надъ Тверью.

Иванъ Даниловичъ Калита занялъ Московскій столъ еще при жизни брата, который обычно находился въ Новгородѣ. Переживши всѣхъ своихъ братьевъ, онъ соединилъ въ однѣхъ рукахъ Московское княжество и усиливался вмѣстѣ съ послѣднимъ. Скоро представился ему случай отомстить какъ Твери, такъ и Новгороду, вѣроятно поддерживавшему послѣднихъ Тверскихъ князей противъ Юрія. Въ 1327 г. къ великому князю Александру въ Тверь пріѣхалъ съ большой свитой посолъ отъ царя изъ Орды. „Съ великою гордостью“ выгналъ татаринъ великаго князя Александра

---

[1]) Св. Анна Кашинская.

изъ отцовскаго великокняжескаго двора и самъ поселился въ немъ. Въ народѣ пошли слухи о желаніи татарина самому сѣсть княземъ „въ Твери старой, въ Твери богатой“. Люди посла обижали жителей. Достаточно было ничтожнаго случая чтобы вспыхнуло открытое возмущеніе противъ татаръ. Однажды на праздникъ Успенія (15 августа), въ базарный день татары пожелали отнять у дьякона его кобылу. которую тотъ велъ поить къ Волгѣ. На крикъ дьякона собралась толпа. Татары схватились за сабли. Тверичи ударили въ набатъ, и народная масса всѣмъ вѣчемъ двинулась на татаръ. Все посольство погибло, посла сожгли въ княжьемъ дворѣ, разгромили и перебили даже старыхъ ордынскихъ купцовъ.

50.000 татаръ соединилось теперь съ Московскимъ княземъ Иваномъ Даниловичемъ для наказанья Твери. Сама Тверь, ея города и волости были разорены, жители разбѣжались. „И просто рещи, всю землю русскую положиша пусту“—резюмируетъ лѣтописецъ подвиги князя съ татарами: „точію сблюде и заступи Господь Богъ князя Ивана Даниловича и его градъ Москву и всю его вотчину“. Поплатился и Новгородъ: Торжокъ и волости были опустошены, Иванъ Даниловичъ хотѣлъ съ татарами идти на самый городъ, но Новгородцы откупились за 8000 руб. Князь Александръ спасся въ Псковъ; позже вернулся онъ въ Тверь, гдѣ царило „велицая нищета и убожество“, но затѣмъ въ 1339 году былъ казненъ въ Ордѣ. Тверь, соперница Москвы, была сломлена надолго. Въ знакъ побѣды Иванъ Даниловичъ снялъ и увезъ въ Москву колоколъ Тверского Спасскаго собора. Послѣ этого, вѣроятно достаточно богатый, чтобы заплатить въ Ордѣ, Калита „сѣде на великомъ княженіи въ Москвѣ, а столъ Володимерь и иныя многія княженія царь Азбекъ даде ему къ Москвѣ, и бысть оттолѣ тишина велика по всей

русской землѣ на 40 лѣтъ". (1328 г.). Волховъ крѣпко былъ связанъ съ Клязьмой черезъ рѣку Москву.

IV.

Послѣдствія паденія Твери.

Опекаемая при Даніилѣ Александровичѣ Тверью, а при Юрьѣ Новгородомъ, съ Ивана Даниловича Москва идетъ самостоятельно, выдвигаемая своимъ выгоднымъ положеніемъ. Послѣ разгрома Твери она дѣлается какъ бы единственнымъ фокусомъ экономической жизни Междурѣчья. Средства ея увеличиваются. Вѣроятно, уже въ это время начинается ростъ Можайска и новгородской Старой Русы, которые въ первой половинѣ XVI столѣтія, съ Москвой и Новгородомъ, составляли цѣпь крупнѣйшихъ посадовъ страны. Московскіе князья сумѣли воспользоваться своими средствами и отсутствіемъ серьезныхъ конкурентовъ. Въ теченіе 200 лѣтъ они неустанно подбираютъ обломки удѣльной эпохи, разбиваютъ остатки сами, и въ началѣ XVI вѣка около Москвы собирается русская земля въ одно „Московское государство". Вышедшіе изъ мелкихъ удѣльныхъ вотчинниковъ (такимъ былъ отецъ Калиты да и самъ Калита) Московскіе князья, собственно говоря, не были князьями завоевателями. Они ничего не отрывали для себя, напримѣръ, ни отъ Твери, ни отъ Новгорода, хотя имѣли полную возможность сдѣлать и то и другое. Власть ихъ, поднявшаяся отъ земли и торга, была пропитана традиціями крупной частной собственности, мирной сдѣлки: они гораздо больше покупаютъ, ссужаютъ деньгами, пріобрѣтаютъ земли путемъ браковъ, нежели воюютъ и громятъ. Покупки эти притомъ совершаются со своеобразной „честностью" въ законныхъ рамкахъ, преимущественно въ предѣлахъ Владимірскаго княженія, такъ какъ пріобрѣтеніе земель въ чужомъ княжествѣ обычно не допускалось междукняжескими договорами. Присмотримся ближе къ этому „собиранію русской земли".

Характеръ дѣятельности Московскихъ князей.

У Калиты въ 1327 году, было всего 7 городовъ (Москва, Коломна, Можайскъ, Звенигородъ, Серпуховъ, Руза и Радонежъ); въ уѣздахъ ихъ считалось около 51 волости и 40 дворцовыхъ селъ. Все его княжество было гораздо меньше Московской губерніи. Калита накупилъ себѣ еще селъ во Владимірѣ и Костромѣ (какъ великій князь), а также въ Ростовѣ, ибо женой Ростовскаго князя была дочь Калиты, откуда и проистекали для тестя удобства, наконецъ въ Нижнемъ, который, какъ и все Суздальское княжество, нѣкоторое время находился подъ опекой великаго князя Владимірскаго. Но этого мало: потомъ оказалось, что Калита сумѣлъ пріобрѣсти и цѣлые удѣлы, вѣроятно давая ссуды мелкимъ обѣднѣвшимъ князьямъ. Это были Перемышль, на сѣверѣ Галичъ, Угличъ и Бѣлоозеро. Князья этихъ удѣловъ продолжали сидѣть въ своихъ земляхъ до времени Дмитрія Донского, который присоединилъ ихъ владѣнія въ Москвѣ. „Собираніе земли".

Преемники Калиты продолжали его дѣятельность. Въ каждой духовной грамотѣ Московскаго князя оказываются новые и новые купли и примыслы, то мелкіе, то болѣе замѣтные. Неизвѣстно, когда были пріобрѣтены отъ рязанцевъ Кашира, Боровскъ, Верея, Серпуховъ и волости по рѣкѣ Лопаснѣ; затѣмъ половина Волока Ламскаго и около полутора десятка селъ во Владимірскомъ княженіи. Дмитрій Донской оттягалъ у смольнянъ Медынь, пріобрѣлъ Калугу, захватилъ Стародубъ на Клязьмѣ и Дмитровъ. Сына Василья онъ кромѣ того благословилъ Суздалемъ и великимъ княженіемъ Владимірскимъ, вѣроятно уже въ значительной мѣрѣ обратившимся въ частную собственность Московскаго князя. Василій Дмитріевичъ, въ свою очередь, „умздилъ" татаръ и „за многое серебро и злато" купилъ у Тохтамыша ярлыкъ на цѣлое Нижегородское княжество, а также на Тарусу, Муромъ и Мещеру. Черезъ Угличъ и Бѣлоозеро Московскимъ князьямъ

открывалось широкое поприще на сѣверѣ: дѣйствительно, уже въ концѣ XIV вѣка Вологда и Устюгъ находятся въ ихъ рукахъ, а къ половинѣ XV столѣтія владѣнія Московскихъ князей достигаютъ Вятской земли (окончательно подчинена въ 1489 г.).

Умирая въ 1462 г., Василій Темный завѣщалъ сыновьямъ уже около 26 городовъ, причемъ города Владимірскаго княженія мѣшалъ съ Московскими. Его владѣнья отъ Устюга и Вятки тянулись на югъ, къ верховьямъ Оки и Цны; ему принадлежали средняя Волга, и верхнее и нижнее теченіе Оки и все почти Междурѣчье. Вліяніе князя простиралось и на остававшіеся еще независимыми въ половинѣ XV столѣтія половину Ростова,—другую уже купилъ Василій Темный, части Тверского и Ярославскаго княжествъ, на Рязань и Новгородъ съ Псковомъ. Мало-по-малу падаютъ и эти послѣдніе обломки удѣльной раздробленности. Въ 1463 году Ярославскій князь, Александръ Брюхатый, промѣнялъ Ивану III Ярославское княженіе, свою вотчину, на вотчины въ Московскомъ княжествѣ: всѣ Ярославскіе князья, великій и удѣльные, били челомъ Ивану III о принятіи ихъ на Московскую службу; въ 1474 г. Ростовскіе князья продали Москвѣ и вторую половину Ростова, а сами сдѣлались слугами Ивана Великаго.

Средства Московскихъ князей.

Средства для такихъ операцій Московскіе князья, начиная съ Калиты („мѣшокъ для денегъ"), могли получать изъ сборовъ со своихъ относительно богатыхъ земель; затѣмъ, другимъ источникомъ, могла быть татарская дань, часть которой, разумѣется, оставалась у князя, какъ у каждаго откупщика. Однако этотъ источникъ не могъ быть вначалѣ особенно обильнымъ: Новгородцы собирали „черный боръ" сами и передавали деньги великому князю; а всѣ сколько-нибудь самостоятельные князья при Калитѣ „знали Орду, т.-е. отвозили царю свои дани, какъ это дѣлали князья Суздальскіе, Ростовскіе, Тверскіе и Рязанскіе.

Наконецъ, Калита и его преемники при случаѣ старались прижать Великій Новгородъ и сорвать съ него болѣе или менѣе крупную контрибуцію. Мы уже упоминали, что Юрій взыскалъ съ Новгородцевъ 5000 руб., Калита, взявши съ нихъ съ татарами 8000 руб. (1327 г.), затѣмъ хотѣлъ отобрать „серебро закамское", дань съ пріуральскихъ народцевъ, взимавшуюся серебромъ, наконецъ, въ концѣ своей жизни, потребовалъ снова контрибуцію. Бояре Симеона Гордаго „насильничали" въ Торжкѣ, и новгородцы должны были купить миръ уплатой князю „чернаго бора" (т.-е. всеобщей дани) со всѣхъ волостей, да 1000 руб. съ Торжка. Дмитрій Донской въ 1371 году заставилъ Новгородцевъ за поддержку Суздальскихъ князей и разбои ушкуйниковъ заплатить 8000 руб.; Василій Темный за поддержку Шемяки въ 1457 году взыскалъ 10.000 руб.; его сынъ, Иванъ III, въ 1471 г.—15.000 р. Разумѣется, лѣтопись не передаетъ намъ всѣхъ случаевъ этихъ безконечныхъ взиманій, которыя, кромѣ того, происходили, вѣроятно, по мелочамъ и не однѣми деньгами.

Отношеніе къ Новгороду.

При такихъ условіяхъ, естественно, за вторую половину XIV и за XV вѣка мы не найдемъ у новгородцевъ особой симпатіи къ Москвѣ. Безсильная въ открытой борьбѣ, прочно связанная къ тому же съ Москвой экономическими интересами, торговая республика нѣсколько разъ пыталась свалить ее своимъ рублемъ, который когда-то помогъ Москвѣ выйти на широкую дорогу и теперь противъ воли поддерживалъ ее. Пріемы знакомые—подкупъ въ Ордѣ и выборъ новаго князя Владимірскаго (и Новгородскаго), результаты—явственные, но кратковременные, безсильные измѣнить теченіе историческаго процесса. Такъ, уже послѣ смерти Симеона Ивановича Гордаго, новгородцы поддерживаютъ въ Ордѣ кандидатуру въ великіе князья Константина Суздальскаго, а когда ярлыкъ добылъ всетаки Иванъ II, они отказались признать его княземъ Влади-

мірскимъ. Съ ихъ поддержкой, т.-е. на ихъ средства, трижды получалъ великое княженіе „не по отчинѣ и не по дѣдинѣ“ сынъ Константина, Дмитрій Суздальскій, пока Дмитрій Донской не принудилъ его отказаться отъ притязаній. Вѣроятно, не безъ помощи Новгорода сдѣлался великимъ княземъ выросшій въ немъ Михаилъ Александровичъ Тверской; наконецъ, Новгородъ же до самой смерти держалъ у себя Дмитрія Шемяку, претендента на великое княженіе и соперника Василья Темнаго. Всѣ эти попытки явились однако запоздалыми: Москва оказалась такимъ узломъ межъ Новгородомъ и Междурѣчьемъ, берегами Балтійскаго моря и Русью, развязать котораго было нельзя.

Паденіе послѣднихъ удѣловъ.

Онъ стягивалъ Новгородъ все туже и туже, отнималъ у него важнѣйшіе его волости, Пермь и Вятку и Заволочье, и, наконецъ, въ 1478 г. сѣверная республика была задушена. Не одна Москва была, впрочемъ, причиной ея паденія: въ концѣ XV вѣка въ Европѣ мѣнялось направленіе торговыхъ путей, распадался Ганзейскій союзъ, медленно умиравшій затѣмъ впродолженіе XVI вѣка,—вмѣстѣ съ нимъ падалъ и умиралъ ганзейскій городъ, Господинъ Великій Новгородъ. Въ 1510 г. потерялъ свое вѣче Псковъ. Должна была подчиниться Москвѣ и ея старая соперница Тверь.

Рязанское княжество, еще очень сильное при Олегѣ Ивановичѣ († 1402), въ половинѣ XV вѣка попадаетъ въ сильную зависимость отъ Москвы. Иванъ III мирно по завѣщанію, пріобрѣлъ около трети рязанской земли, а окончательно Рязань слилась съ Москвой только въ 1507 году, при послѣднемъ собирателѣ русской земли, Васильѣ III.

Отношеніе князей къ своему дѣлу.

Процессъ скопленія земли долго происходилъ неплановѣрно, безъ ясной цѣли, въ немъ долго отсутствовало даже сознаніе государственной важности его. Пріобрѣтая села и ярлыки на княжества, князь-собиратель вовсе не созидалъ русскаго государства: онъ увеличивалъ свою

вотчину, его растущія средства естественно направлялись на доступную скупкѣ раздробленную землю и выражались съ этой важнѣйшей цѣнности эпохи. Знаменитыя слова Семена Ивановича о неугасимой свѣчѣ московскаго единства есть только метафора, возможности которой не подозрѣвалъ великій князь, завѣщавшій свой удѣлъ женѣ Марьѣ. „И я вамъ приказываю, своей братьѣ, жить за одинъ... для того, чтобы не перестала память родительская и наша, и свѣча бы не угасла". Вотъ цѣль единства владѣтельнаго рода: почитаніе памяти родителей и неугасимая свѣча надъ гробомъ ихъ.

Духовныя князей.

До насъ дошло много духовныхъ грамотъ Московскихъ князей. Чтобы ближе понять ихъ мысли о своемъ дѣлѣ, присмотримся къ нимъ.

Самая ранняя изъ сохранившихся грамотъ — это завѣщаніе Калиты, которое онъ составилъ въ 1328 году, отправляясь послѣ Тверской экспедиціи къ Узбеку въ Орду. Въ ней читаемъ:

„Во имя Отця и Сына и Святого Духа. Се азъ грѣшный, худый рабъ Божій Иванъ, пишу душевную грамоту, идя въ Орду, никѣмъ не нуженъ, цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи. Аже Богъ что розгадаетъ о моемъ животѣ, даю рядъ сыномъ своимъ и княгинѣ своей. Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву; а се есмь имъ роздѣлъ учинилъ. Се далъ есмь сыну своему большому Семену: Можайскъ, Коломну со всѣми Коломенскими волостьми"... далѣе исчисляются волости и разбросанные въ разныхъ мѣстахъ села. „А при своемъ животѣ далъ есмь сыну своему Семену 3 чепи золоты, 4 поясы золоты, 3 чаши золоты съ женчюги, блюдцо золото съ женчюгомъ съ каменемъ" и т. п. Такъ перечисляются доли другихъ сыновей, Ивана (Звенигородъ съ волостями) Андрея (Лопасна и др. волости,—впослѣдствіи Серпуховской удѣлъ), и княгини съ меньшими дѣтьми (дѣвочки).

Дѣлятся княжскіе холопы и крестьяне, сидѣвшіе на его земляхъ: „А что моихъ бортниковъ и оброчниковъ купленыхъ, которыи въ которой росписи, то тому. А числьные люди, а тѣ вѣдаютъ сынове мои собча, а блюдутъ вси съ одиного [1]); а что мои люди купленые въ великомъ свертцѣ, и тыми ся подѣлятъ сынове мои.“ Стада также упомянуты въ раздѣлѣ. Потомъ идетъ раздѣлъ движимости и рухляди: княгинѣ и меньшимъ дѣтямъ—золотая коробочка, дочери—ожерелья, монисто и обручъ, Семену—кожухъ червленый и золотая шапка, Ивану—кожухъ желтый, Андрею—соболій бугай съ наплечниками и т. д. Грамоту подписали три священника и составлявшій ее дьякъ; за нарушеніе воли завѣщателя угроза: „судить ему Богъ“.

Въ такомъ же родѣ и всѣ остальныя грамоты. Князья въ XIV и въ XV вѣкахъ смѣшиваютъ княжество съ домашней рухлядью и все вмѣстѣ дѣлятъ, не обходя женщинъ. Такъ Семеонъ, носившій титулъ великаго князя всеа Руси, оставшись бездѣтнымъ, всю свою вотчину (Коломну, Можайскъ, доля въ Москвѣ, золото, жемчюгъ и т. п.), а также купленные и наслѣдованные отъ тетки Анны села и „участки“ (участіе въ доходахъ), завѣщалъ своей женѣ, княгинѣ Марьѣ. Послѣдняя потомъ передала ихъ Ивану II. Наслѣдниковъ почти всегда нѣсколько. Иванъ II раздѣлилъ собравшіяся у него владѣнья (свои и Семеона) межъ двумя сыновьями: Дмитріемъ и Иваномъ, а Серпуховскій удѣлъ Андрея въ это время распался на 5 частей. Дмитрій Донской дѣлитъ княжество межъ 4 сыновьями и княгиней, причемъ указывается: „а вы, дѣти мои, матери слушайте.“ Точно также дѣлитъ земли, холоповъ, стада и домашнія вещи Василій Дмитріевичъ, Василій Темный (межъ 5 сыновьями и княгиней) и даже Иванъ III межъ 5 сыновьями).

---

[1]) т. е. вмѣстѣ.

Вотчинный характеръ княжеской власти.

Приглядываясь къ распоряженіямъ Московскихъ князей своими вотчинами, мы напрасно стали бы искать у нихъ идей государственности, сознанія, что князь есть только представитель единства земли, или даже мысли о созданіи въ будущемъ Московскаго государства. Князь чувствуетъ себя только владѣльцемъ, собственникомъ „отчины и дѣдины“, равно и купленныхъ селъ. Онъ воленъ въ ней: даетъ кому хочетъ и что хочетъ. „Развѣ не воленъ я, князь великій, въ своихъ дѣтяхъ и въ своемъ княженіи? Кому хочу, тому и дамъ княжество“—такъ отвѣчалъ Иванъ III псковичамъ, просившимъ отдать ихъ въ будущемъ тому сыну, который будетъ княземъ и въ Москвѣ. Княжеская вотчина—это рядъ разнообразныхъ доходныхъ статей; все безъ различія—стада, кожухи, посуда, налоги, люди и города одинаково принадлежатъ владѣльцу. Онъ дѣлитъ имущество, заботясь только, какъ бы не обидѣть какого-нибудь наслѣдника. Земли онъ дѣлитъ черезполосно, не думая, чтобы выдѣлъ составилъ цѣлое владѣніе.

Однимъ словомъ, Московскій князь XIV и первой полов. XV вѣковъ скорѣе вотчинникъ нежели государь. Или, вѣрнѣе, онъ вотчинникъ-государь, такой же точно, какимъ былъ любой изъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Если бы до насъ дошли завѣщанія бояръ XIV вѣка, то мы не отличили бы ихъ отъ грамоты „худого раба Божія Ивана“, писавшаго ее „цѣлымъ своимъ умомъ“. Въ этомъ отношеніи въ чертахъ Московскаго княжества легко узнать княжество удѣльной эпохи, начинавшей только колебаться подъ вліяніемъ новыхъ условій экономической жизни страны: торговаго обмѣна и связаннаго съ нимъ зарожденія денежнаго хозяйства.

Доля старшаго наслѣдника въ завѣщаніяхъ Московскихъ князей.

Но въ духовныхъ грамотахъ Московскихъ (и Тверскихъ) князей мы увидимъ другую черту, сыгравшую огромную роль въ созданіи Московскаго государства. Эта черта—стремленіе сохранить владѣніе по возможности въ однѣхъ рукахъ. Князь оставался полнымъ

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

собственикомъ и распорядителемъ земли, но онъ начинаетъ выдѣлять старшему сыну все большую часть, „на старѣйшій путь“, какъ тогда говорили. Какъ бы идея майората, присущая въ извѣстныя эпохи крупному землевладѣнію, проникала въ завѣщанія и договоры Московскихъ князей. Въ нихъ отражается все ярче и ярче хозяйственная цѣлостность владѣнія, съ развитіемъ мѣноваго хозяйства, пріобрѣтавшая все болѣе очевидный характеръ. Теперь княжество не случайный конгломератъ самодовлѣющихъ мірковъ: части его связаны между собой обмѣномъ, обиліе политическихъ границъ и мелкихъ владѣтелей становится тягостнымъ и вреднымъ, раздѣлъ уменьшаетъ самую цѣнность вотчины. Поэтому-то крупное землевладѣніе какъ бы стремится сохранить свой объемъ, остаться въ рукахъ одного наслѣдника, по крайней мѣрѣ въ большей своей части. Вглядъ на старшинство, какъ на преимущество, былъ знакомъ рюриковичамъ, этотъ взглядъ легъ и въ основу родовыхъ счетовъ русскаго боярства, признаваемыхъ князьями: старшія линіи должны получать большую часть отцовской знатности и имущества.

Калита отдаетъ старшему сыну несомнѣнно доходнѣйшіе послѣ Москвы города—Можайскъ и Коломну: братья въ договорной грамотѣ уступаютъ Симену „и потомъ на старѣйшій путь, кто будетъ старѣйшимъ,“ нѣкоторые доходы. Впервые въ духовной старшинство признается Дмитріемъ Ивановичемъ: „А сына своего князя Василія благословляю на старѣйшій путь въ городѣ (Москвѣ) и въ станѣхъ моего удѣла двою жеребьевъ половина, а тремъ сыномъ моимъ половина и въ пошлинахъ въ городскихъ половина“. Старшему же передано великое княжество. Доля старшаго постепенно увеличивается: у Дмитрія старшій изъ 5 сыновей получаетъ $^1/_3$ наслѣдства, Василій Темный далъ старшему $^1/_2$, а Иванъ III—$^3/_4$. При Темномъ городъ Москва на

1/3 принадлежитъ великому князю, а по завѣщанію Ивана III переходитъ къ нему вся.

Усобица среди Московскихъ князей

Растущая доля старшаго князя готова была уже обратиться въ однодержавіе, когда при отцѣ перваго государя русской земли, Васильѣ Темномъ, въ домѣ Даніила Московскаго вспыхнула усобица. Какъ мы видѣли, домъ Даніила не былъ малочисленнымъ: Московскіе князья при каждой смѣнѣ поколѣній дробили свои земли на части, на Московскій столъ нѣсколько разъ садились дѣти,[1]) однако сила обстоятельствъ была такова, что дѣло объединенія отъ этого не страдало. Земля собиралась около Москвы помимо сознанія и вопреки дѣйствіямъ князей. Эта тяга земли къ Москвѣ особенно ярко сказалась въ спорѣ за старшинство Василія II съ Галичскими (Звенигородскими) князьями. Василій Дмитріевичъ передалъ свои владѣнія единственному сыну, десятилѣтнему Василью Второму (1425). Но у Василья I были еще живы его 4 брата: Юрій, Андрей, Петръ и Константинъ. Юрій Звенигородскій не желалъ признать старшинства мальчика племянника, дѣлавшагося великимъ княземъ. По завѣщанію Дмитрія Донского Василію долженъ былъ наслѣдовать онъ, Юрій: „а по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего Василія, а кто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой (т. е. слѣдующій за нимъ), ино тому сыну моему княжъ Васильевъ удѣлъ“. Не захотѣлъ Юрій слушать остальныхъ братьевъ, уговаривавшихъ его, уѣхалъ въ свой дальній городъ, Галичъ Мерскій, не послушался самого митрополита Фотія, пріѣхавшаго къ нему сюда съ увѣщаніями отъ Софьи Витовтовны [2]) и московскихъ бояръ, и только согласился передать споръ на рѣшеніе

Завѣщаніе Дм. Донского.

---

[1]) Изъ 9 князей (не считая временно захватывавшихъ Москву) отъ Даніила до Ивана III (за 200 лѣтъ) такихъ 4: Даніилъ сѣлъ на княжество 10 лѣтъ, Дмитрій 11; Василій I—18 лѣтъ, Василій II—10 лѣтъ.

[2]) Дочь великаго князя Литовскаго, жена Василья I, мать Василья Темнаго.

татарскаго царя. Въ 1430 году Василій и Юрій Дмитріевичъ поѣхали въ орду.

Ханъ Улу-Махметъ назначилъ торжественное судилище изъ ордынскихъ вельможъ; передъ нимъ выступили тягавшіеся о наслѣдствѣ со своими ходатаями. Право было на сторонѣ дяди,—онъ ссылался на обычай, засвидѣтельствованный лѣтописью, и на завѣщаніе отца. Но ханъ смотрѣлъ на свои улусы столь же свободно, какъ русскіе князья на свои отчины: онъ отдалъ великое княженіе Василію, за котораго хлопотало богатое боярство московское. Ханскій посолъ, въ Москвѣ „садилъ его (Василія) на великое княженіе у Пречистыя у Золотыхъ дверей.“ Такимъ образомъ даже обрядъ посаженія на великое княженіе переносится изъ Владиміра въ Московскій Успенскій соборъ. Самый важный защитникъ интересовъ Василія передъ ханомъ, бояринъ Всеволожскій, хлопоталъ, вѣроятно тратился, въ ордѣ недаромъ,—онъ взялъ съ Василія обѣщаніе жениться на одной изъ своихъ дочерей. Но мать великаго князя, Софья Витовтовна, не захотѣла такого брака и женила сына на Ярославской княжнѣ. Всеволожскій обидѣлся и „отъѣхалъ“ въ Галичъ къ Юрію, не помирившемуся съ ханскимъ усмотрѣніемъ. На свадьбѣ великаго князя (1433 г.) пировали и сыновья Юрья, Василій Косой и Дмитрій Шемяка. На Васильѣ Юрьевичѣ былъ надѣтъ золотой поясъ съ драгоцѣнными камнями. Одинъ московскій бояринъ разсказалъ княгинѣ Софьѣ, будто бы этотъ поясъ около 70 лѣтъ тому назадъ былъ полученъ въ приданное ея тестемъ, Дмитріемъ Донскимъ; подмѣненный затѣмъ тысяцкимъ Василіемъ Вельяминовымъ, поясъ попалъ будто бы черезъ нѣсколько рукъ къ боярину Всеволожскому, который теперь и отдалъ его жениху своей дочери, Василію Косому.

Посаженіе на столъ Вас. II.

Золотой поясъ.

Софья Витовтовна немедленно повѣрила „боярской сплетнѣ“ и тутъ-же, на пиру, приказала снять поясъ

съ Василья Юрьевича. Княжичъ съ братомъ Шемякой тотчасъ уѣхалъ съ пира, и съ этихъ поръ оба брата являются врагами Московскаго князя. Вскорѣ ихъ отецъ внезапно напалъ на Василія Васильевича, захватили его, самъ сѣлъ на Москвѣ, а сверженному племяннику далъ въ удѣлъ Коломну. Но держаться въ Москвѣ оказалось трудно: московскіе бояре и служилые люди начали отъѣзжать къ Коломнѣ: имъ не могло нравиться, что Юрій привелъ въ Москву свое боярство. Въ концѣ концовъ Юрій, котораго даже дѣти оставили, съѣхалъ изъ Москвы въ свой Галичъ и отсюда помирился съ Василіемъ. Сыновья его однако продолжали войну во время которой Василій Косой, былъ разбитъ, захваченъ и ослѣпленъ Васильемъ II.

Ослѣпленіе Василья II.

Въ февралѣ 1446 года Василій выѣхалъ изъ Москвы на богомолье въ Троицко-Сергіевскій монастырь. Шемяка и другой двоюродный братъ Василья, Иванъ Андреевичъ Можайскій, напали врасплохъ на Москву и захватили здѣсь семью великаго князя. Къ Троицкому монастырю пошелъ отрядъ подъ начальствомъ князя Можайскаго и боярина Никиты Константиновича. Какъ „свирѣпые волки“ ворвались всадники въ монастырь, и бояринъ Никита на конѣ вскочилъ на лѣстницу храма. Когда подошелъ съ отрядомъ и князь Иванъ, Василій съ иконой въ рукахъ умолялъ пощадить его зрѣніе (очевидно Шемяка раньше грозилъ ему местью за брата). Бояринъ Никита взялъ его со словами: „Пойманъ еси великимъ княземъ Дмитріемъ Юрьевичемъ.“

Василія привели въ Москву и здѣсь ослѣпили. Затѣмъ его сослали съ женой въ Угличъ, и мать его, Софью, въ Чухлому. Но Шемякѣ также трудно было въ Москвѣ, какъ его отцу и брату. Служилые князья и боярство бѣжали въ Литву. Отряды служилыхъ людей искали Василія, желая помочь слѣпому князю „за его къ нимъ добро и хлѣбъ“. Вѣроятно въ борьбѣ Шемяки съ политическими врагами родилась поговорка о „Ше-

мякинѣ судѣ", который сталъ синонимомъ черной неправды и обиды. Князь Василій ушелъ изъ ссылки въ Тверь и отсюда двигался на Шемяку; изъ Литвы шелъ къ нему на помощь своякъ, князь Серпуховскій, передъ тѣмъ бѣжавшій сюда съ княземъ Оболенскимъ отъ Шемяки. Шемяка и Иванъ Можайскій ушли тогда въ Каргополь, а затѣмъ въ Великій Новгородъ.

Смерть Шемяки.

Новгородцы не желали выдавать Московскому князю Шемяки. Тогда ему послали ядъ,—и Шемяка скончался, отравленный собственнымъ поваромъ. (1453 г.)

Общественное мнѣніе на сторонѣ Москвы.

Нарушеніе Шемякой мирнаго договора съ Василіемъ (послѣдній договоръ изъ Каргополя) дало послѣднему поводъ опереться на общественное мнѣніе: онъ передалъ рѣшеніе спора уже не татарамъ, а собору русскаго духовенства.

Соборъ епископовъ и архимандритовъ осудилъ галичскихъ князей. Въ обширномъ посланіи Шемякѣ соборъ сравниваетъ стремленіе Юрія Дмитріевича къ великокняжеской власти съ грѣхомъ Адама, возжелавшаго „равнобожества". И всетаки, не смотря на всѣ свои труды, князь не достигъ, „чего ему не дано Богомъ, ни земскою изначала пошлиной". Очевидно, іерархи, какъ князья, бояре и ханъ, не желали знать ни родовыхъ традицій, ни воли Дмитрія Донского: къ великому Московскому княжеству они смѣло прилагали „земскую пошлину", т.-е. нормы частнаго правонаслѣдія.

Результатъ усобицы.

Кончилась громкая усобица среди Московскихъ князей, длившаяся 19 лѣтъ. Въ результатѣ ея Московское княжество, разбитое на 10 удѣловъ, собралось снова въ однѣхъ рукахъ Василія Васильевича Темнаго (ему не принадлежала только половина Можайскаго удѣла). Сыну Ивану онъ передалъ 14 городовъ, а 4-мъ остальнымъ князьямъ 12.

V.

Московское государство въ полов. XV в.

Усобица Московскихъ князей заключаетъ собой періодъ удѣльный и открываетъ московскую эпоху. Процессъ объединенія страны еще продолжался, но результаты его уже предопредѣлены совершившимся экономическимъ переворотомъ, сдѣлавшимъ Москву центромъ средствъ и интересовъ населенія. Московскій князь дѣлается собственникомъ огромныхъ пространствъ. Вотчина его уже размѣрами своими перерождалась въ государство: она требовала новой, болѣе сложной организаціи управленія, объединившійся народъ навязывалъ власти національную идею, независимая раньше православная церковь требовала служенія государственной власти себѣ и опредѣленія своихъ правъ въ ту или иную сторону.

Власть Московскаго князя.

Въ усобицѣ окончательно утвердился и былъ признанъ новый вотчинный порядокъ княжескаго наслѣдія. Проникнутая вотчинными традиціями, корни которыхъ уходятъ въ „земскую пошлину“, опираясь на сочувствіе сильныхъ слоевъ населенія, начинавшая уже сознавать себя преемницей власти православныхъ царей погибшаго Царьграда, власть Московскаго князя вступала въ новую эру развитія. Какъ власть вотчинная, она попрежнему простирается на холоповъ и на „сиротъ“, но когда вотчина охватываетъ почти всю русскую землю, таковыми дѣлаются всѣ жители огромнаго государства, начиная отъ зависимыхъ князей и бояръ, до холоповъ включительно. Въ этой странѣ тогда уже говорили, что „великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ“,—такъ велика была зависимость населенія отъ государя вотчинника.

г. Москва.

Несмотря на свое богатство и размѣры, Москва въ концѣ XV столѣтія еще представляла всѣ черты разросшейся огромной усадьбы. До сихъ поръ ея названія хранятъ отзвукъ этого далекаго прошлаго.

У великолѣпнаго замка - Кремля, окруженнаго дворами ближнихъ слугъ государя, расположены были его дворовыя службы: это улица Поварская съ ея переулками: Хлѣбнымъ, Столовымъ, Скатертнымъ, Ножевымъ, Чашничьимъ; далѣе слободы Огородныя, Садовыя, Гончарныя, Котельная, Бронная, Хамовничья, населенныя первоначально слугами подъ дворскимъ, т.е. холопами государя. Далѣе лежали Конюшенныя, Ямскія, Кречетниковская, Сокольныя слободы. Кузнецы и другіе ремесленники, употреблявшіе огонь, селились на окраинахъ, причемъ ихъ поселки раздѣлялись, какъ и весь городъ, огородами и полями. Итальянскій историкъ Іовій такъ описываетъ Москву своего времени (писалъ онъ въ 1535 г., но характиристику возможно отнести и къ самому концу XV вѣка): „Городъ Москва по своему положенію въ самой срединѣ страны, по удобству водяныхъ сообщеній, по своему многолюдству и, наконецъ, по крѣпости своихъ стѣнъ есть лучшій и знатнѣйшій городъ въ цѣломъ государствѣ“. Онъ выстроенъ по берегу рѣки Москвы на протяженіи 5 миль, дома въ немъ деревянные, небольшіе (обык. изъ 3-хъ комнатъ); при каждомъ садъ и огородъ, отчего городъ казался необыкновенно обширнымъ. Посреди города впадаетъ въ Москву р. Неглинная, на которой очень много мельницъ. На концѣ полуострова, образованнаго впаденіемъ Неглинной въ Москву, стоитъ красивый замокъ съ башнями и бойницами, со всѣхъ сторонъ окруженный водою,—это Кремль послѣ 1508 года.

Общественныя группы.

Образованіе Московскаго государства не могло не повліять на положеніе различныхъ группъ современнаго русскаго общества.

Вышедшія изъ удѣльнаго порядка, связанныя съ княземъ отношеніями не подданства, а личнаго договора, эти группы, создавши государство, должны были измѣнить свои отношенія къ государю и между собой.

По роду занятій и своимъ отношеніямъ къ князю удѣльное общество, распадается на три основныя группы. У князя былъ дворъ, въ которомъ служили ему „слуги дворные“; во главѣ ихъ стоялъ „дворскій“; среди этихъ слугъ было много несвободнаго люда, холоповъ, иногда холопы сидѣли на пашнѣ. Но князю этихъ слугъ было мало: богатый князь для военной службы принималъ къ себѣ свободныхъ землевладѣльцевъ-бояръ и затѣмъ обѣднѣвшихъ князей. Тѣ и другіе были его „слугами вольными“. Наконецъ, князь, какъ землевладѣлецъ, отдавалъ свои земли въ городахъ и уѣздахъ въ наемъ свободнымъ же, но малоимущимъ людямъ изъ платежа оброка и за извѣстныя повинности—это тяглые черные люди, для обозначенія которыхъ съ конца XIV вѣка прививается терминъ „христіане“ или „крестьяне“. Ближе всего по положенію и судьбѣ подходила къ слугамъ вольнымъ Церковь со своими церковными людьми, сидѣвшими на ея земляхъ и дѣлившимися, какъ въ княжествахъ, на бояръ, крестьянъ и холоповъ.

Дворецъ и дворцовыя слуги.

Съ расширеніемъ Московскаго государства расширялась и сфера дѣйствія дворцовыхъ слугъ князя. Задача ихъ сохраняла свой двоякій характеръ: они постарому служили лицу князя, работали для его „прохлады“, постарому же правили изъ Дворца теперь огромной вотчиной его, но вотчина обращалась въ государство,— вотчиной-государствомъ теперь и правитъ дворъ князя.

Съ ростомъ власти послѣдняго, съ умноженіемъ его богатства и слугъ, дворовыя должности, дотолѣ занимавшіяся холопами, становятся почтенными и вліятельными. Такъ, дворскій, главный управляющій князя, становится „*бояриномъ дворецкимъ*“, главнымъ лицомъ въ администраціи. Въ руки конюшаго, чашниковъ, ловчихъ переходитъ управленіе и судъ надъ населеніемъ обширныхъ земель конюшаго, чашича и ловчаго путей; должности эти занимаютъ бояре, т. н. „*введеные*“, совѣтъ которыхъ былъ зерномъ *боярской Думы*. Личная при-

слуга князя, его стольники, спальники, ровно какъ и окольничіе, получаютъ административныя порученія. Начинаетъ развиваться и усложняется управленіе: оформливается боярская дума, изъ Дворца выдѣляются вѣдомства или „приказы“, распадающіеся въ свою очередь на рядъ новыхъ учрежденій.

Слуги вольные. Поступавшіе на службу къ Московскому государю великіе и удѣльные „служилые“ князья иногда долго сохраняли призракъ своей самостоятельности: они живутъ въ своихъ удѣлахъ, у нихъ свой дворъ, свои бояре и дворяне, свои полки, съ которыми они идутъ на войну, они выдаютъ жалованныя грамоты и т. п. Но чаще обѣднѣвшій служилый князь пріѣзжалъ къ богатому Московскому двору и тутъ становился въ ряды высшаго боярства—вольныхъ слугъ Московскаго государя. До половины XV столѣтія договорныя грамоты подтверждаютъ право отъѣзда слугъ вольныхъ: „а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля“, однако мало по малу и князья и бояре лишаются возможности и права выбирать себѣ государя. Для Москвы особенно важно было отнять это право у служилыхъ князей, отъѣздъ которыхъ съ вотчиной могъ представить опасность для цѣлости территоріи образовавшагося государства. Не лишая служилыхъ князей права личнаго перехода, Московскіе государи постепенно лишаютъ ихъ права сохранять при переходѣ свои земли. Такъ сдѣлалъ, напр., Василій II въ договорѣ съ Юріемъ Дмитріевичемъ Галичскимъ и съ Борисомъ Александровичемъ Тверскимъ („а кто моихъ князей отъѣдитъ къ тебѣ служебныхъ, и въ тѣхъ ти вотчинѣ не вступатся“...) Закрѣпленіе служилыхъ князей тянуло за собой закрѣпленіе и боярства. Постепенно правило: „кто выйдетъ изъ удѣла, тотъ земли лишенъ“, прилагавшееся первоначально лишь къ слугамъ подъ дворскимъ, распространяется, какъ на служилыхъ князей, такъ и на боярство Московскаго государя. Вольнымъ слугамъ,

впрочемъ, вскорѣ и отъѣхать-то было некуда. При Иванѣ III они фактически уже потеряли право уѣзда, а наслѣдственное до половины XV вѣка боярство стало обращаться даже въ чинъ, жалуемый за службу государемъ [1]).

Образованіе группы государевыхъ служилыхъ людей.

Титулованная знать, князья русской земли, собравшіеся въ центрѣ ея, около государя Московскаго, и бояре, вольные слуги его, потерявшіе право отъѣзда, сливаясь въ одну массу, образовали высшій слой *государевыхъ служилыхъ людей*.

Низшій слой ихъ составился изъ огромнаго количества дворни Московскаго княжества, увеличеннаго слугами и дворней разрушившихся многочисленныхъ удѣловъ и боярщинъ.

Дворяне [2]) нѣсколько отходятъ отъ Дворца, въ нихъ попадаетъ вскорѣ много свободнаго элемента, отъ дворецкаго они переходятъ въ вѣдѣніе Разряда (приказъ военныхъ дѣлъ) и дѣлаются служилымъ военнымъ классомъ. Мелкіе „послужильцы“ князей и бояръ, частью, вѣроятно, и дворня, еще болѣе численные, нежели дворяне, примыкаютъ къ нимъ, считаясь нѣсколько ниже по чести, подъ именемъ *дѣтей боярскихъ*. [3]) Тѣ и другіе дѣлятся по мѣсту жительства на дворянъ и дѣтей боярскихъ Московскихъ и городовыхъ, при чемъ первые пользуются преимуществами передъ вторыми. Для охраны „государевыхъ хоромъ и палатъ“ главнымъ образомъ изъ городовыхъ дворянъ выбираются „жильцы“, гвардія государя.

Кормленія и помѣстная система.

Какъ мы отмѣтили, образованіе государства во второй половинѣ XV столѣтія выдвинуло передъ нимъ

---

1) Съ княжескимъ достоинствомъ это произошло только въ XVIII столѣтьи.

2) Впервые упоминаются лѣтописью подъ 1174 г. въ разсказѣ объ убійствѣ Андрея Боголюбскаго, какъ княжеская дворня.

3) Въ XIII—XIV в.в. дѣти боярскіе, очевидно, какъ свободные, считались выше дворянъ-холоповъ.

важныя и трудныя задачи. Для этихъ задачъ нужны были силы и средства, какихъ не могло еще дать зарождавшееся мѣновое хозяйство. У государя-вотчинника главнымъ рессурсомъ попрежнему оставалась земля и доходы отъ сидѣвшихъ на ней земледѣльцевъ-крестьянъ. Ее-то и положилъ онъ въ основаніе государственнаго хозяйства. Государевы слуги, теперь всѣ невольные, „служилые люди“, за свою службу получаютъ кормленія и земли. Не подозрѣвая существанія государственныхъ интересовъ, Московскій князь дѣлилъ свою вотчину наслѣдникамъ и кормилъ ею своихъ слугъ. „Вамъ и честь и любовь даровахъ, *подъ вами городы держахъ и великія власти*“ говорилъ своимъ боярамъ Дмитрій Донской. По городамъ и волостямъ, непосредственно Дворцомъ не эксплоатировавшимся и потерявшимъ своихъ призрачныхъ державцевъ, сидятъ и кормятся слуги Московскаго государя, его „*намѣстники и волостели*“. Они получаютъ города, „съ чего имъ сытымъ быти“ ради доходовъ съ суда и управленія, въ награду за военную и придворную службу. Правятъ они черезъ своихъ холоповъ *тіуновъ и доводчиковъ*, существовавшихъ и въ дворцовыхъ земляхъ. Кормленія были уничтожены только въ половинѣ XVI столѣтія, въ концѣ котораго погибъ и послѣдній удѣльный князь, Дмитрій Угличскій. Земли давались или въ полную собственность, въ вотчину, или въ условную: подъ условіемъ службы и какъ средство для нея—въ помѣстье. Представляя развитіе давно зародившихся началъ землепользованія, помѣстное землевладѣніе теперь дѣлаетъ огромные успѣхи и, параллельно росту количества класса служилыхъ людей, быстро начинаетъ поглощать черные крестьянскіе міры.

Крестьяне. Договорныя грамоты между князьями признаютъ право свободнаго перехода не только за слугами вольными, но и за земскими людьми, „сиротами“, или крестьянами: „А боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и слугамъ

и *христіаномъ* межъ насъ *вольнымъ воля*". Но общій процессъ кристаллизаціи общества постепенно захватывалъ, какъ самихъ князей, ихъ дружину—бояръ, такъ и крестьянъ. Впереди въ этомъ отношеніи идутъ экономически болѣе развитыя, прогрессивныя области: Новгородъ и Москва. Новгородъ раньше другихъ земель связалъ свое боярство: еще въ половинѣ XIV столѣтія (1366 г.) „села, земли и воды бояръ" отбирались у нихъ въ случаѣ отъѣда; а съ начала этого вѣка въ договорѣ съ Тверью новгородцы требуютъ выдачи обратно бѣглыхъ холоповъ и *половниковъ* [1]); въ послѣдующихъ договорахъ князья постоянно обязуются не выводить людей изъ Новгородской области. Вслѣдъ за Новгородомъ и раньше другихъ земель шла Москва. Въ духовной Московскаго удѣльнаго князя, Владиміра Андреевича (двоюр. братъ Дмитрія Донского), мы встрѣчаемъ уже запрещеніе дѣтямъ принимать другъ отъ друга, какъ бѣглыхъ холоповъ, такъ и крестьянъ: „А кто будетъ подъ дворскимъ слугъ (т.-е. дворовыхъ людей и дворцовыхъ крестьянъ), тѣхъ дѣти мои промежъ себя не принимаютъ, *ни отъ сотниковъ*" (на сотни дѣлились черные свободные крестьяне).

Въ той или иной формулировкѣ, напримѣръ, въ словахъ; „а которые слуги потягли къ дворскому, *а черные люди къ сотникамъ*, тѣхъ намъ въ службу не принимати"—правило это часто повторяется въ договорахъ Московскихъ князей. Послѣдніе, такимъ образомъ, взаимно уславливаются не принимать на свои земли другъ отъ друга любителей переходовъ. Но это условіе еще не уничтожало свободы крестьянина: онъ могъ уйти въ привиллегированную вотчину, закрытую отъ княжеской администраціи жалованной грамотой, или же уйти въ другое княжество, напр., въ Тверское, Ярославское, Рязанское и т. п. Съ первой возможностью

---

[1]) Половничество—одна изъ формъ аренды земли крестьянами, повидимому, наиболѣе древняя.

Московскіе князья боролись тѣмъ, что въ жалованныхъ грамотахъ опредѣляли, на какіе именно разряды крестьянъ частновладѣльческой вотчины распространяется привиллегія, т.-е. свобода отъ княжеской дани и суда. Эти разряды ограничивались: 1) старожильцами вотчины или 2) купленными и посаженными въ ней людьми, наконецъ, 3) крестьянами, перезванными изъ другихъ княжествъ. Иногда льгота распространялась на всѣ 3 разряда, иногда на нѣкоторые только, иногда такихъ ограниченій совсѣмъ не было, въ грамотахъ же опредѣленно указывалось вотчиннику: „людей монхъ великаго князя не принимать“ или: „не принимать „тутошныхъ становыхъ и волостныхъ людей“; послѣднихъ грамоты именуютъ данными, письменными, вытными и т. п. терминами, указывая на то, что имъ велся учетъ въ княжескомъ хозяйствѣ. Что касается перехода въ другое княжество, то иногда Московскій князь и въ договорахъ вводилъ обязательство о непріемѣ своихъ людей: такъ, напр., Василій II требовалъ отъ Шемяки не принимать къ себѣ вольныхъ людей съ Бѣжецкаго верха. Съ образованіемъ Московскаго государства послѣднія мѣры впрочемъ стали излишними: какъ слугамъ вольнымъ, крестьянамъ, кромѣ Литвы, было некуда бѣжать. Князь, какъ вотчинникъ, былъ теперь заинтересованъ только въ неуходѣ своихъ крестьянъ къ бѣлымъ вотчинникамъ, но эта забота съ ростомъ владѣній теряетъ свою важность и отходитъ на задній планъ. На первое мѣсто выступаютъ теперь усилья самихъ вотчинниковъ къ ограниченію крестьянскаго перехода.

Князь Михаилъ Андреевичъ Бѣлозерскій въ грамотѣ 1450 г., по жалобѣ игумена Кириллова монастыря, запретилъ отказывать монастырскихъ людей не въ срокъ, до котораго они нанимались: „и вы бъ серебрениковъ, и половниковъ, и свободныхъ людей не о Юрьеви дни не отказывали, а отказывали серебреники и половники

о Юрьевѣ дни, да и серебро заплатитъ“ [1]). Этой же грамотой монастырю позволялось *не выпускать* отъ себя крестьянъ не въ срокъ. Названные въ грамотѣ „серебреники“—это тѣ изъ крестьянъ, которые взяли у землевладѣльца (здѣсь монастыря) ссуду, серебро. При выходѣ ссуду надо было заплатить, что, разумѣется, представляло для крестьянъ часто серьезное затрудненіе. Такую ссуду, деньгами, хлѣбомъ или инвентаремъ, брали очень многіе: во второй половинѣ XVI вѣка на земляхъ того же монастыря 70% крестьянъ засѣвали свои участки сѣменами, взятыми въ ссуду у монастырскихъ властей; конечно, задолженность крестьянъ существовала и во второй половинѣ XV столѣтія.

Кромѣ того, крестьянинъ объязанъ уплатить землевладѣльцу такъ называемое „*пожилое*“, особая арендная плата за пользованіе втеченіе 4-хъ лѣтъ дворомъ, который, какъ и земля, принадлежалъ землевладѣльцу. По Судебнику Ивана III размѣръ пожилого равнялся „въ полѣхъ за дворъ рубль, въ лѣсѣхъ—полтина“, т. е. на наши деньги 100 и 50 рублей.

Однако Судебникъ скорѣе ограничиваетъ, нежели подымаетъ существовавшіе размѣры этого налога: въ отдѣльныхъ случаяхъ пожилое доходило до 5 и 10 руб., т. е. 500 и 1000 рублей на наши деньги. Естественно, что положеніе вотчинныхъ и помѣстныхъ крестьянъ въ концѣ XV вѣка было приниженное. Связанный ссудой и пожилымъ, а иногда и записью о неуходѣ съ земли господина, крестьянинъ только въ исключительныхъ случаяхъ могъ своими силами вырваться изъ этихъ серебряныхъ цѣпей, да и вырвавшись, онъ рѣдко находилъ лучшія условія существованія. По Судебнику села и деревни огорожены и принадлежатъ какимъ-либо „государямъ“: окняженіе и обояреніе земли уже завершилось, церковь продолжала скоп-

[1]) Юрьевъ день осенній—22 ноября.

лять огромныя владѣнія, къ тому же начиналась широкая раздача черныхъ земель въ помѣстья государевымъ служилымъ людямъ...

Такъ намѣчались характернѣйшія черты Московскаго общества: едино и самодержавіе государя-вотчинника и закрѣпощеніе всѣхъ слоевъ населенія на службу государству.

Павелъ Смирновъ.

Паденіе Великаго Новгорода *).

Перемѣны въ соціальномъ строѣ.

Съ XIV вѣка въ Новгородской области совершается крупный экономическій переворотъ: хозяйство натуральное постепенно вытѣсняется хозяйствомъ денежнымъ. Увеличивавшаяся торговля съ западной Европой вызвала потребность въ звонкой монетѣ, а оказавшіеся благодаря этой же торговлѣ въ рукахъ новгородскаго купечества запасы серебра дали возможность ввести въ употребленіе собственную серебряную монету взамѣнъ бывшей прежде въ употребленіи нѣмецкой. Развитіе денежнаго хозяйства имѣло двоякое значеніе: съ одной стороны оно повело къ увеличенію крупнаго землевладѣнія, какъ монастырскаго, такъ и боярскаго за счетъ землевладѣнія мелкаго, съ другой—отразилось и на отношеніяхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Мелкіе собственники, не располагавшіе денежными средствами, были вынуждены распродавать свои земли или закладывать ихъ боярамъ и монастырямъ. Кромѣ того, крупные землевладѣльцы могли давать крестьянамъ большія льготы и переманивали ихъ съ земель мелкихъ собственниковъ. Вообще можно констатировать, что въ Новгородской области, въ серединѣ XV в., особенно тяжело жилось крестьянамъ на земляхъ мелкихъ владѣльцевъ. Чѣмъ крупнѣе были земельныя владѣнія того или другого лица, тѣмъ менѣе были обременены крестьяне всякаго рода оброками. Поэтому, несомнѣнно, крестьяне стремились къ арендѣ земли у крупныхъ владѣльцевъ, а это обстоятельство приводило къ запустѣнію и упадку мелкое землевладѣніе. Всѣ указанныя

*) Литературу см. т. I, ст. „Господинъ Великій Новгородъ“.

причины привели къ тому, что въ рукахъ крупныхъ собственниковъ ко второй половинѣ XV в. сосредоточилось почти $^4/_5$ общаго количества земли всей области. Изъ этого числа $^2/_3$ принадлежало монастырямъ, а остальная земля находилась въ рукахъ нѣсколькихъ боярскихъ родовъ. Обладая огромными земельными богатствами, бояре вмѣстѣ съ тѣмъ обладали и значительными денежными средствами. Эти средства они получали или отъ продажи продуктовъ, сбиравшихся съ крестьянъ въ видѣ оброка натурой, или получали отъ крестьянъ оброкъ непосредственно деньгами. Сосредоточеніе земельныхъ и денежныхъ богатствъ въ рукахъ крупнаго боярства привело къ тому, что оно заняло первенствующее положеніе въ государствѣ. Купцы, нуждаясь въ деньгахъ, обращались за кредитомъ къ боярамъ и попадали въ нѣкоторую зависимость отъ нихъ. Экономическое господство боярской партіи въ Новгородѣ было настолько велико, что ко второй половинѣ XV в. новгородская республика превратилась фактически въ олигархическое государство. Вѣче юридически существовало, но всѣми дѣлами, въ концѣ концовъ, управляло нѣсколько крупныхъ боярскихъ фамилій. На вѣчѣ „худые мужики“ „вѣчники“ постановляли только тѣ рѣшенія, которыя имъ подсказывали бояре. Демократическая партія не могла оказать боярамъ серьезнаго противодѣйствія, потому что за боярами стояла городская чернь, сильно отъ нихъ зависѣвшая. Бояре захватили и судъ и все высшее управленіе, и низшіе классы населенія сильно чувствовали на себѣ тяжесть боярской руки. Классовыя противорѣчія все болѣе обострялись, и изъ сознанія новгородцевъ постепенно изчезала идея единаго Новгорода; боярамъ былъ желателенъ такой государственный строй, который обезпечивалъ бы за ними ихъ власть, низшіе же классы стремились къ преобразованію этого строя, искали себѣ защитниковъ отъ боярскихъ притѣсненій Начиналось постепенное разложеніе государства.

Упадокъ торговли съ Западной Европой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, начало падать и богатство Новгорода, которое было основано на торговлѣ съ западной Европой. Эта торговля, какъ извѣстно, сосредоточивалась съ XIV вѣка въ рукахъ Ганзейскаго союза, и, чтобы выяснить упадокъ новгоодской западной торговли, необходимо обратиться къ тѣмъ перемѣнамъ, которыя произошли въ Ганзейскомъ союзѣ. Съ XIV по XV вѣкъ въ Ганзейскомъ союзѣ завѣдываніе дѣлами всего союза постепенно становится монополіей отдѣльныхъ городовъ, которые конкурируютъ другъ съ другомъ, стремясь захватить управленіе дѣлами въ свои руки. Въ XV в. рѣшающее значеніе переходитъ къ городу Любеку, и въ 1442 году Любекъ самостоятельно издаетъ установленія для новгородской нѣмецкой конторы. Постановленія эти, имѣвшія въ виду интересы только одного города, естественно должны были стѣснять новгородскую торговлю. Кромѣ того, сильное вліяніе на обороты нѣмецкой конторы въ Новгородѣ долженъ былъ оказать и ростъ лифляндскихъ городовъ, торговые обороты которыхъ начинаютъ все болѣе и болѣе усиливаться. Между тѣмъ Любекъ монополизировалъ торговлю и издавалъ одно постановленіе за другимъ, запрещавшія совершенно сухопутную торговлю. Постоянно повторяются распоряженія о запрещеніи ввоза въ Новгородъ товаровъ сухимъ путемъ черезъ Лифляндію, а это обстоятельство сильно вредило новгородской торговлѣ, такъ какъ отнимало у нея возможность непосредственныхъ сношеній съ новыми бойкими рынками. Такія причины приводили постепенно къ тому, что торговая дѣятельность нѣмецкой конторы въ Новгородѣ все болѣе и болѣе падала. Хотя, не взирая на запрещенія, и существовала торговля съ лифляндскими городами, но она, конечно, не могла по своимъ оборотамъ сравняться съ торговлей нѣмецкой конторы. Этотъ упадокъ торговли привелъ съ одной стороны къ упадку купечества новгородскаго, а съ другой стороны къ утратѣ богатства—главной силы Новгорода.

Торговыя связи Подвинья.

Упадокъ западной торговли шелъ паралельно съ развитіемъ торговли восточной, которая возникаетъ въ Двинской землѣ. Подвинье уже въ XIV вѣкѣ заводитъ самостоятельныя торговыя связи въ верхнимъ Поволжьемъ, а черезъ него съ центральной Россіей. Уставная двинская грамота 1397 года, дошедшая до насъ, указываетъ торговыя пути двинскихъ бояръ. Это города: Устюгъ, Вологда и Кострома, въ которыхъ двинскіе гости по этой грамотѣ пользуются торговыми привиллегіями. Торговля Подвинья захватила огромную область. Двина служила торговымъ путемъ и для Поморья и для собственно Двинской земли (иначе Заволчья), т.-е. для наиболѣе богатыхъ новгородскихъ волостей. Двинскіе бояре стремятся къ обособленію отъ Новгорода: они не только не подчиняются рѣшенію новгородцевъ, но образуютъ какъ бы самостоятельную общину съ своими собственными политическими тенденціями. Для нихъ была гораздо выгоднѣе непосредственная торговля съ центральной Россіей, а въ частности съ Москвой, чѣмъ торговля съ западомъ черезъ Новгородъ. Двинская земля рано начинаетъ тянуть къ Москвѣ, и новгородцамъ приходилось даже вооруженной силой наказывать непокорныхъ двинянъ за ихъ измѣну. А вмѣстѣ съ Подвиньемъ изъ Новгородскихъ торговыхъ оборотовъ уходилъ и товаръ. Дѣло въ томъ, что къ серединѣ XV вѣка мѣстности, непосредственно прилегавшія къ Новгороду, уже были сравнительно бѣдны пушными звѣрями, главныя богатства пушныхъ звѣрей находились въ Заволочьи и Поморьѣ, а, какъ мы видѣли, товары изъ этихъ мѣстностей, минуя новгородское купечество, черезъ Двину направляются къ Москвѣ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, западная торговля падаетъ, съ другой стороны новгородскіе товары находятъ для себя болѣе близкій рынокъ въ Москвѣ и вообще въ центральной Россіи. Связи торговыя съ Москвой были настолько тѣсны и сильны, что Подвинье въ концѣ XIV в. сдѣлало серьезную по-

пытку отложиться отъ Новгорода и войти въ составъ княжества Московскаго. Въ княженіе Василія Дмитріевича, въ 1397 году, „бояре двинскіе и вси двиняне за великаго князя задались“, т.-е. добровольно перешли на его сторону. Правда, имъ пришлось быть подъ московскимъ владычествомъ не болѣе одного года: новгородцы отбили эту землю у Москвы обратно и жестоко покарали двинянъ за ихъ измѣну, но стремленіе къ Москвѣ среди двинянъ осталось прежнее, и это раздвоеніе страны сильно ослабляло Новгородъ.

Отношеніе къ Моск. вѣ.

Со времени возвышенія Москвы новгородцамъ волей-неволей, подъ угрозой татарскаго нашествія, приходилось выбирать на свой столъ почти исключительно московскихъ князей. Въ первое время они даже содѣйствовали иногда денежными средствами полученію ярлыка на великое княженіе московскими князьями, но съ теченіемъ времени отношенія все болѣе и болѣе ухудшались. Московскіе князья усиленно стремились къ полному подчиненію новгородцевъ своей волѣ. Отстаивая свои исконнія свободы, новгородцы вели цѣлый рядъ войнъ съ различными московскими князьями, но въ большинствѣ случаевъ неудачно. Впрочемъ, обычно неудачная война приводила только къ уплатѣ контрибуціи въ томъ или иномъ размѣрѣ. Серьезнѣе окончилось столкновеніе съ Димитріемъ Донскимъ и его сыномъ Василіемъ: первый наложилъ на Новгородъ послѣ побѣды крупный „окупъ“ въ 8000 р. (около милліона на наши деньги), а второй добился того, что этотъ „окупъ“ превратился въ постоянную дань. Но ни тотъ, ни другой не посягнули серьезно на новгородскія вольности. Эту попытку ограничить новгородскую свободу сдѣлалъ Василій Темный. Послѣ войны, окончившейся для Новгорода неудачно, былъ составленъ договоръ, согласно которому вѣчевое судопроизводство должно было прекратиться; судныя грамоты за подписью вѣча были объявлены недѣйствительными, для дѣйствительности судной грамоты требовалась пе-

чать великаго князя. Этотъ пунктъ договора былъ очень стѣснителенъ для Новгорода, но ему волей-неволей надо было подчиниться, тѣмъ болѣе, что зависимость отъ Москвы чувствовалась все сильнѣе и сильнѣе, и Новгородъ доживалъ послѣдніе дни политической самостоятельности.

Присоединеніе Новгорода къ Москвѣ.

Въ серединѣ XV в. окончательно сложились два политическіе центра, собиравшіе вокругъ себя отдѣльныя русскія области—великое княжество Московское и великое княжество Литовское. Существованіе мелкихъ областей, какъ самостоятельныхъ политическихъ единицъ, стало невозможнымъ, и необходимо было присоединяться или къ тому или къ другому центру. Неудовольствіе московскими князьями со стороны боярской партіи въ Новгородѣ все росло со времени Василія Темнаго, а при его преемникѣ, Иванѣ III, стало еще болѣе значительнымъ.

Партіи въ Новгородѣ.

Въ Новгородѣ сложились двѣ партіи: боярская и народная, которыя различно относились къ вопросу о подчиненіи Москвѣ. Первая, во главѣ которой стала извѣстная Марѳа Борецкая, усиленно пропагандировала сближеніе съ Литвой, предлагая пригласить на новгородскій столъ Казимира IV. Важнѣйшей причиной при этомъ приглашеніи было стремленіе воспользоваться тѣми привиллегіями, которыми пользовалось боярство въ Литовскомъ государствѣ. Боярская партія прекрасно сознавала, что сохранить свое положеніе въ Новгородѣ она сможетъ, только подчинившись Литвѣ; надежды на самостоятельную оборону отъ Московскаго князя не было, слишкомъ ясно было несоотвѣтствіе силъ того и другого государства. Демократическая партія, наоборотъ, стремилась къ соединенію съ Москвой, имѣя въ виду, съ одной стороны, торговыя выгоды, а съ другой, не безъ основанія надѣясь, что власть московскаго государя сократитъ боярскій произволъ. Въ Новгородѣ смуты дошли до крайности. Вѣча были чрезвычайно бурными и оканчивались вооруженными

столкновеніями обѣихъ партій. Литовская партія одержала верхъ, и съ Казимиромъ былъ заключенъ договоръ, подтверждавшій прежнія вольности новгородцевъ и обязывавшій Казимира защищать Новгородъ отъ Москвы. Намѣстникомъ Казимира сталъ литовскій князь Михаилъ Олельковичъ, который однако пробылъ въ Новгородѣ только четыре мѣсяца и уѣхалъ искать кіевскаго наслѣдства, такъ что при послѣдовавшемъ столкновеніи съ Иваномъ, новгородцы остались безъ всякой поддержки.

Первый походъ Іоанна на Новгородъ.

Послѣ его отъѣзда Іоаннъ послалъ къ новгородцамъ мирное увѣщаніе, но безуспѣшно. Тогда великій князь собралъ въ Москвѣ совѣтъ изъ бояръ, епископовъ и воеводъ, и на этомъ совѣтѣ постановили итти на Новгородъ, для наказанія его за измѣну, 31-го мая 1471 года московское войско двинулось на Новгородъ. Торжественно молились москвичи о побѣдѣ, выступая въ походъ, торжественно шли они на войну, сознавая, что побѣда будетъ за ними. А въ Новгородѣ все было сумрачно, все было наполнено дурными предзнаменованіями. Да и само войско собиралось крайне неохотно, отвыкли новгородцы отъ войны, чувствовали многіе, что неладное дѣло вся эта война съ Москвой, и приходилось ихъ силой выводить въ полки. Первая встрѣча московскаго войска съ новгородскимъ кончилась полнымъ пораженіемъ новгородцевъ. Собрали новгородцы всѣ свои силы, выставили новое громадное войско и пошли на встрѣчу главному московскому отряду. Встрѣча произошла на берегу рѣки Шелони. Привычное московское войско съ перваго натиска разбило нестройныя новгородскія толпы. Пораженіе новгородцевъ было полное. Знамена, начальники и тысяча шестьсотъ плѣнныхъ достались москвичамъ.

Новгородъ пришелъ въ полное уныніе, узнавъ о Шелонскомъ пораженіи, но Марѳа настаивала на томъ, чтобы бороться. Начали готовиться къ защитѣ, но въ это время нѣкто Упадышъ, принадлежавшій къ

къ московской партіи, забилъ нѣсколько пушекъ на стѣнахъ новгородскихъ. Послали было новгородцы за помощью въ Литву,—ихъ пословъ не пустили нѣмцы. Въ Новгородѣ, между тѣмъ, начался голодъ. Тогда московская партія одержала верхъ: къ государю было отправлено огромное посольство просить пощады и мира. Іоаннъ согласился дать миръ на слѣдующихъ условіяхъ: новгородцы отрекаются отъ союза съ Казимиромъ; новгородскій владыка посвящается въ Москвѣ, кромѣ того новгородцы уступали великому князю очень много своихъ земель, вмѣсто грамотъ съ подписью вѣча должны были быть на грамотахъ великокняжескія печати. Этотъ договоръ былъ заключенъ не только съ самимъ великимъ княземъ, но и съ его сыномъ, такъ что устанавливалась наслѣдственная власть Москвы надъ Новгородомъ. Новгородская свобода была потрясена въ самыхъ своихъ основаніяхъ. Но на этомъ дѣло не кончилось.

Война съ Іоанномъ III принесла огромныя потери новгородцамъ. Вся область новгородская была опустошена и выжжена, много жителей было отведено въ плѣнъ, въ самомъ Новгородѣ богатѣйшіе купцы были разграблены. По договору съ великимъ княземъ приходилось выплачивать ему огромные налоги, и эти налоги нужно было достать отъ разоренныхъ поселянъ, у которыхъ не было ни имущества, ни скота. Много бѣдствій видѣла Новгородская земля, но такой бѣды, по словамъ лѣтописца, не было на нихъ отъ вѣка, какъ земля ихъ стала. Конечно, при такомъ разореніи не могъ оставаться спокойнымъ народъ новгородскій. Начались смуты. Старая боярская партія, тянувшая къ Литвѣ, начала вновь возбуждать народъ къ отпаденію отъ Москвы. Начались буйства, и люди, принадлежавшіе къ московской партіи, нигдѣ не могли найти себѣ ни покоя, ни управы. Тогда они обратились за судомъ къ великому князю. Этого только и нужно было Іоанну. Мы уже говорили о томъ, что

однимъ изъ главныхъ устоевъ новгородской свободы былъ судъ, въ который не долженъ былъ вмѣшиваться великій князь, и вотъ теперь новгородцы сами обратились за судомъ къ нему. Іоаннъ пріѣхалъ къ Новгороду и не только приговорилъ обидчиковъ къ штрафу, но, кромѣ того, нѣкоторыхъ увезъ съ собою. Послѣ этого случая многіе стали обращаться за судомъ великаго князя уже въ Москву, а ихъ всѣхъ великій князь заставлялъ цѣловать крестъ себѣ. По этому цѣлованію вольный новгородскій человѣкъ становился уже слугою великаго князя.

Разумѣется, это крестоцѣлованіе порождало новыя смуты въ Новгородѣ. Опять душа новгородцевъ тянулась къ Казимиру литовскому, опять можно было великому князю поднять дѣло о Новгородской измѣнѣ при первомъ удобномъ случаѣ.

Второй походъ Іоанна.

Такой случай вскорѣ представился. Послы Захаръ и Василій, отправленные Новгородомъ въ Москву, назвали великаго князя не господиномъ, какъ обыкновенно называли его, а государемъ. Іоаннъ воспользовался этимъ и послалъ сказать новгородцамъ, что если тѣ его назвали государемъ, то онъ требуетъ и того, чтобъ они его считали государемъ, а это значило, что новгородцы должны теперь судиться не у своихъ судей, а у великокняжескихъ. Это возмутило новгородцевъ окончательно. Захара и Василія они убили и хотѣли перебить всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ за Москву. Многіе были убиты, многіе ограблены, а нѣкоторымъ удалось убѣжать въ Москву и просить великаго князя итти вновь войной на непокорный городъ. Самъ Іоаннъ теперь понялъ, что пришла пора окончательно сломить Новгородъ. Въ 1476 году московское войско осенью пошло на Новгородъ. Опять московскіе отряды разсыпались по всей землѣ и начали опустошать ее.

Новгородцы, увидѣвши, что имъ не справиться съ великимъ княземъ, отправили къ нему посольство и просили пощады, но Іоаннъ не хотѣлъ мириться. Онъ

сказалъ новгородцамъ, что они сами должны знать, какъ имъ поступать теперь, что онъ не требуетъ отъ нихъ ничего, а самъ продолжалъ наступать, и, наконецъ, когда его войска обложили Новгородъ со всѣхъ сторонъ, онъ самъ остановился лагеремъ въ трехъ верстахъ отъ Новгорода и началъ ожидать, чтобы новгородцы пришли за миромъ. Въ Новгородѣ начался голодъ, начались обильныя смуты, а главное сами новгородцы совершенно не знали, чего хочетъ великій князь. Они посылали къ нему посольство за посольствомъ, предлагая дань, предлагая самыя различныя условія мира, но Іоаннъ не говорилъ имъ ничего въ отвѣтъ, онъ ждалъ, пока истомленные голодомъ новгородцы не отдадутся вполнѣ на его волю.

Наконецъ желанный Іоанномъ день наступилъ. 10 января 1477 года великій князь рѣшился отправить списокъ, по которому новгородцы должны были принести присягу. Въ этой присягѣ новгородцы присягали Іоанну на подданствѣ, а онъ не бралъ на себя никакихъ обязательствъ.

Осада была окончена. Новгородъ отдался вполнѣ во власть великаго князя, вѣче было уничтожено, масса новгородскихъ земель перешла въ руки великаго князя, а остальныя земли были такъ разорены двукратной войной, что отъ славы и величія новгородскихъ осталось очень мало. Торжествующимъ побѣдителемъ пріѣхалъ Іоаннъ въ Москву и въ знакъ своей побѣды привезъ съ собой вѣчевой колоколъ, тотъ самый колоколъ, который цѣлые вѣка собиралъ на вѣче свободный и великій Новгородъ. Съ грустью говоритъ лѣтописецъ, что этотъ колоколъ „привезенъ бысть и вознесли его на колокольницу на площади, съ прочими колоколы звонить“. Казалось, все было окончено, но судьбѣ было угодно нанести послѣдній ударъ Новгородской землѣ.

Третій походъ Іоанна.

Не унялась боярская партія, опять стали думать о Казимирѣ, опять начали готовиться къ борьбѣ съ вели-

кимъ княземъ. Но московская партія тоже не дремала. Іоанну донесли, что хочетъ отъ него отложиться Новгородъ, что новгородцы укрѣпили стѣны, опять выбрали прежнихъ должностныхъ лицъ и возобновили вѣче. Въ 1479 году опять подошло великокняжеское войско къ стѣнамъ новгородскимъ, и почти безъ борьбы сдался великій Новгородъ. Начались казни виднѣйшихъ представителей боярской парти, а семь тысячъ боярскихъ родовъ было перевезено въ Москву. Казни и переселенія сопровождались конфискаціей земель въ пользу великаго князя. Эти конфискаціи совершенно измѣнили весь характеръ новгородскаго землевладѣнія и привели его къ упадку.

Новгородъ послѣ присоединенія къ Москвѣ. Землевладѣніе.

Присоединеніе Новгорода не было только политическимъ, это было полное поглощеніе всей территоріи московскими людьми: земли изъ рукъ новгородскихъ бояръ перешли въ руки московскаго служилаго класса. Конфискація земель была произведена нѣсколько разъ и закончилась только къ 1500 году. Всѣ почти частновладѣльческія и монастырскія земли перешли въ руки великаго князя московскаго. Только вдали отъ Новгорода,въ Корельскомъ и Орѣховскомъ уѣздахъ, сохранилась небольшая группа новгородскихъ владѣльцевъ, получившая названіе „своеземцевъ“, но и они, за право владѣнія землей, были обязаны служить московскому князю. Въ общемъ, отъ частнаго землевладѣнія уцѣлѣла едва-ли 0,1%. То же произошло и съ землями монастырскими: онѣ уменьшились очень значительно, и въ рукахъ монастырей осталось не больше $^1/_{10}$ ихъ прежнихъ владѣній.Весь этотъ крупный земельный фондъ былъ раздѣленъ на три разряда земель: на земли дворцовыя, оброчныя и помѣстныя. Дворцовыя земли по величинѣ не были значительны, но онѣ принадлежали къ землямъ наиболѣе богатымъ, гдѣ была развита промышленность и торговля. Онѣ составляли собственность государя, управлялись дворецкимъ и оброки платили на „государевъ обиходъ“. Земли оброчныя представ-

ляли изъ себя фондъ для раздачи служилымъ людямъ помѣстій; число ихъ тоже было невелико и съ теченіемъ времени все уменьшалось, такъ какъ происходила постепенная раздача ихъ служилымъ людямъ. Оброкъ съ этихъ земель шелъ въ государеву казну. Огромная же часть конфискованныхъ земель была роздана въ помѣстья московскимъ служилымъ людямъ, причемъ наибольшія помѣстья получили тѣ изъ нихъ, которые играли выдающуюся роль въ походахъ на Новгородъ.

Эта перемѣна владѣльцевъ оказала сильное вліяніе на положеніе новгородскаго землевладѣнія. Прежде всего былъ расшатанъ прежній хозяйственный укладъ. Крупныя владѣнія новгородскихъ бояръ были раздроблены на сравнительно незначительныя помѣстья, владѣльцы которыхъ сразу повысили крестьянскіе оброки и вмѣстѣ съ тѣмъ значительную часть оброковъ изъ натуральныхъ обратили въ денежные. Это послужило первой причиной постепеннаго разоренія крестьянства. Къ отягченію крестьянъ вели и государственныя подати, возросшія послѣ присоединенія къ Москвѣ. Въ результатѣ населеніе страны начало быстро уменьшаться. Черезъ 50—70 лѣтъ послѣ присоединенія Новгорода къ Москвѣ остается въ наличности едва $^1/_{10}$ часть населенія. Огромныя пространства земли пустѣютъ, пустѣютъ цѣлыя волости и погосты. Только монастырскія и дворцовыя земли отчасти избѣгаютъ разоренія, но и онѣ тоже теряютъ очень много, и богатый, густо-населенный край становится пустыннымъ. Одной изъ видныхъ причинъ ухода населенія изъ Новгородской области былъ также упадокъ торговли.

Торговля. Послѣ присоединенія Новгорода къ Москвѣ торговля его съ западной Европой продолжала неуклонно падать. Сильный толчокъ для паденія ея, несомнѣнно, былъ данъ переводомъ купечества изъ новгородской области, но самъ по себѣ этотъ „выборъ“ новгородскихъ купцовъ не оказалъ рѣшающаго вліянія. Нельзя

думать, что и московское правительство сколько-нибудь стѣсняло торговлю. Наоборотъ, Иванъ III предпринялъ цѣлый рядъ мѣръ для упорядоченія торговли. Путемъ измѣненія нѣкоторыхъ пунктовъ дѣйствовавшихъ договоровъ онъ стремился къ возвращенію прежнихъ порядковъ торговли путемъ уничтоженія поводовъ къ мелкимъ придиркамъ. Нѣкоторое неудобство вызывала только отдача „вѣсчаго“, т е. пошлины за провѣсъ товаровъ, въ руки откупщиковъ, которые значительно увеличивали эту пошлину и вызывали справедливыя нареканія со стороны нѣмецкаго купечества. Въ 1514 году былъ заключенъ съ Ганзейскимъ союзомъ торговый договоръ, который устанавливалъ прочныя и болѣе льготныя для нѣмецкихъ купцовъ условія торговли. Обращено было вниманіе и на правильную постановку разбора судебныхъ процессовъ. Но эти мѣры не могли оживить замиравшей торговли: причиной былъ упадокъ самаго Ганзейскаго союза. Въ торговлѣ западной Европы въ концѣ XV в. происходитъ крупный переворотъ: мѣсто Балтійскаго моря, славнаго раньше своей торговлей, занимаетъ Средиземное море и Атлантическій океанъ, по которому лежалъ торговый путь въ Америку. Развивается торговля Нидерландовъ и Англіи, и параллельно падаетъ ганзейская торговля. А съ упадкомъ этой послѣдней неизбѣжно падала и торговля новгородская. Переходъ же финскаго побережья въ руки Швеціи и Польши въ XVI в. окончательно подорвалъ новгородскую торговлю, такъ какъ иноземные купцы были обложены слишкомъ высокой провозной пошлиной, и къ концу XVI в. западная торговля Россіи переходитъ окончательно въ Архангельскъ, а торговая жизнь Новгорода и Пскова замираетъ.

А. М. Гнѣвушевъ.

Движеніе населенія Московскаго государства *).

Возникновеніе исчисленій населеній.

Въ русскихъ архивахъ хранится огромное количество памятниковъ всякаго рода переписей. Въ одномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи считается около 3,500 рукописныхъ книгъ, относящихся къ переписямъ 1499-1729 г.г. Кромѣ того, тамъ же находятся т. н. ревизскія сказки—подушныя переписи податного населенія XVIII-XIX вѣковъ. Въ другихъ архивахъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, общественныхъ и частныхъ, попадаются цѣлые отдѣлы такихъ древнихъ переписей, московской и петербургской эпохъ

*) *Важнѣйшая литература*: *Чечулинъ*. „Начало въ Россіи переписей и ходъ ихъ до конца XVI в.“ (Библіографъ 1889 г. № 2); *Миклашевскій*. „Древне-русскіе поземельные кадастры“. (Записки Акад. Наукъ 1903 г., т. VI, № 4); *Милюковъ*. „Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства“. Спб. 1892 г.; *Неволинъ*. „Объ успѣхахъ государственнаго межеванія“. (Полн. собр. соч. т.VI); *Лаппо*. „Тверской уѣздъ въ XVI столѣтьи“. (Чтенія въ Общ.И. и Д. 1894г. кн. IV); *Сташевскій*. „Опыты изученія писцовыхъ книгъ Московскаго государства“, в. I. Московскій уѣздъ. Кіевъ 1907 г.; *Смирновъ*. „Орловскій уѣздъ въ концѣ XVI в. по писц. книгамъ“. Кіевъ 1910 г.; *Чечулинъ*. „Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ“. Спб. 1889 г.; *Ильинскій*. „Городское населеніе Новгородской области въ XVI в“. (Журн. М. Н. Пр. 1876, VI и Историч. Обозрѣніе 1897, т. IX); *Рожковъ*. „Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.“ М. 1899 г.; *Богоявленскій*. „Нѣкоторыя стат. данныя по исторіи русск. города XVII в.“ (Древности. Труды Археол. Ком. Моск. Археол. Общ. Т. I. вып. 3); *Готье*. „Замосковный край въ XVII в. по писц. книгамъ“. М. 1900 г.; *Милюковъ*. „Государственное хозяйство Россіи и реформа Петра В.“ Спб. 1891 г., 2-ое изд. Спб. 1905 г.; *Веселовскій*. „Посадская соха“ (Ж. М. Н. П. 1910 г.).

или отдѣльные памятники, еще не всюду приведенные въ извѣстность.

Какъ почти въ каждой странѣ, такъ и у насъ на Руси, попытки счисленія населенія, возникаютъ очень рано. Такія попытки существовали повидимому еще въ туманную для историковъ эпоху до возникновенія въ IX столѣтіи государства. Каждое установленіе дани „отъ дыма“, какъ платили поляне, сѣверяне и вятичи, или „отъ рала“, какъ бралась хазарами съ тѣхъ же и вятичей, подразумѣваетъ опредѣленіе или возможность опредѣленія количества „дымовъ“-дворовъ[1]), и „ралъ“ — вѣроятно земледѣльческихъ хозяйствъ. Такое же счисленіе подразумѣваютъ уставныя грамоты, напр., князя Ростислава Смоленскаго, который въ 1150 году приводитъ суммы, уплачиваемыя ему различными округами княжества. Отъ начала XIII вѣка (1219 г.) до насъ дошелъ даже отрывокъ счисленія 5-ти погостовъ Рязанскаго княжества, въ которыхъ было 1010 крестьянскихъ семей, занимавшихся, вѣроятно, по преимуществу звѣроловствомъ и бортничествомъ [2]). Разумѣется, такія счисленія не были явленіемъ повсемѣстнымъ. Это не были счисленія болѣе или менѣе обширныхъ районовъ, производившіяся періодически: возникали они спорадически въ случаѣ нужды, были частнымъ дѣломъ либо населенія, которому приходилось распредѣлять между собою нужную сумму дани, либо князя, которому приходилось считать ополченія, своихъ холоповъ, свои доходы, опредѣлять величину своихъ даровъ. Такія

---

[1]) Въ частныхъ хозяйствахъ еще въ XVII в. вмѣсто „дворъ“ употреблялся терминъ „дымъ“.

[2]) Акты Историч. Т. 1, № 23: жалованная грамота Олега Рязанскаго 1356—87 г., въ которой онъ цитируетъ „даньи грамоты“ Ольгову монастырю князей Ингваря, Олега и Юрья: „тогды дали Святѣй Богородици дому 9 земель бортныхъ, а 5 погостовъ: Песочна—300 семей, Холохольна—150 семей, Заячины—200 семей, Вепрія—200 семей, Заячковъ—160 семей“. Это надѣленіе произошло въ 1219 году.

счисленія, конечно, далеко не всегда записывались въ какой-нибудь документъ, поэтому огромное количество ихъ должно было исчезнуть безслѣдно, да и документовъ-то отъ до-монгольскаго періода до насъ дошло немного.

Общія переписи татаръ.

Первыми общими переписями центральнаго правительства, произведенными съ цѣлью обложенія населенія налогами, данью, были переписки половины XIII столѣтія татарскихъ баскаковъ. Татары, „изочтоша всю землю русскую“: въ южной Руси они писали, когда тамъ проѣзжалъ Плано-Карпини, т. е. въ 1246 г., въ въ Суздальской—въ 1255-6 годахъ, а въ Новгородской области въ 1257-9 годахъ. „Окааніи сыроядцы“ переписывали въ самомъ Новгородѣ, вѣроятно—и въ другихъ городахъ, „домы христіанскыя“; можно поэтому думать, что въ волостяхъ, погостахъ и станахъ, т. е. внѣ городовъ, они опредѣляли также не количество людей (поголовная или подушная перепись), а хозяйства и отвѣтственныхъ за платежи лицъ. По крайней мѣрѣ въ 1275 году великій князь Василій Ярославичъ (Костромской) отвозилъ хану ордынскую „дань урочную со всея земли по полугривнѣ съ сохи, а въ сохѣ числиша два мужи работники“. Когда же хану показалось, что „ясакъ“ малъ, то великій князь оправдывался числомъ баскаковъ, которые, очевидно, за платежныя единицы считали сохи (древнія рала), хозяйства съ двумя взрослыми работниками. Ханъ приказалъ послать новыхъ „численниковъ“. Такимъ образомъ, черезъ 20 приблизительно лѣтъ, перепись повторяется: „бысть число второе изъ орды отъ царя“. Послѣ этого мы не встрѣчаемъ указаній на общія переписи до конца XV столѣтія. „Ордынскій выходъ“ взимался безъ новыхъ переписей въ условленныхъ въ Ордѣ суммахъ съ надбавками торговавшихся князей. Раздробившаяся земля, послѣ того какъ усобицы ослабили и отвлекли татарскихъ хановъ, не имѣла такой власти, которая могла бы предпринять общую перепись. Однако част-

ныя переписи внутри каждаго княжества, несомнѣнно, продолжались и въ XIV—XV вѣкахъ. Собиравшимъ дань князьямъ нужно было слѣдить за количествомъ „численниковъ“, или „письмяныхъ людей“; хозяйственные интересы заставляли переписывать также купленныхъ холоповъ, росписи и „свертцы“ (т. е. свитки, свертки бумаги) которымъ упоминаетъ въ духовной Иванъ Калита. О переписяхъ говоритъ грамота Дмитрія Донского, освобождающая жителей отъ „писчей бѣлки“, т. е. налога въ пользу писцовъ (1361—5 г.), о нихъ упоминаютъ документы временъ Василья I и II. Василій Темный въ своемъ завѣщаніи предполагалъ, очевидно, задуманную имъ общую перепись княжества, собравшагося въ его рукахъ, но перепись эта не была выполнена.

Переписи Московской эпохи.

По присоединеніи удѣловъ Иванъ III посылалъ туда своихъ писцовъ, которые вводятъ „новое“ письмо, т. е. переводятъ Бѣлоозеро, Тверь, Новгородъ и т. д. въ московскія сохи. Переписи затѣмъ подновлялись по мѣрѣ нужды, пока, послѣ смерти Василья III, не было предпринято грандіозное общее описаніе государства, для чего и были разосланы „большіе писцы“ (1538—47 г.г.). Въ 1551 году Стоглавый соборъ предложилъ новую болѣе точную перепись, съ измѣреніемъ земель, находившихся въ чьемъ-либо владѣніи. Съ помощью византійскихъ источниковъ было составлено руководство для измѣренія и описанія земель, съ указаніемъ, какимъ образомъ класть землю въ сошное письмо (т. е. въ сохи).

Новая генеральная перепись была предпріятіемъ, очевидно, труднымъ и тянулась около 30 лѣтъ; закончилась она, съ поправками, дополненіями и повторными переписями, лишь въ 80-хъ годахъ столѣтія, а въ 90-хъ было предпринято новое описаніе.

Въ XVII вѣкѣ, кромѣ дозоровъ, имѣвшихъ цѣлью опредѣленіе убыли населенія послѣ „московскаго разоренья“, было 3 общихъ переписи и одна неоконченная.

Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ были составлены „писцовыя книги“ (писцовыми называются и кадастры XVI вѣка). Затѣмъ, черезъ 20 лѣтъ, съ 1646 года было предпринято новое описаніе, результатомъ котораго явились „переписныя книги“, приспособленныя для взиманія подворныхъ, а не поземельныхъ налоговъ, какъ книги писцовыя. Въ 1678 г. были снова составлены переписныя книги Московскаго государства. Для взиманія нѣкоторыхъ налоговъ продолжали пользоваться болѣе полными писцовыми книгами; ихъ пытались замѣнить съ помощью новой переписи 1680—86 г., однако это предпріятіе окончено не было.

Помимо общихъ переписей, различныя учрежденія предпринимали частныя: напр., отдѣльно описывались дворцовыя земли, Москва—изъ Земскаго приказа, владѣнья нѣкоторыхъ монастырей и т. п. Кромѣ переписей фискальнаго характера, существовали переписи иного назначенія: напр., у военныхъ вѣдомствъ (Разряда, Стрѣлецкаго и Пушкарскаго приказовъ), у Ямскаго приказа и т. п.

Что осталось отъ переписей.

Многое изъ названныхъ переписей погибло. Такъ, изчезли татарскія описанія; не сохранились описанія удѣльныхъ князей. Самыя раннія, какими мы располагаемъ, относятся къ концу XV в.,—это писцовыя книги Новгородской земли, описанной послѣ присоединенія Новгорода къ Москвѣ. За XVI вѣкъ сохранилось довольно значительное количество переписей (много издано), но особенно много оставилъ XVII вѣкъ, памятники котораго сравнительно мало изслѣдованы. Вообще, статистическій матерьялъ московской эпохи требуетъ еще массы критической работы, прежде чѣмъ обратиться въ твердую основу отечественной исторіи, однако и то, что онъ даетъ въ настоящее время, представляетъ глубокій интересъ. Примиряясь поэтому съ неизбѣжными ошибками, мы сдѣлаемъ попытку представить количество населенія Московскаго государства, а также уловить его передвиженія по территоріи страны за XVI—XVII вѣка.

II.

Количество населенія Моск. г—ва.

Переписи XVI вѣка дошли до насъ въ видѣ разрозненныхъ описаній отдѣльныхъ уѣздовъ и посадовъ государства. Переписи эти даютъ живую картину землевладѣнія, хозяйства, но по нимъ мы не можемъ составить представленія о томъ, каково было количество населенія на всей или, по крайней мѣрѣ, на значительной части территоріи Московскаго государства; кое-что можно сказать лишь объ отдѣльныхъ разбросанныхъ пунктахъ. Гораздо обильнѣе и цѣлостнѣе наши свѣдѣнія за XVII вѣкъ, особенно начиная съ половины этого столѣтія. Пользуясь итогами, подведенными въ московскихъ приказахъ, мы можемъ составить такую табличку различныхъ группъ населенія Московскаго государства.

По книгамъ 1646 года въ Московскомъ государствѣ числилось:

Дворовъ служилыхъ людей (городовыхъ дворянъ и дѣт. боярскихъ, стрѣльцовъ, казаковъ, рейтаръ, драгунъ, пушкарей и т. п.). . . . . 62,739 дв.[1])

За городовыми дворянами и дѣтьми боярск. и за иноземцами. . . . . 101,156 „

Посадскихъ, дворцовыхъ, на земляхъ духовенства, высшей и низшей администр., за придворнымъ штатомъ, москов. дворянами и т. п. [1]) . . . . . 447,710 „

Черныхъ уѣздныхъ дв. кр-нъ и бобылей. . 48,359 „

---

[1]) За Разрядомъ 25,642 дв., за Стрѣлецкимъ приказомъ 20,145 дв., за Казанскимъ Дворцомъ около 15,000 (служилыхъ безъ Казани 12,389, да въ Казани свыше 2000, такъ какъ обычно въ ней стояло 2000 стрѣльцовъ. Въ 1679 г. весь Казанскій Разрядъ, т.-е. полкъ, насчитывалъ 16,124 ч-ка), за Пушкарскимъ 1,952, всѣхъ 62,739 дв.

[1]) „...Великаго г-ря і в. к. Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росіі Самодержца въ городѣхъ на посадехъ і в дворцовыхъ селехъ і в патріаршихъ і в митрополичихъ і в архіепискуплих і в монастырскихъ вотчинах и на церковныхъ землях и за бояры и за околничими и за думными и за комнатными людми

Въ Москвѣ (по писц. 20-хъ годовъ), . . . 7,843 дв.
Ямщиковъ (въ Москвѣ 497 дв., въ городахъ 1440 дв.) . . . . . 1,937 „
Татаръ, черемисъ и вотяковъ (Казанскаго Дворца) . . . . . 33,176 „
702,920 дв.

Или, если мы соберемъ данныя по двумъ рубрикамъ бѣлыхъ и тяглыхъ дворовъ, то получилъ для середины XVII столѣтія:

Бѣлыхъ . . . . . около 100,352 дв. [2])
Тяглыхъ . . . . . „ 602,568 „
Всего . . . . 702,920 дв.

По переписнымъ книгамъ 1678 г., какъ извѣстно, числилось:

Бѣлыхъ . . . . . около 150,722 дв. [3])
Тяглыхъ . . . . . „ 791,018 „
Всего . . . . 941,740 дв.

Или, полагая, вслѣдъ за проф. Милюковымъ, въ среднемъ на каждый дворъ по 6,98 душъ обоего пола, приблизительно можемъ считать населеніе Московскаго государства:

Въ 50-хъ годахъ XVII столѣтія около 4,906,000 жит.
Въ 70-хъ „ „ „ 6,573,000 „

Присматриваясь къ полученнымъ результатамъ, мы замѣчаемъ, что по этимъ даннымъ населеніе XVII вѣка

и за столники и за стряпчими и за дворяны московскими и за дьяки и за жильцы и за болшими вдовами и за недоросльми и за отставными дворяны и за дворовыми людми и за засечными головами и за губными старосты и за городовыми прикащики и за подячими 447.710 дворовъ..." (Арх. М. Ю. Разрядъ, столбцы Денежнаго Стола № 8; издается *Е. Д. Сташевскимъ* въ Сбор. Кіев. Воен.-Ист. Общ. за 1910 г. *Его-же* „Смѣта военныхъ силъ М.Г.1663 г." Кіевск. Унив. Изв. 1910 г.).

[2]) Принимая, что въ Москвѣ ок. 2500 бѣлыхъ дворовъ (по списку 1631 г. придворныхъ, администр. и подобныхъ чиновъ въ ней 2535 человѣкъ).

[3]) Предположительный расчетъ проф. Милюкова.

должно было возрастать приблизительно на 1% каждый годъ. Въ XVIII вѣкѣ оно растетъ почти съ такой же быстротой, колеблясь около 1%, въ настоящее время приростъ считается въ 1,3%. Пользуясь этимъ выводомъ, мы могли бы, идя назадъ, сдѣлать попытку намѣтить приблизительные размѣры массы населенія для XVI вѣка. Вычисляя приростъ назадъ [1]) и сопоставляя съ извѣстными намъ цифрами XVII вѣка, мы будемъ имѣть такую табличку:

Середина	XVI в.	около	2	мил.	душъ об. пола.
Конецъ	XVI „	„	2,9	„	„ „ „
Середина	XVII „	„	4,9	„	„ „ „
70-е года	XVII „	„	6,5	„	„ „ „

Но, разумѣется, эти цифры очень приблизительны, особенно для XVI столѣтія, гдѣ неточность данныхъ XVII в. вѣка усугублена математическими вычисленіями, увеличивающими ошибку, а также допущеніемъ, что населеніе увеличивалось ровно, безъ скачковъ.

Быть можетъ правильнѣе поэтому допустить, что передъ смутой количество населенія было немногимъ менѣе, нежели въ серединѣ XVII вѣка, т.-е. около 4,5 мил., а въ серединѣ XVI вѣка—около 3 милліоновъ [2]).

III.

Движеніе населенія Московскаго государства.

Масса населенія Московскаго государства неравномѣрно распредѣлялась по его территоріи: болѣе плодородныя и богатыя мѣстности, какъ Пріокскій бассейнъ, привлекали къ себѣ болѣе населенія, нежели сѣверныя области; торговые пути, по которымъ непре-

---

[1]) По сложнымъ % за 50 лѣтъ назадъ мы имѣемъ ок. 0,6 исходной цифры.

[2]) Къ этому приводитъ проблематическій же расчетъ по количеству вооруженныхъ силъ: въ серединѣ XVII в. приблизительно на каждые 6 дворовъ приходилось по 1 военнослужащему. Въ концѣ XVI в., по Флетчеру, армія около 100,000 челов., въ первой половинѣ его въ ней надо считать 75—85,000 дворянъ дѣтей боярскихъ.

рывно катился потокъ народныхъ богатствъ, какъ, напр., въ началѣ XVI вѣка дорога отъ Москвы къ Великому Новгороду, сильнѣе тянутъ къ себѣ, нежели разоренныя и запустѣвшія восточныя области Междурѣчья. Кромѣ того, за 2 столѣтія исторіи Московскаго государства населеніе его не остается неподвижнымъ: увлекаемое перемѣной торговыхъ путей, оно дважды перегруппировывалось, и отъ тяжести его передвиженія неоднократно колебалось зданье государства Московскаго.

Расположеніе населенія въ первой полов. XVI в.

Въ первой половинѣ XVI столѣтія крупнѣйшіе посады страны, въ которыхъ сосредоточивалась ея торгово-промышленная жизнь, располагались по стариннымъ торговымъ дорогамъ, извѣстнымъ еще въ раннія эпохи русской исторіи. Торговые пути эти скрещивались у Москвы и отсюда лучеобразно расходились къ периферіи государства—на с.-з. къ Великому Новгороду, на востокъ къ Казани, черезъ Оку и черезъ верхнюю Волгу, и, наконецъ, на сѣверъ, къ Бѣлому морю. Самымъ крупнымъ центромъ являлась сама Москва. По переписи 1511 или 1520 года, о которой сообщаетъ Герберштейнъ, въ ней считалось 41,500 домовъ. Англичанину Ченслеру, въ половинѣ этого столѣтія, Москва показалась больше Лондона съ его предмѣстіями. Этотъ огромный городъ лежалъ „въ самой населенной странѣ“, какъ сообщилъ епископу Іовію русскій посолъ къ папѣ Дмитрій Герасимовъ (1526 г.). Ченслеръ отмѣтилъ, что между Москвой и Ярославлемъ „область усѣяна деревушками, замѣчательно переполненными народомъ“ (1553-4); это же бросилось въ глаза Рандольфу, проѣзжавшему здѣсь въ 60-хъ годахъ столѣтія.

Къ с.-з. отъ Москвы тянулась цѣпь самыхъ большихъ посадовъ страны: это Можайскъ (около $1^1/_2$ тысячи дворовъ [1]), Торопецъ (402 дв.), Старая Руса,—вѣ-

1) Въ 1594-5 г. въ немъ 127 живущихъ дворовъ, да 1446 дв. пустыхъ и дворовыхъ мѣстъ. Принимая пустоту за знакъ былого населенія, для первой половины столѣтія имѣемъ 1573 дв.

роятно, пятый по размѣрамъ, послѣ Москвы, Новгорода, Пскова и Можайска, центръ (1,473 дв.), наконецъ, Новгородъ, который въ 1546 году насчитывалъ 4,272 посадскихъ двора, а съ дворами бѣлыми, т. е. служилыхъ и церковныхъ людей,—до 5,300 дворовъ. Большихъ размѣровъ достигалъ и Псковъ, въ которомъ, въ Застѣньѣ, въ 1510 г. числилось 6,500 дворовъ. Цѣпь посадовъ за Новгородомъ распылялась въ массу торгово-промышленныхъ „рядковъ", которые въ совокупности насчитывали болѣе 1000 дворовъ. Естественно, что и здѣсь мы найдемъ многочисленныя села и деревни: по извѣстіямъ того же Іовія, вся дорога отъ Новгорода черезъ Псковъ и на Ригу „густо заселена". Второй по размѣрамъ своихъ посадовъ и, очевидно, по плотности населенія, была цѣпь пріокскихъ поселеній. На Окѣ лежалъ довольно большой Серпуховъ, уже въ половинѣ столѣтія начавшій понемногу пустѣть. Тогда въ немъ было 623 черныхъ двора, да 143 дв. пустыхъ. Затѣмъ Кашира (въ 1571 г.—315 посадскихъ дворовъ), Зарайскъ (185 дв.), и, наконецъ, Муромъ, въ которомъ въ 1577 году было 111 жилыхъ и до 717 пустыхъ дворовъ и мѣстъ дворовыхъ. Пріокскій бассейнъ отличается характеромъ своей экономической дѣятельности отъ с.-з. района,—здѣсь процвѣтаетъ сельское хозяйство. Страна рязанцевъ, „изобилующая хлѣбомъ, скотомъ, медомъ и другими сельскими продуктами.. довольно населена", писалъ о Рязанской украйнѣ Іосафъ Барбаро (1436 г,). Въ 1476 году Контарини снова отмѣчатъ обиліе на Окѣ хлѣба, мяса и меду. По отзыву Герберштейна „эта область плодороднѣе всѣхъ областей Московіи" (1517-26). Очевидно, Рязань служила неисчерпаемымъ источникомъ для торга продуктами звѣроловства, скотоводства и земледѣлія; этимъ самымъ она была тѣсно связана съ Москвой, а черезъ нее съ Новгородомъ.

Къ востоку же шла отъ центра другая цѣпь посадовъ—по верхней Волгѣ. Точныхъ данныхъ о размѣрахъ

ихъ мы не имѣемъ. Судя по Свіяжску (392 дв. въ 1565-7 г.) и Казани (около 600 дв.), эта цѣпь является 3-ей по размѣрамъ своихъ посадовъ и, слѣдовательно, плотности населенія. Ярославль, правда, считался въ половинѣ XVI столѣтія „очень большимъ городомъ“ (Ченслеръ), но онъ лежитъ на скрещеніи нѣсколькихъ дорогъ и только отчасти принадлежитъ пути на востокъ. О Нижнемъ встрѣчаемъ указаніе Герберштейна, что онъ „большой деревянный городъ“, но Герберштейнъ самъ его не видалъ, онъ же называетъ большимъ городомъ и Владиміръ на Клязьмѣ, что противорѣчитъ современнымъ извѣстіямъ, напр., Альберта Камнензе, который указываетъ на разореніе восточныхъ окраинъ Междурѣчья въ нач. XVI в. (1523-4 г.).

Наконецъ, къ сѣверу отъ Москвы, къ Холмогорамъ, также тянулась цѣпь посадовъ, въ первой половинѣ XVI вѣка, повидимому, не особенно крупныхъ. Исключеніемъ являлся только Ярославль; сами Холмогоры были тогда невелики и оживлялись лишь осенью въ періодъ ярмарки (около Николина дня), когда сюда съѣзжались промышленники поморья.

Кризисъ XVI в. Въ 50—60-хъ годахъ столѣтія система расположенія силъ и средствъ страны начинаетъ замѣтно колебаться; колебаніе переходитъ скоро въ стремительное паденіе, сыгравшее замѣтную роль въ направленіи всей дальнѣйшей исторіи русскаго общества и государства. Описанная система расположенія населенія сложилась постепенно, втеченіе XIV—XV вѣковъ, она была создана и поддерживалась могучимъ вѣяніемъ заграничнаго торга черезъ Новгородъ. Между тѣмъ въ Европѣ мѣнялись торговые пути и рынки. Торговля Балтійскаго моря замирала, распадался Ганзейскій союзъ, за отсутствіемъ членовъ уничтоженный въ 1630 г. Вмѣстѣ съ этимъ постепенно высыхало русло потока богатствъ, шедшаго изъ центра страны къ Балтійскому морю, хирѣли и таяли массы населенія русскаго сѣверо-запада. Особенно выпукло это отражалось на судьбѣ Великаго Новгорода.

Запустѣніе с. в. области.

Его четырехтысячный посадъ пустѣетъ: къ 1579 г. на Софійской половинѣ города лишь 158 жилыхъ дворовъ, пустыми стояли 468, да мѣстъ изъ-подъ дворовъ считалось 1640; къ 1581 г. здѣсь дворовъ только 123, пустыхъ 355, дворовыхъ мѣстъ 1855. Къ 1620-мъ годамъ во всемъ Новгородскомъ посадѣ оставалось $472^1/_2$ двора, т.-е. за 100 лѣтъ онъ уменьшился въ 10 разъ. Новгородскіе гости, пятиконецкіе старосты и всѣ посадскіе люди такимъ образомъ описывали въ 1623 году „государеву отчину“: „В Великом Новѣгороде Софѣйская сторона вся пуста і разорена до основанія, а на Торговой... сторонѣ также многіе улицы і ряды пусты; а в которыхъ... уліцах і есть жильчишка, і тѣх немного,—в улице человѣкъ по осмі і по десяті, да і тѣ бѣдны і должны“. Устроили было по старому валу городъ, — „а житі в нем нѣкому: людишок мало“. Въ 1636 году Олеарій, стоя „на костяхъ“ города, по стѣнамъ уже развалившихся церквей дѣлалъ догадки о прежнемъ величіи Новгорода. Та же судьба постигла Торопецъ,—въ 20-хъ годахъ XVII вѣка, онъ уменьшился съ 402 до 39 дворовъ. Еще ужаснѣе пострадали огромные для своего времени Можайскъ и Старая Руса: оба уменьшились до $^1/_{20}$ прежняго объема (Можайскъ съ 1583 дв. къ 20-мъ годамъ XVII в. до 88 дв., а Старая Руса съ 1473 до 68 дв.). Если бы мы вошли въ мелкіе пригороды, въ рядки, въ села и деревни,—всюду увидали бы ту же картину. „Дворъ, господине, пустъ Тиши колачника, вышелъ изъ Ладоги безвисно, да Машки Шишки дворецъ пустъ,—пошолъ в ницихъ, да Оверкия Рыбки дворецъ пустъ,—жилецъ тотъ умеръ з голоду“...—такъ докладывали ладожане сыну боярскому, Сабурову, пріѣхавшему къ нимъ въ 1572 году за податями; и не коротокъ былъ ихъ списокъ. Тогда же, въ 1575 г., Ульфельдъ замѣтилъ, что всѣ деревни отъ Пернова до Новгорода разорены. По подсчетамъ Рожкова, Вотская пятина къ 80-мъ годамъ запустѣла на 75%, Шелонская—почти на 90 и т. д. „Сице бысть великому Новугороду запустѣніе!“

Запустѣніе Центра и Пріокскаго бассейна.

Крушеніе Новгородской системы фатально увлекало за собой центральное Междурѣчье, самую Москву и тѣсно съ ними связанный Пріокскій бассейнъ. Флетчеръ на на дорогѣ между Ярославлемъ и Москвой, гдѣ въ 50-хъ годахъ деревни были переполнены населеніемъ, въ 80-хъ насчиталъ до 50 покинутыхъ деревень; о запустѣніи центра говорятъ и другіе иностранцы, о немъ же ярко свидѣтельствуютъ попытки подсчетовъ заброшенныхъ и заросшихъ пашенъ и пустошей. Поссевинъ утверждалъ, что въ Москвѣ въ его время было только 30.000 жителей. Мы знаемъ уже, что запустѣніе обнаруживается въ Серпуховѣ въ серединѣ столѣтія, что въ Муромѣ къ 1577 году оставалось 111 жилыхъ дворовъ, а запустѣвшихъ было 717. Количество пустошей въ концѣ XVI вѣка въ Рязанскомъ, Пронскомъ, Зарайскомъ и Ряжскомъ уѣздахъ составляло 34% всѣхъ поселковъ; въ другихъ частяхъ бассейна число ихъ иногда доходило до 60 и 70%.

Послѣдствія кризиса XVI в.

Перестройка экономическихъ отношеній, задѣвавшая интересы огромныхъ массъ, затѣмъ сдвигъ населенія, бѣжавшаго отъ старыхъ насиженныхъ мѣстъ, потрясали весь организмъ государства. Достаточно вспомнить отчаянныя, но неудачныя попытки Грознаго пробиться къ балтійскимъ берегамъ, раздраженіе новгородцевъ, обвиненныхъ за него въ измѣнѣ, и страшный разгромъ Великаго Новгорода опричниной. Такая же „измѣна“ была и въ Москвѣ,—и здѣсь выводилъ ее Грозный. Наблюдательный Флетчеръ въ своей книгѣ за 10 лѣтъ впередъ предсказалъ приближеніе смуты, когда „царство, яко море, всколебася“. Воровскіе очаги Пріокскаго бассейна были слѣдующимъ взмахомъ волны „разоренья“, изъ Новгорода докатившейся до Оки.

Направленіе сдвига населенія.

Куда же уходило населеніе съ сѣверо-запада, изъ Новгородской и Псковской областей, изъ центральнаго Междурѣчья и съ Оки? Если мы вообразимъ себѣ волну шириной отъ Москвы до Новгорода, съ гребнемъ, наклоненнымъ на востокъ, если представимъ, что волна

эта движется вокругъ Москвы, какъ центра, и описываетъ болѣе четверти круга, отбрасывая сильную струю на востокъ, въ Сибирь, на нижнюю Волгу и на Яикъ, то такой водоворотъ довольно вѣрно представитъ картину перемѣщенія населенія страны во второй половинѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ. Лѣтопись прямо указываетъ, куда хлынули народныя массы съ линіи Москва—Новгородъ: „множество разыдеся людей из Можайска и из Волока на Рязань и в Мещеру и въ понизовые городы в Нижней Новгородъ“ (1560-61 г.). Дѣйствительно, если мы заглянемъ въ итоги писцовыхъ книгъ 20-хъ годовъ XVII столѣтія, то увидимъ, что крупнѣйшіе посады всей страны теперь тянутся отъ Москвы не на сѣверо-западъ, а на востокъ, къ Казани. Казань замѣнила собой Великій Новгородъ, сдѣлавшись вторымъ по величинѣ посадомъ (1409 черныхъ дворовъ). Третьимъ по размѣру сталъ Ярославль (1350 дворовъ), затѣмъ идетъ Кострома (1219 дв.), далѣе Нижній съ 1066 дворами. Названные посады, да еще Москва, были единственными пунктами торгово-промышленной жизни, гдѣ сосредоточивалось болѣе 1000 дворовъ. Если мы пойдемъ обратнымъ путемъ — отъ верхней Волги къ с.-з., то замѣтимъ, какъ постепенно рѣдѣетъ населеніе. Второе мѣсто послѣ городовъ Средневолжскаго плеса по массѣ посадскаго населенія занимаетъ цѣпь Двинскихъ посадовъ: здѣсь насчитывалось 5 крупныхъ центровъ, приблизительно отъ 300—700 дв. въ каждомъ. Затѣмъ идетъ цѣпь на западъ; въ ней замѣтныхъ посадовъ 4, но въ среднемъ они крупнѣе сѣверныхъ. Интересно, что цѣпь посадовъ на сѣверо-западъ уже не та, что въ XVI вѣкѣ: мы знаемъ, что старые центры (Можайскъ, Торопецъ, Старая Руса, Новгородъ) сжались до $^1/_{10}$ и даже $^1/_{20}$ своего объема. Теперь поднялась дорога, процвѣтавшая еше въ XIV столѣтьи. Это Тверь (241 дворъ), Торжокъ (419 дв.), Новгородъ ($472^1/_2$ дв.), Псковъ (940 дв.). Наконецъ, самой незначительной является цѣпь пріокскихъ городовъ.

Расположеніе населенія въ перв. полов. XVII в.

Съ Арзамасомъ въ этомъ бассейнѣ 4 крупныхъ посада, въ среднемъ 300—500 дворовъ (Коломна 355 дв., Зарайскъ 337 дв., Муромъ 267 дв., Арзамасъ 488 дв.). Если мы отмѣтимъ еще Переяславль Залѣсскій и Ростовъ, лежащіе на пути изъ Москвы къ Волгѣ (328 и 273 дв.), Суздаль (203 дв.) и Гороховецъ (236 дв.), замѣнившій собой на Клязьмѣ Владиміръ, то мы перечислимъ почти всѣ посады страны, въ которыхъ по писцовымъ книгамъ 1620-хъ годовъ считалось свыше 200 дворовъ [1]).

Процвѣтаніе верхней Волги.

Въ сравненіи съ началомъ XVI столѣтія, временемъ преобладанія Новгорода и его связей съ западомъ, произошла огромная перемѣна,—русская исторія повернула къ востоку. Первая половина XVII вѣка—это эпоха процвѣтанія верхней Волги, тѣсно связанной съ Центромъ, съ одной стороны, съ Бѣлымъ и Каспійскимъ морями, съ другой. Здѣсь кипитъ торгово-промышленная жизнь, — верхневолжскіе посады были не только самыми крупными, но и самыми богатыми: въ нихъ мы найдемъ рѣдкія отрасли ремесленной дѣятельности XVII вѣка, напр., зеркальную промышленность; Кострома выдвинула цѣлый рядъ извѣстныхъ въ свое время иконописцевъ-художниковъ; русское зодчество XVII вѣка нужно изучать по памятникамъ его въ приволжскихъ городахъ. Наряду съ городами, мы найдемъ на верхней Волгѣ богатыя промышленныя села и слободы. Въ областяхъ Ярославля, Костромы и Нижняго основывается особенно много монастырей,—признакъ прилива сюда населенія.

Кризисъ XVII в.

Новая система экономической жизни страны однако оказалась неустойчивой. Втеченіе второй половины XVII вѣка она колеблется и затѣмъ начинаетъ падать, такъ что расположеніе экономическихъ силъ страны, а слѣдовательно и интересовъ ея, къ началу XVIII столѣтія оказывается ближе къ эпохѣ Василья III, нежели

1) Остается неизвѣстной Астрахань, съ незначительнымъ посадомъ, Угличъ и нѣкоторые другіе.

царя Михаила. Населеніе съ Волги и Оки начинаетъ сползать къ югу въ степь. Мало-по-малу выростаютъ города, расположенные на пути изъ центра къ Воронежу: такимъ образомъ, населеніе уже двинулось къ Азовскому морю, когда подъ Азовъ пошелъ князь Василій Голицынъ, а затѣмъ Петръ Великій. Точно также выростала другая цѣпь городовъ, которую можно (съ натяжкой) назвать Черноморской,—это цѣпь вдоль пути въ Малороссію. Торговыя сношенія съ послѣдней, замѣтныя еще до присоединенія, крѣпнутъ во второй половинѣ XVII вѣка; это сказывается приливомъ населенія и ростомъ ближайшихъ къ ней городовъ [1]). Наконецъ, населеніе возвращалось обратно къ Балтійскому морю, что также легко замѣтить, слѣдя за увеличеніемъ посадовъ новой с.-з. цѣпи. Это Угличъ, Тверь, Торжокъ, Старая Руса, Новгородъ и, наконецъ, Псковъ, величайшій городъ этой окраины, головной пунктъ всей цѣпи. Значеніе его купечества объясняетъ меркантилистическія затѣи Ордына-Нащокина, оно же, вѣроятно, подсказало Петру открыть завоеваніе балтійскихъ береговъ попыткой захвата Нарвы, которая служила гаванью для Пскова [2]).

Совсѣмъ другую картину мы наблюдаемъ на сѣверѣ и на верхней Волгѣ, равно какъ и на восточной поло- Уладокъ сѣвера и Оки.

	Въ 1620-хъ г.г.	*1646 г.*	*1678 г.*
1) Серпуховъ	63 дв. посадскихъ	235	307
Калуга	171 „	588	1045
Бѣлевъ	125 „	360	357
Болховъ	167 „	275	720
Курскъ	? „	302	465
2) Угличъ	? „	447	528
Тверь	241 „	345	487
Торжокъ	419 „	486	614
Старая Руса	68 „	342(?)	528
Новгородъ В. съ пригородами	472+69½=542	715	909
Псковъ съ пригородами	940+86=1026	1099	1083 (безъ пригородовъ?).

винѣ теченія Оки. Паралельно со стремленіемъ населенія найти выходъ къ южнымъ и западному морю, сѣверные посады замедляютъ свой ростъ, Двинская группа (Холмогоры, Архангельскъ) даже падаетъ количественно (съ 734 дв. въ 40-хъ до 645 дв. въ 70-хъ годахъ); такой же процессъ пріостановки роста и начинающагося разложенія конечныхъ восточныхъ звѣньевъ цѣпи мы наблюдаемъ въ Пріокскомъ бассейнѣ.

Упадокъ верхней Волги.

Наконецъ и система великой рѣки—этотъ древній „путь въ жребій Симовъ“, къ востоку, начинаетъ терять свою позицію. Въ половинѣ столѣтія верхневолжскіе посады (къ востоку отъ Ярославля) еще наиболѣе крупные изъ существующихъ, они безспорно первенствуютъ въ экономической жизни страны, они продолжаютъ даже увеличиваться, но уже не всѣ и далеко неравномѣрно. Чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ ростъ медленнѣе, а на конечныхъ пунктахъ онъ переходитъ въ паденіе: очевидно, гонимое кризисомъ населеніе бросало верхнюю Волгу. Вотъ какъ можно представить судьбу этихъ посадовъ по количеству черныхъ дворовъ въ нихъ.

	Въ 20-хъ г.г.	40-хъ.	50-хъ.	70-хъ.	80-хъ.
Ярославль . . .	1350 дв.	2871	3042[1])	2296	
Кострома	1219 „	1726	2086[1])	1407	1079
Нижній	1066 „	1107	1874[1])	1493	1274
Казань.	1419 „	739	—	316	—

Уходъ посадскаго населенія, этого носителя торгово-промышленной жизни страны, какъ въ XVI столѣтіи, такъ и теперь, являлся только отраженіемъ движенія всей массы населенія XVII вѣка; судьба посадовъ неотдѣлима отъ судьбы населенія уѣзднаго.

Если мы сравнимъ переписи 1678 и 1710 годовъ по всему государству, то окажется, что за этотъ промежутокъ времени населеніе схлынуло съ верхней Волги,

---

[1]) Увеличеніе кажущееся: къ черному посадскому населенію были приписаны по Уложенію бѣлыя слободы этихъ городовъ.

причемъ особенно пострадали цвѣтущія въ XVII столѣтіи области Ярославля и Костромы. Здѣсь убыль населенія достигаетъ 40%. Такова она и на сѣверѣ Россіи(мѣстность Петровской Архангелогородской губерніи), причемъ запустѣніе особенно сильно выражено опять таки въ прилегающихъ къ Волжскому бассейну мѣстностяхъ. Меньше (прибл. на 25%) пострадалъ центръ—Московская губернія.

Результаты запустѣнія цвѣтущихъ областей и быстрота самого кризиса имѣли не менѣе важныя послѣдствія, нежели кризисъ XVI вѣка. Государственный организмъ дрожалъ отъ непрерывныхъ волненій, вспыхивавшихъ во второй половинѣ XVII столѣтія то тутъ то тамъ. По самымъ различнымъ поводамъ волнуются посады, бунтъ пробѣгаетъ какъ огонекъ по Москвѣ, Соли-Вычегоцкой, Устюгу, Пскову, Новгороду; въ различныхъ частяхъ государства волнуются черные крестьяне, отказываясь отъ податей; наконецъ, всю Волгу, отъ Астрахани до Костромы и Арзамаса, охватываетъ возстаніе Разина (1669—71 г.). Затѣмъ посадскіе люди со всего Поволожья, въ Смуту оплотъ государственности, копятся въ Астрахани, чтобы въ началѣ слѣдующаго столѣтія поднять здѣсь такое возстаніе, смысла котораго никакъ не могли постигнуть современники, объяснявшіе его смѣшными баснями бѣглаго стрѣльца [1]). Не прошелъ безслѣдно новый кризисъ и для Москвы, какъ это было и въ эпоху „Московскаго разоренья“. По мнѣнію С. М. Соловьева,—въ XVII вѣкѣ Москва уже не была такъ велика, какъ въ XVI. По писцовымъ книгамъ 1620-хъ годовъ въ ней числилось: въ Кремлѣ 44 двора, въ Китай-Городѣ 321 дв., въ Бѣломъ Каменномъ Царевѣ городѣ 3,352 дв., въ сотняхъ и слободахъ сгорѣвшаго Деревяннаго города 4,126 дв., всего 7,843 дв.

Слѣдствія Кризиса XVII в.

г. Москва въ XVII в.

[1]) Астраханскій бунтъ 1710 г., поводомъ котораго считается слухъ о намѣреніи царя выдать русскихъ дѣвицъ за нѣмцевъ и ввести идолопоклонство.

Втеченіе XVII вѣка нельзя замѣтить роста Москвы, отброшенной отъ Балтійскаго моря смутной эпохой. Если количество ея населенія не падаетъ, то оно и не увеличивается [1]). Въ 1636 году Олеарію казалось, что „въ прежнее время онъ (городъ) былъ, должно быть, вдвое больше". Тогда въ Москвѣ насчитывали до 40,000 погорѣлыхъ, прежде жилыхъ, мѣстъ. Къ концу столѣтія Москва начинаетъ терять замѣтно, такъ въ 1700 г. въ ней только 7,047 тяглыхъ дворовъ, а къ 1710 г. она успѣла потерять еще 60% этого количества,—въ ней оставалось лишь 2,737 дворовъ. Вмѣстѣ съ этимъ древняя столица должна была уступить свое мѣсто Петербургу.

Таковы были ближайшія и отдаленныя слѣдствія новаго сдвига населенія и разложенія самыхъ мощныхъ центровъ его.

Павелъ Смирновъ.

---

[1]) Въ 50-хъ годахъ въ Москвѣ около 6120 тяглыхъ дворовъ, но, быть можетъ, эта цифра не полна.

Образованіе территоріи Московскаго государства *).

I.

Ростъ территоріи въ XVI—XVII вв.

Шестнадцатый и семнадцатый вѣка русской исторіи— время непрерывнаго роста государственной территоріи. Это расширеніе было достигнуто отчасти завоеваніемъ, отчасти черезъ разселеніе по равнинѣ славяно-русскаго племени. Отсюда—рядъ безпрерывныхъ и тяжелыхъ

---

*) *Важнѣйшая литература*: „Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи“ Семенова, 5 т. 1863—85 г.; „Матеріалы для географіи и статистики въ Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба“; *Перетятковичъ*. „Поволожье въ XV и XVI в.“ 1877 г.; *Его-же*. „Поволожье въ XVII и въ началѣ XVIII в.“ 1882 г.; *Милюковъ*. „Очерки русской культуры“, вып. I. 1896 г.; *Любавскій*. „Историческая географія Россіи въ связи съ колонизаціей“ (лекціи). 1909 г.; *Бѣляевъ*. „О сторожевой, станичной и полевой службѣ“ (Чт. въ О. И. и Др. 1845—6, IV); *Чечулинъ*. „Города въ XVI в.“ 1889 г.; *Неволинъ*. Полное собраніе сочиненій, т, VI; *П. Смирновъ*. „Орловскій уѣздъ въ XVI в.“ 1910 г.; *Богословскій*. „Земское самоуправленіе на сѣверѣ Россіи“ 1910 г.; *Богалѣй*. „Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины“ 1887 г.; *Его-же*. „Матеріалы для исторіи колонизаціи“ 1886—90 г.; *Его-же*. „Къ исторіи хозяйственнаго быта Курскаго и Воронежскаго края“; *Миклашевскій*. „Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства“ 1894 г.; *Платоновъ*. „Очерки по исторіи смуты“ 1899 г., 2-е изд. 1901 г.; *Соколовскій*. „Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія передъ крѣпостнымъ правомъ“ 1878 г.; *Новомберскій*. „Борьба за Ливонію между Москвою и Рѣчью Посполитой“; *Вельяминовъ-Зерновъ*. „Извѣстія о касимовскихъ царяхъ“ 1863—66 г.; *Ешевскій*. „Русская колонизація сѣверо-восточнаго края“ (Вѣстн. Евр. 1866 г., 1); *И. Н. Смирновъ*. „Вотяки“ (Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. при Каз. У. 1890 г., VIII); *Его-же*. „Пермяки“ (тамъ же 1891 г. IX); *Арсеньевъ*. „Стат. очерки Россіи“ 1848 г.

войнъ съ востокомъ и западомъ, правда, не всегда кончавшихся удачно, но, въ конечномъ счетѣ, значительно расширившихъ государственную территорію. Отсюда же идетъ непрерывное движеніе народа на востокъ и юго-востокъ.

Ростъ территоріи, съ одной стороны, совершается за счетъ земель, составлявшихъ территорію литовско-русскаго государства, съ другой стороны, государство увеличивается на счетъ земель, населенныхъ хищниками инородцами: башкирами, татарами, ногайцами, черемисами и чувашами; ихъ слабость и внутреннія неурядицы облегчали правительству и народу безпрерывное движеніе на югъ и юго-востокъ, по теченію Волги и Дона и дальше за Уралъ, вглубь Сибири. Рядомъ съ этимъ замѣтенъ колонизаціонный процессъ, правда, нестоль значительный, какъ на югѣ и юго-востокѣ, но, во всякомъ случаѣ захватившій не малую часть нашего пустыннаго сѣвера и давшій населенію возможность эксплоатаціи природныхъ его богатствъ.

Москва и Литва въ XVI в.

Территоріальное объединеніе сѣверо-восточной Россіи можно считать къ концу XV вѣка закончившимся. Ея границы соприкасались съ литовско-польскимъ государствомъ, нѣкогда поглотившимъ сѣверо-западныя и юго-западныя русскія волости.

Московское правительство, начиная съ Ивана III, объявивъ всѣ русскія земли своей „отчиной“ и отрицая право литовскихъ князей на владѣніе русскими землями, вступило съ Литвою изъ-за нихъ въ непрерывную и упорную борьбу, поставивъ себѣ задачей соединеніе юго-западной и сѣверо-западной Руси съ Русью Московской. Борьба съ обѣихъ сторонъ велась съ необыкновеннымъ упрямствомъ и настойчивостью. Обѣ стороны не желали никакихъ компромиссовъ, никакихъ временныхъ перемирій: конечная цѣль политики московскихъ государей прекрасно высказана московскими боярами: „коли государь вашъ похочетъ съ нашимъ государемъ любви

и братства, и онъ бы государю нашему отчины ихъ русскіе земли поступился".

Борьба для Москвы не всегда была удачна. Главнымъ пунктомъ раздора между государствами является Смоленскъ, сохраненіе котораго для Литвы являлось вопросомъ сохраненія цѣльности и единства Литовско-Русскаго государства. Отдача его Москвѣ — это начало распаденія его территоріи. Обѣ стороны прекрасно оцѣнили положеніе Смоленска, и первоначально фактически борьба шла только изъ-за него. Къ тому же Смоленскъ былъ крупнымъ торговымъ центромъ, и владѣніе имъ давало возможность урегулированія торговли въ томъ или другомъ направленіи. Москвѣ удалось захватить Смоленскъ только въ 1514 году, послѣ трехъ смоленскихъ походовъ. Борьба за Смоленскъ.

Несмотря на послѣдовавшее вскорѣ пораженіе русскихъ войскъ при Оршѣ, по перемирію 1522 года Смоленскъ остался въ рукахъ Москвы. Попытка Литвы вернуть его въ 1535 году окончилась неудачей, и до смутнаго времени Смоленскъ входилъ въ составъ Московскаго государства.

Правительство Грознаго прекрасно понимало необходимость мира для процвѣтанія страны въ культурномъ и хозяйственномъ отношеніи. Пріобрѣтеніе гавани на морѣ дало бы возможность поддерживать непосредственныя сношеніе съ Европой и давало надежду оживить падавшія торговыя сношенія съ западомъ устраненіемъ препятствій со стороны Ливонскаго Ордена, державшагося по отношенію къ Москвѣ нѣсколько вызывающаго тона. Когда въ 1553 г. кончилось перемиріе между Орденомъ и Москвой, правительство въ надеждѣ на слабость Ордена, рѣшило воспользоваться переговорами относительно перемирія для начала военныхъ дѣйствій и завоеванія береговъ Балтики. Правительство соглашалось на перемиріе только подъ условіемъ предоставленія русскимъ и ливонскимъ гостямъ свободной торговли въ обоихъ государствахъ, отказа отъ союза съ Борьба за Ливонію.

польскимъ королемъ, вознагражденія за всѣ порубежныя и торговыя обиды, уплаты втеченіе трехъ лѣтъ дани, слѣдовавшей съ города Юрьева, которую нѣмцы не платили около 50 лѣтъ, и, наконецъ, нѣмцы въ Юрьевѣ должны были очистить русскіе концы и церкви.

Для Ордена подобныя условія оказались непріемлемыми. Началась война и сначала пошла для Москвы очень удачно, но Орденъ обратился за помощью къ Швеціи и Польшѣ. Такъ Ливонская война превратилась въ русскую-литовскую и отчасти шведскую. Начало было удачно для Москвы. Былъ взятъ Полоцкъ, но затѣмъ начинается эпоха неудачъ и пораженій, прелюдіей къ которымъ явилось Оршинское пораженіе. Воюющія стороны даже вступали въ переговоры, такъ какъ война утомила обѣ стороны, но условія, выставленныя Грознымъ, были непріемлемы для его противниковъ. Москвѣ соглашались оставить Полоцкъ и часть Ливоніи,—Грозный добивался всей Ливоніи. Опираясь на Земской соборъ 1556 г., Грозный не согласился на перемиріе, и военныя дѣйствія возобновились. Съ появленіемъ на польскомъ престолѣ Баторія, подъ натискомъ послѣдняго, Москва довольно скоро потеряла всѣ свои завоеванія. Былъ взятъ Полоцкъ, а за нимъ и другіе сосѣдніе города — Велижъ, Усвятъ, Великія Луки, Ревель, огромная часть Новгородской области была въ рукахъ Баторія. По перемирію въ Киверовой горкѣ, у Запольскаго Яма, русскіе отказались отъ Ливоніи, а поляки возвратили всѣ занятые псковскіе пригороды: Великія Луки, Холмъ, Заволочье (1582 г.). Военныя дѣйствія со Швеціи прекратились въ 1595 г. по Тявзинскому договору, тоже непріятному для національнаго самолюбія: въ рукахъ шведовъ оставалась значительная часть русскихъ городовъ въ Эстоніи и Новгородской землѣ, хотя новгородскіе пригороды Ямъ, Копорье, Ивангородъ возвращались Москвѣ.

Войны XVII вѣка.

Въ смутное время поляки, воспользовавшись тѣмъ, что шведы заключили союзъ съ Шуйскимъ, перешли русскую границу и осадили Смоленскъ, который наконецъ и взяли. Взятіе Смоленска и Сѣверщины, а также захватъ шведами новгородской территоріи—опредѣлили характеръ внѣшней политики въ XVII вѣкѣ. Новой династіи пришлось вести рядъ войнъ съ поляками и шведами, не всегда благополучно кончавшихся, до крайности напрягавшихъ платежныя силы населенія. Правительство царя Михаила вело двѣ войны съ поляками, и обѣ кончились неудачно. Отнятая территорія осталась въ рукахъ поляковъ, а грандіозный походъ Шеина подъ Смоленскъ кончился небывалымъ пораженіемъ (1632-4 г.). Правительство могло утѣшить себя лишь отказомъ королевича Владислава, впрочемъ за извѣстную сумму, отъ всякихъ притязаній на московскій престолъ, предложенный ему въ эпоху смуты.

Результаты войны со шведами не лучше: по Столбовскому миру король уступилъ всѣ русскія завоеванія, не исключая и Новгорода, получилъ 20.000 руб. отступного, оставляя за собой южный берегъ Финскаго залива съ Невой и цѣлой сѣтью старинныхъ русскихъ городовъ: Ямомъ, Копорьемъ, Иванъ-городомъ, только при Борисѣ возвращенныхъ было Москвѣ. Условія мира сводили на нѣтъ многолѣтнія попытки правительства пробиться къ берегамъ Балтійскаго моря: они еще дальше отрѣзывали русскихъ отъ моря.

Царь Алексѣй считался въ своей внѣшней политикѣ съ польскими и шведскими отношеніями. Съ поляками пришлось столкнуться въ первые годы правленія, послѣ окончательнаго присоединенія Малороссіи къ Москвѣ.

Польское правительство признало принятіе подданства Хмѣльницкимъ вызовомъ со стороны Москвы, и немедленно начало военныя дѣйствія. Новая война была необыкновенно удачна для Москвы: царь, прини-

мавшій участіе въ походѣ подъ Смоленскъ, принудилъ его сдаться. Армія вступила въ Бѣлоруссію и заняла большую ея часть. Послѣ Бѣлоруссіи таже участь постигла Литву. Ея столица Вильно и большіе города Ковно, Гродно были въ рукахъ царя. Положеніе Польши было прямо критическое, такъ какъ Швеція тоже объявила войну и захватила Варшаву съ Краковомъ. Въ эту тяжелую для Польши минуту царь Алексѣй, по просьбѣ австрійскаго императора, согласился на перемиріе съ поляками, при условіи оставленія за Москвой Малороссіи и Бѣлоруссіи, и самъ началъ войну со шведами, которая кончилась миромъ въ 1661 г. въ Кардисѣ и не дала никакихъ положительныхъ результатовъ для Москвы. Такъ, рѣшеніе въ одно время польскаго и балтійскаго вопроса привело къ полной неудачѣ въ послѣднемъ и рѣшительнымъ уступкамъ въ первомъ.

Перемиріе съ Польшей было недолговѣчно. Въ Малороссіи начались смуты. Казацкая старшина отпала отъ Москвы и присягнула Польшѣ. Польша воспользовалась малороссійскими затрудненіями и шведскими неудачами, чтобы начать войну и возвратить области, уступленныя Москвѣ по миру 1656 года. Вторая польская война была неудачна для Москвы, и трудно сказать, чѣмъ бы она кончилась, если бы движеніе, поднятое Дорошенко, не заставило обѣ стороны пойти на уступки; въ результатѣ былъ заключенъ въ 1667 году Андрусовскій миръ, по которому за Москвой остался Смоленскъ, Сѣверская область, лѣвобережная Малороссія съ городомъ Кіевомъ на два года; поляки получили обратно всѣ завоеванія въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Впрочемъ, городъ Кіевъ остался навсегда въ рукахъ Москвы, что и было признано поляками по такъ называемому вѣчному миру, опредѣлившему отношенія Руси къ Польшѣ въ XVII в.(1686 г.).

Результаты польскихъ войнъ, конечно, существенны въ смыслѣ увеличенія территоріи, но онѣ не достигли

своихъ цѣлей: въ рукахъ Рѣчи-Посполитой оставалось немало русскихъ земель, составлявшихъ „отчину“ московскихъ государей. Окончательное приведеніе въ исполненіе плановъ Ивана III падетъ на долю XVIII вѣка. Эти тяжелыя войны не остались безъ вліянія на уходъ населенія изъ центральныхъ областей на окраины государства.

II.

Отношенія къ татарамъ.

Московскому правительству приходилось послѣ распаденія Золотой орды и паденія татарскаго ига быть вѣчно насторожѣ. Усиливается Казанское царство, подымается военное значеніе Крымскаго ханства. Азіатскіе хищники постоянно грабятъ наши пограничныя восточныя и южныя области. Москвѣ приходилось всегда быть наготовѣ, заниматься мобилизаціей и организаціей военной силы, принимать мѣры отъ хищниковъ. Эта борьба на два фронта со степью ставила подчасъ правительство въ очень затруднительное положеніе, но на счастіе его противники не умѣли дѣйствовать вмѣстѣ. Татарскіе ханы не любили другъ друга и вѣчно враждовали. Этой враждой искусно воспользовалось правительство, натравливая ихъ другъ на друга и заключая съ ними отдѣльныя сепаратныя соглашенія, посылая имъ „упоминки“ и тѣмъ пытаясь обезопасить страну отъ набѣговъ. Однако, такая политика не всегда достигала своихъ цѣлей: друзья довольно часто превращались во враговъ и дѣлали нападенія на Москву.

Непрочность этихъ отношеній московское правительство представляло себѣ довольно отчетливо и подумывало объ оборонѣ границъ, заселяя для этой цѣли, пограничныя области по Окѣ татарскими выходцами обезпечивая ихъ въ изобиліи деньгами и службой. Такъ возникли татарскія пограничныя поселенія въ Каширѣ, Серпуховѣ, Касимовѣ. Впрочемъ, эта мѣра оказалась скоро недостаточной. Всѣ три ханства соеди-

нились въ рукахъ династіи Гиреевъ, сдѣлавшихъ въ 1521 г. опустошительный набѣгъ на Москву. Испомѣщенные татары не могли, конечно, сдержать огромныхъ полчищъ. Правительство, убѣдившись въ недостаточной охранѣ границъ, стало посылать на границу по лѣтамъ армію, выставляя южнѣе Оки отдѣльные сторожевые посты; строить города и крѣпости, отнимая тѣмъ у хищниковъ „дикое поле“.

Завоеваніе Казанскаго и Астраханскаго царствъ.

Тогда же возникаетъ мысль о завоеваніи татарскихъ царствъ, но сначала думали только о Казани и Астрахани. Послѣднія были ближе къ Москвѣ; въ нихъ чувствовалось сильное московское вліяніе, да къ тому же Казань была богатымъ рынкомъ, куда съѣзжались купцы съ отдаленнаго востока и степняки со скотомъ и рыбой. Возможность захвата восточнаго рынка тянула Москву къ Казани; притягивали также почвенныя и рыболовныя богатства Казанскаго края. Къ достиженію своихъ цѣлей правительство идетъ медленной, но твердой поступью. Воспользовавшись партійной борьбой среди татарской аристократіи, правительство организовало среди знати московскую партію, одаряя золотомъ и мѣхами ея сторонниковъ. Конечно, внутренняя борьба, ослабляя Казань, подготовила ея паденіе, но всетаки это былъ второстепенный тактическій пріемъ. Другимъ пріемомъ была колонизація степи по сосѣдству съ Казанскимъ царствомъ, медленно, но упорно приближавшая границы московскаго государства къ Казани.

Въ XIV вѣкѣ Москва прочно утвердилась въ Нижнемъ, но дальнѣйшія попытки при господствѣ татаръ кончались полнѣйшей неудачей: набѣги уничтожали даже слѣды русскихъ поселеній. Однако тяготѣніе къ богатствамъ края было столь сильное, что населеніе снова возвращалось понемногу, чтобы быть опять прогнаннымъ. Правительство въ интересахъ колонизаціи предоставляло привиллегіи частнымъ владѣльцамъ, освобождая ихъ отъ податей для того, чтобы „слободу строити“. Привиллегіи и рыболовные про-

мыслы дѣлали свое дѣло: всякаго рода безработные, нетяглые, неписьменные люди, а иногда люди изъ иныхъ княженій, селились на землѣ, столь неудобной въ смыслѣ безопасности. Такъ возникло немало поселеній.

Послѣ паденія ига колонизація идетъ успѣшнѣе. Началась колонизація праваго берега Волги; ко времени Василія III она дошла только до рѣки Суры; а при Василіи успѣли перешагнуть черезъ нее, построивъ городъ Василь-Сурскъ на правомъ берегу Суры при впаденіи ея въ Волгу,—стратегическій пунктъ противъ Казани. При Грозномъ уже на землѣ Казанскаго царства построили Свіяжскъ при впаденіи Свіяги въ Волгу, въ 20 верстахъ отъ Казани.

Постройка этого города была предпринята въ интересахъ предполагаемаго похода на Казань. Совмѣстныя усилія народа и правительства повели къ тому, что въ 1552 году Казань пала, а спустя четыре года та же судьба постигла и Астрахань. Завоеваніе ея вытекало изъ покоренья Казани.

Завоеваніе двухъ царствъ имѣло немаловажныя послѣдствія: выросли новые твердые пункты русской осѣдлости, и правительство имѣло полную возможность дальнѣйшаго ея расширенія, строя крѣпости и города, врѣзываясь клиномъ въ земли башкиръ и нагайцевъ, постепенно замиряя и подчиняя ихъ себѣ.

Въ цѣляхъ удержанія завоеваннаго края, правительство начинаетъ строить города. Черемисы были недовольны появленіемъ русскихъ и часто дѣлали набѣги. Приходилось строить города для окончательнаго ихъ покоренія. Такъ возникали на правомъ берегу Волги: Чебоксары при впаденіи Чебоксары въ Волгу, Цивильскъ и Козьмодемьянскъ, недалеко отъ впаденія Ветлуги въ Волгу, а на лѣвомъ берегу для тѣхъ же цѣлей построили Кокшайскъ, среди устья Большой и Малой Кокшагъ, и Сунгурскъ. Эти города, особенно Чебоксары, и стали центромъ, откуда посылались отряды для покоренія инородцевъ, чувашей и черемисъ.

Постройка городовъ противъ ногаевъ и башкиръ.

Новые города возникали въ покоренной области не только среди указанныхъ инородцевъ: возникали они также и въ другихъ мѣстахъ, но вслѣдствіе другихъ условій. Кочевавшіе за Волгой ногайскіе мирзы стали для московскаго правительства опаснымъ сосѣдомъ. Доходя лѣтомъ до Камы и переправляясь иногда черезъ нее, ногайцы входили въ предѣлы государства съ цѣлью грабежа. Правительство стало принимать мѣры „противъ прихода ногайскихъ людей“, въ особенности въ мѣстахъ переправы черезъ рѣки. На одной изъ такихъ переправъ уже въ 1557 году выстроили Лаишевъ, на правомъ берегу Камы, недалеко отъ устья. Вѣроятно, около того же времени былъ выстроенъ на правомъ берегу Волги г. Тетюши. Построенные города имѣли цѣлью сдерживать жителей завоеваннаго края въ покорности и утвержденіе русскаго господства. Это отразилось отчасти на составѣ городского населенія, преимущественно военнаго. Въ городахъ жили стрѣльцы и дѣти боярскіе, переведенные сюда изъ центральныхъ областей. Въ новыхъ городахъ строились церкви и монастыри для развитія широкой миссіонерской дѣятельности среди инородцевъ въ цѣляхъ сближенія ихъ съ русскимъ населеніемъ на почвѣ единства религіозныхъ вѣрованій. Ливонская война пріостановила на нѣкоторое время правительственную колонизацію; затѣмъ съ 80-хъ годовъ, начинается колонизація нижняго Поволжья. Для защиты отъ ногайцевъ возникаютъ города повыше Астрахани: Самара (1586), Саратовъ (1588), Царицынъ (1589); появляются русскія поселенія, въ землѣ башкиръ: Уфа (1588) и Бирскъ на рѣкѣ Бѣлой Воложкѣ.

Съ появленіемъ новыхъ городовъ усиливалась безопасность на окраинныхъ мѣстахъ Поволжья, заселеннаго русскими людьми. По писцовымъ книгамъ XVI вѣка можно судить о его замѣтномъ увеличеніи. Значительная часть дворцовыхъ, монастырскихъ и служилыхъ земель была заселена слободами съ русскимъ населеніемъ, занимавшимся земледѣліемъ и промыслами.

Новозаселенныя мѣста носятъ почти всѣ русскія названія. Рядомъ съ инородческой номенклатурой даже небольшія рѣки, овражки, горки получили русское названіе.

Таковы результаты правительственной колонизаціи Поволжья.

III.

Колонизаціонное движеніе замѣтно увеличивается въ XVII вѣкѣ: на помощь правительству приходитъ частная иниціатива. Населеніе въ XVII вѣкѣ оставляетъ границы русской населенности, доходившей до Камы. Усиленное народное движеніе за Каму—результатъ дѣйствія довольно разнообразныхъ причинъ. Въ смутное время стало снова небезопасно жить въ предѣлахъ Казанскаго царства. Покоренные инородцы и элементы, недовольные соціальнымъ положеніемъ, грабили мирное населеніе по Волгѣ. Пострадало отъ нихъ немало городовъ, въ особенности Цивильскъ, были разорены села. Люди шли въ „дикое поле“ и тамъ, среди огромныхъ степныхъ пространствъ, заводили починки, обзаводились бортными угодьями и сѣнокосными пожнями. Колонизація въ XVII в.

Въ степи были спокойнѣе, и воровскія шайки туда не проникали. Но колонизація не останавливается и послѣ смуты, скорѣе даже усиливается, о чемъ можно судить по писцовымъ книгамъ XVI и первой четверти XVII-го вѣка. Уходъ населенія въ степь можно поставить въ связь съ системой экстенсивнаго хозяйства, преобладавшаго въ краѣ и вызвавшаго быстрое истощеніе почвы: „дикое поле“ и привлекало своимъ богатѣйшимъ черноземомъ, еще не тронутымъ сохой, и богатствомъ лѣсныхъ и луговыхъ угодій. Немалую роль играли въ дѣлѣ колонизаціи и монастыри.

Въ этомъ отношеніи особенную дѣятельность обнаружили: Преображенскій-Казанскій, Троицкій и Богородицкій монастыри въ Свіяжскомъ уѣздѣ, имѣвшіе

въ Закамской сторонѣ дворы и поселки, въ которыхъ жили, постоянно или перемѣняясь, старцы, монастырскіе служки, монастырскіе дѣтеныши.

Всѣ эти поселки, съ увеличеніемъ количества населенія, постоянно выдѣляли изъ себя артели вольныхъ охотниковъ, уходившихъ въ степь. Колонизація за Каму совершалась первыя тридцать лѣтъ при особенно благопріятныхъ условіяхъ. Ногайская орда, до сихъ поръ постоянно прикочевывавшая къ границамъ государства, находилась въ нѣкоторой зависимости отъ московскаго правительства, да и сама она, уменьшившаяся количественно подъ вліяніемъ постоянныхъ голодовокъ, раздираемая внутренними усобицами, не представляла собой той грозной силы, какой она была раньше; это обстоятельство благопріятствовало, конечно, колонизаціонному движенію. Появленіе въ 30-хъ годахъ калмыковъ изъ Азіи съ береговъ Иртыша и Ишима и подчиненіе имъ ногайцевъ явилось и для правительства и для населенія нѣсколько неожиданнымъ препятствіемъ. Новые поселенцы закамской страны постоянно подвергались нападеніямъ калмыковъ, не дававшихъ имъ покою.

Закамская черта.

Приходилось приняться за постройку закамской оборонительной линіи—черты; и укрѣпленія возводятся все глубже и глубже, клиномъ врѣзываясь въ степь, тѣмъ болѣе, что, несмотря на внѣшнія неблагопріятныя обстоятельства, приливъ населенія не уменьшался: появились новые починки и деревни. Такъ, въ сороковыхъ годахъ было выстроенно только три небольшихъ острожка: Ахташинскъ, Старо-Шешминскъ (на рѣкѣ Шешмѣ) и Мензелинскъ на рѣкѣ Инкѣ; въ 1650 году былъ уже выстроенъ городокъ Чалны при впаденіи Чалны въ Каму. Жители городовъ, предназначенныхъ „для обереганья отъ прихода калмыцкихъ и ногайскихъ людей“, получали близъ городовъ пахатныя земли, поля, сѣнокосъ, и за это несли городовую повинность.

Но эти города не достигли своихъ цѣлей: населеніе

не было въ безопасности. Тогда правительство приступило къ постройкѣ непрерывной черты укрѣпленій при помощи спеціально наряженныхъ для этого людей, преимущественно изъ среды замиренныхъ инородцевъ: чувашей, черемисовъ и вотяковъ. Начиная съ 1652 г., втеченіе 4 лѣтъ, строились города и укрѣпленія, захвативъ огромное пространство отъ рѣки Ики до нижняго теченія Большого Черемшана съ его притокомъ Малымъ Черемшаномъ, пересѣкая рѣки: Шешму, Кичуй, Заю и Ику.

Такъ были выстроены: Бѣлый Яръ, Ерыклинскъ, Билярскъ на Маломъ Черемшанѣ, Новошешминскъ, Кичуевскъ на рѣкѣ Кичуй, Заинскъ на рѣкѣ Заѣ, и Мензелинскъ на Икѣ. Города строились въ зависимости отъ условій мѣстности: нѣкоторые въ степи, другіе въ лѣсахъ, а для заполненія образовавшагося промежутка между ними были выстроены городки, устроены валы и засѣки. Закамская черта подошла почти къ Волгѣ, такъ какъ Бѣлый Яръ находился только въ 88 в. отъ нея.

Приливъ населенія и его составъ.

Постройка новой черты вызвала приливъ военнаго служилаго элемента: изъ различныхъ городовъ переводились сюда на „службу по государеву указу“ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми на „вѣчное житье“ казаки, стрѣльцы и другіе служилые люди по прибору. Служилые люди, видимо, вербовались изъ людей различныхъ городовъ и разнаго происхожденія; тутъ были арзамасцы, тетюшане, нижегородцы. Военнослужилое населеніе получало „земли подъ дворы, подъ огороды и подъ гумно“; иногда отводилось извѣстное количество четвертей подъ сѣнокосъ, если таковой былъ на мѣстѣ. Переселеніе служилаго люда не всегда было добровольно; правительство дѣйствовало иногда угрозой и принужденіемъ: „а будетъ нѣкоторые... изъ деревень и починковъ ѣхати не похотятъ, и тѣхъ велѣно выслать и въ неволю, а за ослушаніе велѣно имъ дѣ-

лать наказаніе: бить батогами и сажать въ тюрьму, чтобы однолично ихъ на Закамскую черту на вѣчное житье выслать всѣхъ нынѣшнимъ лѣтомъ". Постройка укрѣпленій, обезопасивъ районы новой осѣдлости отъ нападеній, вызвала сюда приливъ и крестьянскаго населенія, тоже выходцевъ изъ разныхъ мѣстностей: тутъ можно было встрѣтить вятчанина, пермяка и т. п.

Шли сюда изъ внутреннихъ областей, спасаясь отъ крѣпостного права, недостатка земли, гонимые начинавшимся кризисомъ, повлекшимъ запустѣніе самыхъ населенныхъ областей XVII в. Новоселы устраивались, заводили пашню и постепенно перетягивали односельчанъ. Правительство пока не обращало вниманія на отливъ населенія изъ центра, такъ какъ нуждалось въ заселеніи края. Переселялись сюда и инородцы, боясь захвата состороны русскихъ бортныхъ и звѣриныхъ ухожаевъ. Для той же цѣли правительство „испомѣстило" группу литовскихъ плѣнныхъ—часть полоцкой шляхты; для обезпеченія ихъ крестьянскимъ трудомъ были взяты дворцовые крестьяне Казанскаго края съ 20 дворовъ по одному. Такъ заселялась Закамская оборонительная линія.

Симбирская черта.

Почти одновременно шло построеніе Симбирской черты для праваго берега Волги. Кажется, еще при Михаилѣ былъ рѣшенъ вопросъ о ея постройкѣ, чтобы „отъ крымскихъ и ногайскихъ людей... во всѣхъ городахъ войну отняти", но пришлось привести въ исполненіе эту мысль только при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Новая черта строилась шесть лѣтъ (1648—1654) и отнимала ежегодно около 5000 „работныхъ людей у валового острожнаго дѣла". Новая черта шла отъ города Симбирска. Затѣмъ шли острожки: Тагай, Урень, Карсунь, Сура на Сурѣ, Саранскъ на Инсарѣ; крайнимъ пунктомъ черты на юго-западѣ былъ Инсарскій острогъ на рѣкѣ Исѣ. Новая черта примыкала къ городкамъ Нижнему и Верхнему Ломовымъ и Тамбову

и могла служить для защиты не только праваго берега Волги, но и южной окраины. Постройка черты сопровождалась переселеніемъ сюда людей изъ болѣе населенныхъ мѣстностей, безъ различія, кто они были—русскіе или инородцы. Населеніе переводилось „на вѣчное житье“. Иногда отнимались бобыли у монастырей и переводились съ „монастырскихъ выгоновъ и земель въ слободы, тягло, посадъ“. Всѣ люди получали деньги на „дворовое строеніе“, а также, смотря по званію, было отмѣрено „на пашню земли, и сѣнные покосы, и всякія угодья“. Населеніе черты и за чертой.

Защищенная съ обѣихъ сторонъ, мѣстность къ югу отъ Тетюшъ представляла собой очень удобное мѣсто для заселенія. Помимо безопасности—этотъ край отличался поразительнымъ плодородіемъ. Сосѣдніе жители это знали и, какъ только явилась возможность, нахлынули сюда. Шли сюда землевладѣльцы изъ сосѣднихъ уѣздовъ и, съ согласія правительства, осваивали земли, еще никому не принадлежавшія, никому не отданныя ни въ помѣстье, ни на оброкъ. Правительство въ интересахъ обороны сочувствовало такой колонизаціи. Служилые люди переводили сюда и крестьянъ изъ внутреннихъ областей: такъ появилось и здѣсь русское населеніе. Испомѣщаются здѣсь и крещеные инородцы съ татарами. Такъ, мало по малу притоки Свіяги были заселены испомѣщенными людьми. Къ 60-мъ годамъ XVII в. край являлся уже настолько заселеннымъ, что немного выше Симбирска, по рѣкѣ Сухому Бирюгу, съ трудомъ можно было встрѣтить „дикое поле ковыль“ и сѣнные покосы, еще не занятые.

Въ 60-хъ годахъ крестьяне промышленники заняли обширную полосу земли, называвшуюся „Арбугинской землей“, примыкавшую къ Волгѣ. Они основали здѣсь нѣсколько слободъ, приписанныхъ къ дворцовому вѣдомству. Они владѣли здѣсь пахотными землями, а на лѣвомъ берегу сѣнокосомъ. Наконецъ, группа за-

хребетниковъ изъ Бѣлаго Яра перешла на правый берегъ и поселилась на рѣкѣ Сенгилейкѣ.

Въ шестидесятыхъ годахъ эта мѣстность была уже совершенно занята, такъ что пришлось раздавать земли къ западу отъ черты. Появляются солдаты по рѣкѣ Сельдѣ, лѣвомъ притокѣ Свіяги, и Бѣлому Уреню, притоку Суры. Дворяне и дѣти боярскіе выпрашиваютъ себѣ здѣсь помѣстья, а затѣмъ переселяютъ сюда крестьянъ изъ внутреннихъ областей, одновременно принимая къ себѣ и бѣглыхъ.

Бѣжали сюда не одни только крестьяне; частенько попадались здѣсь стрѣльцы, казаки, посадскіе поступившіе на службу, отправлявшіе ее по городамъ и уѣздамъ. Конечно, не всѣмъ удавалось устроиться на новыхъ мѣстахъ; многіе возвращались назадъ, но даже наказанія не останавливали постояннаго притока населенія. Во время бунта Стеньки Разина колонизація, конечно, временно пріостановилась, но за то тѣмъ быстрѣе идетъ она по окончаніи его.

За-Симбирская черта постоянно населяется служилыми людьми, и въ 70-хъ годахъ лѣвый притокъ Свіяги—Гуша и правый—Тошля уже были заняты, и населеніе начинало переходить за валъ и селиться тамъ.

Поступали такимъ же образомъ и испомѣщенные служилые люди съ большимъ, чѣмъ у солдатъ, окладомъ, и едва ли не для защиты населенія, вышедшаго за Симбирскую черту, выстроили въ 60-хъ годахъ Пензу на Сурѣ.

Колонизація Самарской луки.

Изъ мѣстностей, лежавшихъ южнѣе Симбирска, особенно притягивала поселенцевъ Самарская лука. Процессъ ея заселенія начался въ XVI вѣкѣ, продолжаясь непрерывно втеченіе всего XVII вѣка, такъ какъ, по своимъ природнымъ свойствамъ, Самарская лука была едва ли не самымъ лучшимъ мѣстомъ въ Поволжьи. Богатѣйшій черноземъ, обиліе горючей

сѣры и соли (изъ соленыхъ ключей), лѣса, нетронутые человѣческой рукой, изобиловавшіе пчелиными бортями и звѣремъ. Пересѣкавшая ее рѣка Уса съ притоками изобиловала рыбою. Около луки, при впаденіе р. Самары въ Волгу, появилась въ XVI вѣкѣ Самара, ставшая довольно скоро важнѣйшимъ стратегическимъ пунктомъ въ Поволжьи, сдерживавшимъ долгое время напоръ калмыковъ.

Появленіе здѣсь промышленниковъ замѣтно въ XVI в. и не только изъ русскихъ: едва ли не первыми піонерами являлись инородцы, владѣвшіе здѣсь бортными ухожаями, рыбными ловлями и бобровыми гонами. Но приливъ собственно русскаго населенія начался только при Михаилѣ, когда при впаденіи Усы въ Волгу были выстроены два острожка, защищавшіе отъ набѣговъ калмыковъ. Купецъ Надѣя Свѣтешниковъ обратилъ вниманіе на соленые ключи и рѣшилъ завести здѣсь варницы для добыванія соли. Около соляныхъ варницъ возникли русскіе поселки. При царѣ Михаилѣ заимки Свѣтешникова были подтверждены за нимъ особой грамотой. При царѣ Алексѣѣ эти варницы были выкуплены у родственниковъ Надѣи и пожалованы любимому монастырю Алексѣя—Саввѣ Сторожевскому. Монастырь, пользуясь разными льготами, повелъ еще удачнѣе эксплоатацію природныхъ богатствъ и скоро получилъ отъ царя „Лопатинскія и Васильковскія рыбныя ловли“, лежавшія у Самарской луки, повыше Сызрани. Промышленники и монастыри.

Черезъ 16 лѣтъ здѣсь уже было 283 двора, а въ нихъ жили „крестьяне, бобыли, мастеровые, работники и чуваши“. Монастырскія власти не пренебрегали никакими средствами для расширенія владѣній, захватывая незанятыя земли, устраивая монастырскія слободы и заселяя ихъ бѣглыми людьми изъ верховыхъ городовъ, а также крестьянами, мордвою и чувашами, жившими раньше на дворцовыхъ земляхъ и переходившими на землю монастыря, получая свободу отъ податей на нѣсколько лѣтъ. Въ 80-хъ годахъ Усолью

принадлежала цѣлая группа большихъ и малыхъ поселковъ съ населеніемъ около 1000 человѣкъ, распахивавшихъ монастырскую пашню и исполнявшихъ разныя сельско-хозяйственныя работы. Сверхъ обработанной земли монастырю принадлежала огромная масса „лѣсу пахотнаго и дикія непахотныя и пахотныя степи".

Рядомъ съ этими, въ предѣлахъ Самарской луки, находились земли служилыя, патріаршія и дворцовыя. И эти владѣнія медленно заполняются населеніемъ, ушедшимъ сюда изъ другихъ мѣстъ. Это все „прихожіе люди разныхъ городовъ". [1]).

Сызранская черта.

Заселеніе мѣстности поставило на очередь вопросъ объ укрѣпленіи ея границъ. Для защиты западныхъ границъ въ 70-хъ годахъ построили Пензу на Сурѣ, и въ скоромъ времени, согласно просьбамъ служилыхъ людей изъ сосѣднихъуѣздовъ, Пензенскій уѣздъ заселяется военнымъ элементомъ. Приходили сюда и бѣглые крестьяне, селясь отдѣльными дворами. Въ 80-хъ годахъ правительство уже предполагало построить новую укрѣпленную линію и переводить на ея предполагаемыя границы служилыхъ людей въ количествѣ достаточномъ для охраны границы. Въ 1673 г. былъ уже выстроенъ городъ Сызрань руками дворянъ и дѣтей боярскихъ, иноземцевъ мурзъ, и татаръ полковой службы, „симбирскихъ и корсунскихъ копейщиковъ, стрѣльцовъ и казаковъ Симбирской и Корсунской черты"; всѣмъ имъ „велѣно не замотчавъ иттить для строенія того Сызранскаго города". Затѣмъ, по обычаю, переводилось сюда военно-служилое населеніе, получавшее здѣсь „порожую землю" вмѣсто „денежнаго и хлѣбнаго жалованья". Въ результатѣ такой военной колонизаціи была постройка новой Сызранской черты отъ Сызрани до Пензы. Спустя нѣсколько лѣтъ южнѣе Сызрани возводится новое укрѣпленіе, Кашпира, и тѣмъ самымъ началось заселеніе засызранской черты, куда и раньше тянули

---

[1]) Изъ Арзамаса, Алатыря, Нижняго Новгорода.

разные предпріимчивые люди, провѣдавъ о богатыхъ рыбныхъ ловляхъ. Чудовъ монастырь получилъ право ловли рыбы въ Самарскихъ водахъ. Царь Алексѣй подтвердилъ это право „на рѣкѣ Волгѣ въ Самарскихъ водахъ рыбу ловить про монастырскій обиходъ". За Чудовымъ монастыремъ пошли и другія обители, и въ 80-хъ годахъ немало монастырей, выхлопотавъ себѣ берега на нагорной сторонѣ Волги, постепенно устроили здѣсь постоянныя селенія, заселивъ ихъ монастырскими рабочими. Такъ возникло много селеній, и Сызранская черта уже не достигала своей цѣли. Надо были построить упрѣпленія южнѣе ея. Такъ построили Петровскъ на верховьяхъ Медвѣдицы (1697) и Павловскъ на Хопрѣ для защиты отъ кочевниковъ и удалого русскаго элемента; для заселенія новыхъ крѣпостей правительство перевело сюда „третчиковъ и половинщиковъ" съ Сызранской черты, они записаны были въ пахотные солдаты, пушкары, затинщики. На этомъ и закончилось укрѣпленіе мѣстностей южнѣе Сызрани. Только при Петрѣ, съ проведеніемъ укрѣпленной черты между Царицыномъ и Дономъ, явилась возможность культурной работы для населенія, а до этого времени жители при городахъ Царицынѣ и Саратовѣ, по словамъ одного современника, ничего снять въ поляхъ не смѣли, такъ какъ кубанская орда „чинила всякія озлобленія россійскому народу, брала людей въ полонъ и скотъ отгоняла".

Итоги колонизаціи Поволожья.

Такъ заселялась территорія бывшаго Казанскаго царства. Колонизація края была начата по чисто политическимъ причинамъ—необходимостью укрѣпить русское вліяніе въ завоеванной странѣ, дальнѣйшее заселеніе совершалось подъ вліяніемъ другихъ условій. Тянуло сюда населеніе богатство края. Бѣжали сюда люди, недовольные своимъ положеніемъ въ центрѣ. Захватывая территорію, населеніе выходило за предѣлы населенности, что выдвигало на очередь необходимость защиты новыхъ колонистовъ, ушедшихъ въ „дикое

поле". Такъ возникли одна за другой новыя оборонительныя линіи: Закамская, Симбирская, Сызранская. Перейдемъ теперь къ колонизаціи южныхъ границъ Московскаго государства, такъ называемой „степной Украйны".

IV

Колонизація южныхъ границъ.

Поступательное движеніе на югъ совершалось съ такой же медленностью и настойчивостью, съ какой шла колонизація средняго и южнаго Поволожья.

Татарскіе хищники грабили пограничныя мѣстности, уводя съ собою большой полонъ, появлявшійся затѣмъ на рабовладѣльческихъ рынкахъ востока. Вотъ почему правительство тотчасъ же послѣ паденія ига принимаетъ рядъ мѣръ по оборонѣ границъ. Намѣчается медленное поступательное движеніе въ степь русскаго народа. Строятся городки и острожки, пограничныя мѣстности заселяются служилымъ сословіемъ; проводятся укрѣпленныя линіи, и все большее пространство степи попадаетъ въ сферу русскаго вліянія.

Колонизація въ XVI в.

Къ началу XVI в. русское населеніе, пользуясь прикрытіемъ лѣса, подвинулось значительно ближе къ степи. Южная граница доходила до Оки съ городами Серпуховымъ, Коломной и Каширой для ея защиты. Это былъ, такъ называемый, берегъ. Затѣмъ береговая линія подвигалась постепенно къ югу, и въ 1513 году пограничная армія стояла уже въ Тулѣ. Съ присоединеніемъ къ Москвѣ Черниговo-Сѣверской земли, южная граница должна была отойти еще дальше въ степь. Окраинными городами стали Черниговъ, Путивль, Рыльскъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Новосиль, Мценскъ на Зушѣ, Одоевъ на Упѣ. А съ 1521 года, когда Рязанское княжество вошло въ составъ московскаго государства, границы подвинулись значительно на востокъ, и, такимъ образомъ, южныя границы доходили до рѣкъ: Десны, Сейма, Оки, Зуши, Сосны, Верхняго Дона, Воронежа, Упы, Мокши и Нижней Суры.

Въ интересахъ укрѣпленія Рязанскаго княжества въ 1536 году построили Пронскъ—на рѣкѣ Пронѣ. Въ 1535 году южнѣе Рязанскаго княжества, въ землѣ мордвы и мещеры, построили Мокшанскъ на верхней Мокшѣ; въ 1536 году—Алатырь при впаденіи рѣки того же имени въ Суру. Наконецъ, въ 1552 году, на рѣкѣ Цнѣ—Шацкъ. Въ половинѣ XVI вѣка была готова Тульская черта, шедшая отъ Путивля черезъ Рыльскъ, Брянскъ, Мценскъ, Тулу, Пронскъ и Шацкъ.

Правительство заселяло линію служилыми людьми „по прибору", раздавая имъ около городовъ помѣстья. Изъ центральныхъ мѣстъ сюда переводились крестьяне. Немало было и бѣглыхъ, искавшихъ и здѣсь свободы.

Тульская линія приблизила границы государства къ верховьямъ Оки и Дона. Понятно, что населеніе уходило сюда за вольнымъ промысломъ, и постепенно верхнеокскій районъ начиналъ заселяться. И правительство по необходимости должно было обратить вниманіе на верховья Оки и Дона. Здѣсь по водораздѣламъ рѣкъ лежали такъ называемые татарскіе шляхи, по которымъ крымскіе татары дѣлали свои разбойничьи набѣги. Для загражденія имъ пути, втеченіе 1554—1563 г., строится рядъ мелкихъ городковъ: въ 1566 г. появляется Орелъ, а нѣсколько позже — Чернь и Крапивна. Съ постройкой ихъ Тульская черта отошла южнѣе: на западѣ она упиралась въ сѣверскую землю, затѣмъ шла черезъ Орелъ, Новосиль на Шацкъ.

Верховья Дона при царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ были защищены частью постройкой, частью возобновленіемъ: Воронежа на рѣкѣ того, же имени (1586 г.), Ливны на Быстрой Соснѣ (1586), Ельца на рѣкѣ Быстрой Соснѣ (1592 г.) и Кромъ недалеко отъ впаденія Кромы въ Оку (1595 г.). Благодаря постройкѣ Бѣлгорода, Оскола (1598 г.) и Валуекъ, (1600 г.) линія городовъ выдвигается еще далѣе вглубь степи. А съ постройкой при Борисѣ Годуновѣ Царева—Борисова на Осколѣ правительственная колонизація передвинулась на югъ по теченію Оскола и Дона до

ихъ сліянія. Нельзя не признать цѣлесообразности этой колонизаціонной дѣятельности правительства: лишенное возможности уничтожить Крымское гнѣздо, правительство, захватывая степь, подготовляло постепенно окончательное завоеваніе Крыма.

Значеніе Тульской линіи и ея оборона.

Тульская линія имѣла огромное стратегическое значеніе; поэтому правительство было занято организаціей станичной и сторожевой службы. Высылая въ поле „сторожу“, смотрѣвшую за движеніями хищниковъ въ степи, правительство хотѣло имѣть быстрыя и точныя свѣдѣнія о татарахъ, и тѣмъ самымъ не дать себя застать врасплохъ, какъ это было во время татарскаго набѣга въ 1571 году, когда Москва была сожжена. Военная колонизація вызвала приливъ населенія. Служилые люди получаютъ около городовъ помѣстья. Сюда переводятся и бѣгутъ крестьяне. Нетронутая пахотой земля постепенно захватывается сельско-хозяйственной культурой. Въ городахъ населеніе начинаетъ постепенно заниматься ремеслами и торговлей, но даже и эти занятія не измѣняли общей физіономіи города, военной крѣпости по преимуществу: ремеслами и торговлей занимался главнымъ образомъ военно-служилый элементъ. Населеніе и здѣсь довольно скоро вышло за предѣлы городской черты: когда служилыхъ людей надѣляли землей, то только часть ея отводилась подъ самымъ городомъ, а остальная на довольно большемъ разстояніи отъ города. Служилые люди сначала наѣзжали туда только временно для сельско-хозяйственныхъ работъ, работая подъ военной охраной своихъ сотоварищей; но мало по малу здѣсь возникаютъ постоянныя своего рода городскія колоніи—это такъ называемые „выселки изъ городовъ“ изъ дѣтей, родственниковъ и крестьянъ служилаго человѣка, имѣвшаго постоянное пребываніе въ городѣ. Такъ, среди „дикаго поля“ возникали оазисы съ осѣдлымъ населеніемъ. Такіе же населенные пункты возникали кое-гдѣ и независимо отъ городского населенія. Среди „дикаго

поля", часто подъ прикрытіемъ лѣса, устраивались усадьбы служилыми людьми и монастырями на пожалованныхъ земляхъ. Они переводили своихъ рабочихъ, крестьянъ, монастырскихъ дѣтенышей. Народная колонизація шла по тому же пути. Различные выходцы изъ Приднѣпровья въ лѣсахъ Московской Украйны занимались бортничествомъ, а когда, съ приливомъ служилаго населенія, бортныя деревья стали хищнически разграбляться, то населеніе, въ цѣляхъ ихъ охраны, стало постоянно жить около своихъ бортей намѣчая бортныя деревья и устраивая пасѣки. Еще одинъ шагъ, и пасѣки превращаются въ хутора со скотомъ, пашней и всякаго рода инвентаремъ.

V

Колонизація послѣ смуты

Въ Смутное время колонизація временно прекратилась. Немало новыхъ поселеній исчезло безъ всякаго слѣда. Татарскіе шляхи стали почти беззащитны, и кочевники стали снова смѣлѣе. Населеніе бѣжитъ на сѣверъ изъ бассейна рѣки Оскола и ищетъ защиты у Бѣлгорода или еще дальше у Воронежа, защищеннаго лѣсами Тихой Сосны. Въ первые годы правленія царя Михаила, занятаго внѣшними войнами, колонизація не двигалась дальше; систематически колонизація идетъ только послѣ окончанія второй польской войны, во время которой правительству неоднократно приходилось убѣждаться въ необходимости укрѣпленія южныхъ границъ.

Съ 1636 года и начинается усиленная строительная дѣятельность. Довольно скоро выстроили Бѣлгородскую черту, примыкавшую къ Симбирской и Закамской оборонительнымъ линіямъ. Въ 1636 году для защиты южныхъ границъ бывшаго Рязанскаго княжества построили Козловъ на Воронежѣ, затѣмъ на верхней Упѣ—Тамбовъ, а на рѣкѣ Ломовѣ, притокѣ Мокши, два города Ломова: Верхній и Нижній. Стратегическое

значеніе новыхъ городовъ, конечно, было большое: по сообщенію правительства „тѣми новыми городы и крѣпостьми въ Ряжскихъ, Рязанскихъ и въ Шацкихъ во всѣхъ мѣстѣхъ татарская война отъ приводовъ укрѣплена". Колонизаціонная политика правительства на этомъ, однако, не остановилась.

Строятся и дальше новые города: Верхососенскій и Усердъ на Тихой Соснѣ, пересѣкавшей Кальміусскій шляхъ, Яблоновъ на Осколѣ, повыше Валуекъ, Чугуевъ на Донцѣ, Вольный и Хотмыжскъ на верховьяхъ Ворсклы. Конечно, постройка новыхъ городовъ требовала немалыхъ расходовъ, но, раздавая служилымъ людямъ земли, правительство могло меньше платить жалованія и тѣмъ уменьшало расходы по оборонѣ Украйны. И при Алексѣѣ Михайловичѣ шла усиленная стройка. Выстроили Ольшанскъ на рѣкѣ Тихой Соснѣ, Острогожскъ, Усмань на рѣкѣ того имени. Къ концу 60 годовъ разстояніе между украйными городами было настолько незначительно, что правительство нашло возможнымъ соединить ихъ другъ съ другомъ валами острожками, засѣками. Вся эта непрерывная сѣть укрѣпленій и составила такъ называемую Бѣлгородскую линію, заграждавшую татарскіе шляхи. Линія шла отъ верховій Ворсклы, пересѣкая Донецъ, Осколъ, Тихую Сосну, Воронежъ,—отъ Хотмыжска на Ворсклѣ, черезъ Ахтырку, Бѣлгородъ, Воронежъ, Усмань, до Козлова. Приблизительно въ это же время были выстроены Закамская и Симбирская черты, вмѣстѣ съ Бѣлгородской, составлявшія непрерывную нить укрѣпленій, защищавшихъ южныя и юго-восточныя границы Украйны.

Бѣлгородская черта.

Постройка Бѣлгородской черты совпала съ казацкими движеніями въ Польшѣ. Населеніе, спасаясь отъ польскихъ порядковъ, бѣжало на территорію московскаго государства. Во время возстанія Хмельницкаго, на которое народная масса возлагала столько неоправдавшихся надеждъ, переселенческое движеніе временно пріостановилось, но затѣмъ поднялось съ

Приливъ населенія въ Малороссію.

новой силой, такъ какъ въ московской Украйнѣ еще не успѣло установиться и окрѣпнуть крѣпостное право, уже дававшее себя чувствовать въ польскихъ владѣніяхъ. Московское правительство отнеслось съ большимъ вниманіемъ къ этому переселенческому движенію, учтя его значеніе для обороны южныхъ границъ.

Лица, нежелавшія возвращаться обратно къ пану, шли на московскую территорію, наполняя собою старые города и основывая новыя поселенія. Подъ вліяніемъ этой малороссійской эмиграціи появились Сумы, Лебедянь, Харьковъ, Ахтырка и множество мелкихъ слободъ до самого Дона. Присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ временно пріостановило наплывъ эмиграціи, и только въ эпоху такъ называемой Руины правобережное населеніе снова устремляется на лѣвый берегъ Днѣпра. Появляются Суда, Бѣлополье, Волчанскъ, Торъ, Золочевъ.

Такъ, малороссійской эмиграціей заселялся бассейнъ верхняго Сейма, Сулы, Псела, Ворсклы, Донца, Оскола, охватывающихъ югъ Курской губ., почти всю Харьковскую и западную часть Воронежской.

Слободскіе полки.

Заселившіе Украйну казаки образовали нѣсколько слободскихъ полковъ, но фактически существовало только пять: Ахтырскій, Сумской, Изюмскій, Острогожскій и Харьковскій. Возникавшіе другіе полки существовали самостоятельно недолго и обыкновенно входили въ составъ вышеуказанныхъ полковъ.

Слободскіе полки, составляя иррегулярную армію, должны были помогать правительству въ его военныхъ цѣляхъ, за что послѣднее предоставляло имъ право эксплоатаціи рыбныхъ, лѣсныхъ и земельныхъ богатствъ, безпошлиннаго выкуриванія вина и продажи его.

Всѣ эти привиллегіи слободскихъ полковъ были подтверждены Петромъ въ 1700 году, объединившимъ въ одну грамоту всѣ „права“ черкасскихъ полковъ.

Казацкіе полки заняли территорію южнѣе Бѣлгородской черты. Оказавшись внутри, она перестала вы-

полнять свое прямое назначеніе, и правительству приходилось снова думать о построеніи новой оборонительной линіи, которая загородила бы водораздѣлъ Днѣпра и Дона, а какъ разъ тутъ и проходилъ важный для татаръ Муравскій шляхъ. Такая линія и была выстроена въ 70—80 годахъ, и въ ея составъ вошли городки: Соленый, Царевъ-Борисовъ, Савиновъ, Балаклея, Зміевъ, Соколовъ, Валки и Перекопъ на рѣкѣ Колымакѣ. Проходя вдоль рѣки Донца и переходя потомъ на притокъ Ворсклы Колымакъ, указанная слободская черта перерѣзала Изюмскій и Муромскій шляхъ, тѣмъ самымъ затруднивъ движеніе татаръ. Дальнѣйшее заселеніе Украйны относится уже къ XVIII вѣку.

VI.

Донское казачество.

Защита южной и восточной Украйнъ достигалась не только при содѣйствіи оборонительныхъ линій. Въ томъ же направленіи дѣйствовала и народная колонизація, развивавшаяся параллельно правительственной, и степь наполнялась все больше и больше людьми, которыхъ тянуло къ себѣ ея приволье и степная опасность. Изъ такихъ элементовъ, промышлявшихъ рыбою, звѣремъ, подчасъ разбоемъ, и образовалось донское казачество, заселявшее бассейнъ Дона и его притоковъ: Хопра, Медвѣдицы, Иловли, Сала, Маныча. Правительство какъ разъ обходило эти мѣста изъ боязни слишкомъ близко стать къ татарамъ и др. кочевникамъ. Колонизація Дона особенно усилилась въ XVI вѣкѣ. Къ концу его уже весь Донъ былъ заселенъ казацкими городками и станицами. Кажется, станица Раздоры при впаденіи Донца въ Донъ стала средоточіемъ донского казачества.

Въ XVII-мъ вѣкѣ количественный составъ донского казачества значительно увеличивается. Сюда бѣгутъ изъ Московскаго государства и малороссійской Украйны. На Дону появляются новые казачьи поселки и городки,

и казачество спускается все ближе и ближе къ морю, гдѣ ему пришлось непосредственно столкнуться съ турками, временно отнявъ у нихъ Азовъ. И во второй половинѣ вѣка замѣчается неприрывный ростъ казачества. Закрѣпленіе крѣпостного состоянія Уложеніемъ и гоненіе раскольниковъ поддерживали постоянно въ народной массѣ стремленіе уйти на Донъ.

Въ самомъ казачествѣ уже довольно отчетливо намѣчалась дифференціація его состава. Благодаря переполненію Дона новыми людьми, мѣстность, захваченная казаками, поневолѣ расширялась, и часть казачества очутилась въ центрѣ, защищенномъ съ юга поселками. Здѣсь хозяйственная жизнь складывалась по-иному: насчетъ промыслового хозяйства развивалась сельско-хозяйственная культура. Въ XVII вѣкѣ этотъ процессъ пока только намѣчается. Одновременно часть казаковъ уходила съ Дона. Еще въ XVI столѣтіи ими было занято нижнее теченіе Яика, а нѣсколько позднѣе мѣстность по Тереку, куда переселялись они отчасти благодаря правительству, построившему въ 1584 году городъ Терки.

Яицкіе и Терскіе казаки.

Правительство сознавало, конечно, пользу казацкой колонизаціи, какъ аванпоста для защиты пограничнаго русскаго населенія. Оно и поддерживало казаковъ, посылая имъ деньги и всякіе военные припасы. Но въ то же время сосѣдство вольнаго казачества давало себя постоянно чувствовать, являясь центромъ, куда уходили всѣ недовольные соціально-политическимъ укладомъ государства, и откуда шелъ активный протестъ противъ него, вродѣ разиновщины. Приходилось обратить и на это вниманіе. Въ 1682 году издается первое запрещеніе казакамъ принимать бѣглыхъ; 1683 году уже устраиваются заставы на границахъ современной Воронежской губерніи; а въ 1703 г. правительство Петра пытается привести въ извѣстность казачьи городки на Дону въ цѣляхъ болѣе существеннаго контроля надъ жизнью Дона. Но пока всѣ эти попытки не приводили ни къ

Отношеніе правительства къ казачеству.

какимъ существеннымъ результатамъ, и Донъ въ XVII вѣкѣ оставался казацкой колоніей, гдѣ люди дышали свободнымъ воздухомъ. Конечно, близость турокъ и татаръ также заставляла правительство не прибѣгать пока ни къ какимъ репрессіямъ по отношенію къ казачеству. Активная борьба съ казачествомъ начинается только въ XVIII вѣкѣ.

Такимъ образомъ, казацкая колонизація захватила теченіе Дона, но пока въ XVII вѣкѣ территорія фактически не принадлежала Московскому государству. Однако Крымъ, въ особенности же Турція, съ нескрываемой боязнью смотрѣли на растущую народную колонизацію. Сама постройка крѣпостей по берегу Азовскаго моря указывала на то, какъ Турція смотрѣла на казаковъ, съ которыми происходили постоянно мелкія стычки и схватки на почвѣ борьбы за звѣриные ловы, гоны и рыбныя богатства.

VII.

Завоеваніе Сибирскаго царства.

Образованіе казачества во многомъ содѣйствовало покоренію Сибирскаго царства, возникшаго въ западной Сибири. О Сибири имѣли давно свѣдѣнія. Доходили до нея и новгородская вольница, и экспедиціи при Иванѣ III въ Югорскую землю за сборомъ ясака у вогуловъ и остяковъ. На востокѣ и югѣ Югорской земли расположились кочевьями сибирскіе татары по Тоболу, Ишиму и Иртышу. Они обособились въ отдѣльное царство, включавшее вогуловъ и остяковъ. Послѣ паденія Казани Сибирское ханство состояло въ данническихъ отношеніяхъ по отношенію къ Москвѣ, но послѣ ливонскихъ неудачъ ханъ Кучумъ отказался платить дань, настраивая инородцевъ противъ Москвы и нападая на Пермскую землю. Правительство было очень озабочено охраной Пермской Украйны. До покоренія Казани русское населеніе держалось только въ верховьяхъ Камы и Вятки, но затѣмъ русская колонизація становится

особенно замѣтной именно въ камскомъ бассейнѣ. Строгановы. Въ этомъ отношеніи выдѣлялась дѣятельность соляно-промышленниковъ Строгановыхъ, имѣвшихъ большія имѣнья въ Сольвычегодскомъ и Устюжскомъ краѣ. Ихъ колонизаторской дѣятельности обязано заселеніе многихъ мѣстъ, „гдѣ прежде сего пашни не пахиваны и дворы не стаивали“. Въ 1574 году Строгановы обратились къ Грозному съ просьбой о пожалованіи имъ земель по Тоболу и его притокамъ, съ правомъ держать и строить крѣпости, заводить тамъ слободы, пашни, владѣть угодьями, содержать сторожей и огненный нарядъ. Грозный далъ на это согласіе, освободивъ Строгановыхъ на 20 лѣтъ отъ платы податей и отъ земскихъ повинностей, а также отъ суда пермскихъ намѣстниковъ и разрѣшивъ разыскивать мѣдную, свинцовую руду и горючую сѣру.

Давая утвердительный отвѣтъ на челобитье Строгановыхъ, правительство надѣялось на умиротвореніе восточной Украйны, постоянно тревожимой нападеніями, а укрѣпленіе русской власти за Ураломъ обезпечивало исправный взносъ ясака сибирскими инородцами и усиливало возможность пріобрѣтенія новыхъ плательщиковъ.

Перенесеніе военныхъ дѣйствій за Уралъ превышало Экспедиція Ермака. собственныя средства Строгановыхъ. Долгое время ихъ намѣренія не могли осуществиться, пока къ нимъ не явились казацкія дружины, промышлявшія разбоемъ на Волгѣ. Строгановы приняли ихъ съ удовольствіемъ къ себѣ на службу и снарядили экспедицію за Уралъ. По внѣшности кончилась она блестяще. Сибирское царство было покорено, сибирскіе татары должны были подчиниться казакамъ, вооруженнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Но завоеваніе Сибири оказалось непрочнымъ. Съ гибелью Ермака Сибирь стала снова фактически независимой, и ее снова пришлось покорять; но теперь правительство начинаетъ дѣйствовать поиному, развивая широкую колонизаціонную дѣятельность.

Постройка городовъ въ Сибири и захватъ территоріи.

Посылая казаковъ въ Сибирь, правительство Ѳедора Ивановича предписало имъ построить тамъ городъ и укрѣпиться въ немъ.

Въ 1576 году воеводы построили первый русскій городъ, Тюмень на рѣкѣ Турѣ. Начинается медленная, но систематическая постройка городовъ съ поселеніемъ въ нихъ военнаго и отчасти торговаго элемента, отнимавшая постепенно у инородцевъ все большія и большія пяди земли. Въ 1586 году строится Тобольскъ на Иртышѣ, ниже впаденія въ него Тобола, ставшій операціонной базой противъ Кучума. Затѣмъ постройкой небольшихъ городовъ въ бассейнѣ Иртыша и Оби правительство дошло до береговъ Оби; въ 1594 году строится на ней Сургутъ въ землѣ остяковъ, ставшихъ съ 1596 года платить дань московскому правительству. Двигаясь по верховьямъ Оби, въ 1597 году построили на рѣкѣ Кети Кетскій Острожекъ. Такъ правительство, двигаясь по рѣкамъ, постепенно отвоевывало у инородцевъ сибирскую территорію. Въ 1598 году построенъ на рѣкѣ Турѣ Верхотурье, и Туринскъ (1601). Правительство начинаетъ сообщаться съ Сибирью и сухимъ путемъ. Строя города, также все двигались дальше и дальше въ другомъ направленіи, вглубь Сибири, покоряя татаръ, киргизовъ и облагая ихъ ясакомъ. Въ 1604 г. появляется Томскъ на рѣкѣ Томи, и вслѣдствіе этого самого все населеніе по верхней Оби стало платить ясакъ. На время смуты колонизаціонное движеніе прекращается, возобновляясь съ новой силой въ XVII вѣкѣ.

Быстротѣ колонизаціоннаго потока немало содѣйствовало сближеніе системъ рѣкъ Енисея и Лены. По Нижней Тунгузкѣ, черезъ Чанъ и Вилюй, попадали въ Лену; туда же попадали и по другой дорогѣ—по Верхней Тунгузкѣ черезъ Кутъ — притокъ Лены — въ Лену, доходя до Ледовитаго океана, а потомъ по Алдану и его притоку Маю до Охотскаго моря.

Колонизаціонное теченіе шло настолько быстро, что въ 1619 году уже былъ выстроенъ Енисейскій острогъ, и енисейскіе тунгузы были приведены въ „ясачное“ состояніе. Въ 1628 году выстроили Красноярскъ, такъ какъ съ юга нападали татары и киргизы, а съ востока бурята. Послѣ этого населеніе по верховьямъ Енисея стало платить ясакъ. Изъ Красноярска снаряжались экспедиціи служилыхъ людей къ верхней Тунгузкѣ для обложенія данью тунгузовъ и бурятъ. Въ результатѣ ихъ построили Братскій Острогъ, а жившіе тамъ тунгузы и бурята оказались покоренными.

Затѣмъ, съ верхней Тунгузки, черезъ Ишимъ и Куту, удалось пробраться до Лены, и въ 1632 году уже посреди Лены появился Якутскій острогъ въ землѣ якутовъ.

Тотъ же захватъ территоріи шелъ и по другому направленію, по Нижней Тунгузкѣ и Вилюю, а мѣстные якуты облагались данью, не безъ выгоды для промышлявшаго здѣсь казачества.

Якутскъ сталъ центромъ для всякаго рода казацкихъ экспедицій. Послѣднія внизъ по Ленѣ дошли до Ледовитаго Океана, отсюда дошли до рѣки Оленька, потомъ опять на Лену. Затѣмъ добрались до верховья Яна и Индигирки и, наконецъ, до рѣки Колыми, облагая мѣстныхъ инородцевъ якутовъ и юкагировъ данью. Такъ, сѣверъ Сибири постепенно захватывался русскимъ населеніемъ.

Въ то же время изъ Якутска, черезъ Алданъ и Маю, казаки добрались до Охотскаго моря, обложивъ тунгузовъ и другихъ инородцевъ ясакомъ. Въ 1643 году изъ Якутска была отправлена экспедиція къ рѣкѣ Амуру, такъ какъ здѣсь, по свѣдѣніямъ тунгузовъ, жили люди, сѣявшіе хлѣбъ, имѣвшіе домашній скотъ, добывавшіе серебряную, мѣдную и свинцовую руду. Экспедиціонный отрядъ дошелъ до Амура и дальше до его устья, а потомъ вернулся въ Якутскъ инымъ путемъ: рѣками Ульею, Майею, Алданомъ и Леною.

Эта рекогносцировка подтвердила свѣдѣнія, сообщенныя тунгузами, но, собственно, не дала никакихъ положительныхъ результатовъ. При царѣ Михаилѣ черта русскаго населенія доходила до Байкала, а жившіе здѣсь тунгузы платили ясакъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ движеніе на востокъ направляется за Байкалъ и на Амуръ, а также въ Анадырскую область. Постройкой ряда мелкихъ городковъ русскіе дошли до Амура, гдѣ столкнулись съ китайцами, такъ какъ русскіе собирали дань съ подвластныхъ китайскому богдыхану инородцевъ. Столкновеніе уладилось дипломатически путемъ, въ результатѣ котораго была уступка китайцамъ по Нерчинскому договору рѣки Амура. (1689 г.).

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ колонизаціонная волна направилась и на югъ, въ болѣе теплыя мѣстности Сибири, въ цѣляхъ ихъ эксплоатаціи и подчиненія инородцевъ. Тамъ выстроили Ундинскій острогъ (1654), затѣмъ Исетскій острогъ (въ 1658 г.), Балаганскій (въ 1661 году) и въ 1661 же Иркутскій на рѣкѣ Верхней Тунгузкѣ (Ангарѣ) при впаденіи Иркута. Расширяется также черта поселеній къ югу, по Исети, Тоболу и Ишиму. Цѣлый рядъ слободъ и нѣсколько острожковъ явились показателями колонизаціонной волны.

Въ XVII вѣкѣ колонизаціонное теченіе захватило огромное пространство—всего около 150 тыс. миль; и на этомъ огромномъ пространствѣ ютились малочисленныя русскія колоніи, поддерживавшія въ подчиненіи мѣстныхъ инородцевъ и собиравшія съ нихъ ясакъ на крупную сумму до 600 тыс. руб., на наши деньги до 9 мил.

Способъ заселенія Сибири.

Выстраивая городки въ Сибири, правительство было очень озабочено снабженіемъ ихъ достаточнымъ количествомъ военной служилой массы. Обыкновенно, воеводѣ, назначенному въ Сибирь, разрѣшалось брать съ собой добровольцевъ для службы въ Сибири. Желающіе переселяться получали отъ правительства подмогу и на казенныхъ подводахъ отправлялись въ Сибирь.

Но добровольцевъ находилось немного, и тогда правительство было вынуждено обратиться къ принудительному способу наполненія Сибири военно-служилымъ элементомъ. Служилые люди иныхъ городовъ попросту переводились на службу въ Сибирь, а къ нимъ присоединялись военноплѣнные и провинившіеся служилые люди, которыхъ тамъ верстали „въ дворяне, и въ дѣти боярскіе, и въ казаки, и въ стрѣльцы". Переселившіеся добровольно или по принужденію получали денежное и хлѣбное жалованіе, пока имъ не удавалось обзавестись собственной пашней.

За военными людьми шли въ Сибирь и представители иныхъ профессій: бѣлое и черное духовенство со всякаго рода родственниками, работниками, келейниками. И духовенство получало подмогу на проѣздъ и денежное и хлѣбное жалованіе въ Сибири. Съ появленіемъ духовенства строились церкви и монастыри, открывались архіерейскія каѳедры.

Особенно много заботъ доставлялъ правительству вопросъ о переселеніи въ Сибирь рабочаго элемента. Правда, нѣкоторые изъ служилыхъ людей брали съ собой холоповъ и захребетниковъ, но количество послѣднихъ было незначительно, и культурная работа не могла начаться въ Сибири только при содѣйствіи этихъ элементовъ.

Крестьянская масса переводилась въ Сибирь добровольно и принудительнымъ путемъ. Переселенцамъ были обѣщаны льготы отъ податей и повинностей на нѣсколько лѣтъ, подмога и ссуда въ разныхъ размѣрахъ. Размѣры подмоги иногда доходили до 100 и 135 рублей. По принужденію перевозились дворцовые крестьяне. Попадали въ крестьяне плѣнные и отчасти ссыльные. За крестьянами шли въ Сибирь и посадскіе. Вызывались добровольцы, а такъ какъ таковыхъ было немного, то обыкновенно правительство обращалось къ принудительному переселенію. Посадскіе нужны были въ Сибири для отправленія разныхъ государевыхъ

службъ: по таможнямъ, кабакамъ и т. д. Переводились сюда и ямщики для устройства ямовъ. Такимъ образомъ, заселеніе Сибири шло большею частью подъ руководствомъ правительства, хотя началось оно и одновременно съ постройкой городовъ продолжалось также силами народной колонизаціи. Волна послѣдней то приливала для торга и промысла къ безопаснымъ укрѣпленіямъ, то уходила далеко за ихъ линію, торгуя, промышляя звѣремъ и грабя инородцевъ.

VIII.

Монастырская колонизація сѣвера

Въ настоящее время почти невозможно нарисовать детальную картину колонизаціи нашего сѣвера и сѣверо-востока, но и при современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній о колонизаціи края нельзя не отмѣтить въ этомъ отношеніи огромной роли монастырей, причемъ послѣднее одинаково примѣнимо какъ къ XIII—XV, такъ и къ XVI—XVII в.в. Благодаря колонизаціонной дѣятельности монастырей, въ разныхъ мѣстахъ сѣвера, подчасъ очень отдаленныхъ, возникали селенія, появлялись погосты и слободы, а затѣмъ начиналась мирная хозяйственная дѣятельность, сопровождаемая эксплоатаціей природныхъ богатствъ нашего сѣвера. Трудно даже приблизительно вычислить количество монастырей, появившихся въ это время. Нѣкоторые изъ нихъ были монастырями общежительными по типу, съ немалымъ количествомъ иноковъ и старцевъ; другіе же—представляли собою пустынь, возникшую среди лѣсовъ и болотъ, съ двумя тремя старцами. Въ монастыряхъ перваго типа велось обширное хозяйство, находившееся въ рукахъ монастырскихъ приказчиковъ, на земляхъ монастырей живутъ крестьяне и монастырскіе дѣтеныши; въ пустыняхъ—хозяйственная работа совершалась руками самихъ отшельниковъ, пока, подъ вліяніемъ разныхъ условій, около отшельниковъ не собирались почитатели, и пустынь не превращалась въ общежительный монастырь.

Монастыри въ XVI и XVII в.в. возникали совершенно при такихъ же обстоятельстахъ, какъ и въ предыдущее время. Неудовлетвореннаго жизнью въ монастырѣ тянула къ себѣ величавая природа сѣвера, угрюмость которой совпадала съ его презрѣніемъ къ міру и его благамъ. Обыкновенно инокъ искалъ себѣ уединенія гдѣ-нибудь въ глуши, въ мѣстѣ, которое „непроходимыя дебри и лѣсы темные, и чащи и дрязги всякія имать, и мхи и блата непостоянныя". Тутъ строилась келія и часовня, а затѣмъ, когда около отшельника собираются его послѣдователи, строятся церковь и келіи, начинается хозяйственная разработка дебрей. Такъ, въ разныхъ мѣстахъ сѣвера возникали удаленные отъ людей и міра скиты, пустыни, развивавшіе здѣсь свою хозяйственную дѣятельность, расширяя предѣлы русской населенности все дальше и дальше на сѣверъ и сѣверо-востокъ. Къ этой монастырской колонизаціи присоединяется въ XVII в. раскольничья, но учесть ея размѣры и результаты почти невозможно, хотя, можно предполагать, что ея размѣры были немалы. Въ XVI вѣкѣ монастыри добрались до перешейка между Ладожскимъ и Онежскимъ озеромъ, спустились внизъ по Сухонѣ и поднялись вверхъ по Вычегдѣ, гдѣ столкнулись съ монастырями, основанными св. Стефаномъ. Монастыри захватили огромную территорію, такъ что въ XVII в. колонизаціонный процессъ происходитъ внутри территоріи, захваченной монастырями въ XVI в. Изъ монастырей, проявившихъ въ XVI в. усиленную колонизаторскую дѣятельность, необходимо отмѣтить Соловецкій и Троицко-Сергіевскій. Благодаря дѣятельности перваго постепенно заселялись берега Бѣлаго моря.

Когда какой-либо монастырь осваивалъ землю и начиналъ на ней свою хозяйственную дѣятельность, онъ обыкновенно выпрашивалъ у государя грамоту объ утвержденіи за нимъ занятыхъ земель съ пожалованіемъ ему въ окрестностяхъ разныхъ угодій.

Просьбы монашествующей братіи всегда встрѣчали полное сочувствіе со стороны власти,—не только земля оставалась за монастыремъ, правительство при этомъ давало монастырю разнаго рода льготы по платежу податей и несенію повинностей, освобождало отъ подсудности мѣстнымъ властямъ, благодаря чему на земли такого монастыря стекалось немало народа изъ среды крестьянъ, что еще болѣе развивало хозяйственную дѣятельность монастыря. Около большихъ монастырей селилось немало торгово-промышленнаго люда, такъ какъ большіе и почитаемые монастыри всегда привлекали къ себѣ много народа, въ особенности въ праздничные дни, и естественно, что около монастырей возникали всякаго рода торги, ярмарки. Изъ такихъ посадовъ впослѣдствіи выростали иногда города.

IX

Итоги. Ростъ государственной территоріи непрерывно продолжался втеченіе XVI и XVII вѣковъ, хотя иногда его темпъ нѣсколько замедлялся, въ зависимости отъ внѣшнихъ столкновеній и внутреннихъ соціально-политическихъ причинъ.

Расширеніе государственной территоріи было слѣдствіемъ передвиженія населенія, гонимаго то кризисами, то соціальными условіями. Иногда правительство даже боролось съ этой *народной колонизаціей*, иногда пользовалось ею въ своихъ цѣляхъ.

Само правительство въ XVI—XVII вѣкахъ силой обстоятельствъ было вынуждено вести сложную политику, *правительственной колонизаціи*. Ему нужно было бороться съ неуловимымъ подвижнымъ кочевникомъ,—единственнымъ средствомъ борьбы была постройка городовъ и укрѣпленныхъ „чертъ“, опоясавшихъ страну отъ Камы до Днѣпра. Эти грандіозныя мѣропріятія требовали массы служилаго люда, услуги котораго частью оплачивались землей, отбитой у кочевниковъ.

Измѣненіе соціально-политическаго уклада въ государствѣ содѣйствовало росту казачества и притоку населенія на юго-восточныя и восточныя окраины. Притоку населенія въ южную окраину во многомъ содѣйствовали неудачи казацкихъ войнъ съ Польшей: казаки и казацкіе полки бѣжали въ предѣлы Московскаго царства.

На колонизируемыхъ мѣстахъ населеніе устраивалось различнымъ образомъ: дворяне и дѣти боярскіе получали оклады, надѣлялись землею и низшіе служилые люди, занимавшіеся кромѣ того въ городахъ торговлей и ремеслами; крестьянская масса сильно развивала промысловую дѣятельность, кое-гдѣ переходя къ земледѣлію.

Необходимость защиты пермской украйны повлекла за собой столкновеніе съ сибирскими инородцами, а затѣмъ началось медленное поступательное движеніе впередъ, распространившее черту русской осѣдлости до Охотскаго моря и Камчатки на востокѣ и Ледовитаго Океана на сѣверѣ. Характеръ колонизаціи Сибири напоминаетъ собой подобные процессы на нашихъ южныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ.

Въ результатѣ, территорія русскаго государства достигла колоссальныхъ размѣровъ, но населенность страны не соотвѣтствовала ея размѣрамъ. Эта непропорціональность отражалась на способѣ веденія хозяйства, хищническаго по преимуществу.

В. Пичета.

Политическія партіи первой половины XVI в. и власть Московскаго царя *).

Неограниченная власть Московскаго князя.

Къ началу XVI столѣтія власть великаго князя Московскаго выросла до предѣловъ неограниченной власти государя обширнаго государства. Иностранецъ, прекрасно изучившій тогдашнюю Московію, дважды ее посѣтившій, Сигизмундъ Герберштейнъ, въ своихъ запискахъ говоритъ о власти великаго князя Василія: „властью, которую онъ имѣетъ надъ своими подданными, онъ превосходитъ едва ли не всѣхъ монарховъ цѣлаго міра". Эта власть—тяжелая, деспотическая: „почти всѣхъ гнететъ онъ тяжкимъ рабствомъ". Приведя нѣсколько

---

*) *Важнѣйшая литература*: *Малининъ*. „Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія" Ист. литер. изслѣд. Кіевъ 1901 г.; *Архангельскій*. „Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ" Спб. 1881 г.; *И. Н. Ждановъ*. „Повѣсти о Вавилонѣ и сказанія о князехъ Владимірскихъ". Собраніе сочиненій; *М. Дьяконовъ*. „Власть московскихъ государей" Спб. 1889 г.; *В. Савва*. „Московскіе цари и Византійскіе василевсы". Къ вопросу о вліяніи Византіи на образованіе царской власти Московскаго государства, 1901 г.; *И. П. Хрущовъ*. „Изслѣдованія о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преподобнаго игумена Волоцкаго" Спб. 1868 г.; *Ор. Миллеръ*. „Вопросъ о направленіи Іосифа Волоколамскаго". Ж. М. Н. П. 1868 г.; *Жмакинъ*. „Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія" Москва 1881 г.; *С. Садковскій*. „Артемій, игуменъ Троицкій". Москва 1891 г. (Чтенія М. О. И. и Др. 1891 г. кн. 4); *Нильскій*. „Максимъ Грекъ, какъ исповѣдникъ просвѣщенія". (Христіан. Чтеніе 1862 г. Мартъ); *А.С. Павловъ*. „Земское направленіе русской духовной письменности". (Православный Собесѣдникъ 1863 г. кн. I); *Опоковъ*. „Князь А. Н. Курбскій". Кіевъ 1872 г.; *А. Н. Ясинскій*. „Сочиненія князя Курбскаго, какъ историческій матеріалъ" Кіевъ 1889 г.; *Преображенскій*. „Состояніе русскаго общества въ половинѣ XVI вѣка по сочиненіямъ Максима Грека"; *В. Сокольскій*. „Участіе

фактовъ жестокой расправы великаго князя со своими боярами, Герберштейнъ замѣчаетъ, что князь „имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными особами, и свободно, по своему произволу, распоряжается жизнью и имуществомъ всѣхъ: между совѣтниками, которыхъ онъ имѣетъ, никто не пользуется такимъ значеніемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ-нибудь противорѣчить ему или быть другого мнѣнія. Они открыто признаютъ, что воля князя есть воля Божія, и что князь дѣлаетъ, то дѣлаетъ по волѣ Божіей". Наблюдательный иностранецъ съ недоумѣніемъ заключаетъ свой разсказъ: „неизвѣстно, такая ли загрубѣлость народа требуетъ тирана государя, или отъ тираніи князя этотъ народъ сдѣлался такимъ грубымъ и жестокимъ". Великій князь Василій не стѣснялся грабить имущество бояръ и вообще, подобно своему отцу, отличался суровымъ характеромъ. Когда дьякъ Третьякъ Далматовъ по неимѣнію средствъ отказался ѣхать въ посольство

русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія въ Московскомъ государствѣ въ концѣ XV и первой половинѣ XVI в.в." Кіевъ 1902 г.; *М. В. Довнаръ-Запольскій.* „Московскіе гуманисты и обскуранты XVI вѣка", въ книгѣ „Москва въ ея прошломъ и настоящемъ" М. 1910 г.; *М. М. Богословскій.* „Нѣсколько словъ объ одномъ проектѣ реформъ XVI вѣка", въ Трудахъ Археографической Комиссіи И. М. А. О. изд. подъ редакціей Довнаръ-Запольскаго. Москва 1899 г.—Сочиненія князя Курбскаго изданы Устряловымъ подъ названіемъ „Сказанія князя Курбскаго". Спб. 1842 г.—Соч. Максима Грека изд. въ Православномъ Собесѣдникѣ 1861 г.; „Бесѣда Сергія и Германа" въ новѣйшемъ изд. Дьяконова и Дружинина (Лѣтопись занятій Археограф. Комиссіи, вып. 10;) *Истринъ.* „Введеніе въ въ исторію русской литературы второй половинѣ XVII вѣка" (Лѣтопись Ист.-Археол. Общества при Новороссійскомъ Университетѣ, Византійско-славянское отдѣленіе, томъ VII); Сочиненія Вассіана въ прибавленіяхъ къ твореніямъ Св. Отцовъ. Томъ X; „Посланіе Курбскаго къ Ивану многоученому" въ Православномъ Собесѣдникѣ 1863 г., томъ I; *Ржига.* „Ивашко Пересвѣтовъ и его сочиненія", въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Истор. и Др. Росс. 1898 г. кн. I, и статья *Яворскаго* въ Чтеніяхъ Общества Нестора лѣтописца 1908 г. также объ Ивашкѣ Пересвѣтовѣ, въ обоихъ соч. указана литература предмета.

къ цезарю, великій князь, лишивъ имущества, сослалъ Далматова на Бѣлоозеро, гдѣ тотъ и умеръ. У Берсеня-отца онъ отнялъ подворье въ Москвѣ, князя Патрикѣева постригъ въ монашество, князю Ряполовскому велѣлъ отрубить голову за то, что тотъ „высокоумничалъ“. Казни и кнутъ для князей и бояръ сдѣлались дѣломъ нерѣдкимъ. Оберегая свою власть, великій князь былъ суровъ и по отношенію къ своимъ родственникамъ: его племянникъ, несчастный Димитрій, умеръ въ темницѣ „въ нужѣ“, за братьями былъ учрежденъ строгій надзоръ; брату Андрею дозволено было жениться только въ 1535 году, когда у самого великаго князя было уже двое дѣтей. Правитель государства былъ настолько силенъ, что могъ допускать суровую расправу съ боярами. Когда 1537 году нѣсколько новгородскихъ бояръ отъѣхали къ удѣльному князю Андрею Старицкому, то московское правительство, оберегавшее прерогативы младенца-кня зя, издало постановленіе: „бити ихъ кнутьями на Москвѣ, да казнити смертною казнію, вѣшати на новгородской дорогѣ до Новагорода“.

Постепенный ростъ власти князя.

Возросши до такихъ предѣловъ, власть Московскихъ государей имѣла свое историческое обоснованіе. Трудными путями возвысился Московскій князь и объединилъ всѣ восточно-русскія земли подъ своей державой. Преодолѣвая эти препятствія, Московскому князю приходилось съ одной стороны угодничать передъ ханомъ, съ другой стороны употреблять силу и насиліе для собиранія земель. Съ теченіемъ времени установилась нѣкотораго рода традиція борьбы великокняжеской власти съ удѣльными князьями. Московскій государь прочно усвоилъ объединительную политику и политику борьбы съ удѣлами. Когда до Ивана III дошли слухи о томъ, что его зять, король польскій и великій князь литовскій Александръ, хочетъ выдѣлить въ удѣлъ своему младшему брату Сигизмунду Кіевское княжество, онъ немедленно пишетъ своей дочери Еленѣ настав-

леніе, совѣтуя ей удержать своего мужа отъ подобнаго рода поступка и напоминая о слабости Московской Руси въ періодъ удѣловъ.

Отношеніе къ боярству Московскихъ князей.

Иванъ III уже отчетливо ставитъ проблему, по которой великій князь Московскій является государемъ всея Руси, и заявляетъ притязанія и на земли, которыя находятся подъ властью великаго князя Литовскаго. Такъ ставитъ вопросъ недавній данникъ татарскаго хана. Но эта обширная власть отличалась однако блѣдностью традицій. Московскій великій князь былъ только однимъ изъ государей русской земли, это такой же удѣльный князь, какъ и множество другихъ, по юридическому свойству своей власти. Такъ фактическая широта власти не соотвѣтствовала ея внутреннему содержанію. Мало того, великій князь Московскій дѣлалъ великое дѣло объединенія Руси вокругъ Москвы не одинъ: онъ опирался на боярство и духовенство: создалась извѣстнаго рода традиція совмѣстной власти великаго князя и его бояръ. Тождественность убѣжденій и интересовъ связывала боярство и князя. „Слушали бы есте отца нашего владыки Олексѣя, также старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ“, писалъ въ своемъ завѣщаніи дѣтямъ Симеонъ Гордый и объяснилъ необходимость такой связи—„а пишу вамъ сіе слово того для, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, а свѣча бы не угасла“. Это было твердое убѣжденіе въ томъ, что только при содѣйствіи бояръ и духовенства свѣча не угаснетъ надъ родомъ Калиты. Слушаться бояръ значило выслушивать ихъ совѣты и даже слѣдовать имъ. Дмитрій Донской хорошо зналъ цѣну боярскихъ совѣтовъ и въ своемъ завѣщаніи писалъ дѣтямъ: „слушайтесь бояръ, безъ ихъ воли ничего не дѣлайте“. Онъ и самъ такъ поступалъ и на опытѣ убѣдился въ великой выгодѣ такого союза князя съ боярствомъ. Онъ говорилъ своимъ боярамъ передъ смертью: „я родился передъ вами, при васъ выросъ, съ вами княжилъ, воевалъ вмѣстѣ съ вами на многія

страны и низложилъ поганыхъ". Такъ установилась традиція совѣта и совмѣстнаго дѣла князя и его слугъ, Княжье и боярство, окружившее Московскаго князя, тоже были, по тогдашней терминологіи, государями „Рустѣй земли", но они пришли на службу къ государю государямъ „всея Рустѣй земли", къ такому государю, „котораго судъ не посужается". Окружившее Московскаго князя боярство было мощнымъ землевладѣльческимъ классомъ. Составъ его былъ весьма пестрымъ, но во всякомъ случаѣ высоко аристократическимъ: Рюрковичи и Гедиминовичи, татарскіе князья и царевичи, старинные московскіе бояре оказались въ числѣ слугъ Московскаго великаго князя. Этотъ аристократическій классъ былъ преисполненъ притязаній, это были привычныя и старинныя власти русской земли, вмѣстѣ съ княземъ вынесшія дѣло объединенія Руси.

Перемѣна въ этихъ отношеніяхъ.

Итакъ, бѣдная традиціею власть Московскаго князя, сильная фактически совершившейся перемѣной, оказалась въ противорѣчіи съ окружавшимъ ее аристократическимъ элементомъ. Такіе слуги оказались въ тягость великому князю, особенно такимъ твердымъ и самостоятельнымъ характерамъ, какими были три государя въ лицѣ Ивана III, его сына и внука. Еще Иванъ III терпѣлъ совѣты бояръ. Его сынъ уже выгонялъ ихъ изъ своей государевой Думы. Когда одинъ изъ видныхъ бояръ, Берсень Беклемишевъ, вздумалъ было „выказать встрѣчу" князю въ Думѣ при обсужденіи вопроса о Смоленскѣ, „князь великій того не полюбилъ, да молвилъ: пойди, смердъ, прочь, не надобенъ ми еси". Недаромъ тотъ же Берсень Беклемишевъ потомъ говаривалъ о государѣ: „государь упрямъ и встрѣчи противъ себя не любитъ; кто ему встрѣчу говоритъ, и онъ на того опаляется". Самъ Берсень потерпѣлъ за свои рѣзкіе отзывы о князѣ.

Такъ совершался глубокій переломъ въ традиціонныхъ отношеніяхъ между властью и ея ближайшими помощниками.

Перемѣна во внѣшней формѣ власти князя и обоснованіе ея.

Уже Иванъ III использовалъ всѣ возможности для того, чтобы возвысить внѣшнюю форму бѣдной традиціями власти Московскаго князя. Женитьба на Софьѣ Палеологъ въ извѣстной мѣрѣ окружала Московскаго великаго князя ореоломъ власти византійскаго императора. Придворный этикетъ измѣняется и принимаетъ форму византійскаго. Вводится вѣнчаніе на царство сначала наслѣдниковъ великаго князя, а потомъ и самого царя; еще до Ивана IV неоффиціально вводится въ употребленіе титулъ царя: все это указывало на стремленіе приравнять власть великаго князя Московскаго къ власти византійскаго императора. Эта внѣшность нужна была для того, чтобы заполнить бѣдную традиціями власть Московскаго князя. Особенно важной оказалась связь этой власти съ властью византійскаго императора, власть котораго была идеаломъ мірскихъ владыкъ. Русскіе книжники охотно развивали эту идеологію, такъ какъ сами они были людьми, получившими свое образованіе на почвѣ византійской литературы, и проникнуты византійскими взглядами. На мѣсто великаго князя, послушнаго совѣтамъ бояръ, постепенно вырабатывался идеалъ грознаго царя съ византійскою внѣшностью. Въ литературѣ эта мысль, подъ вліяніемъ оживленія сношеній съ Византіей, начала вырабатываться еще съ половины XV столѣтія. Уже къ тому времени относится нѣсколько повѣстей, проводящихъ подобнаго рода идеологію власти. Великій князь Василій Васильевичъ, прогнавшій митрополита Исидора и не согласившійся на признаніе Флорентійской уніи, по словамъ повѣстей объ этомъ событіи, оказался „благовѣнчаннымъ царемъ“; этотъ царь явился спасителемъ истинной вѣры, будучи „духомъ божественнаго закона распаляемъ“. Онъ утверждаетъ церковь „непоколебиму отъ мысленныхъ волкъ, губящихъ вѣру истиннаго въ Рустѣй земли просіявшаго благочестія“. Такимъ образомъ, самъ глава русской церкви оказался склоннымъ къ измѣнѣ православію, а спасителемъ

благочестія явился представитель свѣтской власти. Поведеніе Василія въ дѣлѣ Флорентійской уніи имѣло разнообразныя и важныя послѣдствія: великій князь явился поборникомъ истинной вѣры, откуда начинаетъ возникать представленіе о теократическомъ характерѣ власти великаго князя, о его правѣ вершить церковныя дѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ это событіе показало, что и самъ источникъ благочестія, Византія, не стоитъ твердо въ вѣрѣ, подвержена колебаніямъ, только Москва устояла, благодаря своему государю. Такъ, исходя изъ конкретныхъ фактовъ, мысль людей того времени вырабатывала идеалъ царя съ широкою властью не только въ дѣлахъ свѣтскихъ, но и въ дѣлахъ церкви.

Сказаніе о третьемъ Римѣ.

Политическіе успѣхи Московскаго княжества поднимали національное самосознаніе. Мысль искала объясненія причинъ тѣхъ успѣховъ, которые выпали на долю Москвы и ея князя, и старалась дать ей объясненіе, свойственное понятіямъ той эпохи. Объясненіе это было найдено въ величайшемъ благочестіи Московскаго народа и представителей его власти. Погибаютъ тѣ страны, въ которыхъ благочестіе не можетъ удержаться, а возвышаются тѣ, гдѣ благочестіе процвѣтаетъ. Русскій народъ—новый израиль, хранитель правой вѣры и благочестія. Паденіе Константинополя поразило умы. Мысль того времени нашла причины этого паденія въ грѣховности Византійской имперіи, потому что Византія „отъ истины свернула“, и „на мѣстѣ святѣмъ, сирѣчь въ соборнѣй и апостольстѣй церкви Константина града, теперь уже мерзость и запустѣніе“. Между тѣмъ Москва-Русь, хранительница благочестія, ширится и крѣпнетъ,—„растетъ, младѣетъ и возвышается“. Отсюда и гордое сознаніе, развиваемое въ повѣстяхъ о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ: вслѣдствіе нечестія два Рима пали, остался третій Римъ — Москва: „яко два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не бывать“. Повѣсти о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ, опредѣляли историческое призваніе русскаго народа. Эта теорія была особенно отчетливо развита

старцемъ Псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳеемъ. „Все, происходящее въ жизни людей и народовъ,— такъ опредѣляетъ проф. Малининъ политическое міровоззрѣніе Филоѳея,— опредѣляется и совершается всевышнею и всесильною десницею Божіей; мощью и помышленіемъ Божіимъ возводятся на престолы цари и достигаютъ своего величія". Промыслъ Божій сказался въ томъ, что старый Римъ, а за нимъ и Константинопградъ пали вслѣдствіе измѣны православію. Остается невредимою только славная соборная церковь Успенія Божіей Матери богоспасаемаго града Москвы и всей новой и великой Руси, третьяго Рима; въ историческомъ бытіи человѣчества четвертому Риму не бывать. „Такъ, въ послѣдовательномъ ходѣ исторической жизни народовъ, всѣ православныя христіанскія царства пали и слились въ одно царство русское, вслѣдствіе чего русскій царь является единственнымъ христіанскимъ царемъ во всемъ поднебесьи. Царство русское есть міровое царство, за которымъ наступитъ вѣчное царство Христа".

Легенда о происхожденіи царской власти.

Московская національная идеалогія пошла дальше. Во главѣ новаго израиля стоитъ великій князь Московскій, блюститель правовѣрія. Мысль людей того времени не могла примириться съ блѣдной традиціями властью князя и нашла ей своеобразное обоснованіе: она связала новую власть великаго князя Московскаго съ традиціонною властью византійскаго императора. Эта мысль развивалась въ повѣстяхъ о Мономаховой шапкѣ, будто бы переданной Мономаху византійскимъ императоромъ, какъ символъ власти. Блѣднымъ представлялось и происхожденіе потомковъ Калиты, и мысль людей того времени выработала новую схему: сказаніе о князьяхъ Владимірскихъ уже ведетъ родъ Рюриковичей отъ брата Римскаго кесаря Августа. Такъ вырабатывалась постепенно литературная традиція объясненія происхожденія и размѣра власти великаго князя Московскаго, какъ представителя національнаго самосознанія. Вся эта

литературная работа была выполнена во второй половинѣ XV вѣка и на рубежѣ XVI-го.

Стремленіе освободиться отъ вліянія бояръ

Итакъ, мы видимъ, что съ одной стороны власть великаго князя Московскаго приняла на практикѣ характеръ и размѣры власти неограниченнаго монарха въ дѣлахъ церковныхъ и свѣтскихъ, а съ другой стороны литературная мысль того времени, отражавшая собою ростъ національнаго самосознанія, старалась дать обоснованіе этой власти, придать ей характеръ божественной власти и связать ее съ властью византійскаго императора, царя царей. Такая широкая постановка вопроса противорѣчила традиціямъ соучастія бояръ и княжья во власти. Такіе сильные и властолюбивые характеры, какъ Иванъ III и его сынъ, не были способны дѣлиться властью и со свойственною имъ осторожностью начали борьбу. Иванъ III еще слушалъ совѣтовъ бояръ, но въ то же время онъ искалъ опоры у другихъ элементовъ общества. Въ дѣлѣ военной службы его предшественники опирались на полки, которые приводили съ собою другіе князья и бояре. Иванъ III постепенно распускаетъ боярскіе полки и раздаетъ помѣстныя земли мелкому служилому люду, который уже непосредственно служитъ великому князю. Это былъ очень важный шагъ. Власть великаго князя Московскаго стала опираться на военный элементъ, непосредственно отъ нея зависящій. Такъ сталъ образовываться классъ дѣтей боярскихъ, при Иванѣ III уже начавшій играть роль. Онъ набирался изъ низшихъ элементовъ общества, враждебныхъ боярству. Такимъ образомъ, власть князя могла опереться на демократическій военно-служилый элементъ, и дѣйствительно власть успѣла привлечь на свою сторону этотъ элементъ и подкрѣпилась имъ для борьбы съ аристократіей.

Разладъ между идеаломъ и дѣйствительностью.

Итакъ, первая половина XVI вѣка была періодомъ перестройки общественнаго и политическаго строя Московскаго государства. Къ тому времени ясно обозначились глубокія перемѣны въ положеніи власти великаго князя.

Эта власть настолько опредѣлилась, что могла вступить въ борьбу съ притязаніями стариннаго боярства. Нарастаетъ новый срединный элементъ въ лицѣ класса дѣтей боярскихъ. Наконецъ, надо прибавить и дѣлавшееся замѣтнымъ тогда уже прикрѣпленіе крестьянъ. Такъ XVI вѣкъ былъ вѣкомъ переставливанія обычаевъ, и всѣ эти перемѣны были причиною глубокаго умственнаго движенія, охватившаго русское общество въ первыя три четверти XVI вѣка. Все это вмѣстѣ вызывало высшее напряженіе умственныхъ силъ, отразившееся въ области религіозной, политической и литературной. Съ одной стороны мысль поражалась величіемъ политическихъ успѣховъ Москвы и роста власти ея царя. Съ другой стороны государственные и церковные порядки третьяго Рима вызывали въ современномъ обществѣ глубокое недовольство. Все это вмѣстѣ накопляло большой запасъ новыхъ идей, которыя выразились частью въ формѣ политической, частью въ религіозной съ оттѣнками раціонализма или мистическаго историзма. Вотъ почему XVI в. въ русской исторіи является вѣкомъ радикальной перестройки государственнаго правосознанія, такъ равно и перестройки въ культурномъ отношеніи. Это вѣкъ ревизіонизма, революціонной борьбы новаго со старымъ. Одни были довольны совершившейся перемѣной и прилагали всѣ силы, чтобы закрѣпить ее, другихъ наблюденіе надъ жизнью приводило къ отрицательнымъ результатамъ, поселяло нравственное недовольство и побуждало искать средствъ и способовъ разобраться въ современномъ положеніи вещей и выработать идеалъ будущаго.

Религіозное броженіе и связь его съ политическ. вопросами

Завязью для этой борьбы послужили церковные вопросы, волновавшіе русскую церковь въ самомъ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ. Въ концѣ XV в. въ Новгородѣ появилась ересь жидовствующихъ, съ которой православію пришлось вступить въ борьбу. Эта ересь имѣетъ своимъ источникомъ богумильство и

является ученіемъ мистическаго характера [1]). Кромѣ вопроса о еретикахъ, русскую церковь тогда волновали и еще нѣкоторые другіе. Такими вопросами оказались вопросы о правѣ монастырей владѣть недвижимыми имуществами съ поселенными въ нихъ крестьянами и вопросъ о вдовыхъ попахъ. Впервые вопросъ о еретикахъ разсматривался на соборѣ 1490 г. Представители церкви тогда раскололись на два направленія. Архіепископъ Новгородскій, Геннадій, лично не присутствовавшій на соборѣ, выразилъ взглядъ одной группы членовъ его въ своихъ посланіяхъ къ Собору. „Люди у насъ просты, писалъ онъ, по книгамъ говорить не умѣютъ, такъ лучше не слѣдуетъ и никакихъ рѣчей плодить о вѣрѣ“, соборъ нуженъ только для того, чтобы „еретиковъ казнити—жечи и вѣшати“. Новгородскій владыка нашелъ сильную поддержку въ очень начитанномъ, энергичномъ и обладавшемъ бойкимъ перомъ Волоколамскомъ игуменѣ Іосифѣ Санинѣ. Этотъ послѣдній и сдѣлался представителемъ цѣлаго направленія не только церковной, но и политической мысли. Напротивъ, другой рядъ соборныхъ членовъ, какъ Нилъ Сорскій, Вассіанъ Патрикѣевъ и вообще Кирилло-Бѣлозерскіе старцы, держались болѣе мягкаго отношенія къ ереси. Въ то время, когда осифлянская программа въ отношеніи еретиковъ была очень проста—„все равно—еретика руками ли убить или молитвою“—училъ Іосифъ Санинъ, противники осифлянъ считали возможнымъ лишь словомъ воздѣйствовать на еретиковъ. Кромѣ вопроса о ереси, какъ мы сказали, церковь тогда волновали и другіе вопросы. Въ 1503 г. былъ созванъ соборъ о вдовыхъ попахъ, который имѣлъ цѣлью выяснить вопросъ о томъ, можно ли такихъ по-

---

[1]) Ересь жидовствующихъ имѣетъ своимъ источникомъ богумильскую ересь, развившуюся среди южныхъ славянъ на Балканскомъ полуостровѣ. На Русь она перешла черезъ Кіевъ и Новгородъ. Это была секта мистическаго направленія, стремившаяся къ внутреннему созерцанію божества и къ достиженію „Ѳаворскаго свѣта“.

повъ допускать къ богослуженію. Къ концу соборныхъ засѣданій, когда Іосифъ Волоцкій и его сторонники уже успѣли отъѣхать, на соборѣ поднялся неожиданно, благодаря иниціативѣ Нила Сорскаго и его сторонниковъ, вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть недвижимыми имуществами. Осифляне возвратились на соборъ и успѣли отстоять вопросъ о монастырскихъ имуществахъ. Но это уже былъ вопросъ политическій и экономическій.

Въ первоначальной стадіи развитія споры церковнаго характера привлекали политическую мысль постольку, поскольку этотъ матеріалъ необходимъ былъ для доказательствъ въ сферѣ церковныхъ отношеній; въ послѣдующее время, въ половинѣ XVI стол., т.-е. во второмъ уже поколѣніи, вопросы политическіе и экономическіе поставлены отчетливо и ясно, вопросы же церковные отходятъ на второй планъ.

Іосифъ Санинъ и осифляне.

Глубокое различіе отдѣляло міросозерцаніе осифлянъ отъ міросозерцанія ихъ противниковъ. Основатель перваго направленія, Іосифъ Санинъ, игуменъ Волоколамскаго монастыря, былъ въ высшей степени даровитымъ самоучкой, даже примѣнительно къ понятіямъ образованности того времени. Онъ былъ очень начитанъ, но былъ совершенно лишенъ всякаго критическаго чутья, даже сравнительно съ уровнемъ писателей того времени. Онъ не отличалъ источниковъ христіанскаго вѣроученія и христіанской морали. Въ его представленіи сливались понятія боговдохновеннаго писанія въ собственномъ смыслѣ и всякой вообще письменности церковнаго характера. Оттого въ своихъ сочиненіяхъ онъ охотно опирается какъ на сочиненія, запечатлѣнныя авторитетомъ церкви, такъ и на сочиненія апокрифическія, житія святыхъ, даже на гражданское законодательство Византійской имперіи: всякая такая письменность, съ его точки зрѣнія, освящена авторитетомъ священнаго писанія. Вообще, онъ обнаруживалъ чисто формальное отношеніе и къ религіозной письменности,

и къ ученію церкви. Неразборчивость литературныхъ источниковъ шла параллельно съ неразборчивостью въ вопросахъ нравственныхъ. Таково ученіе Іосифа о богопремудростномъ и богонаученомъ коварствѣ, выведенное имъ на основаніи одного частнаго поступка одного святого мужа и возведенное въ систему, направленную противъ еретиковъ. Буква и обрядъ—вотъ основы пониманія религіи. Надъ этимъ формализмомъ въ вопросахъ морали и религіи доминируетъ практическая житейская сноровка. Вообще, въ ученіи Іосифа Санина есть много такого, что роднитъ его съ іезуитами. Монастырскій уставъ Іосифа, при требованіи безусловнаго подначалія настоятелю, можетъ быть поддержанъ только при помощи сѣти шпіонства. Іосифовъ монастырь—это школа для подготовки чиновниковъ церковной іерархіи, почему монастырю и необходимо владѣть имѣніями. Церковь—государственное учрежденіе и должна служить государству. Эта служба чисто формальнаго характера. Мысль не должна играть роли въ жизни человѣка: „всѣмъ страстямъ мати—мнѣніе, (т.-е. мысль самостоятельная), мнѣніе—второе паденіе“,—писалъ одинъ изъ учениковъ Іосифа Волоцкаго. Это понятно: еще учитель Іосифа Волоцкаго, Пафнутій Боровскій, не терпѣлъ въ своемъ монастырѣ разсужденій о догматахъ и разсуждающихъ изгонялъ изъ монастыря.

Вообще, глубокій обскурантизмъ отличаетъ все міровоззрѣніе осифлянской партіи. Рядъ вопросовъ раздѣлялъ ее отъ ея противниковъ—нестяжателей. Въ вопросѣ о вдовыхъ попахъ осифляне требовали устраненія таковыхъ отъ богослуженія. Они прилагали всѣ усилія для того, чтобы отстоять право монастырей владѣть недвижимыми имѣніями. По отношенію къ еретикамъ они допускали пріемы инквизиціи и казни. Архіепископъ новгородскій Геннадій, „аки левъ“, ополчился на еретиковъ.

Политическая сторона ученія осифлянъ.

Обратимся теперь къ политической сторонѣ вопроса. Подъ перомъ осифлянъ, особенно перваго представителя этого направленія, вопросъ о ереси и монастырскихъ имуществахъ сразу сталъ на почву политическую. Церковь своими руками не можетъ казнить еретиковъ. Ихъ должна казнить свѣтская власть. Для этого надо было доказать право этой власти вмѣшиваться въ церковныя дѣла. Отсюда въ ученіи Іосифа Санина царь является представителемъ церкви и ея защитникомъ всилу божественнаго происхожденія власти. Въ словахъ, написанныхъ при Іоаннѣ III-мъ (первоначально Іоаннъ, подъ вліяніемъ близкихъ придворныхъ людей и митрополита Зосимы, мягко относился къ еретикамъ и былъ склоненъ къ секуляризаціи монастырскихъ имѣній по практическимъ соображеніямъ), Іосифъ Санинъ настоятельно требуетъ, чтобы царь казнилъ еретиковъ. Царь—охранитель правовѣрія. Власть царя—божественнаго происхожденія и даже болѣе того: царь является представителемъ Бога на землѣ: царей и князей „Богъ въ себѣ мѣсто посади на престолѣ своемъ“; „царь убо естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкамъ, властію же подобенъ вышнему Богу“. Въ своемъ обожествленіи представителей земной власти Іосифъ Санинъ доходитъ до полнаго отожествленія царя и Бога, но только такого царя, который дѣйствуетъ въ духѣ осифлянской доктрины: „Бози бо есте и сынове Вышняго,—обращается онъ къ великому князю и его сыну,—блюдите же ся, да не будете сынове гнѣву, да не изомрете, яко человѣци, и во пса мѣсто низвержены будете во адъ“. Такимъ образомъ, возвышая царскую власть, отожествляя ее съ божественной, Іосифъ въ то же время проповѣдуетъ всущности революціонное ученіе: царь до тѣхъ поръ только тожественъ Богу, пока слѣдуетъ осифлянской догмѣ: царь, впадающій въ невѣріе, страсти и лукавство,—„не Божій слуга, но діаволь, и не царь, но мучитель“.

Осифлянская доктрина вполнѣ гармонировала съ создавшимся положеніемъ вещей, соотвѣтствуя и личнымъ деспотическимъ наклонностямъ великаго князя Іоанна и его ближайшихъ преемниковъ. Она давала теоретическое обоснованіе деспотизму великаго князя Московскаго. Неудивительно поэтому, что всѣ три государя, правившіе въ періодъ этой борьбы, Іоаннъ III-й, его сынъ и внукъ, охотно стали на точку зрѣнія этого ученія, и воспользовались для практическихъ цѣлей теоретическими выводами, которые изъ него слѣдовали, поддерживая осифлянъ и въ вопросахъ о ересяхъ и въ вопросахъ о церковныхъ имуществахъ, хотя всѣ три государя были весьма склонны воспользоваться монастырскими землями.

Ученіе осифлянъ утверждало главенство царя надъ церковью,—отсюда и тезисъ Іосифа Волоцкаго: „Царскій судъ святительскимъ не посужается ни отъ кого“; отсюда и „богопротивное лукавство“, какъ характеризовали осифлянъ ихъ противники, и безусловное покореніе властямъ. Плоды такого ученія великіе князья вскорѣ почувствовали на практикѣ. Громкое дѣло новгородскаго архіепископа Серапіона, отлучившаго Іосифа отъ церкви за подчиненіе распоряженію великаго князя перейти съ своимъ монастыремъ изъ новгородской епархіи въ московскую, имѣло для владыки непріятныя послѣдствія: Серапіонъ былъ заключенъ въ монастырь. Это дѣло вызвало много толковъ вслѣдствіе своего необычнаго исхода, и Іосифъ въ одномъ изъ своихъ посланій старался объяснить свою точку зрѣнія. По его словамъ, священныя правила повелѣваютъ о церковныхъ и монастырскихъ обидахъ приходить къ царямъ, потому что царь—всѣмъ судья, въ томъ числѣ и епископу. Между тѣмъ Серапіонъ поступилъ вполнѣ самостоятельно: „поразсуди ты, Серапіоновъ умъ, пишетъ онъ своему корреспонденту,—чѣмъ бы ему бити челомъ на соборѣ государю православному и самодержцу всей Руси да преосвященному митропо-

литу, онъ сталъ спорить съ государемъ и святителями. А божественныя правила повелѣваютъ царя почитать, не ссориться съ нимъ. Ни древніе святители не дерзали этого дѣлать, ни четыре патріарха, ни римскій папа, бывшій на вселенскомъ соборѣ".

Послѣдователь Іосифа Санина, митрополитъ Даніилъ, возвелъ осифлянское лукавство въ цѣлую систему. Это былъ, уже на митрополичьемъ престолѣ, краснощекій упитанный монахъ, любившій дорогія одежды и всякія житейскія удобства, и въ то же время не гнушавшійся передъ выходомъ въ народъ принимать видъ аскета. Онъ охотно ссужалъ деньгами своихъ знакомыхъ и забиралъ за долги ихъ села, занимался скупкою селъ, увеличивая всѣми этими мѣрами достояніе митрополіи. Даніилъ былъ весьма плодовитымъ писателемъ и въ своихъ посланіяхъ и рѣчахъ обычно обращался къ волновавшимъ тогда общество темамъ. По ученію Даніила, царь только естествомъ тѣлеснымъ „равенъ человѣку", властью же „приличенъ Богу", почему „неприступимъ есть человѣки высоты ради земного царствія". Царь заботится о людяхъ, дабы они преуспѣвали въ добрѣ и не дѣлали зла. Митрополитъ Даніилъ идетъ дальше своего учителя, какъ въ формахъ отожествленія царя и Бога, такъ и въ развитіи прерогативъ царской власти. Царь выполняетъ свою божественную миссію единолично, обращаясь только къ единому Богу. Великій князь Московскій является именно такимъ царемъ: Василій III-й есть „царемъ царь истовый", твердый пособникъ всему народу и благочестію. Такая власть необходима для того, чтобы „корабль великаго державства не потонулъ въ волнахъ безчестія".

Митрополитъ Митрополитъ Даніилъ

Даніилъ возвелъ въ систему, подобно своему учителю Іосифу Волоцкому, преклоненіе власти церковной передъ властью свѣтской и такимъ образомъ подчинялъ церковь и ея авторитетъ личной и государственной политикѣ великихъ князей Московскихъ. И въ своемъ ученіи, и въ житейскихъ отношеніяхъ митро-

политъ Даніилъ проводилъ мысль о томъ, что цѣль оправдываетъ средства. Отсюда дѣлались и соотвѣтственные политическіе выводы: митрополитъ Даніилъ помогъ Василію III-му избавиться отъ „запазушнаго врага Шемятича“, самъ сыгралъ въ этомъ дѣлѣ очень некрасивую роль клятвопреступника и тѣмъ не менѣе воздавалъ „велику хвалу“ великому князю; въ дѣлѣ Максима Грека и въ дѣлѣ развода Василія III-го съ его первой женой Соломонидой митрополитъ Даніилъ сыгралъ столь же некрасивую роль. Защищая личные интересы и свои политическіе взгляды, митрополитъ Даніилъ преслѣдовалъ своихъ личныхъ враговъ съ настойчивостью и коварствомъ, къ какимъ не прибѣгали ни его предшественники, ни послѣдующіе митрополиты. Максиму Греку и Вассіану Патрикѣеву онъ предъявилъ, между прочимъ, обвиненіе и въ томъ, что, отрицая право вотчиннаго владѣнія монастырей, они тѣмъ самымъ хулили монашество, церковь и чудотворцевъ.

Нилъ Сорскій и нестяжатели

Охарактеризовавъ осифлянскую доктрину и ихъ представителей, перейдемъ теперь къ ихъ противникамъ. Если обскурантизмъ является характернымъ признакомъ осифлянскихъ взглядовъ, то идеалы нестяжателей окрашены гуманистическими началами.

Старѣйшій изъ бѣлозерскихъ старцевъ, Нилъ Сорскій, былъ постриженникомъ почтеннаго старца Паисія Ярославова, проведшаго жизнь въ Кирилловѣ монастырѣ, вдали отъ московской централизаціи. Свое образованіе и религіозное воспитаніе Нилъ Сорскій довершилъ на Аѳонѣ, гдѣ въ это время пробивались раціоналистическія воззрѣнія. Вернувшись въ Россію, онъ основалъ свой скитъ на рѣкѣ Соркѣ, въ 15 верстахъ отъ Бѣлозерскаго монастыря. Нилъ Сорскій отличался широкимъ богословскимъ образованіемъ въ противоположность начитанности своихъ противниковъ. Неудивительно поэтому, что Нилъ Сорскій усвоилъ себѣ критическое отношеніе къ церковной письменности. Онъ отличалъ божественное писаніе отъ другихъ видовъ церковной литературы:

„писаніе многа, но не вся божественна суть“, училъ онъ. Отсюда стремленіе къ *разумному* усвоенію священнаго писанія и предпочтеніе чистаго источника его—евангелія. Неудивительно поэтому, что и взгляды Нила Сорскаго на иноческую жизнь представляютъ собою антитезу взглядамъ его противниковъ. Иноческая жизнь заключается не въ формальномъ исполненіи обрядовъ, но въ „умномъ“ и „сердечномъ дѣланіи“, т.е. во внутренней духовной борьбѣ съ дурными помыслами. Отсюда вытекаетъ и предпочтеніе скитской жизни общежительному монашеству. При такихъ воззрѣніяхъ понятенъ и взглядъ Нила Сорскаго на монастырскія имущества: иноческая жизнь не должна быть связана съ заботами матеріальнаго свойства: она должна, отвлекаясь отъ матеріальныхъ удобствъ и заботъ, дать иноку возможность чисто духовной созерцательной жизни. Однимъ словомъ, черезъ всѣ воззрѣнія Нила Сорскаго проходитъ одна общая идея—идея свободы, разумѣется, нравственной.

Князь Вассіанъ Патрикѣевъ.

Нилъ Сорскій, по своему характеру и воззрѣнію, не былъ способенъ къ борьбѣ. Его сочиненія носятъ исключительно религіозно-нравственный характеръ, затрогивая лишь вопросы о монастырскихъ имуществахъ и еретикахъ. Но его ученики и почитатели пошли дальше, съ почвы чисто религіозной перешли на почву соціальныхъ и политическихъ вопросовъ. Ближайшимъ ученикомъ Нила Сорскаго былъ невольный старецъ, князь Вассіанъ Патрикѣевъ, бывшій еще при Іоаннѣ III-мъ очень сильнымъ бояриномъ. При великомъ князѣ Василіи князь Вассіанъ снова получилъ вліяніе при дворѣ, жилъ въ Чудовомъ монастырѣ и былъ „великимъ временнымъ человѣкомъ“. Князь Вассіанъ былъ постриженникомъ Кириллова монастыря и здѣсь, въ Бѣлозерьѣ, сошелся съ Ниломъ. Кромѣ того мы знаемъ о тѣсныхъ сношеніяхъ Вассіана и съ нѣкоторыми изъ видныхъ представителей ереси жидовствующихъ, именно онъ былъ друженъ съ извѣстнымъ діакономъ Курицынымъ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны происхожденіе, родство и давнія связи съ домомъ Калиты, затѣмъ общеніе съ представителями раціоналистическихъ взглядовъ, оказали вліяніе на направленіе князя Вассіана. Боярское происхожденіе и связи дѣлали изъ него представителя боярскихъ тенденцій въ политическомъ отношеніи, вліяніе религіозныхъ раціоналистовъ опредѣлило взгляды Вассіана на вопросы церковные. При всемъ томъ это не былъ человѣкъ, склонный лишь подчиняться тѣмъ или другимъ вліяніямъ; напротивъ, онъ отличался самостоятельнымъ и рѣзкимъ характеромъ, склоннымъ къ властвованію. Оттого онъ имѣлъ многихъ враговъ, и это было причиной его паденія, когда на митрополичьемъ престолѣ оказался столь же властолюбивый, но осторожный политикъ, митрополитъ Даніилъ. Вассіанъ раздѣлялъ взгляды на еретиковъ и на монастырскія имущества, усвоенные нестяжателями. Но въ критикѣ церковной письменности онъ пошелъ дальше: извѣстна его попытка собрать списки Кормчей и доказать подложность нѣкоторыхъ текстовъ ея; онъ именно подозрѣвалъ, что тексты Кормчей, относящіеся къ монастырскимъ имуществамъ, испорчены переписчиками и переводчиками, являются не „правилами“, а „кривилами“. Рѣзкій характеръ Вассіана создалъ ему многихъ враговъ: его называли „высокоумнымъ“, „велеславнымъ“, „высокошіявымъ“. Раздѣляя ученіе нестяжателей, Вассіанъ идетъ дальше, затрогивая вопросы соціальные и политическіе. Въ полемикѣ противъ владѣльческихъ правъ монастырей вездѣ проходятъ симпатіи Вассіана къ низшему классу: онъ противопоставляетъ „послѣднюю нищету“ и страданіе бѣдняка роскоши и изнѣженности привиллегированныхъ классовъ, но его соціальныя воззрѣнія еще не отливаются въ опредѣленную форму, такъ какъ отнятіемъ земель у монастырей бѣдствія низшаго класса не уменьшатся, а программы улучшенія ихъ положенія у Вассіана нѣтъ. Въ вопросахъ политическихъ Вассіанъ, не отрицая богоустановлен-

ности великокняжеской власти, согласно съ боярскими традиціями, далекъ отъ обожествленія представителя власти и отъ признанія принципа неограниченности ея. Прежде всего, представитель власти долженъ имѣть совѣтниковъ изъ среды князей и бояръ и долженъ съ милосердіемъ управлять: „царемъ и великимъ княземъ достоитъ дѣла дѣлати милосердно, со всѣми князи и съ бояры". Совѣтниками царя должны быть князья, бояре и прочіе міряне, но во всякомъ случаѣ не иноки: царь, совѣтующійся съ иноками, бесѣдуетъ съ мертвецами. Цари, которые возвышаютъ иноковъ, даютъ имъ землю, являютъ собою „простоту и малосмысліе". Такимъ образомъ, хотя власть богоустановлена, но представитель ея нуждается въ совѣтахъ бояръ и князей, можетъ отличаться пороками и недостатками, требующими исправленія и поученія. Даже болѣе того. Ограничивая дѣятельность представителей церкви ея спеціальными задачами, Вассіанъ однако настаивалъ на неподчиненіи церкви въ вопросахъ церковныхъ свѣтской власти: пастыри должны стоять „о правдѣ", и, защищая ее, не должны бояться властей,—„ниже устрашится за паствы своя". Тутъ высказывается полная антитеза ученію осифлянъ объ отношенія церкви къ государству.

Максимъ Грекъ.

Для того чтобы закончить характеристику партіи нестяжателей, намъ остается остановиться еще на знаменитомъ Максимѣ Грекѣ. Максимъ Грекъ представляетъ собою слишкомъ крупную величину въ литературномъ отношеніи, чтобы признать въ немъ простого послѣдователя Нила Сорскаго. Но безспорно, Максимъ Грекъ является по характеру своихъ взглядовъ близко примыкающимъ къ названному теченію. Не останавливаясь на взглядахъ Максима Грека на монастырскія имущества, равно и на нѣкоторые другіе церковные вопросы, мы отмѣтимъ тѣ черты въ его посланіяхъ, которыя характеризуютъ его политическое міровоззрѣніе. Грекъ привнесъ въ свои воззрѣнія высокое представленіе о царской власти. Но въ его

представленіи самодержецъ далекъ отъ обожествленія. Самодержецъ можетъ быть праведнымъ и неправеднымъ, добрымъ и злымъ, подверженнымъ, какъ и всѣ люди, страстямъ и порокамъ; вотъ почему правитель государства особенно нуждается въ наставленіяхъ, такъ какъ этому человѣку дается огромная власть. Въ посланіи къ царю Іоанну Грозному, Максимъ Грекъ, хотя и исходитъ изъ мысли объ уподобленіи земныхъ владыкъ небеснымъ, однако считаетъ нужнымъ преподать земному владыкѣ рядъ наставленій.. Согласно общимъ воззрѣніямъ этого гуманиста, это наставленіе большею частью нравственнаго характера. Греческая держава погибла потому, что ея цари отличались гордостью, превозношеніемъ, сребролюбіемъ и другими пороками. Но среди наставленій моральнаго свойства, встрѣчаемъ и указанія политическаго характера: греческіе цари „презираху своя боляры“; авторъ совѣтуетъ царю имѣть всяческое прилежаніе къ своимъ боярамъ, воеводамъ и воинамъ, хотя онъ точно и не говоритъ, каковы должны быть отношенія царя къ этому элементу. Вообще царь, какъ и всякій сильный человѣкъ, долженъ миловать и благотворить „сущихъ въ скудости“. Онъ долженъ давать правый судъ, блюсти цѣломудріе и къ своимъ „подручникамъ“ имѣть кротость. Однимъ словомъ, царь долженъ отличаться высокими нравственными качествами, ибо, обуреваемый пороками, онъ „нѣсть небеснаго владыки образъ одушевленъ, но безсловеснаго естества человѣкообразно подобіе“.

Такимъ образомъ, представленія Максима Грека о царской власти являются антитезой осифлянскаго ученія и совпадаютъ съ представленіемъ инока Вассіана. Максимъ Грекъ не развиваетъ подробно своихъ взглядовъ въ посланіяхъ, такъ какъ онъ, наученный горькимъ опытомъ, строго держится религіозно-нравственной почвы, но въ его посланіяхъ нельзя не замѣтить систематической борьбы противъ осифлянскихъ взглядовъ: какъ бы возражая ученію о высокихъ качествахъ

земного владыки въ силу божественнаго происхожденія власти, Максимъ Грекъ старательно подчеркиваетъ возможность впаденія земного царя въ пороки. Изъ дѣла Берсеня Беклемишева и дьяка Ѳедора Жаринова хорошо извѣстно, что Максимъ былъ въ сношеніяхъ съ этими опальными людьми и болѣе опредѣленно выражался о тогдашнемъ положеніи вещей. Онъ сочувственно относился къ жалобамъ Берсеня на то, что государь „встрѣчи“ не любитъ, т. е. не совѣщается со своими боярами; изъ разсказовъ Максима о правленіи у турокъ Берсень могъ вывести благопріятное заключеніе о порядкѣ управленія даже злочестивыхъ мусульманскихъ царей. Такимъ образомъ Максимъ оказался „добре совѣтенъ“ съ тѣми опальными боярами, которые не могли примириться съ новымъ порядкомъ вещей и съ устраненіемъ вліянія боярства на государственныя дѣла.

Что касается соціальныхъ вопросовъ, то въ этомъ отношеніи Максимъ Грекъ успѣлъ высказаться въ тѣхъ своихъ посланіяхъ, въ которыхъ онъ касается владѣнія монастырскими имуществами. Въ извѣстномъ своемъ „Стязаніи“, т. е. спорѣ, любостяжательнаго и нестяжательнаго, Максимъ Грекъ рисуетъ мрачную картину крестьянской жизни въ монастырскихъ вотчинахъ. Монастырь-вотчинникъ раздаетъ крестьянамъ серебро въ ростъ и тѣмъ разоряетъ бѣдныхъ селянъ, повергая ихъ въ безчисленныя печали, монастырь истязаетъ крестьянъ тяжелыми работами, а неимущихъ платить подати изгоняютъ изъ селъ или обращаютъ въ вѣчное рабство. Монастырь въ этомъ отношеніи нисколько не отличается отъ мірскихъ людей способомъ владѣнія. Подобнаго рода мысль Максимъ Грекъ повторяетъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Въ Словѣ о покаяніи онъ описываетъ селянъ такими чертами: „тіи же окаяніи, безпрестани тружающеся и томимы въ житейскихъ потребахъ нашихъ, и обильна сія намъ уготовляюще, во скудости и нищетѣ всегда пребываютъ,

ниже ржаного хлѣба чиста ядуще, многажды же и безъ соли отъ послѣднія нищеты".

Осифляне и нестяжатели, какъ политич. партіи.

Съ точки зрѣнія тогдашняго, уложившагося въ удѣльный періодъ государственнаго и общественнаго строя, осифлянская партія стремилась къ закрѣпленію радикальныхъ перемѣнъ, которыя стали сказываться въ этомъ строѣ въ концѣ XV вѣка. Эти перемѣны заключались въ признаніи наросшаго абсолютизма великаго князя и въ устраненіи боярскаго и княженецкаго класса отъ участія въ управленіи государствомъ: прирожденные государи Рустей земли, княжье и боярство, теряютъ свое прежнее положеніе слугъ и совѣтниковъ князя Московскаго, старая традиція устраняется, и этотъ верхній классъ начинаетъ сливаться съ низшимъ военно-служилымъ классомъ, воинствомъ, и изъ слугъ превращается въ прикрѣпленный къ военной службѣ элементъ. Такимъ образомъ, осифляне „перестанавливали" обычаи, какъ о нихъ говорила противная партія. Но интересно, что тѣ же осифляне держались твердаго убѣжденія, что они поддерживаютъ старину. Фикція старины въ осифлянской доктринѣ зиждилась, дѣйствительно, на нѣкоторыхъ фиктивныхъ произведеніяхъ тогдашней политической литературѣ, равно и на томъ, что, по отсутствію критическаго отношенія къ источникамъ, осифляне не отличали русской старины отъ византійской, охотно базируя свои взгляды на византійскомъ правѣ. Въ культурномъ отношеніи взгляды осифлянъ отличаются крайнимъ обскурантизмомъ и весьма несимпатичнымъ партійнымъ и личнымъ эгоизмомъ. На сторонѣ противной партіи, нестяжателей, много симпатичныхъ чертъ: болѣе широкое образованіе соотвѣтствуетъ широкому взгляду на религіозныя и соціальныя отношенія; политическіе идеалы нестяжателей стремятся къ удержанію старинныхъ традицій, такъ что эту партію можно назвать консервативной, примѣняя къ ней нынѣшнюю терминологію.

Публицистика 16 столѣтія далеко не была литера-

турнымъ занятіемъ: она являлась отраженіемъ жизни, и борьба литературная соотвѣтствовала политическимъ стремленіямъ, она была борьбою за власть и вліяніе на государство. Въ житейскихъ отношеніяхъ споры приводили иногда къ рѣзкимъ столкновеніямъ. По словамъ одной очень любопытной современной записи, извѣстный намъ старецъ Филоѳей „много показа дерзновенія къ государю“, заступаясь за обращавшихся къ его посредничеству людей, особенное же показывалъ дерзновеніе къ боярамъ и намѣстникамъ псковскимъ, обличая ихъ о многой неправдѣ и насилованіи; очевидно, это обличеніе было очень серіознаго характера, такъ какъ Филоѳей обличалъ, смерти не боясь. Преподобный Пафнутій Боровскій, учитель Іосифа Санина, также велъ, по словамъ его житія, борьбу съ сильными людьми — „ниже силныхъ лицъ сумняся“. Сильные люди той или другой партіи старались захватить вліяніе при дворѣ: Вассіанъ Патрикѣевъ много лѣтъ былъ „великимъ временнымъ человѣкомъ“, и противная ему партія проявляла свои взгляды преимущественно на церковныхъ соборахъ и въ литературѣ, пока митрополитъ Даніилъ окончательно не смѣнилъ при великокняжескомъ дворѣ своего противника. Поэтому, когда осифляне развивали мысль о высотѣ царской власти, ея правѣ управлять самостоятельно, самостоятельно же избирая совѣтниковъ, они тѣмъ самымъ стремились и къ практическимъ цѣлямъ: стать совѣтниками государя; ихъ противники, напротивъ, отстаивали традицію прирожденныхъ совѣтниковъ государя, почему и сильно протестовали противъ совѣщанія великаго князя съ „непогребенными мертвецами“ и противъ раздачи имъ имѣній, которая дѣлалась, конечно, не только за заслуги въ области религіи, но и за службу государю въ собственномъ смыслѣ.

Можно приблизительно учесть и тѣ общественные элементы, изъ которыхъ составлялись обѣ партіи. На сторонѣ обскурантовъ мы встрѣчаемъ или низшіе бур- Соціальный составъ партій.

жуазные элементы (самъ Іосифъ Санинъ происходилъ изъ служилыхъ людей мелкаго удѣльнаго Волоцкаго князя), или изъ самоучекъ, пробившихся изъ низшихъ слоевъ общества, вродѣ „сельскаго человѣка“, какимъ себя именуетъ старецъ Филоѳей. На сторонѣ противной партіи мы встрѣчаемъ боярскіе элементы, иногда очень родовитаго происхожденія: Нилъ Сорскій происходилъ изъ бояръ Майковыхъ, аристократическое происхожденіе Вассіана Патрикѣева намъ уже извѣстно, среди близкихъ къ нему лицъ мы встрѣчаемъ сына боярыни Медоварцевой и др. Основатель Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, преподобный Кириллъ, происходилъ изъ боярскаго рода, и боярскія традиціи были сильны въ этомъ монастырѣ: когда разнеслась слава о Нилѣ Сорскомъ, два постриженника Волоколамской обители— старецъ Діонисій изъ князей Звенигородскихъ и Нилъ Полевъ изъ рода именитыхъ бояръ, отпросились у своего игумена и пошли на поклоненіе къ его противнику.

Демократическое направленіе въ публицистикѣ XVI в.

Отъ вопросовъ религіозныхъ, волновавшихъ русское общество половины XVI столѣтія, перейдемъ къ вопросамъ политическимъ. Публицистика нестяжателей и осифлянъ стояла на точкѣ зрѣнія церковныхъ вопросовъ и въ рамки ихъ вдвигала вопросы политическіе. Второе поколѣніе послѣдователей тѣхъ же направленій стало на почву политическую въ собственномъ смыслѣ, привнося въ нее вопросы церковные постольку, поскольку послѣдніе соприкасались съ первыми. Подобно религіознымъ вольнодумцамъ, публицисты этого поколѣнія ставятъ политическія проблемы радикальнѣе своихъ предшественниковъ, отрываясь отъ старинныхъ традицій. Направленіе этой публицистики въ общемъ можно признать демократическимъ, разбивающимся однако на два теченія. Одно направленіе, держась демократическихъ взглядовъ въ вопросахъ соціальныхъ, въ дѣлѣ государственнаго управленія выдвигаетъ идею совмѣстнаго управленія царя и земли; другое, исповѣдуя тожде-

ственные взгляды въ вопросахъ соціальныхъ реформъ, достиженіе общественнаго блага видитъ въ абсолютизмѣ государя. Среди новыхъ теченій нѣтъ мѣста для проявленій аристократическихъ тенденцій княжья и боярства; въ этотъ періодъ оно не выставило ни одного защитника своихъ правъ и не нашло въ себѣ достаточно силъ, чтобы фактически удерживать въ своихъ рукахъ правленіе. Это замѣчаніе относится ко всей эпохѣ Грознаго, начиная съ момента объявленія царя себя самостоятельнымъ государемъ. Уже въ XV вѣкѣ боярство постепенно теряло свою силу, уступая наростающему абсолютизму Московскихъ государей и теряя свой престижъ въ общественномъ мнѣніи. До разгрома Грознаго, княжье и боярство отчасти сохранило свои великія вотчины и нѣкоторыя прерогативы самостоятельныхъ вотчинниковъ. Но престижъ боярства быстро падалъ и особенно въ тотъ періодъ, когда оно очутилось у власти,—въ малолѣтство Грознаго. Бояре оказались въ положеніи слугъ, неожиданно очутившихся на мѣстѣ господъ. Подступавшее обѣднѣніе этого класса, такъ какъ уже замѣтны были признаки грядущаго экономическаго кризиса, личныя отрицательныя качества многихъ представителей этого класса сдѣлали періодъ боярскаго правленія очень тяжелымъ для населенія. Бояре оказались „свирѣпи аки львове“, по словамъ одного источника; при боярскомъ правленіи правда улетѣла на небо, а кривда спустилась на землю, по красивому выраженію Псковскаго лѣтописца. При такихъ условіяхъ становится понятнымъ, что публицистика половины XVI столѣтія стала на двоякой точкѣ зрѣнія: одна выдвигала „всишгоднюю царскую грозу“ противъ бояръ, а другая—совѣтъ всенародныхъ человѣковъ для избавленія отъ произвола и бояръ и царя.

Познакомимся сначала съ тѣмъ направленіемъ публицистики, которое можно признать господствующимъ въ половинѣ вѣка. Тутъ, прежде всего, намъ надо познакомиться съ высшей степени интереснымъ памф- Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ.

летомъ неизвѣстнаго автора, относящимся, по всѣмъ даннымъ, къ пятидесятымъ годамъ XVI вѣка. Это—бесѣда Сергія и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ. Авторъ памфлета, по всей видимости, свѣтскій человѣкъ; онъ послѣдователь направленія бѣлозерскихъ старцевъ, но шире своихъ предшественниковъ охватываетъ вопросы, выдвинутые эпохой.

Голосъ сильнаго раздраженія слышится въ сужденіяхъ автора по адресу современнаго монашества. Онъ много разъ и различными способами старается доказать, что иноки не должны владѣть имѣніемъ. Иноки „выкрадываютъ“ и „выписываютъ“ изъ свято-отецкихъ писаній все то, что имъ тамъ не нравится, и вписываютъ „о пищахъ и о всемъ полезномъ себѣ“. Ни цари, ни людіе этого не знаютъ и даютъ инокамъ села и волости. Никому, между тѣмъ, и въ голову не приходитъ, что инокамъ должно давать „годовую, урочную милостыню, а не волости со христіаны“. Владѣя вотчинами, монахи предаются пьянству, „сладости“ и „сытости“. Владѣніе имѣніями—„новая ересь, идущая отъ бѣса“: иноки владѣютъ крестьянами, собираютъ съ нихъ всякіе доходы, живутъ „христіанскими слезами“. „Богомерзко и незаконно ихъ житіе, и обычай ихъ непріятенъ“. Авторъ рекомендуетъ всѣхъ бродящихъ изъ монастыря въ монастырь иноковъ отдать въ подначаліе. Иноки дали обѣтъ терпѣть подначаліе и всякую скорбь и тѣсноту и трудиться; они должны „питатися отъ своихъ праведныхъ трудовъ и своею потною прямою силою, а не царскимъ жалованьемъ и не христіанскими слезами“. Вотъ почему инокамъ душевредно владѣть волостями: они проникаются мірскою суетою, „свирѣпствомъ и яростью на христіанскія слезы“. Только вслѣдствіе простоты царей иноки получаютъ имѣнія: „малосмысленніи цари“ жалуютъ земли инокамъ и тѣмъ вводятъ ихъ въ грѣхъ.

Вообще иноки должны совершенно отрѣшиться отъ мірскихъ дѣлъ. Не менѣе для нихъ и для государства пагубно, когда иноки имѣютъ вліяніе на дѣла государ-

ственнаго правленія: гдѣ иноки вмѣшиваются въ дѣла управленія, тамъ „милости Божія нѣсть“. Не только иноки, но также и святители и священники не должны имѣть вліянія на государственныя дѣла: съ ними царь совѣтуется только въ дѣлахъ церкви.

Въ этомъ рѣзкомъ антогонизмѣ къ духовному чину не трудно видѣть борьбу противъ того вліянія, которымъ въ дѣлахъ государственныхъ пользовались осифляне.

Въ вопросѣ о значеніи царской власти и ея прерогативахъ авторъ очень далекъ отъ обожествленія этой власти, хотя, по его словамъ, власть царю дается Богомъ: власть необходима потому, что дана на „воздержаніе міра“; если бы не царская всишгодняя гроза, „ино въ воляхъ не каются, ниже послушаютъ поповъ“. Очень оригинально толкованіе авторомъ термина самодержецъ, оффиціально признаннаго въ то время Московскими царями: царь пишется самодержцемъ потому, что онъ долженъ „міръ воздержать“ (въ смыслѣ нравственномъ). Но царь правитъ не одинъ, а съ боярами и князьями: царь не долженъ совѣтоваться съ непогребенными мертвецами, потому что Господь повелѣлъ государямъ держать царство, грады и волости „съ князи и съ бояры и съ прочими міряны“. Къ этому вопросу, т. е. о совѣтѣ царя, нашъ авторъ возвращается неоднократно. Царь долженъ непрестанно совѣщаться со своими совѣтниками о всякомъ дѣлѣ. Указывая иногда, что царь долженъ совѣщаться со своими совѣтниками, князьями и боярами, нашъ авторъ рекомендуетъ еще и иную форму совѣщанія: „подобаетъ съ міромъ во всѣмъ вѣдати царю самому, со властьми своими“. Что такое совѣтъ царя съ міромъ, очень хорошо разъясняется въ „Иномъ сказаніи“ той же бесѣды, которое въ рукописяхъ соединяется съ первымъ, но представляетъ собою самостоятельное дополнительное произведеніе, по всей вѣроятности принадлежащее перу другого автора, сочувствовавшаго идеямъ бесѣды и рѣшившаго дополнить ее своими соображеніями о зем-

Иное сказаніе.

скомъ совѣтѣ. Вѣроятно, это дополнительное „Иное сказаніе“ болѣе поздняго времени, времени опричины, такъ какъ оно направлено не только противъ вельможъ, но и противъ приказныхъ, и въ немъ говорится объ укрѣпленіи государственныхъ границъ. Авторъ заявляетъ, что весь духовный чинъ обязанъ благословить русскихъ царей на созваніе „единомысленнаго вселенскаго совѣта“ „отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ“; этотъ совѣтъ нужно царю „безпрестанно всегда держати погодно при собѣ, и собѣ ото всякихъ мѣръ всякихъ людей и на всякъ день и добре распросити царю самому“ о всякомъ дѣлѣ міра сего. При такихъ условіяхъ царь обо всемъ будетъ знать и будетъ въ состояніи удержать отъ всякой неправды своихъ приближенныхъ воеводъ и приказныхъ людей, самъ царь будетъ свободенъ отъ совѣтовъ льстецовъ и укрѣпитъ такимъ образомъ государство.

Такимъ образомъ, совѣтъ царя съ всенароднымъ человѣкомъ — вотъ тотъ идеальный государственный строй, о которомъ мечтаетъ авторъ памфлета. Если къ этому прибавить то высокое уваженіе, которое неразъ высказывается въ Бесѣдѣ по отношенію къ воинамъ, и повторяемую нѣсколько разъ мысль о томъ, что царю достоитъ собирать всякіе доходы съ пощадою и милосердно, то мы исчерпаемъ все содержаніе этого замѣчательнаго памятника древне-русской публицистики.

Слово къ благохотящимъ царемъ.

Неизвѣстный авторъ Бесѣды въ своихъ политическихъ идеалахъ стоялъ далеко не одиноко: онъ былъ выразителемъ мнѣнія цѣлаго направленія, которое одно время было правящей партіей. Авторъ Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ стоитъ на почвѣ церковно-политическихъ вопросовъ и только вскользь касается вопроса о собираніи царскихъ доходовъ. Другое произведеніе нѣсколько болѣе ранняго времени, принадлежащее тоже анонимному автору, касается уже вопросовъ чисто экономическихъ. Это—проектъ реформъ, озаглавленный „Слово къ благохотящимъ царемъ, правительницамъ и

землемѣріемъ". Изъ обращенія слова къ правительницамъ слѣдуетъ заключить, что оно написано при великой княгинѣ Еленѣ, хотя въ послѣдующее время, повидимому, неразъ подвергалось передѣлкѣ.

Основная мысль автора сводится къ заботамъ объ устройствѣ военно-служилаго сословія. Надо всю землю раздѣлить среди служилаго люда—боярамъ и воинамъ. Размѣръ земли опредѣляется достоинствомъ воиновъ; но чтобы не было поземельныхъ споровъ, необходимо ввести новую поземельную единицу для пахатной земли, поприще—квадратъ въ 1000 квадратныхъ саженъ. Введеніе такой простой, по мнѣнію автора, поземельной единицы, разбивка земли на поприща, предотвратитъ поземельные споры, ускоритъ раздачу земли, и будетъ удобно для наблюденія и управленія. Служилый же людъ, по разсчетамъ автора, получитъ довольство, и въ то же время улучшиться положенія ратаевъ, т. е. крестьянъ: служилые люди будутъ имѣть такой доходъ, что излишки хлѣба могутъ продавать „на собраніе серебра": „ни единъ ратай не будетъ слезенъ и мученъ въ недостатцѣхъ". Дѣло въ томъ, что нельзя собирать съ ратаевъ серебро, т. е. денежный оброкъ; какъ хотѣть отъ ратаевъ серебра и ихъ за то мучить, когда они не производятъ серебра, но хлѣбъ созидаютъ; хлѣбомъ и должно взимать съ нихъ оброкъ. Размѣръ оброка долженъ быть опредѣленъ, онъ не долженъ превышать пятой части урожая. Проектъ очень тепло относится къ классу ратаевъ, указываетъ на его изнеможеніе отъ работнаго ига, платы оброковъ, ямскихъ денегъ, взиманія оброковъ серебромъ, вмѣсто хлѣба, и проч. Вообще ратаи, уплативъ оброкъ воинамъ, не должны знать никакихъ другихъ податей, въ томъ числѣ и государственныхъ. Государственныя повинности и налоги должны пасть на городское сословіе: „понеже суть (купцы) стяжатели многа прибытка". Наконецъ, нашъ авторъ предлагаетъ одну очень важную мѣру относительно устройства безопасности государства въ военномъ

отношеніи: воины должны жить въ городахъ, а не въ селахъ, и собираться въ дѣйствующую армію по приказанію государя, т. е., иными словами, авторъ рекомендуетъ устройство постояннаго войска.

Таковы экономическія воззрѣнія автора. Для полноты знакомства съ этимъ памятникомъ, отмѣтимъ еще одну черту его. Авторъ большой ригористъ и заботится о поднятіи нравственности въ народѣ. Давая рядъ совѣтовъ, которые должны послужить къ поднятію нравственности и къ устраненію пороковъ, авторъ мастерски набрасываетъ рядъ картинъ изъ тогдашней жизни. Во всѣхъ городахъ корчмы и въ нихъ пьяницы. Поэтому слѣдуетъ всѣхъ ихъ извести и воспретить всякое пьянственное питье, потому что отъ пьянства происходитъ всякій порокъ. Авторъ вообще очень хорошо знакомъ съ пьянственными обычаями. Сойдутся, разсказываетъ онъ, къ пьянственному питію мужи и жены, придутъ сюда же „нѣцыи кощунницы, имуще гусли, и скрыпѣли, и сопѣли, и бубны и ина бѣсовскія игры, и передъ мужатицами сія играюще, бѣсяся и скаче, и скверныя пѣсни припѣвая“. Душегубство чаще отъ пьянства. На пиру всякій хочетъ занятъ мѣсто повыше, отчего происходятъ ссоры и драки.

Такимъ образомъ, публицистика разсматриваемаго періода затронула всѣ важнѣйшіе вопросы, выдвинутые эпохой. Мы разсматриваемъ сейчасъ то ея направленіе, которое въ вопросахъ государственнаго управленія выбирало вопросъ объ участіи народа въ управленіи, а въ вопросахъ соціальныхъ и экономическихъ высказывало заботу о низшихъ классахъ населенія. Такими низшими классами были, во первыхъ, ратаи,—крестьянство, стоявшее уже наканунѣ прикрѣпленія, и новый, только наростающій военно-служилый элементъ, воины, дѣти боярскіе. Если въ Бесѣдѣ Валаамскихъ чудотворцевъ еще чувствуется отзвукъ вліянія идей Грека или Вассіана Патрикѣева (совѣтъ царя съ боярами и князями), то Слово къ царямъ интересуется только воинами и ратаями.

Кн. Андрей Курбскій.

Знакомство съ двумя названными памятниками приводитъ насъ къ знакомству съ самымъ выдающимся публицистомъ этой эпохи, въ сочиненіи и въ дѣятельности котораго нашли себѣ примѣненіе всѣ важнѣйшіе вопросы разсматриваемаго направленія. Мы имѣемъ въ виду князя Андрея Курбскаго. Его нельзя назвать самостоятельнымъ писателемъ съ точки зрѣнія новизны высказанныхъ имъ идей. Онъ цѣликомъ примыкаетъ къ младшему поколѣнію нестяжателей демократическаго направленія. Это государственный человѣкъ и воинъ, взявшійся за перо для того, чтобы обосновать и доказать тѣ политическіе идеалы, которые онъ стремился провести въ жизнь. Мнѣніе Курбскаго представляетъ собой антитезу мнѣніямъ его знаменитаго оппонента, Грознаго царя. Кардинальнымъ вопросомъ въ спорѣ является вопросъ о сущности и назначеніи царской власти. Хотя царь и почтенъ царствомъ, пишетъ Курбскій, но онъ долженъ „искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣковъ“. Всенародный человѣкъ—это народъ въ нашемъ смыслѣ слова. Такой царь будетъ имѣть успѣхъ въ своихъ предпріятіяхъ, очевидно, въ силу поддержки со стороны общественнаго мнѣнія: успѣхъ въ дѣлахъ Ивана III князь Курбскій, между прочимъ, объясняетъ тѣмъ, что этотъ государь былъ весьма любосовѣтенъ. Такой отвѣтъ даетъ Курбскій Грозному на утвержденія послѣдняго, что царь воленъ казнить и миловать. И въ другихъ вопросахъ взгляды Курбскаго отразили въ себѣ идеи данной эпохи и направленія. „Державные“, т. е. правители, получили отъ Бога власть, говоритъ Курбскій въ посланій къ нѣкоему Ивану многоученому, чтобы разсуждать подвластныхъ имъ праведнымъ судомъ и управлять въ кротости и въ милости державу свою; между тѣмъ они оказываются болѣе свирѣпыми, нежели звѣри-кровоядцы и съ несытствомъ грабятъ чужія имѣнія. Много бѣдствій происходитъ въ государственномъ управленіи отъ уча-

стія въ немъ священническаго и иноческаго чина, потому что священнослужители не только не удерживаютъ царей, „но паче потаковники бываютъ“ и только для того, чтобы скопить для себя многія имѣнія и села. Напротивъ, другіе классы общества находятся въ бѣдственномъ положеніи. Воинскій чинъ — „худѣйшій строевъ обретѣся, яко многимъ не имѣти не токмо коней, къ бранемъ уготовленныхъ, или оружей ратныхъ, но и дневныя пищи, ихъ же недостатки и убожество и бѣды и смущенія“ и высказать нельзя. Купечество и земледѣльцы страдаютъ отъ безмѣрныхъ податей и отъ немилосердныхъ приставовъ, ихъ безъ милости избиваютъ при взиманіи дани: — „бѣдно веденіе и умиленъ позоръ“. Отъ этого земледѣльческій классъ бѣжитъ изъ своего отечества или продаетъ своихъ чадъ въ вѣчную работу, иные налагаютъ на себя руки, вслѣдствіе многихъ горестей.

Ивашко Пересвѣтовъ.

Наряду съ расмотрѣннымъ направленіемъ публицистики, тотъ же періодъ выдвинулъ еще и другое направленіе, представителями котораго являются Ивашко Пересвѣтовъ и Іоаннъ Грозный.

Ивашко Пересвѣтовъ былъ служилый человѣкъ, по какимъ-то причинамъ на время выѣзжавшій изъ Московіи и находившійся на службѣ въ Венгріи и Молдавіи, затѣмъ, около 1540 г., возвратившійся въ Москву. Состоя на службѣ у Московскаго государя, Ивашко Пересвѣтовъ написалъ нѣсколько челобитныхъ, въ которыхъ, описывая свое пребываніе въ иностранныхъ государствахъ и свои наблюденія, онъ даетъ рядъ совѣтовъ молодому царю относительно ближайшихъ государственныхъ задачъ и способовъ управленія государствомъ. Эти челобитныя относятся ко времени 1547-1551 г.г. Кромѣ того, Пересвѣтову принадлежитъ сказаніе о царѣ Константинѣ, сказаніе о Магмедъ Салтанѣ, предсказанія философовъ и докторовъ, сказанія о книгахъ — все также политическіе памфлеты. Та-

кимъ образомъ, Пересвѣтовъ является плодовитымъ публицистомъ того времени.

Произведенія Пересвѣтова проникнуты прежде всего крайне рѣзкимъ отношеніемъ къ вельможамъ. Это элементъ въ государствѣ—исполненный всякихъ недостатковъ. Сказанія о царѣ Константинѣ, хотя по внѣшности и относятся къ Византіи, имѣютъ цѣлью борьбу съ Московскимъ боярствомъ. Вельможи, по словамъ Перевсѣтова, виновники всѣхъ бѣдъ въ государствѣ. Благодаря имъ погибло греческое царство, которое они разоряли въ малолѣтство царя Константина. Они судятъ неправедно, берутъ посулы съ виноватаго и праваго, они лживы и лукавы, наконецъ они удерживаютъ царя отъ дѣлъ, которыя онъ призванъ совершать. Такъ, греческіе вельможи мыслили о томъ, чтобы удержать царя Константина отъ воинскихъ дѣлъ, къ которымъ онъ былъ склоненъ, и что составляетъ главную задачу государя. Вельможи только то и дѣлаютъ, что обогащаютъ себя, спорятъ изъ-за власти, измѣняютъ, ябедничаютъ и въ то же время, „какъ гладныя псы“, расхватываютъ кормленія. Господь Богъ погубилъ Греческое царство потому, что оно заложилось за вельможъ. По словамъ Пересвѣтова, Русское царство находится въ такомъ же положеніи. Русская земля порабощена вельможами. „А которая земля порабощена, въ той землѣ все зло сотворяется“. Царь долженъ возвышать только тѣхъ вельможъ, которые этого достойны по своимъ воинскимъ заслугамъ или по мудрости, всѣ другіе достойны того, чтобы ихъ „огнемъ жещи и иныя лютыя смерти имъ давати.“ Вообще, царь самъ долженъ быть „самоупрямливъ и мудръ безъ воспрашанія“ (т. е. безъ чужихъ совѣтовъ), онъ долженъ быть грозенъ: тогда только Богъ покоритъ недруговъ подъ ноги его, и онъ будетъ обладать многими царствами. Особенно царь долженъ выдвигать классъ воиновъ, тогда и вельможи будутъ у него въ полномъ подчиненіи, будутъ его бояться, а царь будетъ „боярами свои-

ми тѣшиться, какъ „младенцами“. Отсюда и настоятельный совѣтъ Пересвѣтова, чтобы въ государствѣ всѣ возвышались по заслугамъ, независимо отъ ихъ происхожденія. У Магметъ Салтана, наставительно расказываетъ Пересвѣтовъ, совсѣмъ уничтожено рабство даже. Магметъ возвышаетъ людей весьма низкаго происхожденія, плѣнниковъ, рабовъ, и изъ рабовъ онъ получилъ очень храбрыя войска. Вообще, Пересвѣтовъ рѣзко высказывается противъ рабства, уничтоженіе котораго онъ и совѣтуетъ. Затѣмъ онъ совѣтуетъ устройство постояннаго войска. Изъ другихъ совѣтовъ Пересвѣтова отмѣтимъ: предложеніе отмѣнить кормленія, собирать доходы въ казну, назначить жалованіе чиновникамъ, ввести палатный судъ со строгимъ наказаніемъ за нарушеніе правосудія.

Присматриваясь къ идеаламъ Пересвѣтова, нельзя не отмѣтить извѣстной новизны въ общемъ его міровоззрѣніи сравнительно съ предшественниками: рекомендуя утвержденіе деспотической власти въ государствѣ, онъ однако стремится направить дѣятельность этой власти на благо низшихъ слоевъ населенія и требуетъ борьбы съ аристократическими элементами; онъ проповѣдуетъ, такимъ образомъ, просвѣщенный абсолютизмъ съ явнымъ наклоненіемъ его въ сторону демократическихъ элементовъ.

Общій комплексъ идей Пересвѣтова отличается новизною, но по частямъ нѣкоторыя изъ высказанныхъ имъ мыслей есть и въ Бесѣдѣ Валаамскихъ чудотворцевъ, и въ анонимномъ Словѣ къ царямъ, а идеи абсолютизма, очевидно, почерпнуты имъ изъ осифлянской литературы. Такимъ образомъ, Пересвѣтовъ въ свое міровоззрѣніе внесъ идеалы двухъ противныхъ партій и далъ имъ новое направленіе. Безспорно, на такого чуткаго человѣка, какимъ былъ Іоаннъ Грозный, эпистоліи Пересвѣтова могли имѣть большое вліяніе и, быть можетъ, воздѣйствовали на представленія Грознаго, отличающіяся тоже эклектическимъ характеромъ.

Заключеніе.

Публицистика первой половины XVI столѣтія старалась разобраться въ тѣхъ явленіяхъ, которыя были выдвинуты самою жизнью. Основными явленіями были—ростъ царской власти и измѣненія соціальныхъ условій. Публицистика старалась разобраться въ этихъ явленіяхъ и выдвинула нѣсколько направленій. Одно изъ этихъ направленій, родоначальникомъ котораго является Іосифъ Санинъ, признавало совершившійся фактъ—неограниченную власть царя, и старалось обосновать ее авторитетомъ Св. Писанія и строемъ византійской жизни. Это наиболѣе раннее направленіе не выдвигало однако никакой соціально-экономической программы. Послѣдующія поколѣнія публицистовъ, въ лицѣ Ивашки Пересвѣтова, въ вопросѣ о предѣлахъ власти царя остановились на той же точкѣ зрѣнія, но объемъ царской власти они пытались направить на выполненіе широкой соціальной и экономической программы: на борьбу съ аристократическимъ княжьемъ и боярствомъ и на поднятіе экономическаго благосостоянія служилаго люда и даже крестьянства и рабовъ. Оно рисовало себѣ царя, правящаго при поддержкѣ демократическихъ элементовъ страны и направляющаго политику на поддержаніе этого элемента. Неограниченный царь, правящій государствомъ, въ которомъ нѣтъ сословныхъ различій, въ которомъ рабы могутъ сдѣлаться царскими совѣтниками, и въ которомъ прирожденные царскіе совѣтники пользуются недовѣріемъ царской власти и должны быть удаляемы отъ правительственныхъ дѣлъ,—вотъ идеалъ публицистовъ этого направленія, съ тѣмъ однако, чтобы неограниченность власти царя была направлена на устроеніе наряда земли. Одновременно съ направленіемъ волоколамскихъ монаховъ появилось и противоположное ему ученіе. Кирилло-Бѣлозерскіе старцы не считали власть земного владыки непогрѣшимой, она нуждалась въ поученіи, направленіи и сдержкѣ отъ несправедливыхъ поступковъ. Эта власть должна была быть направлена

на поднятіе нравственнаго благосостоянія подданныхъ и должна искать въ ихъ средѣ совѣта. Публицисты, примкнувшіе къ этому направленію, подробно развивали идею о совмѣстномъ управленіи царя со вселенскимъ совѣтомъ; такой царь уже является ограниченнымъ въ своей власти. Хотя родоначальники этого направленія, по своему происхожденію, по своимъ связямъ, были близки къ боярскому классу, однако въ своей программѣ въ конечномъ итогѣ они также стали на демократическую точку зрѣнія: матеріальное обезпеченіе класса воиновъ и теплое отношеніе къ крестьянству—сдѣлались лозунгомъ этого направленія. Въ этомъ пунктѣ, т. е. въ стремленіи къ реформамъ на демократической почвѣ, сошлись оба направленія, разойдясь въ вопросѣ о принципахъ верховнаго управленія. Боярство, мощное численное и экономически, оказалось такимъ классомъ, на который были направлены удары обоихъ направленій. Оно не выставило самостоятельной программы въ литературѣ; только Максима Грека по его связямъ можно бы признать близкимъ лицомъ къ боярству изъ среды тогдашнихъ литераторовъ, но и онъ рѣзко высказывался въ защиту низшихъ классовъ общества, крестьянства, отъ богатыхъ землевладѣльцевъ. Литературное направленіе эпохи свидѣтельствуетъ о раздѣленіи общества того времени въ партійномъ отношеніи. Каждая изъ партій ставила свою программу и настаивала въ правительственныхъ кругахъ на ея проведеніи. Ивану Грозному пришлось высказаться по поводу всѣхъ направленій, создавшихся въ предшествующія десятилѣтія, и онъ стремился положить конецъ литературной и партійной борьбѣ.

М. Довнаръ-Запольскій.

Время царя Ивана Грознаго. *).

Положеніе государства въ моментъ вступленія Іоанна Грознаго въ управленіе имъ находилось въ періодѣ остраго кризиса. Старый удѣльный порядокъ поистшатался, разложился, самодержавная власть абсолютнаго государя фактически выросла взамѣнъ удѣльнаго порядка, но еще не получила всеобщаго признанія и полнаго оформленія. Мало того, верхи общества, выдѣлявшіеся или родовитостью и экономической мощью, или интеллектуальнымъ превосходствомъ, представляли собою нѣсколько борющихся партій. Старинное боярство не представляло собою сословія, оно не было связано сословнымъ единствомъ, но у него были личныя связи, сообразно которымъ отдѣльныя части его составляли болѣе или менѣе сильныя партіи. Эта связь личныхъ боярскихъ интересовъ особенно прояв- Общество въ началѣ царств. Грознаго.

*) *Важнѣйшая литература*: *Н. И. Ждановъ.* ст: „Сочиненія царя Ивана Васильевича“, „Матеріалы для исторіи Стоглаваго Собора“, „Церковно-Земскій Соборъ 1551 года“. Сочиненія. Спб. 1904 г., т I; „Начало единодержавія въ древней Руси“. Историческія монографіи и изслѣдованія *Костомарова.* Томъ 12. Спб. 1872 г.; „Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе“. Проф. *П. И. Ковалевскаго.* Харьк. 1893 г.; „Иванъ Грозный и его оппоненты“ *А. А. Кизеветтера.* Москва 1898 г.; „Стоглавъ“—Соборъ бывшій въ Москвѣ при государѣ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1863 г.; „Сказанія князя Курбскаго“—изданіе второе, *Н. Устрялова.* Спб. 1842 г.; *Е. А. Бѣловъ.* „Объ историческомъ значеніи русскаго боярства до конца XVII вѣка“. (Ж. М. Н. П. 1886 г. № 1—3;) *Его же.* „Предварительныя замѣчанія къ исторіи царя Іоанна Васильевича Грознаго“. Ж. М. Н. П. 1891 г. № 2; *Глаголевъ.* „Душевная болѣзнь Ивана Грознаго“; Архим. *Леонидъ* и *Голо-*

лялась въ малолѣтство Грознаго, выражаясь то въ борьбѣ партій за власть, то въ алчномъ грабительствѣ населенія. Боярство было еще мощно экономически, но оно разорвало съ низшими классами общества. Съ другой стороны, интеллигентная часть тогдашняго общества, въ которой были и представители родовой аристократіи и люди, вышедшіе изъ низшихъ слоевъ, проникнутая идеей національнаго величія и силы Москвы, выставляла принципы неодинаковаго направленія. Въ общемъ, эта часть общества высказывалась противъ боярства, но одна часть выставляла доктрину абсолютной монархіи, опирающейся на демократическіе низы, другая указывала на необходимость привлеченія къ управленію государствомъ и всенароднаго человѣка, ибо не вѣрила въ спасительную силу абсолютизма. кромѣ той части общества, которая была идейно настроена, было не мало и честолюбцевъ, стремившихся осуществить свои личныя желанія, вродѣ тѣхъ богатолюбивыхъ мниховъ и любоимѣнныхъ ласкателей, о которыхъ съ такимъ раздраженіемъ говоритъ князь Андрей Курбскій, Максимъ Грекъ и другіе писатели. Острота критическаго положенія усиливалась еще над-

---

хвастовъ. „Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія“, (Чтенія Общ. ист. и древ. росс. 1874 г., кн. 1); *Середонинъ*. „Біографія Ивана Грознаго“ въ Русскомъ Біограф. Словарѣ.—*Сергій Еп*. „Благовѣщенскій священникъ Сильвестръ, какъ государственный дѣятель.М.1891 г.; *Е. Голубинскій*. „Исторія канонизаціи святыхъ русской церкви“. М. 1903 г.; *Дьяконовъ*. „Власть Московскихъ государей“; *А. Н. Ясинскій*. „Сочиненія князя Курбскаго, какъ историческій источникъ“; *Е. Тихомировъ*. „Первый царь московскій Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный“, въ 2 томахъ. Спб. 1888 г.; *С. Ф. Платоновъ*. „Рѣчи Грознаго на земскомъ соборѣ 1550 г.“, (Статьи по русской исторіи 1903 г).; *Его же*. „Очерки по исторіи смуты въ московскомъ государствѣ“; *Кавелинъ*. „Сочиненія“; *Аксаковъ К*. „Сочиненія“. Томъ 1; *Некрасовъ*. „Опытъ изслѣдованія о происхожденіи Домостроя“. М. 1872 г.; *Опоковъ*. „Князь Андрей Курбскій“, Кіевъ 1872 г.; Waliszewski. „Ivan le Terrible“, Paris 1904. Опускаемъ указанія на общія сочиненія, касающіяся различныхъ спеціальныхъ вопросовъ.

вигающимися признаками экономическаго кризиса. Какъ всегда бываетъ, современники половины XVI столѣтія еще сознательно не учитывали значенія этого явленія, но оно безспорно клало свой отпечатокъ на направленіе ихъ мыслей, обращавшихся то къ вопросамъ аграрнымъ, то къ вопросамъ соціальнымъ.

Ивану Грозному пришлось разобраться въ поставленныхъ эпохою вопросахъ, въ особенности примирить теорію россійскаго самодержавства, уже взятую подъ свое покровительство Василіемъ III, съ ясно выраженнымъ во многихъ кругахъ общества требованіемъ привлекать къ управленію всенародныхъ человѣковъ.

Періодъ царствованія Грознаго богатъ цѣлымъ рядомъ коренныхъ реформъ. Недаромъ уже Кавелинъ сопоставляетъ Ивана Грознаго съ Петромъ Великимъ. Можно согласиться, что для такого сопоставленія легко подыскать богатый матеріалъ. Но съ изученіемъ эпохи Грознаго случилось тоже самое въ нашей наукѣ, что и съ изученіемъ эпохи Петра Великаго. И та и другая реформаціонная эпоха рѣзко пронизывается личною иниціативою обоихъ царей. Очевидно, это обстоятельство повело къ тому, что историки слишкомъ усердно занимались личностью и Ивана Грознаго и Петра Великаго, и за психологическимъ анализомъ ускользала реальная сторона дѣла.

Князь Катыревъ-Ростовскій о Грозномъ.

Одинъ современникъ такъ описываетъ царя: „Царь Иванъ образомъ нелѣпымъ, очи имѣя сѣры, носъ протягновенъ и покляпъ, возрастомъ великъ бяше, сухо тѣло имѣя, плещи имѣя высоки, груди имѣя широки, мышцы толстыя, мужъ чуднаго разумѣнія, въ наукѣ книжнаго поученія доволенъ и многорѣчивъ зело, къ ополченію дерзостенъ и за свое отечество стоятеленъ, на рабы своя, отъ Бога данныя ему, жестокосердъ вельми и на пролитіе крови и на убіеніе дерзостенъ и неумолимъ, множество народу отъ мала до велика при царствѣ своемъ погуби и многія грады свои попалилъ и многія святительскія чины заточи и смертію

немилостивою погуби и иная многая содѣя надъ рабы своими... Той же царь Иванъ многая блага сотвори, воинство весьма любяша и требующая имъ отъ сокровища своего неоскудно подаваше".

Такъ характеризуетъ Грознаго царя младшій современникъ его эпохи, одинъ изъ писателей Смутнаго времени (*князь Катыревъ-Ростовскій*). Уже этому писателю дѣятельность и личность царя Ивана представляются не въ одинаковомъ освѣщеніи. И подъ перомъ историковъ различныхъ направленій личность Грознаго принимала самую разнообразную окраску. Еще *князь Щербатовъ*, историкъ Екатерининской эпохи, удивлялся тому, что Грозный „часто не единымъ человѣкомъ является". У *Карамзина* — Грозный находится подъ разными вліяніями и потому раздваивается. Правда, уже въ 40 и 50-хъ годахъ такіе видные историки, какъ *Кавелинъ* и *Соловьевъ*, обратили вниманіе на то, что необходимо связать дѣятельность Ивана Грознаго, особенно пріемы этой дѣятельности, съ состояніемъ общества того времени. Мало того, оба историка съ личности Грознаго, въ которой они не отрицаютъ многихъ недостатковъ характера, перенесли центръ тяжести вопроса на значеніе эпохи. Соловьевъ и Кавелинъ исходили изъ признанія принципа цѣлостности историческаго развитія народа и въ этомъ процессѣ развитію государственнаго порядка отводили доминирующую роль. Отсюда, съ точки зрѣнія Кавелина, не только царствованіе Грознаго, но и вообще XVI вѣкъ—крупный моментъ въ ходѣ государственнаго развитія: Грозный закрѣпилъ назрѣвшія ранѣе начала государственнаго управленія, и въ результатѣ его реформъ государственный строй окончательно установился на началахъ общественнаго закрѣпощенія. Исходя изъ тѣхъ же воззрѣній на сущность историческаго процесса, Соловьевъ основнымъ фактомъ эпохи считалъ столкновеніе верховной власти съ аристократическимъ элементомъ страны, при чемъ, по его мнѣнію, верховная

Кн. Щербатовъ и Карамзинъ.

Кавелинъ и Соловьевъ.

власть нашла себѣ союзника въ низшей массѣ населенія. Такъ было указано основное значеніе эпохи Грознаго, но все это еще далеко не уясняетъ отдѣльныхъ частностей ея и въ особенности отношенія личности Грознаго къ тѣмъ или другимъ актамъ государственной дѣятельности этой эпохи. Вотъ почему неудивительно, что въ послѣдующей научной литературѣ эта государственная точка зрѣнія нескоро получила дальнѣйшее развитіе, и вообще историками былъ высказанъ цѣлый рядъ блестящихъ и остроумныхъ гипотезъ. Съ точки зрѣнія *К. Аксакова*, въ дѣятельности Грознаго вовсе отсутствуетъ реальный элементъ борьбы его съ боярствомъ, такъ какъ боярства, какъ класса, въ то время не было, и само боярство не оказывало Грозному никакого сопротивленія. Борьба Грознаго съ боярствомъ — плодъ самовнушенія царя. Это художникъ, артистъ въ душѣ, любящій красивыя позы и задрапировывающій свои звѣрскія наклонности въ искусственно созданные имъ самимъ объясненія. *Костомаровъ* подчеркивалъ ничтожность личности Грознаго: это человѣкъ несамостоятельный, трусливый, человѣкъ неумный, но съ художественными наклонностями, которыя онъ и прилагаетъ къ казнямъ; только вслѣдствіе страха Грозный подчиняется кратковременно вліянію Сильвестра, но затѣмъ, освободившись, проявляетъ свои настоящія наклонности; въ государственныхъ дѣлахъ онъ лично не принимаетъ никакого участія, все дѣлается Сильвестромъ и Адашевымъ, которымъ царь подчиняется изъ чувства страха. Въ столь же непривлекательныхъ чертахъ представляется личность Грознаго и профессору *Ключевскому*. Царь обладаетъ скуднымъ запасомъ государственныхъ идей и обильнымъ количествомъ противорѣчій. Въ 1547 году царь самъ отдался въ руки новыхъ совѣтниковъ, испуганный событіями этого года, особенно пожаромъ. Эти совѣтники являются временщиками, и конечно правятъ государствомъ помимо государственныхъ взглядовъ самого царя. Впрочемъ,

К. Аксаковъ.

Костомаровъ.

Ключевскій.

личность Грознаго и не имѣетъ ничего цѣльнаго, его взгляды лишены идейнаго содержанія; даже самодержавіе для него не политическій порядокъ, а простая личная власть, простое стремленіе къ удовлетворенію самовластія; отсюда и опричина является какой-то пародіей.

Ковалевскій. Объясненіе личности Грознаго интересовало и врачей. Конечно, участіе въ этомъ психіатровъ является весьма полезнымъ, такъ какъ у Грознаго, по крайней мѣрѣ къ концу его царствованія, безспорно замѣчаются признаки душевнаго нестроенія. Такъ, съ точки зрѣнія проф. *Ковалевскаго*, Иванъ по характеру своему не былъ человѣкомъ цѣльнымъ, опредѣленнымъ, это—трость, колеблемая вѣтромъ; онъ способенъ выполнять только чужое, будучи въ душѣ уже съ дѣтства „разъяреннымъ волченкомъ“. Даже болѣе того, названный медикъ указываетъ на немощь мыслительныхъ способностей Грознаго, которая будто бы отражается въ его сочиненіяхъ. Такимъ образомъ, царь Иванъ дѣйствуетъ только по наговору тѣхъ или другихъ совѣтниковъ, жаждетъ доносовъ, для того чтобы учинить кровавую расправу. Въ его дѣятельности нѣтъ государственной мысли, такъ какъ это человѣкъ больной; отсюда, сдѣланное въ первую половину царствованія—дѣло совѣтниковъ, а періодъ опричины—опереточный фарсъ. Съ точки зрѣнія врача,—Грозный вообще больной человѣкъ, страдающій опредѣленною болѣзнью, которая психіатрами называется паранойя. Но подъ перомъ профессора медицины личность Грознаго получила какой-то уродливый видъ, совершенно не соотвѣтствующій дѣйствительности, потому что, если признаки душевнаго разстройства можно указать въ видѣ временныхъ приступовъ въ послѣдніе годы жизни царя, то этими качествами онъ не обладалъ въ юности и въ годы возмужанія.

Ждановъ и Середонинъ. Даже историки, придающіе большое значеніе государственной дѣятельности Грознаго или его эпохѣ,

всетаки обычно указываютъ на такія черты его характера, которыя въ сильной мѣрѣ умаляютъ личное участіе Грознаго въ дѣлахъ того времени. Съ точки зрѣнія покойнаго академика *Жданова*, Грозный—талантливый неудачникъ, легко подвергающійся чужому вліянію, но не надолго, потому что въ немъ не было склонности быть продолжительное время подъ чьимъ-либо сильнымъ вліяніемъ. Профессоръ *Середонинъ*, указавшій нѣсколько важныхъ штриховъ для объясненія эпохи Грознаго, рисуетъ его однако человѣкомъ крайне неустойчивымъ: Сильвестръ просто запугалъ его, воспользовавшись сильнымъ внечатлѣніемъ, которое произвелъ на царя московскій пожаръ. И вообще Грозный былъ склоненъ къ крутымъ переломамъ своего настроенія подъ вліяніемъ той или другой житейской неудачи.

Таковы разнообразныя мнѣнія, высказанныя въ наукѣ о Грозномъ, въ общемъ мнѣнія крайне неблагопріятныя. Правда, казни и неистовства Грознаго царя не могутъ привлечь къ нему симпатіи потомства, но вопросъ заключается не въ нихъ, а въ томъ, насколько сознательно и самостоятельно Иванъ Грозный принималъ участіе въ той реформаціонной эпохѣ, которая окрашиваетъ весь его періодъ. Конечно, не отдѣльныя личности направляютъ историческій процессъ, но безъ сомнѣнія бываютъ періоды въ жизни народа, результаты которыхъ въ сильнѣйшей мѣрѣ окрашиваются личной иниціативой. Это значитъ, что сильныя личности, опираясь на сложившіяся историческія условія даннаго момента, проникаясь ими, сознательно или безсознательно — это безразлично, достигаютъ извѣстнаго ускоренія, оформленія историческаго процесса, подготовленнаго соотвѣтствующими предшествующими историческими соотношеніями. Это случилось и съ эпохой Ивана Грознаго. Она, безспорно, представляетъ собою важнѣйшій моментъ въ исторіи Московскаго государства, далеко еще въ деталяхъ не разъясненный.

И какъ бы то ни было, личная иниціатива царя чувствуется во всей этой организаціонной работѣ.

Отсутствіе крупныхъ колебаній въ политикѣ Грознаго.

Мы не будемъ настаивать на разъясненіи психологіи Грознаго, такъ какъ насъ прежде всего интересуетъ его эпоха. Но прежде всего суммируемъ основные взгляды научной мысли по отношенію къ личности Грознаго и его эпохѣ. Въ лучшемъ случаѣ въ немъ не отрицаютъ извѣстнаго ума, хотя тутъ же указываютъ на его недостатки, на его невыдержанность, но вообще господствуетъ убѣжденіе въ неустойчивости личнаго характера и государственныхъ взглядовъ Грознаго; отсюда наиболѣе важный реформаціонный моментъ его царствованія проходитъ подъ руководствомъ лицъ, подавившихъ своимъ вліяніемъ личность Грознаго и сдѣлавшихъ изъ него въ той или иной мѣрѣ орудіе для проведенія своихъ государственныхъ взглядовъ; только ужасы опричины всецѣло предоставлены личной иниціативѣ Грознаго, хотя, при указанныхъ выше условіяхъ, и для послѣдняго періода надо бы поискать отвѣтственныхъ передъ исторіей совѣтниковъ царя. Такого рода теза о соотношеніи личности Грознаго и эпохи имѣла бы значеніе, если бы дѣйствительно политическое направленіе первой и второй половины его царствованія было различно; а этого именно и не было, какъ это мы сейчасъ постараемся показать. Вообще, можно съ достаточной положительностью утверждать, что основы государственной политики эпохи Грознаго, несмотря на измѣненія въ составѣ его совѣтниковъ, несмотря на кажущіяся рѣзкія перемѣны душевнаго настроенія царя,—основы этой политики не отличались перемѣнчивостью, и Грозный неуклонно преслѣдовалъ однѣ и тѣ же государственныя цѣли, какъ въ союзѣ съ избранной радой, такъ и въ кругу опричниковъ. Перемѣнились люди, видоизмѣнились способы проведенія въ жизнь новыхъ началъ, но основныя идеи политики остались неизмѣнными. Однимъ словомъ, Грозный представляетъ собою натуру цѣльную и сильную, хотя,

быть можетъ, къ концу жизни и невполнѣ здоровую. Эти замѣчанія подготовляютъ насъ къ мысли, что необходимо признать сознательность и активность участія царя въ управленіи государствомъ, какъ въ періодъ его молодости, такъ и въ періодъ опричины.

Роль Сильвестра.

Извѣстенъ разсказъ князя Андрея Курбскаго о томъ, какъ застращалъ благовѣщенскій попъ Сильвестръ юнаго Ивана во время московскаго пожара 1547 года. Разсказъ очень мелодраматиченъ, но ему трудно вполнѣ довѣрять прежде всего потому, что онъ исходитъ отъ Курбскаго, отрицавшаго въ полемикѣ съ царемъ какія бы то ни было заслуги Грознаго въ управленіи государствомъ. Правда, самъ Грозный въ этой полемикѣ не отрицаетъ сильнаго на себя вліянія Сильвестра. Но не преувеличиваетъ ли царь, въ пылу полемики, своей собственной податливости, тѣмъ болѣе, что ему надо было найти вины Сильвестра? Изъ посланія самого Сильвестра къ Грозному мы знаемъ, что царь далеко не былъ такимъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ попа. А между тѣмъ драматически обставленное начало царствованія Грознаго налагаетъ сильный отпечатокъ на представленія о личности Грознаго. Вообще, всегда указываютъ на то, что Грозный былъ слишкомъ юнъ, когда вступилъ въ самостоятельное управленіе государствомъ.

Начало самостоятельн. появленія Грознаго.

Въ самомъ дѣлѣ, блестящая эпоха реформъ начинается съ 1550 года, когда Ивану было 20 лѣтъ, но разумѣется, она потребовала нѣкотораго времени для подготовки. Тремя годами раньше Грозный уже принялъ титулъ царя и женился, хотя онъ самъ утверждаетъ, что началъ управлять самостоятельно еще ранѣе года за два до 1547 года, т. е. съ 1545 года, пятнадцати лѣтъ. Въ глазахъ историковъ этотъ актъ ранняго выступленія является просто актомъ болѣзненнаго стремленія къ самовластію. Но не слѣдуетъ соотвѣтственно нашимъ взглядамъ опредѣлять періодъ возмужанія для XVI вѣка. Еще не такъ давно, столѣ-

тіемъ раньше, въ Россіи оканчивали университеты въ 15 лѣтъ и въ 25 лѣтъ водили полки и дивизіи противъ Наполеоновской арміи. Пятнадцать лѣтъ—нормальный возрастъ для московскаго періода, когда человѣкъ вступалъ въ жизнь, женился и начиналъ государеву службу. Грозный вступилъ въ бракъ и объявилъ себя вполнѣ самостоятельнымъ правителемъ (съ 1547 года) даже съ нѣкоторымъ опозданіемъ. Не слѣдуетъ сравнивать съ нашей эпохой и періода фактическаго возмужанія. Мы вступаемъ въ жизнь съ слишкомъ большимъ запасомъ теоретическихъ знаній, а потому поздно приступаемъ къ практической дѣятельности. И со словъ самого князя Андрея Курбскаго, и со словъ его оппонента, царя Ивана, наконецъ по другимъ источникамъ, мы знаемъ, что князь Андрей былъ членомъ избранной рады, что въ качествѣ такового онъ проводилъ извѣстныя политическія воззрѣнія и даже излагалъ ихъ въ литературной формѣ, напримѣръ въ посланіи къ нѣкоему Ивану многоученому; историки считаются съ этимъ актомъ государственной дѣятельности князя Андрея Курбскаго, вовсе не отказывая ему въ признаніи самостоятельности и оформленности его убѣжденій, а между тѣмъ, кажется, совершенно не было учтено то обстоятельство, что князь Андрей былъ почти сверстникъ царя Ивана, будучи только на два года старше его. Это не помѣшало ему быть нетолько совѣтникомъ царя, но и 24 лѣтъ отъ роду командовать третьей частью московской арміи подъ Казанью. Это въ то время было довольно обычнымъ явленіемъ. Князь Петръ Серебряный, современникъ Курбскаго, 20-ти лѣтъ былъ уже однимъ изъ главныхъ воеводъ и принималъ участіе въ походахъ.

Причины ранняго возмужанія Грознаго.

Все это подготовляетъ насъ къ мысли, что ссылки на ранній возрастъ Ивана, на возрастъ, въ который будто бы люди склонны дѣйствовать по чужимъ указаніямъ, не отличаясь самостоятельностью характера,— что всѣ эти указанія весьма сомнительнаго достоин-

ства. Надо помнить притомъ, что бываютъ житейскія условія, при которыхъ характеръ человѣка развивается вообще въ весьма раннемъ возрастѣ, очень рано мужаетъ. Сиротство среди такихъ обстоятельствъ играетъ очень видную роль, а Грозный былъ сиротой почти съ пеленокъ. Да вообще дѣтство и юность Грознаго богаты обстоятельствами, подготовлявшими самостоятельность и цѣльность характера будущаго царя.

Въ самомъ дѣлѣ, 20-лѣтній царь Иванъ уже является человѣкомъ много испытавшимъ и получившимъ серьезную житейски-практическую и образовательную подготовку. Компетентный свидѣтель, митрополитъ Макарій, считаетъ 20-лѣтняго Ивана такимъ человѣкомъ, который „вся божественная писанія въ конецъ свѣдущъ“. Дѣйствительно, какъ сочиненія самого Грознаго, такъ и свидѣтельства о немъ современниковъ, говорятъ объ огромной энциклопедической начитанности царя Ивана. Онъ легко владѣлъ сложными богословскими вопросами, что составляло сущность тогдашняго образованія, но кромѣ того былъ отчетливо свѣдущъ въ литературѣ лѣтописанія и въ многочисленныхъ повѣстяхъ.

Источники образованія.

Легко вскрыть и источникъ широкой образованности Грознаго. Конечно, знанія не даются безъ желанія получить ихъ и безъ извѣстной подготовки, отъ природы. Но то и другое было у Грознаго. Это былъ ребенокъ и потомъ юноша весьма подвижный. Въ кремлевскомъ дворцѣ, подъ надзоромъ бояръ-воспитателей, ему жилось не особенно пріятно, и онъ очень часто отлучается въ разные монастыри. А монастыри въ то время были очагами образованности, и составъ книгъ ихъ, конечно, не отличался однообразіемъ. Безспорно, этимъ поѣздкамъ Грозный весьма обязанъ расширеніемъ своего литературнаго образованія; бесѣды съ монахами пріучали его къ спорамъ и къ изложенію своихъ мыслей. Но поѣздки по монастырямъ, безъ сомнѣнія, имѣли также и другую сторону. Онѣ приводили царя къ

знакомству съ монахами, часто вышедшими изъ общественныхъ низовъ; изъ бесѣдъ съ ними, изъ наблюденій во время поѣздокъ царь знакомился съ жизнью низшихъ классовъ населенія. Кромѣ того, эти бесѣды и наблюденія давали царю понятіе о томъ, что дѣлало боярское правительство и какъ оно относилось къ населенію. Дѣйствительно, великій князь уже въ ранней молодости проявляетъ интересъ къ низшимъ классамъ и опаляется на боярскій произволъ. Еще въ 1546 году великій князь, будучи въ Коломнѣ, узналъ о томъ, что князь Иванъ Кубенскій, Ѳедоръ и Василій Воронцовы „многые мзды въ государствѣ его взимаху, въ многыхъ государскыхъ и земскыхъ дѣлѣхъ“, и велѣлъ имъ отсѣчь головы. Во время приготовленій къ казанскому походу новгородскіе дѣти боярскіе стали жаловаться на неудобства, связанныя съ продолжительнымъ походомъ, причемъ заявили о своихъ нуждахъ, о которыхъ царь сталъ ихъ внимательно распрашивать; по словамъ лѣтописца, царь это сдѣлалъ, т. е. велѣлъ распросить о нуждахъ, для того, чтобы узнать о положеніи своихъ подданныхъ; нужды новгородцевъ заключались въ томъ, что одни изъ нихъ были безпомѣстными, другіе же, хотя и имѣли помѣстья, но уклонялись отъ продолжительной службы. Замѣтимъ, что такая внимательность Грознаго къ нуждамъ своихъ подданныхъ не была случайной. Одинъ ливонскій историкъ, Кельхъ, жестокій врагъ царя, замѣчаетъ однако, что Іоаннъ былъ рачителенъ къ государственному управленію и въ извѣстныя времена года слушалъ лично жалобы своихъ подданныхъ. Всякій имѣлъ къ нему доступъ, государь самъ читалъ просьбы и рѣшалъ дѣла безъ промедленія. Эти факты любопытны, какъ образецъ того, что Грозный не упускалъ случая ознакомиться съ положеніемъ низшихъ слоевъ населенія.

Произволъ бояръ.

Во всякомъ случаѣ, вся обстановка Грознаго въ юномъ возрастѣ доставляла ему рядъ свѣдѣній о боярскомъ самовластіи и настраивала его противъ бо-

яръ. Дѣйствительно, это была эпоха, которая рѣзко окрашена проявленіями боярскаго произвола. Никогда провинціальныя лѣтописи такъ рѣзко не жаловались на произволъ, какъ въ этотъ періодъ. Псковскій лѣтописецъ подъ 1541 годомъ, по поводу насилія Андрея Михайловича Шуйскаго и Василія Михайловича Оболенскаго, говоритъ, что „въ тыя лѣта быша намѣстники во Псковѣ свирѣпы, аки львове, и люди ихъ, аки звѣри дивіе, до крестьянъ; и начаша поклепцы добрыхъ людей клепати, и разбѣгошася добрые люди по инымъ городамъ, а игумены честные изъ монастырей избѣгоша въ Новгородъ“. Самъ князь Шуйскій, по словамъ того же лѣтописца, „былъ злодѣй“, онъ занимался вымогательствами, заставлялъ мастеровыхъ все дѣлать на себя даромъ и т. п. Такъ поступали и другіе намѣстники; суда и управы не у кого было искать. Князья, бояре, вельможи и судьи были объяты „самоволіемъ“, жили „въ безстрашіи“, брали мзду и насиловали людей, не имѣя страха надъ собой; и не только сильные люди такъ поступали, но и обычные дворяне и даже рабы сильныхъ людей, однимъ словомъ, по характеристикѣ Никоновскаго лѣтописца, тогда были „слезы, и рыданія, и вопль многъ по всей русской землѣ“. Для простого населенія намѣстники и волостели были „волками, гонителями и разорителями“. Писатели того времени въ такихъ же мрачныхъ чертахъ характеризуютъ боярское самовластіе. По словамъ извѣстнаго Максима Грека, властители только и заботились о томъ, чтобы собрать какъ можно больше денегъ, хотя бы для пріобрѣтенія ихъ нужно было нарушить справедливость, обидѣть подчиненнаго, обокрасть беззащитнаго, оправдать виновнаго, погубить невиннаго. Всѣ эти средства шли на увеселенія и на жизнь въ роскоши.

Отношеніе грознаго къ боярствѣ.

Всѣ эти явленія не укрылись отъ наблюдательности Грознаго. Онъ вступилъ въ управленіе государствомъ уже съ обширнымъ запасомъ обвиненій противъ боярскаго управленія. Уже рѣчи царя на Стоглавомъ Со-

борѣ направлены противъ боярства именно за тѣ неправды, которыя оно причинило людямъ въ малолѣтство царя. Отцовскіе бояре сотворили не благой совѣтъ, но устремились къ самовластію, какъ помраченные умомъ; они завладѣли всѣмъ царствомъ, неправедно судили. И много позже, въ посланіи Курбскому, царь съ горечью вспоминаетъ проявленія боярскаго самовластія: они наскочили на грады и села, ограбили имущество жителей и нанесли имъ многоразличныя бѣды, сдѣлали своихъ подвластныхъ своими рабами, а рабовъ своихъ устроили, какъ вельможъ; показывали видъ, что правятъ и устраиваютъ, а вмѣсто того производили неправды и нестроенія, собирая со всѣхъ неизмѣримую мзду, и все творили и говорили не иначе, какъ по мздѣ.

Личные мотивы Грознаго.

Но, кромѣ того, у Грознаго были и личные мотивы, возбуждавшіе его противъ бояръ. Великій князь въ дѣтствѣ протерпѣлъ немало личныхъ оскорбленій отъ бояръ, что сильно запало въ душу впечатлительнаго ребенка. Онъ самъ съ горечью впослѣдствіи вспоминалъ, что ему приходилось терпѣть въ дѣтствѣ недостатокъ въ одеждѣ и въ ѣдѣ, его кормили, какъ самую убогую челядь, онъ много изливалъ слезъ, воздыханій и стоновъ сердечныхъ отъ такого обращенія съ собою бояръ. Самъ Грозный и лѣтописецъ оставили намъ нѣсколько указаній на такую тяжелую обстановку дѣтства. Князь Иванъ Шуйскій рѣзко обращался съ великимъ княземъ и позволялъ себѣ въ его присутствіи класть ногу на отцовскую постель, чего не могъ забыть впослѣдствіи Грозный. Люди, которыхъ великій князь любилъ, подвергались отъ бояръ разнымъ оскорбленіямъ и насиліямъ. Въ 1544 году бояре въ засѣданіи думы, въ присутствіи великаго князь, избили Ѳедора Воронцова только за то, что князь къ нему благоволилъ. Двумя годами раньше князь Иванъ Бѣльскій и митрополитъ Іосафъ вызвали также негодованіе правящей партіи Шуйскихъ, потому что сблизились съ великимъ княземъ. Противъ Бѣльскаго былъ составленъ заговоръ,

его схватили, послали въ заточеніе, гдѣ потомъ и убили. Бояре стали оскорблять митрополита Іасафа, поносили его, свели съ митрополичьяго престола, причемъ и самъ митрополитъ едва избѣжалъ смерти, и послали въ Кирилловъ монастырь.

Всѣ эти факты безспорно сильно вліяли на Грознаго, направляли его умъ противъ боярской среды, но въ то же время такая обстановка дѣтства безспорно дѣйствовала въ томъ смыслѣ, что Грозный быстро мужалъ, не по лѣтамъ.

Раннее участіе въ государ. дѣлахъ.

Но мало того: Грозный вообще проявляетъ раннюю самостоятельность. Еще почти ребенкомъ онъ принимаетъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Въ 1541 г. сдѣлалось извѣстно о движеніи татаръ на Москву. Лѣтописецъ подробно описываетъ тревогу Москвы въ это время, вѣсти о движеніи татаръ сообщались 11-лѣтнему великому князю, и отъ него же шли распоряженія; трудно сказать, насколько онъ былъ самостоятеленъ, но дальше видно, что мальчикъ поступаетъ самъ, какъ взрослый: идетъ въ соборъ, молится у гроба св. Петра, далѣе появляется въ палатѣ, гдѣ открываетъ засѣданіе боярской думы рѣчью, обращенной къ митрополиту Іосафу. Совѣщаніе идетъ въ присутствіи великаго князя, и онъ присоединяется къ мнѣнію, высказанному митрополитомъ. Конечно, въ описаніи лѣтописца есть извѣстныя черты оффиціальности, но и другіе факты подтверждаютъ, что Грозный въ раннемъ возрастѣ принималъ активное участіе въ дѣлахъ. Когда въ 1546 г. получилось въ Москвѣ извѣстіе о движеніи татаръ, царь немедленно отправляется лично съ войсками въ Коломну; зимою 1547-1548 г.г. царь совершаетъ походъ на Казань, впрочемъ неудачный; въ слѣдующемъ году онъ повторяетъ походъ. Даже антагонистъ Грознаго, князь Андрей Курбскій, по поводу послѣдняго похода говоритъ, что царь, возревновавъ ревностью, началъ противъ враговъ самъ ополчатися свою главою, не желая наслаждаться покоемъ.

Вотъ новая черта ранней жизни Ивана, которая говоритъ намъ, при какихъ условіяхъ подготовлялась ранняя зрѣлость царя. Неудивительно поэтому, что еще въ періодъ боярскаго правленія замѣчается антагонизмъ у великаго князя съ правителями государства, наблюдаются и попытки борьбы Грознаго съ боярствомъ. Восьми лѣтъ великій князь Иванъ жалуетъ, по убѣжденію митрополита Даніила и князя Бѣльскаго, боярствомъ князя Голицына; мало того, не считаясь съ оффиціальными совѣтниками, онъ самъ избираетъ себѣ, будучи всего десятилѣтнимъ мальчикомъ, первосовѣтниковъ: „мнѣ же въ возрастъ достигшу, — такъ говоритъ самъ о себѣ Грозный, — не восхотѣвъ подъ рабскою властью быти и того ради князя Ивана Васильевича Шуйскаго отъ себя отослалъ на службу, а у себя ссми велѣлъ быти боярину князю Ивану Ѳедоровичу Бѣльскому“; это случилось въ 1540 году. Кромѣ Бѣльскаго, первосовѣтникомъ великаго князя еще является и митрополитъ Іосафъ, обоихъ князь держитъ „въ приближеніи“. На эту революціонную мѣру князь Иванъ Шуйскій отвѣчаетъ революціонной же мѣрой и удаляетъ насильственно первосовѣтниковъ великаго князя. Не смотря на такой отвѣтъ со стороны боярства, Грозный въ ближайшіе годы какъ бы готовится къ болѣе крупной борьбѣ съ боярствомъ. Интересно тутъ же отмѣтить, что въ первосовѣтникахъ великаго князя мы встрѣчаемъ митрополита Іосафа, человѣка передового и принадлежавшаго къ партіи нестяжателей. Безъ сомнѣнія, у Грознаго тогда уже завязались тѣсныя связи съ кругомъ лицъ, близкихъ къ Іосафу и вообще къ партіи нестяжателей. Знаменательно, напримѣръ, то обстоятельство, что сейчасъ послѣ низложенія митрополита и удаленія князя Бѣльскаго, великій князь отправляется въ Троице-Сергіевъ монастырь и живетъ тамъ цѣлый мѣсяцъ; между тѣмъ у Троицы былъ игуменомъ Алексѣй — тотъ самый, заступничеству и твердости котораго митрополитъ Іосафъ обязанъ былъ

жизнью. Лишенный первосовѣтниковъ изъ числа видныхъ лицъ, Иванъ ищетъ ихъ въ другихъ кругахъ: такъ, одно время на него имѣлъ большое вліяніе дьякъ Василій Гниліевъ, вѣроятно, принадлежавшій къ низшему служилому элементу и способствовавшій опаленію великаго князя даже на любимыхъ имъ бояръ. Поѣздки въ Троице-Сергіевъ монастырь, объ одной изъ которыхъ мы только что упомянули, повидимому, находились въ какой-то связи съ выступленіями великаго князя противъ боярства: первыя казни бояръ находятся въ связи съ посѣщеніемъ великимъ княземъ монастыря. А между тѣмъ туда въ скоромъ времени изъ Кириллова монастыря былъ переведенъ и низложенный митрополитъ Іосафъ; туда же великій князь ѣздитъ послѣ какихъ-либо рѣзкихъ изъявленій боярскаго самовластія.

Начало борьбы съ боярствомъ.

Такъ мы замѣчаемъ извѣстнаго рода подготовительныя мѣры, принимаемыя подростающимъ Грознымъ для борьбы съ боярствомъ. Онъ опаляется на нѣкоторыхъ бояръ, напримѣръ, въ 1545 году на князя И. Кубенскаго, князя П. Шуйскаго, кн. А. Горбатова, кн. Д. Палецкаго, Ѳ. Воронцова, годомъ позже заточены Воротынскій и Ѳедоровъ, кн. И. Кубенскій и оба Воронцовы казнены; повидимому, было казнено и еще нѣсколько лицъ. Но уже сказанное выше подготовляетъ насъ къ той мысли, что эти казни далеко не являются простымъ актомъ произвола: неясно, съ нѣкоторыми колебаніями, въ нихъ уже сквозитъ та же мысль борьбы съ боярствомъ, которая руководила Грознымъ въ его дальнѣйшей дѣятельности. Удивляются, что казни постигали людей при столь юномъ возрастѣ правителя, но Иванъ былъ сыномъ своего времени и поступалъ такъ же, какъ поступали его дѣдъ и отецъ, какъ поступали, наконецъ, окружающіе его люди. Многознаменательно, что самъ Иванъ Грозный въ своей рѣчи отцамъ Стоглаваго Собора признается, что онъ хотѣлъ вступить еще раньше въ борьбу со своими врагами: наблюдая

боярскій произволъ этого времени, царь вспоминалъ въ 1551 году: „мы же о семъ многажды покушахомся месть сотворити врагомъ своимъ и ничтоже успѣяхомъ“. Это заявленіе вполнѣ естественно сопоставить съ извѣстіемъ очень освѣдомленнаго лѣтописца оффиціальнаго происхожденія о томъ, что Иванъ IV въ 1543 г. заявилъ своимъ боярамъ о желаніи управлять самостоятельно, при чемъ упрекалъ ихъ въ беззаконныхъ дѣйствіяхъ, въ грабежѣ земли и приказалъ тутъ же предать казни князя Андрея Шуйскаго, дѣйствительно повиннаго во многихъ грабежахъ. Всѣ эти данныя въ высшей степени замѣчательны, потому что они прямо объясняютъ причину отрицательнаго отношенія Грознаго къ боярамъ: онъ считаетъ необходимымъ мстить за ихъ своеволіе и насильство, какъ по отношенію лично къ себѣ, такъ и по отношенію ко всему подвластному населенію.

Таковъ рядъ условій, объясняющихъ намъ періодъ возмужанія Грознаго царя. Не можетъ быть сомнѣній, что эти условія способствовали, какъ выработкѣ у Грознаго опредѣленнаго взгляда на жизнь и на задачи государственнаго управленія, такъ и способствовали увеличенію познаній его и литературной образованности. Такія условія способны создать цѣльный и крѣпкій характеръ и способны выработать въ человѣкѣ убѣжденія, могущія составить прочную основу дальнѣйшей дѣятельности. Только слабые и ничтожные характеры и лѣнивые умы приспособлены къ перемѣнѣ убѣжденій, какъ къ перемѣнѣ платья, потому что они не имѣютъ случаевъ и способовъ къ выработкѣ самостоятельныхъ взглядовъ и охотно заимствуютъ чужіе, но люди съ сильными характерами (а Грозному въ этомъ отказать нельзя, какъ бы на него ни смотрѣть) вырабатываютъ свои убѣжденія въ ту пору, когда складывается ихъ міровоззрѣніе. Такъ рано сложилось и міровоззрѣніе Ивана Грознаго.

Избранная рада.

Въ чемъ заключалась государственная программа Грознаго, мы узнаемъ изъ послѣдующаго изложенія. Теперь же отмѣтимъ первые шаги его самостоятельнаго управленія. Оно началось совсѣмъ необычно. Прежде всего замѣчателенъ составъ совѣтниковъ царя. И раньше, какъ мы видѣли, Иванъ пытался имѣть своихъ особыхъ опричныхъ совѣтниковъ, помимо оффиціальной боярской думы. Теперь, придя въ возрастъ, онъ приблизилъ къ себѣ небольшой кругъ совѣтниковъ, значительная часть которыхъ не входила въ составъ думы, да и не могла входить по своему положенію, какъ благовѣщенскій попъ Сильвестръ, Гурій, впослѣдствіи архіепископъ казанскій, пресвитеръ Андрей Протопоповъ, бывшій троицкій игуменъ Артемій, рязанскій епископъ Кассіанъ; къ нимъ примкнули жившіе въ Троицѣ опальный митрополитъ Іосафъ, опальный инокъ Максимъ Грекъ; наконецъ, изъ свѣтскихъ лицъ въ составѣ избранной рады были: извѣстный Алексѣй Адашевъ, человѣкъ возвышенный, по словамъ Грознаго, отъ гноища, т. е. сынъ боярскій невысокаго происхожденія, князь Иванъ Мстиславскій, князь Андрей Курбскій; повидимому, къ этому интимному кругу совѣтниковъ принадлежали еще князья Курлятевы, Куракинъ, Воротынскій, Д. Палецкій, бояре Шереметевъ, Морозовъ и нѣкоторые другіе; наконецъ, въ числѣ близкихъ лицъ мы видимъ и знаменитаго митрополита Макарія. Трудно сказать, кто изъ упомянутыхъ лицъ входилъ собственно въ составъ избранной рады и кто былъ только близкимъ къ ней человѣкомъ; во всякомъ случаѣ, во главѣ этого правительственнаго круга стоятъ Сильвестръ, Адашевъ и кн. Курбскій. Мы знаемъ, что Грозному обычно отказываютъ въ самостоятельномъ выборѣ совѣтниковъ перваго періода его царствованія. Но съ этимъ трудно согласиться послѣ всего сказаннаго объ образованіи характера и взглядовъ царя Ивана. Но кромѣ того, кругъ царскихъ совѣтниковъ далеко не былъ однороденъ, изъ чего видно, что не Сильвестръ, а царь выбиралъ ихъ.

Стоитъ упомянуть о митрополитѣ Макаріи, человѣкѣ, который былъ близокъ къ боярской средѣ, даже къ семьѣ Шуйскихъ; ученый монахъ, Макарій, далеко не раздѣлялъ взглядовъ избранной рады на нѣкоторые государственные вопросы, напримѣръ, на вопросъ о монастырскихъ имуществахъ, а между тѣмъ дѣятельность Макарія въ этотъ періодъ столь же замѣчательна, какъ и дѣятельность Сильвестра.

Между тѣмъ, несомнѣнно, Грозный весьма почиталъ митрополита. Въ письмѣ къ архіепископу казанскому Гурію царь Иванъ такъ характеризуетъ свое отношеніе къ нѣкоторымъ изъ духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ и къ Макарію: „о Боже! сколь бы счастлива русская земля была, коли бы вси владыки таци были, яко преосвященный Макарій и ты и Діонисій, и толико о семъ пеклися (о просвѣщеніи юношества), а не о себѣ толѣ, а не о богатствѣ, покоѣ, веселіи и лакомствѣ“. И тутъ же Грозный напоминаетъ архіепископу о разговорахъ, которые у нихъ были по вопросу о монашеской жизни: „что еси ми почасту реклъ, когда ты былъ игуменомъ, еже не добро монастыри богатити на потребу и велики отчины давати: они бо симъ болѣе пустуютъ, пьянствуютъ и лѣнятся“; и царь совѣтуетъ архіепископу направить монастыри въ новой епархіи не по старому пути.

Вообще, необходимо ближе присмотрѣться къ извѣстіямъ о вліяніи и значеніи избранной рады для того, чтобы вѣрно понять эту эпоху.

Вліяніе рады на царя.

По собщенію князя Андрея Курбскаго, Грозный находился въ это время цѣликомъ подъ вліяніемъ избранной рады, все дѣлалъ по ея указанію. Онъ указываетъ на то, что царь въ его время былъ окруженъ совѣтниками, состоявшими изъ „мужей разумныхъ и совершенныхъ, во старости маститѣй“, другіе были среднихъ лѣтъ, но отличались храбростью и опытомъ въ военныхъ и земскихъ дѣлахъ. Безъ ихъ совѣта царь ничего не дѣлалъ. Къ числу совѣтовъ, вышедшихъ изъ этой избранной

рады, Курбскій относитъ устроеніе суда праведнаго и нелицепріятнаго, выборъ искусныхъ и храбрыхъ воеводъ, устроеніе стратилатскихъ чиновъ, награжденіе храбрыхъ. Съ этимъ, дѣйствительно, совпадаетъ дѣятельность правительства Грознаго. Самъ Иванъ Грозный въ посланіяхъ къ Курбскому указываетъ на сильное вліяніе Сильвестра и Адашева: они составляютъ партію, „снимаютъ власть“ съ царя, наконецъ, распоряжаются самовольно раздачей вотчинъ и помѣстій. Но оба источника не могутъ быть названы безпристрастными: царь искалъ обвиненій противъ Сильвестра, Курбскому надо было доказать, что все хорошее было сдѣлано радой помимо участія Ивана.

Совѣтники царя.

Въ томъ, что Грозный имѣлъ особо избранныхъ совѣтниковъ, нѣтъ ничего удивительнаго. Такихъ совѣтниковъ, помимо оффиціальныхъ изъ числа бояръ, имѣлъ уже отецъ Грознаго, Василій III; съ ними онъ совѣщался самъ-третей у постели и рѣшалъ важнѣйшія дѣла, потомъ только объявляя свою мысль боярской думѣ. Грозный еще до вступленія въ самостоятельное управленіе, обращается къ такимъ совѣтникамъ, напримѣръ къ дьяку Захарову Гниліеву. Подобно своему отцу, Грозный избираетъ совѣтниковъ изъ дѣльцовъ, не считаясь съ ихъ происхожденіемъ. Такіе совѣтники—обычное явленіе у правителей даже такихъ, которые въ высшей мѣрѣ проявляютъ личную энергію и дорожатъ властью. И Петръ Великій совѣщался со своей ближней канцеляріей, и Екатерина II имѣла совѣтниковъ, что не мѣшало обоимъ монархамъ проявлять очень ревнивое отношеніе къ своей власти и вносить много личной иниціативы въ управленіе государствомъ. Если читать безъ предубѣжденій объясненія Грознаго тѣхъ побудительныхъ причинъ, въ силу которыхъ онъ призвалъ Адашева и Сильвестра, то дѣло объясняется весьма просто. Онъ учинилъ Адашева изъ простыхъ людей вельможею въ надеждѣ отъ него *прямой службы*. Такъ часто поступаютъ правители съ сильнымъ характеромъ,

ища прежде всего *личныхъ слугъ*. Но Сильвестръ и Адашевъ, по заявленію Грознаго, стали составлять партію и дѣйствовать самоуправно, даже раздавали вотчины и должности. Получился совершенно естественный исходъ: такъ поступали въ то время всѣ, кто въ силу тѣхъ или другихъ причинъ оказывался въ приближеніи у царя, такъ поступили и эти оба лица. Сильвестръ даже лавируетъ между различными теченіями и старается сохранить добрыя отношенія съ такими врагами царя, какъ Шуйскіе, какъ это видно изъ посланія Сильвестра къ одному изъ нихъ.

Кромѣ того, насколько мы знаемъ Сильвестра по его посланіямъ и по его „Домострою“, то вообще широта его государственныхъ взглядовъ, если они сколько нибудь полно проявились въ этихъ литературныхъ произведеніяхъ, возбуждаетъ большія сомнѣнія: безспорно, кругозоръ Сильвестра консервативнѣе и уже кругозора будто бы имъ руководимаго царя. Даже митрополитъ Макарій, ученый монахъ, удалившійся отъ мірскихъ дѣлъ, успѣлъ однако въ качествѣ духовнаго лица высказать нѣкоторыя передовыя идеи въ области государственнаго управленія. Посланія же самого Сильвестра довольно безцвѣтны и весьма уклончивы въ вопросахъ правительственной политики, за то отличаются практическимъ житейскимъ направленіемъ. Это однако не мѣшаетъ признанію въ Сильвестрѣ, какъ въ человѣкѣ, хорошихъ достоинствъ. Можно повѣрить ему, когда онъ говоритъ въ наставленіи сыну, что онъ отпустилъ своихъ рабовъ и не закабалялъ тѣхъ, кого онъ могъ бы закабалить: въ то время такъ поступали нѣкоторые изъ интеллигентныхъ рабовладѣльцевъ. Такъ, все склоняетъ къ мысли о самостоятельномъ выборѣ царемъ его совѣтниковъ. Но, при нѣкоторомъ различіи во взглядахъ, совѣтники царя были единомысленны во многихъ вопросахъ государственнаго и церковнаго управленія. Безспорно, большинство совѣтниковъ высказывалось въ духѣ нестя-

жателей, противъ любоимѣнныхъ монаховъ изъ осифлянскаго лагеря, какъ старецъ Артемій, епископъ Касьянъ, бывшій митрополитъ Іосафъ, Гурій, Максимъ Грекъ, Курбскій и самъ Сильвестръ. Безспорно, ихъ объединяло также стремленіе улучшить положеніе низшихъ классовъ, крестьянства и воинства, какъ въ отношеніи матеріальномъ, такъ и въ дѣлѣ водворенія правосудія. Не смотря на свои родовитыя фамиліи, и члены рады изъ потомковъ князей были сторонниками такой демократической программы, какъ это показываетъ примѣръ кн. Курбскаго. Но все это были взгляды, которые, какъ мы видѣли, пробивались у Грознаго и до періода его самостоятельнаго правленія; эти взгляды и составили его политическую задачу. Но кромѣ того, среди близкихъ Грозному людей были совѣтники, высоко ставившіе національныя задачи Московскаго царства, проникнутые идеей національнаго величія Москвы; такимъ совѣтникомъ былъ митрополитъ Макарій и его литературный кружокъ.

Наконецъ, въ числѣ совѣтниковъ были и такіе, какъ князь Иванъ Мстиславскій, который потомъ занялъ видное мѣсто и въ періодъ опричины. Значитъ, кругъ совѣтниковъ не былъ однороденъ, и былъ подобранъ царемъ, а не Сильвестромъ и Адашевымъ.

Вообще, вліяніе избранной рады, какъ извѣстнаго круга лицъ опредѣленнаго направленія, особенно Сильвестра, сильно преувеличено. Тотъ же Курбскій, которому нужно было доказать благотворность вліянія Сильвестра, неоднократно упрекаетъ Ивана въ томъ, что онъ далеко не руководствовался въ этотъ періодъ исключительно совѣтами избранной рады, но имѣлъ другихъ „согласныхъ“ и „ласкателей“. И митрополиту Макарію не нравились нѣкоторые изъ совѣтниковъ царя, какъ это видно изъ его посланія. Наконецъ, до насъ дошло нѣсколько разсказовъ Курбскаго о рѣзкихъ столкновеніяхъ царя и его совѣтниковъ по поводу тѣхъ или другихъ вопросовъ.

Уже много лѣтъ спустя, въ Литвѣ, Курбскій не можетъ спокойно говорить о томъ, что Иванъ Грозный отказался итти на Крымъ, какъ тогда ему совѣтовали нѣкоторые совѣтники и храбрые мужи. Очевидно, этотъ вопросъ въ свое время очень рѣзко вызывалъ разногласія, но проявленная въ данномъ случаѣ самостоятельность Ивана очень любопытна, такъ какъ выказываетъ въ немъ весьма дальновиднаго политика: тогдашняя Русь, отдаленная отъ Крыма степями, которыя еще надо было колонизовать, и для колонизаціи которыхъ не было въ то время ни средствъ ни силъ, разумѣется, не могла бы удержать Крыма или нанести ему серьезный вредъ. Между тѣмъ Иванъ противъ рады начинаетъ войну съ Ливоніей, вѣрно оцѣнивъ значеніе моря, и т. п. Да и вообще первый разрывъ Ивана Грознаго съ его совѣтниками относится къ 1553 году, т. е. ко времени болѣзни царя. Трудно себѣ представить, чтобы онъ продолжалъ съ прежнимъ довѣріемъ относиться къ нимъ, потому что на впечатлительный характеръ Ивана Грознаго очень сильно подѣйствовалъ отказъ близкихъ къ нему людей присягнуть его сыну и наслѣднику. Уже изъ разсказа Курбскаго о церковномъ соборѣ 1554 года, осудившемъ старца Артемія и превлекавшемъ Сильвестра за предполагаемое сочувствіе взглядамъ послѣдняго, не трудно вывести заключеніе, что самъ Курбскій и его единомышленники были очень недовольны исходомъ собора, на которомъ царь далъ возможность осудить Артемія. Курбскій прямо обвиняетъ царя въ излишнемъ довѣріи къ „преуродливымъ“ епископамъ, привлекавшимъ къ суду Артемія, онъ говоритъ даже, что члены думы, очевидно изъ числа избранной рады, заступались передъ митрополитомъ Макаріемъ за старца Ѳеодорита, осужденнаго вмѣстѣ съ Артеміемъ, и настояли на облегченіи его участи. Очевидно, и въ данномъ случаѣ не обошлось безъ рѣзкихъ столкновеній между царемъ и его совѣтниками. А между тѣмъ, правительственная дѣятельность Грознаго про-

должалась въ томъ же направленіи—по устроенію стратилатскихъ чиновъ, по изданію законовъ о холопахъ, по облегченію впавшихъ въ долги и т. д., и послѣ 1553 года, съ котораго уже ясны начала разрыва между нимъ и совѣтниками.

Однимъ словомъ, все предшествующее изложеніе приготовляетъ насъ къ тому, что было бы несправедливо относить реформаторскую дѣятельность перваго десятилѣтія царствованія Ивана Грознаго исключительно къ дѣятельности и вліянію отдѣльныхъ лицъ того или иного круга лицъ, державшихся однороднаго направленія и руководившихъ управленіемъ помимо воли царя. Напротивъ, царь сознательно избралъ себѣ совѣтниковъ и при ихъ помощи началъ сложную правительственную работу. Эта работа велась въ двухъ направленіяхъ: во 1-хъ, она выражалась въ собираніи національнаго достоянія Московскаго царства, во 2-хъ—въ проведеніи опредѣленной политической программы. Прежде всего остановимся на первой сторонѣ эпохи.

Завершеніе объединенія Руси. Коронованіе Грознаго.

Характерно, что царь Иванъ началъ свое самостоятельное управленіе извѣстнымъ актомъ коронованія и принятія царскаго титула (16 января 1547 года). Безспорно, несмотря на свою юность, Иванъ Грозный очень хорошо оцѣнивалъ значеніе этого шага—„поискати прежнихъ своихъ прародителей чиновъ, какъ наши прародители, цари и великіе князи и сродникъ великій князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, на царство на великое княженіе садился“. По воззрѣнію тогдашнихъ книжниковъ, съ принятіемъ этого титула Московскій государь становился главой и защитникомъ всего православнаго міра. Само Московское правительство въ этомъ фактѣ видѣло закрѣпленіе того, что русскою землею „владѣетъ государь нашъ одинъ“, т. е. видѣло въ этомъ оффиціальное признаніе факта прекращенія удѣловъ. Кромѣ того, въ этомъ фактѣ видѣли самостоятельность и независимость Московскаго государя и преемственность его власти отъ византійскаго импера-

тора. Такъ, современники совершенно правильно учли значеніе этого событія. Несомнѣнно, въ этомъ дѣлѣ царь Иванъ имѣлъ весьма свѣдущаго помощника, сознательно стремившагося къ возвеличенію россійскаго царства: это былъ митрополитъ Макарій, которому нѣкоторые историки приписываютъ также иниціативу самого вѣнчанія.

Митрополитъ Макарій и его дѣятельность.

Вообще, Макарій является замѣчательнѣйшимъ изъ людей того времени и главнымъ дѣятелемъ по собиранію итоговъ Московскаго царства. Это былъ типичный сынъ своей эпохи. По своимъ убѣжденіямъ митрополитъ Макарій примыкалъ къ умѣренному осифлянству,—по крайней мѣрѣ въ вопросахъ о монастырскихъ имуществахъ. Но въ общемъ его скорѣе слѣдуетъ признать за человѣка самостоятельнаго средняго направленія, быть можетъ, ближе всего подчинившагося вліянію Максима Грека, къ которому онъ относился съ глубокимъ почтеніемъ. Онъ уклонялся отъ вмѣшательства въ политику государства, цѣликомъ былъ отданъ книжному дѣлу; это вообще былъ человѣкъ келейный, какъ удачно характеризуетъ его проф. Голубинскій. Макарій весь былъ проникнутъ идеей величія Москвы и старался свои національныя идеи отлить въ конкретную форму. Онъ хотѣлъ собрать все то, что соотвѣтствовало его воззрѣніямъ на призваніе Россіи и на исключительное значеніе переживаемой эпохи. Центру тогдашней Руси, Москвѣ, предстояло оправдать свое право на значеніе третьяго Рима, на значеніе центра единственнаго самостоятельнаго православнаго государства. Еще будучи новгородскимъ архіепископомъ, Макарій задумалъ грандіозный трудъ—составленіе знаменитыхъ Четій-Миней. Онъ хотѣлъ собрать и привести въ извѣстность всю наличность переводной и оригинальной русской литературы, извѣстной тогдашнимъ книжникамъ. Онъ съ большимъ трудомъ и съ затратой немалаго достоянія собираетъ памятники письменности и самъ ихъ редактируетъ. Втеченіе 12 лѣтъ онъ велъ свою работу и

въ 1552 году онъ положилъ въ Успенскомъ соборѣ вторую редакцію Миней,—огромное собраніе, заключающее въ себѣ около 14000 большихъ листовъ. Онъ не только собиралъ памятники письменности, но нѣкоторые изъ нихъ поручалъ передѣлывать или составлять вновь на ту же тему. Такому пересоставленію подверглись нѣкоторыя житія святыхъ, особенно такія, которыя были написаны ранѣе въ духѣ мѣстныхъ удѣльныхъ тенденцій: централистъ редакторъ стиралъ эти особенности; иныя житія святыхъ были написаны вновь, иногда еще до канонизаціи святыхъ (напр. Макарія Колязинскаго и Александра Свирскаго).

Собирательская дѣятельность Макарія по составленію Четьихъ-Миней была тѣсно связана съ другой стороной его дѣятельности по собиранію русской святыни. Въ удѣльный періодъ въ каждомъ удѣлѣ появлялись свои мѣстночтимые святые. Оттого святые, чтимые въ одномъ удѣлѣ, часто не были почитаемы въ другомъ: для москвича Сергія, назначеннаго архіепископомъ въ Новгородъ, мѣстный святой, новгородскій архіепископъ Моисей, былъ просто „смердомъ“. Съ возрастаніемъ политическихъ успѣховъ Москвы многіе мѣстночтимые святые дѣлаются общечтимыми. Съ точки зрѣнія централистическихъ тенденцій Макарія, признаніе всею церковью мѣстныхъ святыхъ увеличивало значеніе Московскаго центра. Такъ постепенно подготовлялась канонизація русскихъ святыхъ центральной властью, государственной и церковной. Эта канонизація была произведена митрополитомъ Макаріемъ на соборахъ 1547 и 1549 г.г.

Значеніе церковныхъ соборовъ.

Соборы эти имѣютъ, по замѣчанію одного ученаго историка, двоякое важное значеніе: они для самихъ русскихъ людей показали богатство нравственныхъ силъ русскаго народа, выразившееся въ необыкновенномъ проявленіи духовнаго подвига и религіознаго воодушевленія, и, во-вторыхъ, въ установленіи многочисленныхъ русскихъ праздниковъ, въ обще-русскомъ чест-

ваніи духовныхъ покровителей родной страны. Устанавливалась тѣсная духовная связь центра и окраинъ, для всѣхъ очевидная и безспорная. Понятіе единства русской земли въ этомъ единеніи святыни находило себѣ новое обоснованіе, истолкованіе и скрѣпленіе. Такъ это понимали и современники, которые въ Соборныхъ Дѣяніяхъ увидѣли новый свѣтъ православія, возсіявшій въ царствующемъ градѣ.

Такое же стремленіе къ собиранію святынь проявилъ митрополитъ Макарій и при созваніи Стоглаваго Собора въ 1551 г. „Обычаи прежнихъ временъ поисшатались, и въ самовластіи чинилось по своимъ волямъ, и старыя преданія и законы порушены", — обращался царь къ соборнымъ членамъ въ своей рѣчи. „Шатающіеся обычаи" означали обычаи, принятыя въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Соборъ ставилъ задачей нивеллированіе ихъ. Отцы собора, въ отвѣтъ на вопросы царя, утверждали эту разность обычаевъ, объясняя ее заимствованіями беззаконій изъ разныхъ странъ. Отсюда былъ естественный выводъ—необходимость найти такой обычай, который можно было бы закрѣпить, какъ общій. Правда, Стоглавый Соборъ вскрылъ и цѣлый рядъ такихъ исшатавшихся обычаевъ, которые дѣйствительно представляли собой нарушеніе правилъ религіи или морали, и старался ихъ исправить.

Свои націоналистическія тенденціи митрополитъ Макарій высказывалъ и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ проявлялъ свое настойчивое участіе въ дѣлахъ политическихъ. Не трудно замѣтить, что Макарій игралъ очень крупную роль въ побужденіи царя итти на Казань. По словамъ лѣтописца, во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ царь совѣтовался съ митрополитомъ. Мало того, узнавъ о движеніи царя на Казань, митрополитъ отправляетъ ему посланіе, въ которомъ побуждаетъ Ивана нанести окончательный ударъ Казани и овладѣть достояніемъ государевыхъ прародителей. Онъ обезпокоенъ лишь слухами о мирныхъ переговорахъ царя

Ивана съ казанцами, это его тревожитъ, и онъ побуждаетъ царя завоевать Казань. О дѣятельности Макарія въ связи съ походомъ дѣлаютъ и еще одно предположеніе: построенный въ память покоренія Казани знаменитый соборъ въ честь Покрова Богородицы (храмъ Василія Блаженнаго) по своей идеѣ и по ея выполненію принадлежитъ Макарію, который самъ былъ художникомъ и еще въ Новгородѣ руководилъ нѣкоторыми постройками. Нельзя ли поэтому видѣть и въ Покровскомъ соборѣ ту идею, которая проходитъ черезъ всѣ произведенія Макарія, — идею объединенія Руси, выраженную въ формѣ соединенія въ одно цѣлое *всѣхъ стилей* церковной архитектуры, практиковавшихся въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи?

Степенная книга.

Собирательство Макарія распространялось не на одну только церковную письменность. Какъ теперь недавно выяснено, въ кружкѣ Макарія и подъ его ближайшимъ воздѣйствіемъ совершено еще нѣсколько крупныхъ трудовъ историческаго характера, которые по своему заданію преслѣдовали цѣли, аналогичныя цѣлямъ Четьихъ-Миней. Подъ руководствомъ Макарія была составлена архимандритомъ Аѳанасіемъ, впослѣдствіи замѣстившимъ Макарія на митрополіи, знаменитая Степенная Книга. Свое названіе она получила отъ степеней, въ которыхъ расположенъ матеріалъ русской исторіи по важнѣйшимъ княженіямъ. Всѣхъ степеней насчитано 17, отъ начала государства до Ивана Грознаго. Всѣ статьи Степенной Книги имѣютъ цѣлью прославленіе подвиговъ вѣры и благочестія, совершенныхъ представителями рода Владиміра Святого, равно чудеса важнѣйшихъ чудотворцевъ и дѣятельность митрополитовъ. По словамъ длиннаго названія Степенной Книги царскаго родословія, она имѣетъ цѣлью показать благочестіе просіявшихъ богоутвержденныхъ скипетродержателей, украшенныхъ всякими добродѣтелями и многообразными подвигами, „яко златыми степенми“. Ходъ разсказа о князьяхъ, по своему литературному

стилю и пріемамъ, сходенъ съ житійной литературой. Но ставя историческія задачи, Степенная Книга преслѣдуетъ и задачи политическія: въ Степенную Книгу занесена генеалогія рюриковичей отъ Августа Кесаря, сказанія о Мономаховыхъ регаліяхъ и другія національно-политическія фикціи, составляющія особенность литературы этого періода. Оттого, съ точки зрѣнія автора Степенной Книги, древнѣйшіе кіевскіе и владимірскіе князья являются самодержцами всея Руси, и авторъ Степенной Книги стремится показать корни благочестія и святость сѣмени равноапостольнаго князя Владиміра. Изъ житій святыхъ особеннымъ вниманіемъ автора пользуются житія святыхъ, которые находятся въ родственныхъ отношеніяхъ къ этому сѣмени. Однимъ словомъ, Степенная Книга съ одной стороны является государевымъ родословіемъ, а съ другой стороны первою исторіей Россіи.

Историческая энциклопедія.

Кромѣ того, кружку митрополита Макарія несомнѣнно принадлежитъ еще составленіе грандіозной исторической энциклопедіи. Въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ хранится замѣчательный сборникъ, представляющій собою только часть обширнаго цѣлаго, отдѣльныя части котораго находятся въ неполномъ видѣ въ Петербургской библіотекѣ. Это—всеобщая исторія съ тогдашней точки зрѣнія, начинающаяся съ библейской исторіи и Троянскими сказаніями. Эта рукопись снабжена множествомъ рисунковъ, которые такимъ образомъ даютъ намъ представленіе объ искусствѣ того времени, а текстъ рукописи—о суммѣ историческихъ знаній. Въ художественномъ и техническомъ отношеніяхъ, замѣчаетъ одинъ изслѣдователь, всего выше рисунки библейской части: они должны быть отнесены къ совершеннѣйшимъ образцамъ русской миніатюры. Ихъ очерки поражаютъ рѣдкой увѣренностью и изяществомъ. О грандіозности работы, которую выполнили художники, можно заключить уже изъ того, что количество дошедшихъ до насъ рисунковъ доходитъ до 1677.

Мы разсмотрѣли, такимъ образомъ, дѣятельность этой эпохи, направленную къ собиранію культурнаго достоянія Московскаго царства. Нашъ очеркъ былъ бы неполонъ, если бы мы не упомянули о томъ, что знаменитый Домострой по идеѣ своей имѣетъ то же назначеніе. Въ Москвѣ въ то время интересовались собираніемъ обычаевъ, и даже архидіакону Геннадію дано было оффиціальное порученіе списать обычаи, господствующіе на востокѣ. Домострой въ нынѣшнемъ его составѣ является сборникомъ, редакція котораго, повидимому, принадлежитъ Сильвестру. „Въ цѣломъ Домострой, говоритъ Пыпинъ, былъ однимъ изъ тѣхъ завершающихъ явленій, какихъ мы видимъ цѣлый рядъ въ царствованіе Грознаго. Это были итоги прошлаго, которые должны были, по мысли руководящихъ людей того времени, не только исправить порушенную и поисшатавшуюся старину, но и дать прочную опору и руководство для будущаго“. Домострой.

Мы разсмотрѣли ту сторону изучаемой эпохи, которая своей задачей имѣла завершеніе собиранія національнаго достоянія Московскаго царства, т. е. прослѣдили одну сторону въ направленіи этой эпохи. Теперь перейдемъ къ другой сторонѣ, къ изученію строительства въ области государственной. Осуществленіе политической программы.

Первыя выступленія новаго правительства были совершенно необычны: по крайней мѣрѣ ни механизмъ предшествующей правительственной дѣятельности, ни даже послѣдующая эпоха до Петра Великаго въ своей практикѣ не заключала подобнаго рода начинаній и пріемовъ. Правительство выступило съ обширной программой организаціоннаго характера и притомъ весьма прогрессивнаго направленія. Мало того, оно старалось пропагандировать свою программу. Не вся она была выполнена, но для насъ важно не только то, что было сдѣлано, но не менѣе важно также и то, что было намѣчено сдѣлать. Земскій соборъ 1550 года, Стоглавый Соборъ 1551 г. были моментами, которыми правительство

воспользовалось чтобы сдѣлать свои программныя заявленія. Даже въ лѣтопись правительство Ивана Грознаго вставило нѣкоторыя объясненія оффиціальнаго характера. Такъ лѣтописецъ, дѣлая обширное извлеченіе изъ недошедшаго до насъ Уложенія о службѣ 1556 года, дѣлаетъ такія поясненія о причинахъ изданія этого Уложенія, которыя носятъ несомнѣнно оффиціальный характеръ, вполнѣ совпадая съ заявленіемъ царя на Стоглавомъ Соборѣ; между тѣмъ лѣтопись не только носила оффиціальный характеръ, но, по вѣрной догадкѣ академика Жданова, въ ней надо видѣть участіе въ составленіи или по крайней мѣрѣ въ редактированіи самого царя.

Земскій Соборъ 1550 г.

Первый земскій соборъ былъ созванъ въ 1550 году. Мы не знаемъ подробностей, касающихся этого собора. Знаемъ только, что на немъ былъ одобренъ новый Судебникъ. Знаемъ также и то, что царь на лобномъ мѣстѣ обратился, вѣроятно, не только къ соборнымъ выборнымъ, но и ко всему населенію съ рѣчью. Къ сожалѣнію, дошедшій до насъ текстъ рѣчи, какъ недавно доказано, внушаетъ сомнѣніе въ своей подлинности. Однако, если относительно текстуальнаго состава рѣчи возникаютъ сомнѣнія, то во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что Иванъ Грозный говорилъ рѣчь на соборѣ, и что эта рѣчь именно была покаяннаго характера по отношенію къ самому оратору и направлена была противъ боярскаго произвола. О характерѣ этой рѣчи и даже, можетъ быть, и рѣчей можно судить по царскимъ рѣчамъ на Стоглавомъ Соборѣ. Тутъ царь говорилъ отцамъ Стоглаваго Собора, что онъ „въ предыдущее лѣто билъ есми вамъ челомъ и съ боляри своими о своемъ согрѣшеніи, а боляре также. И вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили, а азъ по вашему прощенію и благословенію и бояръ своихъ въ прежнихъ винахъ во всѣхъ пожаловалъ и простилъ, да имъ же заповѣдалъ со всѣми христіяны царствія своего и въ преднихъ всякихъ

дѣлѣхъ помиритися на срокъ, и боляре мои и вси приказные люди и кормленщики со всѣми землями помирилися во всякихъ дѣлѣхъ". Ясно, что на соборѣ 1550 года были преданы забвенію акты боярскаго произвола въ предшествующее время, очевидно потому, что въ программу новаго правительства входило не допускать дальнѣйшаго проявленія произвола. Царь настаивалъ даже на какомъ-то примиреніи своихъ бояръ съ населеніемъ. Вѣроятно, тогда же царь говорилъ о назначеніи новаго Судебника, потому что и на Стоглавомъ Соборѣ царь, вспоминая о предшествующемъ земскомъ соборѣ, говоритъ, что цѣлью Судебника и другихъ изданныхъ имъ „великихъ заповѣдей" было то, чтобы судъ былъ праведенъ и безпосуленъ. Кромѣ того, первый земскій соборъ занимался и вопросомъ объ уставныхъ земскихъ грамотахъ. На Стоглавомъ Соборѣ царь говоритъ объ этихъ грамотахъ, какъ о дѣлѣ, уже устроенномъ имъ, и связываетъ грамоты съ изданіемъ Судебника; впрочемъ, этотъ вопросъ еще, видимо, не былъ законченъ въ 1551 году, и царь предлагаетъ отцамъ Стоглаваго Собора прочесть и разсудить грамоту „и подписать на Судебники и на уставной грамотѣ" благословеніе церковнаго собора. Быть можетъ, царь и у вселенскаго собора точно также настоятельно просилъ совѣта, какъ онъ просилъ о немъ у отцовъ Стоглаваго Собора, и выражалъ желаніе все сообща съ соборомъ исправить и утвердить. Результатъ собора 1550 года весьма важенъ: онъ одобрилъ Судебникъ, основная цѣль котораго—избавить населеніе отъ неправедныхъ судей, именно отъ неправеднаго боярскаго суда, и санкціонировать участіе мѣстнаго земскаго элемента въ судебномъ процессѣ. Нечего говорить о томъ, что Судебникъ 1550 года гораздо выше по точности юридическаго языка и по обширности охваченныхъимъ правовыхъ вопросовъ Судебника Ивана III. Наконецъ, этотъ Судебникъ имѣетъ немаловажное значеніе и въ области государственнаго права, такъ какъ онъ поставилъ подъ

контроль центральной власти всѣхъ удѣльныхъ князей въ ихъ удѣльныхъ вотчинахъ. Такъ въ немъ была подчеркнута основная тенденція новаго правительства, направлявшаго свою дѣятельность противъ удѣльнаго княжья и боярства.

Стоглавый Соборъ 1551 г.

Дѣянія Стоглаваго Собора извѣстны намъ въ большей подробности. Это была попытка правительства выступить съ цѣлымъ рядомъ коренныхъ реформъ не только въ области церковнаго строительства и народной нравственности и даже образованія, но здѣсь были затронуты и многія стороны государственнаго и соціальнаго строя. Надо еще замѣтить, что Стоглавый Соборъ можно назвать столько же церковнымъ, сколько и свѣтскимъ, потому что въ его составѣ были и свѣтскіе элементы.

Основныя програмныя заявленія новаго правительства сводятся прежде всего къ заявленіямъ царя о томъ, чтобы соборные члены удерживали царя, если онъ по совѣту князей и бояръ будетъ въ чемъ-либо дѣйствовать не по правиламъ святыхъ отцовъ; царь настаиваетъ, чтобы отцы собора безъ всякаго страха воспретили ему что-либо совершить, противное божественнымъ правиламъ, и обѣщаетъ всегда все исправлять и утверждать вмѣстѣ съ соборными отцами. Царь нѣсколько разъ возвращается къ этому вопросу, требуя помощи собора для исправленія всѣхъ тѣхъ обычаевъ, которые поисшатались, для исправленія того, что учинено по самовластію, при чемъ призывъ его касается какъ церковныхъ, такъ и земскихъ дѣлъ. Призывъ къ исправленію вездѣ въ рѣчахъ царя тѣсно переплетается съ его выступленіями противъ боярства, противъ тѣхъ бѣдъ, которыя претерпѣла вся земля въ боярскомъ насильствѣ. Таковъ общій тонъ сдѣланныхъ Грознымъ на Соборѣ заявленій принципіальнаго характера.

Заявленіе Никоновской лѣтописи, носящее, какъ мы сказали, оффиціальный характеръ, дополняетъ програмныя заявленія общаго характера. Передавая содержаніе

изданнаго въ 1556 г. Грознымъ закона о службѣ, не дошедшаго до насъ, лѣтописецъ говоритъ, что до царя дошли свѣдѣнія о томъ, что многіе намѣстники и волостели, сидѣвшіе на кормленіяхъ, „многіе грады и волости пусты учинили“, презрѣвъ страхъ Божій и государскіе уставы, и много злокозненныхъ дѣлъ учинили: они содѣлали много убійствъ и коварствъ „мужичью“ тѣхъ волостей и городовъ, произошло много кровопролитія, многіе же намѣстники и волостели обогатились. Между тѣмъ благочестивый царь держится того взгляда, чтобы простирать свою любовь ко всѣмъ одинаково, какъ „къ вельможамъ и къ среднимъ и ко младымъ ко всѣмъ равна“: онъ любитъ и жалуетъ всѣхъ безразлично по ихъ достоинству и оплачиваетъ службу всякаго по его отечеству и по его службѣ, не желая никого видѣть въ забвеніи и въ обидѣ.

Демократическія тенденціи программы Грознаго.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что во всѣхъ этихъ заявленіяхъ программнаго характера правительство Грознаго подчеркиваетъ свои демократическія тенденціи, доходя до указаній о равенствѣ подданыхъ всѣхъ состояній, подобно такимъ публицистамъ, какъ Ивашка Пересвѣтовъ.

Теперь обратимся къ частностямъ той программы, которую выдвигаетъ правительство Грознаго. Во многихъ вопросахъ оно стояло далеко впереди своего времени, и нѣкоторые изъ намѣченныхъ имъ проектовъ реформъ получили свое осуществленіе только къ концу XVII вѣка. Такъ, оно начинаетъ борьбу противъ мѣстничества. Уже идучи подъ Казань, царь пробовалъ отмѣнить мѣстничество, но эта попытка оказалась неудачной. Боярскій приговоръ 1556 года въ нѣкоторой мѣрѣ ограничиваетъ мѣстничество. Очевидно, это явленіе было столь сильнымъ, что и правительство Грознаго рѣшило по крайней мѣрѣ въ части парализовать его. Оно борется и съ другимъ наслѣдіемъ удѣльнаго порядка. На Стоглавомъ Соборѣ поднятъ былъ вопросъ о томъ, нужно ли сохранить несудимыя

грамоты. Эти грамоты представляли собою привиллегію нѣкоторыхъ лицъ, особенно монастырей, заключавшуюся въ изъятіи ихъ изъ общаго суда и подсудности ихъ одному великому князю. Такой же привиллегіей были тарханныя громоты и льготныя, по которымъ многіе освобождались отъ тѣхъ или другихъ податей. Не менѣе замѣчательнымъ является царскій вопросъ на Стоглавомъ Соборѣ о необходимости отмѣны внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ по дорогамъ, перевозамъ и мостамъ и предложеніе учредить только пограничныя таможни. Безъ сомнѣнія, внутреннія таможни весьма затрудняли торговлю и доставляли поводъ ко всякаго рода вымогательствамъ, такъ что столѣтіе спустя царь Алексѣй Михайловичъ называлъ откупщиковъ врагами божьими и человѣческими, ревнующими разнымъ злодѣямъ. Мы не знаемъ соборныхъ отвѣтовъ на всѣ эти предложенія Грознаго, но ясно, что они не были рѣшены въ удовлетворительномъ смыслѣ, потому что всѣ указанныя явленія продолжали существовать почти до конца Московскаго періода.

Отношеніе къ аграрному вопросу.

Законодательство Грознаго обращало большое вниманіе на аграрный вопросъ. Онъ въ то время весьма осложнился. Потребности военной службы вызвали необходимость созданія обширнаго класса дѣтей боярскихъ, получавшихъ землю въ условное владѣніе, въ помѣстье, за службу. Уже чувствовался недостатокъ пригодной земли для раздачи въ помѣстье. Съ другой стороны, старинныя вотчины князей и бояръ не несли обязательной службы, почему вся тягота ея падала на владѣльцевъ помѣстій. Кромѣ того многіе сильные люди захватывали незаконно вочины и помѣстья; наконецъ, значительная часть поземельной собственности оказалась въ рукахъ монастырей и церкви; службы съ этихъ земель тоже не было. Отсутствіе упорядоченнаго размежеванія приводило къ безконечнымъ спорамъ землевладѣльцевъ. Всѣ эти вопросы были подняты правительствомъ, и значительная

часть ихъ рѣшена въ видахъ пользы государевой службы и обезпеченія мелкаго служилаго населенія.

Уже на Стоглавомъ Соборѣ въ числѣ вопросовъ встрѣчаемъ и вопросъ о томъ, какъ быть съ тѣми, которые захватили въ предшествующее боярское правленіе многія вотчины и помѣстья, и какъ обезпечить недостаточныхъ. Тогда же были предложены нѣкоторыя мѣры относительно точнаго отмежеванія помѣстныхъ дачъ, было объявлено царское рѣшеніе о посылкѣ писцовъ по всему государству для полнаго описанія земель, и, наконецъ, предложены вопросы о прожиточныхъ помѣстьяхъ. Въ 1556 году уже проведена очень сложная и важная реформа, касавшаяся уравненія помѣстныхъ дачъ и устанавливавшая службу не только съ вотчинъ, но и съ помѣстій. Мы не знаемъ подробностей этой реформы, не знаемъ отвѣта отцовъ Стоглаваго Собора на вопросы царя, но сообщающій объ этомъ лѣтописецъ говоритъ о томъ, что было учинено какое-то уравненіе земельное, повидимому касавшееся неправильно захваченныхъ вотчинъ, и пересмотръ размѣровъ помѣстныхъ участковъ: помѣстья были обмѣрены, каждый получилъ по своему достоинству, излишки же были раздѣлены неимущимъ. Служба съ вотчинъ была сравнена со службой съ помѣстій, и такимъ образомъ военная служба признана для вотчинниковъ государственной обязанностью. Въ данномъ случаѣ правительство шло по пути, указанному демократическими публицистами того времени, по пути устройства класса воевъ, стратилатскихъ чиновъ. На Стоглавомъ же Соборѣ былъ поднятъ и другой вопросъ—о монастырскихъ владѣніяхъ,—достойно ли владѣть монастырямъ землями, и инокамъ жить по селамъ, вести тяжбы въ городахъ, заниматься торговлей, выпрашивать земли. Стоглавый Соборъ сталъ въ защиту монастырскихъ имѣній. Точно также онъ отклонилъ и запросъ царя, сводившійся къ тому, чтобы подгороднія слободы, принадлежавшія монастырямъ и крупнымъ

вотчинникамъ, несли тягло наравнѣ съ посадскими людьми. Въ связи съ вопросомъ о монастырской собственности стоитъ и предложеніе царя на Стоглавомъ Соборѣ о выкупѣ плѣнниковъ у татаръ на деньги, собранныя отъ монастырей; соборъ же предложилъ учинить особый налогъ для этой цѣли, который падалъ бы на все населеніе, съ чѣмъ правительству пришлось согласиться. Вопросъ о монастырскихъ имуществахъ— самый острый вопросъ этой эпохи. Не смотря на оппозицію собора и митрополита, былъ проведенъ нѣсколько позже законъ, нѣсколько стѣснявшій расширеніе монастырскаго землевладѣнія. Отъ монастырей были отняты имѣнія, отданныя имъ боярами во время малолѣтства царя, равно и земли, неправильно записанныя за монастырями; земли крестьянъ и дѣтей боярскихъ, отнятыя монастырями и владыками за долги, постановлено возвратить ихъ владѣльцамъ; наконецъ, продажа вотчинъ въ монастыри могла быть совершаема съ царева вѣдома. И позже правительство нѣсколько разъ поднимало вопросъ о монастырскихъ имуществахъ, но встрѣчало здѣсь сильную оппозицію.

Мы не разсматриваемъ вопроса въ деталяхъ, потому что для насъ они имѣютъ значеніе лишь программныхъ вопросовъ этого періода. Но нельзя не замѣтить, что основныя тенденціи правительства направлены противъ сильныхъ элементомъ общества и въ цѣляхъ поднятія матеріальнаго и правового положенія низшихъ слоевъ населенія. Введеніе земскаго и губного самоуправленія является важнѣйшимъ элементомъ указанной программы. Жалованныя грамоты, выданныя по этому случаю, рѣзко подчеркиваютъ основную точку зрѣнія этого направленія.

Участіе къ положенію низшихъ классовъ.

Во всѣхъ земскихъ грамотахъ, изданныхъ при Грозномъ, находимъ указанія на прежній обычай давать въ кормленіе боярамъ, князьямъ и дѣтямъ боярскимъ города и волости: „и намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука безпрестанная, что намѣстники наши

и волостели и праветчики и ихъ пошлинные люди, сверхъ нашего жалованья указу, чинять имъ продажи и убытки великіе", отчего въ волостяхъ и въ посадахъ многіе дворы запустѣли; грамоты и объясняютъ, что цѣль введенія земскаго самоуправленія заключается въ избавленіи населенія отъ насильства и своеволія намѣстниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ высказывается и довѣріе къ мірскимъ выборнымъ властямъ, къ которымъ переходитъ судъ и управленіе.

Стремленіе уменьшить задолженность населенія.

Вообще, направленіе дѣятельности этой эпохи представляетъ собою разительный примѣръ, особенно для того времени, внимательнаго отношенія къ болѣе низшему элементу населенія. Задолженность населенія сильнѣе отражалась на этихъ элементахъ, нежели на тѣхъ, которые матеріально были лучше обезпечены. Особенно въ выгодномъ положеніи оказывались монастыри и епископіи, представлявшіе собою банкирскія конторы того времени. Еще на Стоглавомъ Соборѣ правительствомъ были подняты вопросы о недаваніи монастырями и церквами денегъ и хлѣба подъ проценты. Интересно, что царскій вопросъ трактуетъ о взиманіи процентовъ церквами и монастырями въ общей формѣ, не поминая, что священное писаніе воспрещаетъ рѣзоимство даже и мірянамъ; очевидно, предполагалось полное воспрещеніе взимать проценты, соборное же постановленіе, приведя соотвѣтственную статью священныхъ правилъ, возбраняетъ однако только епископамъ, архимандритамъ и игуменамъ давать деньги и хлѣбъ подъ проценты своимъ крестьянамъ „того ради, чтобы за ними христіане жили, и села бы ихъ пусты не были". Такимъ образомъ, Стоглавый Соборъ посмотрѣлъ на этотъ вопросъ съ хозяйственной точки зрѣнія: воспретивъ взиманіе процентовъ съ монастырскихъ и епископскихъ крестьянъ, онъ добросовѣстно объясняетъ, что это послужитъ лишь къ увеличенію населенности ихъ владѣній, такъ какъ монастырскіе крестьяне окажутся въ лучшемъ положеніи, нежели помѣщичьи.

Разумѣется, соборъ не возбранялъ отдачу денегъ въ ростъ стороннимъ лицамъ, равнымъ образомъ предоставилъ полную свободу церквамъ, ибо указанныя ограниченія по отношенію къ крестьянамъ касаются только монастырей и епископій. Очевидно, и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, правительство Грознаго столкнулось съ оппозиціей со стороны соборныхъ членовъ и настояло по крайней мѣрѣ на улучшеніи положенія монастырскихъ и владычныхъ крестьянъ. Черезъ семь лѣтъ правительство Грознаго пошло еще дальше въ вопросѣ объ ограниченіи аппетитовъ капиталистовъ. Боярскій приговоръ и царскій указъ 1558 года представляютъ собою очень смѣлую попытку въ этомъ направленіи. Основная его задача заключается съ совершенной отмѣнѣ взиманія процентовъ съ занятыхъ денегъ втеченіе наступающаго пятилѣтія, а по старымъ долгамъ и втеченіе цѣлаго десятилѣтія; накопившіеся раньше проценты по неоплаченнымъ долгамъ уничтожены. Независимо отъ условій займа, уплата долга можетъ быть произведена равными частями погодно втеченіе наступающаго пятилѣтія. Кромѣ того, оплачивается не та сумма, которая значится въ кабальной записи, а т. н. „истина“: въ тогдашнихъ долговыхъ обязательствахъ обыкновенно писалась не та сумма, которая была занята въ дѣйствительности, но значительно большая, обычно вдвое, каковая и подлежала взысканію въ случаѣ пропуска срока платежа. На будущее время устанавливается принудительный процентъ въ размѣрѣ не болѣе 20%. Неоплатные должники выводились на правежъ, продолжительность котораго, вѣроятно, зависила отъ усмотрѣнія заимодавца; законъ 1558 г. опредѣляетъ срокъ правежа. Очень интересны тѣ постановленія закона, которыя касаются заклада имущества: онъ весьма затрудняетъ продажу заложеннаго имущества, устанавливая необходимость предварительнаго извѣщенія залогодателя объ истеченіи срока залога, затѣмъ устанавливаетъ публичность аукціона за-

ложеннаго имущества и обязательность возвращенія излишка, который можетъ получиться, какъ слѣдствіе продажи съ аукціона. Весьма замѣчательно, что ростовой приговоръ 1558 года не забываетъ сдѣлать облегченіе и по спеціальнымъ видамъ крестьянскихъ займовъ: долги по крестьянскимъ порядным втеченіе того же льготнаго пятилѣтія оплачиваются безъ процентовъ, но полностью, а не по частямъ. Вообще мѣры, принятыя этимъ приговоромъ, хотя и носятъ частью временный характеръ, въ высшей степени замѣчательны.

Не менѣе любопытно и то, что заботы тогдашняго правительства доходили до самыхъ общественныхъ низовъ. Такъ, встрѣчаемъ указъ 1556 г. о недачѣ суда въ сносѣ въ томъ случаѣ, если свободный человѣкъ служилъ безъ записи у кого-нибудь и ушелъ отъ своего хозяина; этотъ указъ борется съ тогдашней практикой, заключавшейся въ томъ, что хозяинъ ушедшаго слуги, въ цѣляхъ его укрѣпленія за собой, обвинялъ въ сносѣ вещей. Законодательство Грознаго касалось нѣсколько разъ и холопства и въ общемъ оно приняло рядъ мѣръ, облегчающихъ прекращеніе холопства и затрудняющихъ обращеніе въ него, особенно при участіи сильныхъ людей.

Внѣшняя политика.

Такова была программа правительственной дѣятельности этой эпохи. Она сводилась къ борьбѣ съ боярствомъ, съ монастырскимъ землевладѣніемъ, къ устроенію низшаго служилаго элемента, стратилатскихъ чиновъ, наконецъ, вообще къ обереганію низшихъ элементовъ общества отъ всякаго рода насильства со стороны болѣе сильныхъ. Надо прибавить, что царскіе вопросы на Стоглавомъ Соборѣ явили собою цѣлую программу, имѣвшую цѣлью моральное и образовательное воздѣйствіе на общество. Для полноты не слѣдуетъ упускать, что и внѣшняя политика Ивана IV по широтѣ программы соотвѣтствовала внутренней. Завоеваніе Казанскаго царства было наросшей потребностью не только внѣшней политики, но и открывало черно-

земныя пространства для русской колонизаціи въ то самое время, когда начинали чувствовать перенаселенность московскаго центра. Завоеваніе Астрахани открывало новые торговые пути и доставляло рыбные и соляные промыслы. Появленіе англичанъ было очень вѣрно оцѣнено именно съ точки зрѣнія торговыхъ сношеній, а война съ Ливоніей имѣла безспорную цѣль прорубить то самое окно въ Европу, которое было прорублено Петромъ Великимъ. Наконецъ, походы въ Крымъ имѣли цѣлью обезопасить южную границу и дать возможность здѣсь, опять-таки въ черноземной полосѣ, распространяться русской колонизаціи.

Связь программы Гроznаго съ публицистами.

Все это были очень широкія задачи, частью выполненныя, частью лишь поставленныя, въ иныхъ случаяхъ не давшія желательныхъ результатовъ. Такая программа вполнѣ соотвѣтствовала программѣ прогрессивно-демократическихъ публицистовъ половины XVI вѣка и даже въ значительной мѣрѣ превосходила послѣднюю. Въ ней мы узнаемъ многое изъ того, что было высказано княземъ Андреемъ Курбскимъ, Ивашкой Пересвѣтовымъ и другими публицистами. Въ извѣстной мѣрѣ правительство при выполненіи этой программы подошло и къ кардинальнымъ вопросамъ, выдвинутымъ публицистикой,—къ вопросу о формѣ управленія. Какъ бы въ отвѣтъ на пожеланія автора Валаамской бесѣды, видимъ созваніе перваго земскаго собора 1550 г. Къ сожалѣнію, мы совершенно ничего не знаемъ о составѣ этого собора. О составѣ перваго земскаго собора иногда судятъ по составу второго — 1566 года, на которомъ преобладали лица, занимающія административныя должности, почему и выборной составъ собора не безъ основанія подвергается сомнѣнію. Но трудно сказать о томъ, какъ былъ созванъ первый соборъ, тѣмъ болѣе, что предшествовавшія ему обстоятельства были непохожими на обстоятельства 1566 г. (въ данномъ случаѣ правительство могло только интересоваться мнѣніемъ административно-военныхъ властей). Если даже и не довѣрять

Созывъ и составъ земскаго собора.

сообщенію Степенной Книги о томъ, что государь повелѣлъ на этотъ соборъ собрать „свое государство изъ городовъ всякаго чина“, то во всякомъ случаѣ нельзя не обратить вниманія на заявленіе царя на Стоглавомъ Соборѣ: здѣсь царь утверждаетъ, что бояре, приказные люди и кормленщики въ 1550 г. во всякихъ дѣлахъ помирился со *всѣми землями*. Такое утвержденіе царь могъ высказать только въ томъ случаѣ, если дѣйствительно на соборѣ были присланные изъ провинціи люди. Было бы странно, если бы царь, созывая соборъ для устроенія земли, въ составъ его ввелъ тѣхъ самыхъ кормленщиковъ и бояръ, съ которыми онъ уже вступилъ въ борьбу; если бы на соборѣ не было представителей земли, то не съ кѣмъ было бы и мириться царскимъ кормленщикамъ; изъ этого слѣдуетъ, что какъ ни скудны наши свѣдѣнія о первомъ земскомъ соборѣ, но основной духъ царскаго Судебника и указанное драгоцѣнное мѣсто, до сихъ поръ не обращавшее на себя никакого вниманія, въ рѣчи царя утверждаетъ насъ въ той мысли, что на этомъ соборѣ были представители провинціи, не принадлежавшіе къ составу администраціи, т.-е. земскіе люди. Тогда и понятно, что первыя земскія грамоты стали выдаваться съ самаго начала 1551 г., т.-е. сейчасъ же послѣ того, какъ былъ обсужденъ вопросъ о Судебникѣ и земскомъ самоуправленіи на томъ же соборѣ. Наконецъ, очень возможно, что приблизительно къ этой первой эпохѣ правленія Грознаго относится и капитальная реформа въ составѣ Боярской Думы. Мы не знаемъ подробностей этой реформы, но учесть значеніе ея можно. Въ старой Думѣ, наряду съ боярами, призванными царемъ, которымъ сказано было боярство, сидѣли и потомки удѣльныхъ князей и братья государевы. Приблизительно съ изучаемаго момента прирожденныхъ совѣтниковъ въ думѣ нѣтъ: въ ней сидятъ только чины по назначенію, и сверхъ того среди нихъ мы встрѣчаемъ и думныхъ дьяковъ,—чины, которые могли пробиться въ думу изъ

Реформа въ составѣ Боярской Думы.

низшихъ слоевъ населенія путемъ бюрократической службы. Такъ царскій синклитъ потерялъ свою аристократическую окраску. Наконецъ, въ связи съ этимъ нельзя не обратить вниманія и на знаменитую 98 статью Судебника, въ которой опредѣляется порядокъ изданія законодательныхъ актовъ на будущее время, именно: новыя дѣла, т.-е законы, приписываются къ Судебнику, при чемъ предполагается, что они „вершатся“ „съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору“. Эта статья, по существу, могла послужить зародышемъ ограниченія верховной власти, ибо законодатель опредѣляетъ ею способъ изданія новыхъ законовъ. Неизвѣстно, какъ самъ Грозный понималъ это законодательное постановленіе, но во всякомъ случаѣ рядъ мѣръ, принятыхъ въ это время, очевидно, по предложенію совѣтниковъ царя, къ установленію общенія между верховной властью, ея оффиціальными совѣтниками и даже населеніемъ, могъ быть серьезной причиной разлада царя съ его совѣтниками. Взгляды самого царя нисколько не противорѣчили программѣ общей политики государства во всѣхъ тѣхъ ея пунктахъ, которые не клонились къ ограниченію власти самого Ивана IV, но къ ней Грозный былъ очень ревнивъ.

Порядокъ изданія законовъ.

Такъ, соображенія общаго характера, въ связи съ указанными ранѣе чертами характера Ивана Грознаго, именно его раннею начитанностью и раннею житейскою подготовкою, склоняютъ къ той мысли, что онъ сознательно выбралъ себѣ совѣтниковъ и сознательно же, вмѣстѣ съ ними, развивалъ программу правительственной дѣятельности. Конечно, опредѣлить въ частности степень участія царя Ивана въ каждомъ, даже крупномъ дѣлѣ, очень трудно. Въ задачи сознательнаго и даже активнаго правителя можетъ и не входить его личное участіе въ работѣ. Но Грозный шелъ, повидимому, дальше и въ этомъ отношеніи, и благодаря нѣкоторымъ даннымъ можно уяснить себѣ степень участія Ивана Грознаго въ нѣкоторыхъ актахъ того вре-

мени, несмотря на крайнюю скудость и запутанность источниковъ.

Участіе царя въ канонизаціи святыхъ.

Такъ, дѣло канонизаціи русскихъ святыхъ, казалось бы, менѣе всего могло привлечь къ себѣ дѣятельное участіе царя. Оно цѣликомъ совпадаетъ съ характеромъ всей многолѣтней дѣятельности митрополита Макарія, и не можетъ быть никакого сомнѣнія, что оно все и проведено имъ. Молодой царь тогда, конечно, не былъ еще такимъ богословомъ, который могъ впослѣдствіи выдерживать сложные споры съ іезуитомъ Антоніемъ Поссевиномъ,—споры, искусству которыхъ могъ бы позавидовать любой іерархъ русской церкви. Вотъ почему, когда составитель житія митрополита Іоны, канонизованнаго въ 1547 году, разсказываетъ о томъ, что царь вопрошалъ совѣта у митрополита Макарія объ установленіи празднествъ новѣйшимъ чудотворцамъ, то такого рода разсказъ мы можемъ признать слѣдствіемъ оффиціальнаго тона составителя житія. Но тѣмъ не менѣе этотъ авторъ оставилъ намъ свидѣтельство о близкомъ соучастіи царя Ивана въ дѣлѣ канонизаціи, ибо онъ говоритъ, что царь желалъ произвести канонизацію между прочимъ потому, что „своима царскыма очима“ онъ видѣлъ чудеса многихъ свѣтильниковъ русской земли, преданныхъ забвенію, а о другихъ слышалъ разсказы отъ многихъ очевидцевъ. Эта черта вѣрно подмѣчена, ибо царь Иванъ, дѣйствительно, въ дѣтствѣ и молодости часто посѣщалъ монастыри. Быть можетъ, и канонизація родоначальника Калитина потомства, Александра Невскаго, произведенная на первомъ же соборѣ 1547 года, прошла также не безъ участія царя, въ виду его крайне ревниваго отношенія къ славѣ предковъ.

Участіе царя въ подготовкѣ Стоглаваго Собора

Но если только что мы могли высказать лишь догадки, то участіе Грознаго въ подготовкѣ и въ веденіи Стоглаваго Собора не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ програмномъ отношеніи Соборъ охватывалъ сложный рядъ вопросовъ русской жизни и клонилъ отвѣты Со-

бора въ прогрессивномъ направленіи. По существу дѣла мы могли бы удивляться свѣтлости ума правителя даже въ томъ только случаѣ, если бы онъ положилъ печать своего одобренія на предложеніе соборныхъ вопросовъ. Можетъ быть, въ подготовительныхъ работахъ къ Собору и принимали участіе въ той или иной мѣрѣ совѣтники царя. Но замѣчательно, что совѣтники царя изъ духовныхъ или далеко не были согласны съ самимъ фактомъ постановки ряда вопросовъ, или же принимали участіе въ подготовительныхъ работахъ лишь косвеннымъ образомъ. Такъ, не можетъ подлежать сомнѣнію сдержанное отношеніе митрополита Макарія ко многимъ вопросамъ и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ оппозиціонное, какъ это, напримѣръ, сказалось въ вопросѣ о монастырскихъ имуществахъ. Отрицательное отношеніе предсѣдателя Собора отразилось и на безрезультатности Собора. Съ другой стороны, такіе близкіе, казалось бы, къ царю лица, какъ Сильвестръ и старецъ Артемій, сообщаютъ свои предположенія въ формѣ посланій, что отнюдь не предполагаетъ ихъ близкаго соучастія въ редактированіи вопросовъ. Кромѣ того, насколько можно судить, затронутые этимъ вопросы касались исключительно церковной жизни и монастырскихъ владѣній. Между тѣмъ акты самого Стоглава сохранили нѣсколько любопытныхъ штриховъ, касающихся способа составленія соборныхъ вопросовъ: „нѣкогда въ слухъ внидѣ... царя..., что многіе церковные чины не сполна совершаются по священнымъ правиламъ и уставу; онъ же, боголюбивый царь, таковая слыша...., вскорѣ повелѣ списати о тѣхъ многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ... и вдастъ на соборѣ отцу своему Макарію“. Такимъ образомъ, Иванъ Грозный путемъ бесѣдъ и посланій собиралъ матеріалъ для вопросовъ, предложенныхъ имъ на Соборѣ. Безспорно, ему же принадлежатъ и рѣчи на Стоглавомъ Соборѣ, носящія широкій програмный характеръ. Сомнѣній въ авторствѣ Грознаго не можетъ быть никакихъ. Рѣчи представляютъ собою иногда

такія интимности, относящіяся къ періоду дѣтства царя, что могли быть написаны только самимъ Грознымъ; то же подтверждается и сходствомъ слога и пріемовъ изложенія съ позднѣйшими его сочиненіями. Наконецъ, надо учесть и то обстоятельсто, что Грозный всегда любилъ предаваться литературнымъ занятіямъ, а 20-лѣтній его возрастъ въ то время—какъ разъ такой періодъ, когда съ особенной силой проявляется первое стремленіе къ литературному изложенію мыслей. Да и вообще тогда при московскомъ дворѣ еще не выработался обычай составленія рѣчей за правителей, не говоря о томъ, что самый фактъ подобныхъ обращеній носитъ печать особенностей личнаго характера Грознаго, дѣйствительно, любившаго помпезную обстановку и многоглаголаніе.

Казанскій походъ.

Есть авторы, которые выставляютъ Грознаго во время казанскаго похода въ весьма непривлекательномъ свѣтѣ. Курбскій первый пытался набросить тѣнь на самостоятельность и личную храбрость царя, но въ отвѣтъ на намеки Курбскаго Иванъ Грозный напоминаетъ ему, что царю нелегко было понудить воеводъ двинуться подъ Казань, и съ немалымъ трудомъ онъ лично удерживалъ ихъ, когда они хотѣли возвратиться, не достигнувъ города, и Курбскій на это ничего не возразилъ, вѣроятно потому, что не могъ опровергнуть. Съ другой стороны, Курбскій совсѣмъ не упомянулъ о дѣятельности Ивана 24 августа, когда, благодаря его распорядительности, были направлены осадныя укрѣпленія; дѣятельность Грознаго въ этомъ отношеніи уже оцѣнена Соловьевымъ. Да и вообще подъ Казань царь пошелъ, уже будучи достаточно опытнымъ въ военныхъ походахъ.

Разрывъ Грознаго съ радой.

Мы разсмотрѣли дѣятельность правительства Ивана Грознаго до эпохи опричины. И вообще, все высказанное выше способно привести къ убѣжденію въ томъ, что нѣтъ никакихъ основаній отказывать царю въ сознательномъ и созидательномъ соучастіи въ выполненіи прави-

тельственной программы. Онъ былъ подготовленъ для того, чтобы ее выполнять, и, по живости своего характера и впечатлительности, не могъ оставаться бездѣятельнымъ. Съ другой стороны, уже въ предыдущемъ изложеніи дано нѣсколько указаній на то, что между Грознымъ и его радой существовали пункты кардинальнаго разногласія. Царь смотрѣлъ на своихъ совѣтниковъ, какъ на исполнителей своей воли, а не какъ на руководителей. Въ основныхъ взглядахъ на государственное устройство между царемъ и его радой лежало глубокое противорѣчіе. Во всемъ, что касалось вопроса монастырской жизни и монастырскихъ имуществъ, устройства управленія и суда низшихъ классовъ населенія, землеустройства и оплаты труда низшихъ стратилатскихъ чиновъ и т. п., Грозный отчетливо усвоилъ себѣ программу тѣхъ демократическихъ партій, которыя тѣсно были связаны съ нестяжателями. Но онъ отчетливо также усвоилъ себѣ и осифлянскую литературу съ ея взглядами на высоту царской власти. Мы не знаемъ, чьими совѣтами изъ числа осифлянъ руководствовался Грозный въ это время, но недаромъ Курбскій, вспоминая несговорчивость царя въ томъ или другомъ вопросѣ, нападаетъ на его совѣтниковъ,—вселукавыхъ и пьяныхъ мниховъ изъ осифлянскаго лагеря. Можно сказать, что Грозный изъ публицистики обоихъ лагерей, разобравшись въ ней, выбралъ то, что наиболѣе соотвѣтствовало его личнымъ взглядамъ: это—теорія демократическаго абсолютизма, которую проповѣдывалъ еще Ивашко Пересвѣтовъ. Не слѣдуетъ однако думать, что Грозный ее заимствовалъ, такъ какъ онъ былъ безспорно весьма начитанъ, а это давало ему возможность самостоятельно выработать взгляды. Неудивительно поэтому, что Грозный не могъ примириться съ умаленіемъ своей власти и даже съ попытками ея ограниченія. Ему нетрудно было найти могущественную поддержку въ различныхъ слояхъ общества, потому что осифлянская доктрина теократическаго абсолютизма имѣла весьма широкое распростра-

неніе. Конечно, надо принять во вниманіе молодость Ивана: съ одной стороны, въ этотъ періодъ въ немъ еще невполнѣ окрѣпла привычка къ власти, далеко невполнѣ развились деспотическія наклонности, зачатки которыхъ въ сильной мѣрѣ и тогда уже у него прорывались; довѣрчивость къ людямъ была еще въ достаточной мѣрѣ сильна, по крайней мѣрѣ не развилась сильная подозрительность,—свойство, усиливающееся лишь съ годами. Но рядъ обстоятельствъ способствовалъ оформленію и укрѣпленію взглядовъ Грознаго на сущность самодержавства. Очень понятно, что сознаніе широты власти и стремленіе ею пользоваться съ годами проявлялось отчетливѣе. Періодъ опасной болѣзни, смерть любимой жены, усиленные разъѣзды по монастырямъ, смѣняемые кутежами,—это такая обстановка, которая на молодой организмъ дѣйствовала усиленнымъ образомъ въ смыслѣ развитія его характера и государственныхъ взглядовъ. Не удивительно поэтому, что Иванъ Грозный и здѣсь изъ этихъ особенностей своей жизни вышелъ съ вполнѣ окрѣпшимъ и установившимся характеромъ. Государственная программа его не была новой, но новы были способы проведенія ея. Чернилами и кровью Грозный стремился провести усвоенную имъ программу государственныхъ реформъ.

Переписка Грознаго съ Курбскимъ.

Для того, чтобы понять основныя черты государственныхъ воззрѣній Грознаго, именно воззрѣніе его на сущность верховной власти, надо познакомиться съ знаменитой перепиской его съ прежнимъ членомъ избранной рады, княземъ Андреемъ Курбскимъ. Мысль этой переписки проста: За что ты насъ бьешь?—спрашиваютъ посланія князя Курбскаго,—„эфіопскаго лица“, „собаки“, какъ называлъ своего оппонента царь.—Хочу и имѣю на то право,—отвѣчаетъ посланіе царя своему бывшему рабу.

Грозный, какъ теоретикъ абсолютизма.

Въ основѣ взглядовъ Грознаго на власть лежитъ осифлянская доктрина, но съ очень важнымъ коэффиціентомъ того направленія, которое мы видѣли у

Ивашки Пересвѣтова. Грозный является не только проводникомъ абсолютизма, но и лучшимъ его теоретикомъ. Своими публицистическими посланіями Грозный царь считалъ нужнымъ дать объясненіе важнѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ теоріей россійскаго самодержавія. Онъ выясняетъ два основныхъ его тезиса: самодержавство не должно быть ограничено какимъ-либо совѣтомъ, самодержецъ же можетъ быть и долженъ быть „ярымъ“ на своихъ враговъ.

Исходная точка зрѣнія Грознаго на россійское самодержавство прежде всего заключается въ признаніи древности его происхожденія: всѣ предшествующіе государи и великіе князья кіевскіе являются облеченными всѣми признаками самодержавства. Грозный очень хорошо себѣ усвоилъ фикцію о происхожденіи Рюрика отъ Августа Кесаря и старается популяризировать эту легенду. Древность происхожденія владѣльнаго рода—одно изъ важныхъ условій, въ силу котораго Московскій царь – царь Божіимъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ. Поэтому Московскіе цари „свое взяхомъ, а не чюжее восхитихомъ.“ Поэтому же Московское царство есть вотчина его владыки. Такой вотчиной, по представленію Грознаго, россійское государство было искони: „Россійское самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи“. Итакъ, одно изъ основаній самодержавной власти—ея древность и наслѣдственность, другое—божественное происхожденіе: власть дается только Богомъ. Царь даетъ отвѣтъ Богу не только за себя, но и за подвластныхъ своихъ: царь является замѣстителемъ Бога на землѣ, неповиновеніе царю – „безуміе“, потому что это есть уже неповиновеніе Богу, отъ суда котораго нельзя скрыться. Принципъ наслѣдственности и божественности происхожденія власти даетъ царю возможность развивать свою теорію безусловнаго повиновенія подданныхъ государю. Царь повелѣваетъ „хотѣніе свое сотворити“ „повиннымъ ему отъ Бога рабомъ“. Если

подданные ему не повинуются, то тѣмъ самымъ они отметаются своего работнаго ига, наложеннаго на нихъ свыше. Отсюда ясно, что рабамъ „подобаетъ властелемъ не звѣрски яритися, но безсловесно смирятися".

Съ особенной настойчивостью Иванъ Грозный проводитъ мысль, что царь не долженъ „повелѣваемъ быти". Прежде всего, онъ разбирается въ самой филологіи слова: „како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?"—спрашиваетъ Грозный своего оппонента, придавая термину самодержецъ новый для того времени смыслъ, ибо этимъ терминомъ общепринято было обозначать лишь самостоятельность государя, но не характеръ управленія. Съ точки зрѣнія Грознаго, положеніе самодержца не допускаетъ, чтобы царь являлся только предсѣдателемъ въ совѣтѣ своихъ рабовъ, пользуясь только царской честью, но не властью. Земля управляется Божіимъ изволеніемъ и своимъ государемъ, но не судьями, воеводами, градоначальниками и стратигами. Подданный—рабъ, цѣликомъ зависящій отъ своего господина: „а жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жъ есмя",—категорически заявляетъ царь-публицистъ. Жалуетъ царь тѣхъ, кто служитъ царю прямую свою службу и казнитъ супротивныхъ ему. Царь всегда долженъ быть „обозрительнымъ": „овогда кротчайшимъ, овогда же ярымъ; ко благимъ убо милость и кротость, къ злымъ же — ярость и мученіе; аще ли же сего не имѣетъ, нѣсть царь: царь бо нѣсть боязнь дѣломъ благимъ, но злымъ".

Царь-публицистъ очень подробно разъясняетъ свой взглядъ, почему онъ не могъ примириться съ окружавшей его дѣйствительностью. Отношеніе бояръ и совѣтниковъ къ власти царя и особенно къ нему лично совершенно не соотвѣтствовало его идеалу. Боярство „извыкло отъ прародителей своихъ" чинить измѣны. Съ величайшей горечью, свидѣтельствующею о томъ, что царь переживалъ въ свое время, онъ вспоминаетъ горькія обиды, нанесенныя ему и его предкамъ бояр-

ствомъ. Съ этимъ правительственнымъ слоемъ царь не могъ примириться, говоритъ онъ о своей молодости. Тогда онъ обратился къ Сильвестру въ надеждѣ на его поддержку. Но Сильвестръ собралъ вокругъ себя своихъ людей, партію, выдвинулъ молодыхъ дѣтей боярскихъ (т.-е. неродословныхъ), началъ совѣтоваться съ ними тайно отъ царя, сталъ раздавать имъ грады въ управленіе и села въ вотчины, вездѣ на правительственныя мѣста провелъ своихъ сторонниковъ. Въ концѣ концовъ Сильвестръ съ своими единомышленниками „данную намъ власть отъ прародителей отъяша“, такъ что царь сдѣлался только предсѣдателемъ боярскаго совѣта. Безспорно, здѣсь мы имѣемъ намекъ на 98 статью Судебника.

Такъ самъ царь объяснялъ причины разрыва съ своими совѣтниками: онъ искалъ отъ нихъ службы, исполненія хотѣній своего самодержавства, а они стремились ограничить его власть.

Дипломатическая переписка Грознаго.

Въ полемикѣ съ Курбскимъ Грозный старался обосновать свои взгляды на отношенія между подданными и государемъ. Въ дипломатической перепискѣ съ иностранными государями Грозный старался обосновать еще различныя частности своего взгляда на государеву честь. Самолюбію Грознаго неразъ приходилось сталкиваться въ дипломатической перепискѣ со Швеціей и Польшей съ крайне недовѣрчивымъ и ироническимъ отношеніемъ къ высокой чести и родовитости Московскихъ государей: если можно было заставить своихъ подданыхъ вѣрить въ глубокую древность Рюрикова рода, самодержавство Владиміра Мономаха, то очень нелегко было того же достигнуть внуку ордынскаго данника въ своихъ сношеніяхъ съ сосѣдями. Для послѣднихъ прежде всего новостью былъ самый царскій титулъ, оффиціально впервые принятый Грознымъ Вопросъ оказался весьма щекотливымъ и непріятнымъ. Литовское правительство видѣло въ новомъ царскомъ титулѣ посягательство на русскія земли, принадле-

жащія Литвѣ, и требовало отъ Московскаго правительства объясненій по этому поводу. Иванъ Грозный оффиціальнымъ и неоффиціальнымъ путемъ (въ наказахъ посламъ) старался внушить фикцію о Мономаховомъ вѣнцѣ, о родословіи Рюрика отъ Кесаря Августа, права на царство Казанское и Астраханское. Сношенія съ Баторіемъ и шведами во время Ливонской войны дали возможность Ивану Грозному непринужденно развивать свою теорію о высотѣ россійскаго самодержавства сравнительно съ властью иностранныхъ государей. Тутъ онъ вырабатываетъ очень сложную теорію о родовитости государей и о степени ихъ власти. Эта теорія Грознаго находится въ непосредственной зависимости отъ московскаго мѣстничества.

Отношеніе къ иноземнымъ государямъ.

Издавна сношенія со шведами производились черезъ новгородскихъ намѣстниковъ. Въ 1557 году шведскіе послы протестуютъ противъ такого порядка, видя въ этомъ униженіе чести своего государства. Иванъ Грозный, отстаивая прежній порядокъ сношеній, объясняетъ шведскому правительству, что новгородскіе намѣстники—родовитые бояре, родовъ за 30 и болѣе. Между тѣмъ Свейская земля честью ниже Московской, и нельзя шведскимъ государямъ ссылаться братьями съ московскими, потому что Свейская земля—„отстоитъ отъ мѣры, какъ небо отъ земли“. Главный аргументъ для подтвержденія такого превосходства Московской земли и власти московскаго государя высказанъ Грознымъ въ его письмѣ къ королю Іоганну: „а то правда истинная, а не ложь, что ты мужичій, а не государской.. И ты скажи,—обращается московскій царь къ шведскому королю,—отецъ твой Густавъ чей сынъ и какъ дѣда твоего звали и гдѣ на государствѣ сидѣлъ?“. Съ ироніей царь требуетъ отъ потомка Густава Вазы (избранъ на шведскій престолъ въ 1521 году) письма съ объясненіемъ родословія за 400 лѣтъ.

Иванъ Грозный не хотѣлъ признавать и братства Стефана Баторія, но тутъ у него были для этого еще

особыя причины. По этому поводу Грозный развиваетъ новыя стороны своихъ государственныхъ взглядовъ. Только „въ давныя времена“ бывало такъ, „отъ какого роду кто ни буди, ино то и государь“. Въ настоящее время, по мнѣнію Грознаго, это невозможно. Между тѣмъ Баторій былъ „въ низости“ до своего избранія на польскій престолъ. Вотъ почему царь Иванъ долгое время не хотѣлъ писать Баторія братомъ, и только рядъ военныхъ неудачъ заставилъ его примириться съ 1580 года съ этой необходимостью.

Сосѣди смущали Грознаго не только отсутствіемъ родовитости правящихъ династій, но и низкой степенью ихъ власти. Такъ, король польскій—послушенъ панамъ, поэтому онъ и не коренной государь, между тѣмъ русскій самодержецъ—настоящій государь, потому что онъ воленъ добрыхъ жаловати, а лихихъ казнити; московскій государь—вотчинный, а польскій—посаженный. Также низко ставилъ Грозный и власть короля шведскаго: его королевство несовершенно, потому что вмѣстѣ съ королемъ участвуютъ въ управленіи архіепископъ и другіе совѣтники, а король „у нихъ въ головахъ, кабы староста въ волости“, писалъ московскій царь свейскому правительству. Иванъ Грозный велъ очень дружественную переписку съ англійской королевой Елизаветой и даже хотѣлъ найти въ Англіи убѣжище на случай своего изгнанія боярами. Но Грозный убѣдился въ томъ, что и власть англійскаго короля не настоящая государственная власть, и что этотъ государь также ограниченъ въ своемъ правленіи. И Грозный въ одномъ изъ своихъ писемъ къ королевѣ Елизаветѣ такъ опредѣляетъ свое отношеніе къ ея власти: „И мы чаяли того, что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь и своей государской части смотришь... Ажно у тебя мимо тебя люди владѣютъ и не токмо люди, а мужики торговые и о нашихъ государскихъ головахъ и о честяхъ и о земляхъ прибытка не смотрятъ, а ищутъ своихъ торговыхъ прибытковъ. А ты

пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чину, какъ есть пошлая дѣвица".

Грозный, какъ публицистъ.

Такова политическая теорія Грознаго. Едва ли нужно объяснять огромное политическое значеніе развитія этихъ политическихъ взглядовъ подъ талантливымъ перомъ царя-публициста. Это было оффиціальное признаніе доктрины теократическаго абсолютизма. Незачѣмъ подчеркивать связь идеологіи Грознаго съ тогдашней литературой, но надо отдать ему справедливость въ томъ, что Грозный блестяще овладѣлъ тогдашней публицистической литературой, и подъ его перомъ часто отвлеченный идеалъ пріобрѣтаетъ жизненный и красочный колоритъ. При всемъ томъ Грозный прекрасно владѣлъ языкомъ и часто употребляетъ сильныя и колоритныя выраженія. Съ другой стороны, какъ выраженіе личныхъ взглядовъ, доктрина Грознаго объясняетъ намъ причины, въ силу которыхъ царь не могъ примириться съ совмѣстной дѣятельностью въ области управленія избранной рады.

Царь не сразу порвалъ съ своими совѣтниками. Разбродъ ихъ относиться къ 1560 году, а учрежденіе опричины къ 1564 году.

Отъѣздъ въ Александровскую слободу и учрежденіе опричины.

Внѣшняя сторона зарожденія опричины не лишена театральности, къ которой такъ склоненъ былъ прибѣгать Грозный.

3 декабря 1564 года Москва съ удивленіемъ увидѣла сборы царя, повидимому, въ дальнюю дорогу: на возы укладывались иконы, кресты, различныя украшенія, сосуды, платья и царская казна. Нѣкоторымъ боярамъ, дворянамъ и ближнимъ приказнымъ людямъ царь велѣлъ отправиться съ собою въ походъ, взявъ женъ и дѣтей. Нарочито выбранные изъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе выѣзжали на коняхъ съ своими людьми. Государевъ подъемъ былъ необыченъ, и это приводило въ недоумѣніе митрополита Аѳанасія и другихъ владыкъ, бывшихъ тогда на Москвѣ. Царскій поѣздъ, къ изумленію москвичей, медленно направился по дорогѣ

въ Коломну. Потомъ оказалось, что царь поселился въ Александровской слободѣ, и только черезъ мѣсяцъ, наконецъ, разрѣшилось недоумѣніе. 3-го января 1565 г. недоумѣнная Москва была извѣщена царскими грамотами о причинѣ царскаго отъѣзда: царь прислалъ изъ слободы къ митрополиту „списокъ“, въ которомъ были писаны измѣны боярскія, воеводскія и всѣхъ приказныхъ людей. Царь положилъ свой гнѣвъ на своихъ богомольцевъ, архіепископовъ, епископовъ и все духовенство, и на бояръ: бояре разграбили землю, а духовенство за нихъ печаловалось, когда государь хотѣлъ ихъ наказывать. Царь извѣщалъ, что побуждаемый измѣнами, корыстолюбіемъ и другими пороками бояръ и высшихъ чиновъ, онъ рѣшилъ удалиться—„оставилъ свое государство и поѣхалъ гдѣ селитися, идеже его государя Богъ наставитъ“. Гостямъ, купцамъ и всему православному христіанству царь прислалъ особую грамоту, которую тоже приказалъ прочесть. Въ ней царь писалъ, чтобъ они себѣ никаго сомнѣнія не держали, никакого гнѣва и опалы на нихъ нѣтъ. Толпа оказалась не на сторонѣ бояръ и потребовала, чтобы митрополитъ и духовенство отправились упросить царя возвратиться на царство. Въ Александровской слободѣ царь Иванъ принялъ ихъ челобитье, но съ тѣмъ, что ему на всѣхъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалу класть, а иныхъ казнить, имѣнія ихъ брать въ казну и учредить себѣ въ своемъ государствѣ опричину.

Такъ зародилось это оригинальное учрежденіе.

Политическій смыслъ опричины.

Изслѣдователи далеко не могутъ согласиться въ объясненіяхъ смысла опричины. Съ точки зрѣнія *Соловьева*, устроеніемъ опричины глава государства удалился изъ государства; съ точки зрѣнія *проф. Ключевскаго* опричина есть полицейское учрежденіе. Но въ послѣднее время, благодаря разъясненіямъ *проф. Платонова*, наука ближе подошла къ уразумѣнію смысла опричины. Это не плодъ больного ума или стремленія къ полицейскому сыску, но въ опричинѣ, подъ оболочкой тра-

гическаго и комическаго, кроется глубокій политическій смыслъ. Основная мысль опричины состояла въ раздѣленіи городовъ и волостей на земщину и опричину. Смыслъ послѣдней объясняетъ географическая карта. Въ общемъ, въ опричину взято около половины государства.

Прежде всего въ опричину были взяты многія центральныя части государства. Въ числѣ взятыхъ городовъ видимъ Суздаль съ Шуею и Балахною, которыми владѣли предки князей Шуйскихъ. Потомъ взятъ Галичъ съ его пригородами, Чухломою, Унжею и др.: этотъ край представлялъ собою еще сравнительно недавно удѣльное княжество и тогда же, при прадѣдѣ Грознаго, велъ упорную борьбу съ Москвою. Затѣмъ къ опричинѣ отошли Кострома, Переяславль, Ярославль, Чаронда, отдѣльныя улицы и слободы въ Москвѣ, Можайскъ съ Вязьмой, Заоцкіе города и др. Все это мѣстности, гдѣ живы были преданія удѣльно-княжеской эпохи, гдѣ сидѣли князья, потомки удѣльныхъ владѣтелей. Наконецъ, въ опричину вошла часть торговой стороны Великаго Новгорода, земли Строгановыхъ и Соль Вычегодская, Поморье съ Вагой, Вологдой, Устюгомъ, Каргополемъ. Далѣе, въ опричину были взяты центральныя части государства и полосы къ Великому Новгороду, устью Сѣверной Двины и къ Уралу, т. е. центръ и торговые пути къ торговымъ окраиннымъ пунктамъ. Привлеченіе къ опричинѣ торговыхъ путей и торговыхъ пунктовъ понятно: эти земли были взяты въ опричину на государевъ обиходъ, т. е. на содержаніе двора и другіе расходы. Но переводъ въ опричину центральныхъ мѣстностей имѣетъ болѣе глубокую причину. Въ опричину былъ набранъ новый контингентъ военно-служилыхъ людей сначала въ количествѣ 1000 человѣкъ, а потомъ ихъ было набрано до 6000. По обычаю того времени государева служба оплачивалась земельнымъ жалованьемъ, т. е. помѣстьями и вотчинами. Подъ благовиднымъ предлогомъ испомѣ-

щенія новаго служилаго люда, набраннаго изъ различныхъ низовъ тогдашняго общества, изстаринные вотчинники выводились изъ своихъ вѣками владѣемыхъ вотчинъ, и на ихъ мѣста водворялись новые государевы служилые люди, исключительно преданные государю и отъ него лично зависящіе. Тутъ дѣйствовали уже соображенія политическаго характера: родовая аристократія должна была потерять свои изстаринныя связи съ мѣстностями, гдѣ были ея родовыя владѣнія, гдѣ населеніе искони привыкло относиться къ ней съ большимъ почтеніемъ, какъ къ государямъ „Рустѣй земли“, и гдѣ населеніе сознавало, что въ качествѣ вотчинниковъ сидятъ потомки самостоятельныхъ государей, перешедшихъ добровольно на службу къ Москвѣ или покоренныхъ ею; наконецъ, въ своихъ родовыхъ вотчинахъ родовитое княжье и боярство пользовалось еще нѣкоторыми привиллегіями государственнаго характера. Вотъ какого рода вотчины насильственно были отняты отъ ихъ владѣльцевъ, и на мѣстахъ послѣднихъ были посажены опричники. Такъ пошли въ опричину изстаринныя вотчины князей Одоевскихъ, Трубецкихъ, Воротынскихъ, Голицыныхъ, Мстиславскихъ и другихъ. Князь Андрей Курбскій хорошо отмѣтилъ значеніе опричины въ этомъ смыслѣ, указавъ на то, что „еще тѣ княжата были на своихъ удѣлѣхъ и велія отчины подъ собою имѣли; а колико тысящъ съ нихъ—не чту—воинства было, слугъ ихъ.“ Такимъ образомъ, въ глазахъ князя Курбскаго опричина явилась борьбой противъ остатковъ удѣльнаго порядка, противъ остатковъ государственныхъ правъ, связанныхъ съ владѣніями, принадлежащими потомкамъ удѣльныхъ князей; среди этихъ правъ и было право держать особое воинство, съ которымъ княжье выступало въ походъ по требованію государя всея Руси. Иванъ IV, слѣдовательно, въ болѣе широкомъ масштабѣ повторилъ ту самую мѣру, которую по частямъ пробовалъ провести еще Иванъ III, распуская дворы новгородскихъ бояръ

и переводя боярскихъ слугъ на государеву службу, въ личную отъ себя зависимость. Такъ нарушались старинныя традиціи поземельнаго и аристократическаго уклада жизни, и клалось основаніе новымъ связямъ; такъ подрывалось и моральное, и политическое, и матеріальное положеніе родовитой аристократіи.

Такимъ образомъ, опричина преслѣдовала съ одной стороны цѣли политическія, а съ другой стороны— переводъ торговыхъ городовъ и путей въ опричину нуженъ былъ царю для того, чтобы дѣйствительно обставить государевъ обиходъ съ матеріальной стороны.

Униженіе родовой аристократіи.

Нельзя отрицать того, что имущественный разгромъ аристократіи сопровождался разгромомъ ея представителей. Грозному казалось недостаточнымъ вырвать родовитыхъ людей изъ мѣстностей, гдѣ населеніе считало ихъ государями Русской земли, гдѣ въ памяти населенія сохранились преданія о былой политической власти княжья: путемъ опалъ, казней и конфискацій вотчинъ онъ уменьшилъ численно классъ родовой аристократіи. Заставляя нѣкоторыхъ изъ потомковъ удѣльныхъ князей исполнять при своемъ дворѣ невысокія придворныя должности, мѣнять дѣдовскую боярскую шапку на шутовской колпакъ, разъѣзжать въ свитѣ опричниковъ, Грозный губилъ престижъ этой старинной аристократіи и въ глазахъ народа и въ ея собственныхъ.

Княжескія вотчины.

Но противъ княжья и боярства, особенно противъ перваго элемента, Грозный дѣйствовалъ не одной опричиной. Онъ воспользовался для борьбы еще однимъ путемъ, подсказаннымъ ему его отцомъ и дѣдомъ. Княженецкія вотчины искони пользовались особыми привиллегіями и особенностями въ правахъ наслѣдованія. Уже Иванъ III запретилъ нѣкоторымъ княжескимъ родамъ продавать свои вотчины и отдавать по душѣ безъ государева вѣдома. Указы Грознаго 1562 и 1573 г.г. распространяютъ эту мѣру на всѣхъ княжатъ: запрещено продавать, мѣнять, дарить, давать въ приданое

княженецкія вотчины. Владѣніе ихъ переходитъ только къ сыновьямъ, а при отсутствіи таковыхъ вотчина переходитъ на государя. Переходъ вотчины по завѣщанію къ близкимъ родственникамъ поставленъ въ зависимость отъ усмотрѣнія правительства: „посмотря по вотчинѣ, по духовной и по службѣ". Женщины лишены права наслѣдованія: дочь и сестра—не наслѣдницы, вдова получаетъ прожиточную часть, которая по ея смерти переходитъ въ казну. Цѣль этихъ указовъ двоякая: обезпеченіе государевой службы и амморти-зація вотчинъ.

Паденіе аристократіи.

Вообще, Грозный сильнѣе билъ по княжью, чѣмъ по боярству. Курбскому, наблюдавшему развитіе опричины издалека, даже казалось, что „кровопійственный родъ Калиты" желалъ „братіи своей крови ради окаянныхъ вотчинъ, несытства ради своего". Мѣры Грознаго, дѣйствительно, привели къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ онъ стремился. Паденіе престижа родовой аристократіи подмѣчено было уже при ближайшихъ преемникахъ Грознаго. Это было подмѣчено наблюдательнымъ англичаниномъ Флетчеромъ, слова котораго представляютъ собою ключъ къ пониманію опричины. Онъ говоритъ, что „Грозный, учредивъ опричину, захватилъ ихъ общественныя земли, за исключеніемъ весьма незначительной доли, и далъ княжатамъ другія земли въ видѣ помѣстій, которыми они владѣютъ, пока угодно царю, въ областяхъ, столь отдаленныхъ, что тамъ они не имѣютъ ни любви народной, ни вліянія, ибо они не тамъ родились и не были тамъ извѣстны. Теперь высшая знать, называемая удѣльными князьями, сравнена съ остальными; только лишь въ сознаніи и въ чувствѣ народномъ сохраняетъ она нѣкоторое значеніе и до сихъ поръ пользуется внѣшнимъ почетомъ въ торжественныхъ собраніяхъ". Такимъ образомъ, къ XVII в., по утвержденію современника, многіе старинные роды безъ остатку миновались. Дѣйствительно, XVII вѣкъ застаетъ уже въ значительной мѣрѣ новое боярство, въ

XVII вѣкѣ списки думныхъ людей заключаютъ въ себѣ не болѣе $^1/_3$ фамилій, бывавшихъ въ Думѣ въ XVI вѣкѣ при прежнихъ династіяхъ, да и тѣ часто принадлежатъ къ второстепеннымъ отраслямъ этихъ фамилій.

Борьба съ монастырскимъ землевладѣніемъ.

Но въ поземельной политикѣ Грозный пошелъ дальше. Стоглавый Соборъ не поддержалъ его въ вопросѣ, касающемся монастырскаго землевладѣнія, хотя это не помѣшало Грозному закономъ 1551 г. положить первое ограниченіе прилива земельныхъ вкладовъ въ монастыри. Указомъ 1562 г. прямо воспрещалось давать вклады изъ княжескихъ вотчинъ, а законъ 1573 г. уже вообще воспрещаетъ отдавать въ монастыри родовыя и княжескія и боярскія вотчины, при чемъ это касается какъ бѣдныхъ землями монастырей, такъ и богатыхъ; впрочемъ, съ государева доклада могли быть даваемы пожертвованія въ малоземельные монастыри. Соборы 1580 и 1584 г.г. уже пошли значительно дальше въ этомъ направленіи. Запретивъ земельные вклады въ монастыри, эти соборы разрѣшали лишь денежные вклады. Но для нашей цѣли особенный интересъ представляетъ собою мотивировка соборнаго уложенія 1580 года. Это былъ церковный соборъ, а между тѣмъ онъ констатируетъ, что многія села и пожни, отданныя Богу, запустѣли при монастырскомъ управленіи, достояніе идетъ „на пьянственныя и на иныя скверныя протори“; приговоръ намекаетъ на тяжбы, которыя ведутся монастырями изъ-за земель, и предполагаетъ ввести какое-то уравненіе церковныхъ доходовъ между владыками, старцами и старицами такъ, чтобы всѣмъ доставало „елика на пропитаніе и одежды потребно“, но чтобы эти доходы не давали повода къ пьянству и непотребству; предполагается и секуляризація нѣкоторой части церковныхъ земель, не подвергающихся обработкѣ. Легко догадаться, что соборные отцы едва ли были расположены заниматься самобичеваніемъ, признаваясь въ пьянственномъ и непотребномъ житіи: во всей этой мотивировкѣ сквозятъ взгляды самого Ивана

Грознаго,—тѣ самые, которые онъ выдвигалъ еще въ 1551 году, но которые онъ тогда еще не рѣшался провести въ законодательномъ порядкѣ.

Такимъ образомъ, Грозный въ періодъ опричины велъ борьбу и путемъ казней и путемъ законодательнымъ съ тѣми самыми элементами, съ которыми онъ ее началъ въ годы своей ранней молодости.

Разгромъ конституціоналистовъ и измѣненіе состава земскаго собора.

Однако былъ еще одинъ элементъ, который Грознымъ не оставленъ безъ преслѣдованія. Мы видѣли, что несогласіе Грознаго съ кружкомъ избранной рады главнымъ образомъ заключалось въ томъ пунктѣ, который касался умаленія его власти. Грозный отвѣтилъ и сторонникамъ „предсѣданія“ царя въ Думѣ, а не самовластнаго управленія: онъ началъ преслѣдованія сторонниковъ Адашева. Такъ потерпѣла разгромъ и направленіе, выдвигавшее принципъ соборности въ управленіи государствомъ. Правда, въ 1566 г. Иванъ Грозный созвалъ земскій соборъ по вопросу о продолженіи Ливонской войны. Обыкновенно думаютъ, что первые два собора 1550 и 1566 г.г. рѣзко отличались отъ соборовъ самого конца XVI вѣка и XVII в., такъ какъ на нихъ отсутствовали земскіе элементы въ собственномъ смыслѣ. Мы уже выше показали, что такого предположенія не слѣдуетъ дѣлать относительно собора 1550 года; но совершенно вѣрно, что соборъ 1566 г. былъ составленъ Грознымъ изъ военно-административныхъ элементовъ и частью изъ заинтересованнаго купечества, именно потому, что самая идея царя сводилась къ модификаціи въ этомъ смыслѣ соборнаго состава.

Такъ, въ общемъ программа періода опричины является однородной съ программой предшествующаго періода.

Управленіе земщины и опричины.

Но опричина заключала въ себѣ еще одну черту, съ большимъ трудомъ поддающуюся объясненію. Земство и опричина, каждая имѣли свое особое управленіе; въ опричинѣ былъ особый царскій дворъ, оприч-

ные приказы, опричные бояре и дьяки и свои особые доходы. По словамъ лѣтописи, царь приказалъ всѣмъ земскимъ чинамъ „быти по своимъ приказомъ и управу чинити по старинѣ, а о большихъ дѣлѣхъ приходити къ бояромъ“. Во главѣ земщины были поставлены бояринъ князь И. Д. Бѣльскій и князь И. Ѳ. Мстиславскій, подъ руководствомъ которыхъ продолжала функціонировать Боярская Дума. Только для великихъ земскихъ дѣлъ и ратныхъ вѣстей бояре получили приказаніе приходить съ докладомъ къ государю, а государь, „приговоря съ бояры, тѣмъ дѣламъ управу велитъ чинити“. Опричные бояре въ особо важныхъ случаяхъ сходились съ земскими для совѣщанія. Вообще, все опричное управленіе было построено по образцу удѣльно-княжескаго управленія, съ преобладающимъ значеніемъ княжескаго дворца. Въ довершеніе описаннаго раздѣленія земщины и опричины, государь „посадилъ на великое княженіе“ крещенаго Касимовскаго царевича, Симеона Бекбулатовича. Самъ Грозный сталъ именоваться „государемъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ Московскимъ“. Такимъ образомъ, появился еще и земскій картонный царь. Если смыслъ выдѣла въ опричину земель теперь можно признать достаточно яснымъ, то съ трудомъ поддается объясненію двойственность царской власти. Положимъ, управленіе опричиной вытекаетъ изъ выдѣленія царскаго обихода изъ земства. Въ Москвѣ не нашли способовъ, какъ выдѣлить земское и государево управленіе: вѣдь государственное управленіе выросло изъ великокняжескаго дворца, было расширеннымъ дворцомъ, приложеннымъ къ нуждамъ громаднаго государства. Очень понятно, что когда понадобилось устроить собственное дворцовое управленіе, то его взяли готовымъ, такъ какъ государство управлялось дворцовыми органами. Очевидно, для земскаго, т. е. государственнаго, управленія въ собственномъ смыслѣ, не нашлось въ старомъ строѣ готовыхъ образцовъ.

Попытка отдѣленія дворцоваго управленія отъ государственнаго.

Но едва ли можно удовольствоваться объясненіемъ самой системы опричнаго и земскаго управленія. Вѣдь Грозный былъ достаточно могущественъ для того, чтобы подорвать поземельныя отношенія родовой аристократіи и безъ созданія отдѣльнаго управленія. Во всемъ этомъ странномъ инцидентѣ, какъ кажется, была заложена, правда, въ весьма причудливыхъ формахъ, недоразвившаяся идея отдѣленія личнаго дворцоваго управленія отъ государственнаго. Она, кажется, можетъ быть объяснена аналогіей съ ростомъ западно-европейскихъ учрежденій. Французскія государственныя учрежденія первоначально своимъ происхожденіемъ имѣли королевскій дворецъ. Но по мѣрѣ роста государственныхъ началъ, этотъ дворецъ обросталъ учрежденіями, имѣющими характеръ и назначеніе государственныхъ. Такимъ образомъ, дворецъ выдѣлялся изъ области государственныхъ отношеній и управленія. Въ основу этого раздѣленія легло правовое различіе между личностью государя и государствомъ. Такую же аналогію, т. е. постепенный ростъ понятій о различіи личности и личныхъ отношеній государя отъ государства, можно наблюдать и въ строѣ Литовско-русскаго государства, при чемъ и періоды этого правового сознанія совпадаютъ. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ такимъ же наростаніемъ новыхъ правовыхъ понятій и въ Московскомъ государствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, оппозиціонная литература изучаемаго періода свидѣтельствуетъ о широкомъ государственномъ развитіи ея авторовъ. Въ выдвиганіи на первый планъ земства чувствуется ясно сознанная мысль о томъ, что дѣятели эпохи не считаютъ государства царской вотчиной. Очень возможно, что и Грозный сдѣлалъ попытку провести эту идею на практикѣ, что, конечно, не могло мѣшать его самодержавству, какъ такое же раздѣленіе не уменьшало абсолютизма французскихъ Капетинговъ. Но раздѣленіе царскаго дворца отъ земщины не выросло органически и притомъ проводилось съ такими пріемами, которые

не могли вселить сознанія необходимости раздѣленія. Къ концу царствованія Грозный уничтожилъ опричину, и дворецъ снова слился съ государствомъ въ сферѣ управленія. Если предложенное объясненіе раскрываетъ нѣсколько самый смыслъ раздѣленія государства на опричину и земщину, то оно еще не разъясняетъ инцидента съ Симеономъ Бекбулатовичемъ.

Роль земскаго „царя".

Дѣйствительно, казалось бы, это такая причуда, которой трудно было бы найти объясненіе, имѣющее государственное значеніе. Правда, здѣсь мысль выражена въ очень странной формѣ, но тѣмъ не менѣе, кажется, назначеніе Касимовскаго царя Симеона главою земскихъ бояръ имѣетъ значеніе. Царь приказалъ Симеону отобрать у монастырей и церквей духовныя завѣщанія и дарственныя записи на поземельныя имущества. Самому царю, предки котораго жаловали на монастыри, это сдѣлать было неудобно, и порученіе дано картонному царю, крещеному магометанину. Впослѣдствіи Иванъ IV часть земель возвратилъ, но часть удержалъ себѣ. Очень вѣроятно, что участіе Симеона Бекбулатовича очень удобно было и для проведенія мѣропріятій противъ монастырскаго землевладѣнія.

Связь перваго періода правленія и эпохи опричины.

Мы разсмотрѣли основныя явленія опричины. Но приступая къ знакомству съ ней, мы исходили изъ того убѣжденія, что періодъ опричины вовсе не явился новымъ періодомъ въ смыслѣ постановки новой правительственной программы: и въ этотъ періодъ Иванъ Грозный ставилъ въ своей правительственной дѣятельности тѣ же задачи, какія онъ преслѣдовалъ тогда, когда опирался на содѣйствіе избранной рады. Это ясно видно отчасти изъ того основного смысла, который скрываетъ въ себѣ сама идея опричины, но сказанное положеніе можно подтвердить еще и другимъ соображеніемъ.

„Тысячная книга".

Какъ это ни странно можетъ показаться, но идея опричины, правда въ болѣе слабой зачаточной формѣ, была использована еще избранной радой. Въ 1550 году

изданъ былъ государевъ указъ о выборѣ 1000 человѣкъ изъ числа родовитой аристократіи и объ испомѣщеніи ихъ подъ Москвой для государевой службы и разныхъ посылокъ. Этимъ избраннымъ служилымъ людямъ были отведены помѣстья въ окружности Москвы на разстояніи до 70 верстъ отъ нея въ Московскомъ, Дмитровскомъ, Лужскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ. Согласно указу, испомѣщено всего 1078 семействъ. Тысячная книга, въ которой записаны испомѣщенные, представляетъ намъ всю эту группу служилыхъ людей составленною изъ весьма аристократическихъ элементовъ: въ числѣ 120 именъ первой и второй статьи встрѣчаемъ 28 бояръ; особенно интересна группа княжья: 16 князей встрѣчаемъ среди бояръ и первыхъ статей испомѣщенныхъ и 200 князей среди дѣтей боярскихъ. Такимъ образомъ, цвѣтъ родовитой аристократіи изъ центральныхъ мѣстностей, изъ Калужской, Тульской, Рязанской, Владимірской, Костромской, Ярославской, Тверской, Смоленской, переведенъ подъ Москву, сдвинутъ съ своихъ старинныхъ мѣстъ, съ насиженныхъ гнѣздъ, подъ благовиднымъ и почетнымъ предлогомъ государевой дворцовой службы. Княжье переведено цѣлыми гнѣздами: 12 князей Карачевскихъ, 15 Звенигородскихъ, 29 Оболенскихъ, Стародубскіе и Ярославскіе края были почти очищены отъ княжья,— переведено 41 ярославскихъ князей. Нетрудно догадаться, что основная мысль, руководившая переселеніемъ служилыхъ людей въ 1550 году, была та же, которая руководила Грознымъ при устроеніи имъ опричины, но избранная рада эту идею проводила мягче и осторожнѣе: она стремилась къ разрыву родовой аристократіи съ ея изстаринными вотчинами и къ тому, чтобы сдѣлать ее исключительно придворной аристократіей. Та самая мысль руководила въ обоихъ случаяхъ, которую много позже проводили въ жизнь французскіе короли и особенно Людовикъ XIV.

Составъ опричнаго правительства.

Эпоха опричины сближается съ предшествующимъ правительственнымъ періодомъ и по тѣмъ элементамъ,

на которые опирался Грозный. Правда, намъ мало извѣстенъ составъ правительства Грознаго въ періодъ опричины, но Курбскій достаточно отчетливо характеризуетъ ту среду, изъ которой они вербовались. По словамъ Курбскаго, то были, во первыхъ, осифлянскіе мнихи, во вторыхъ „писари, которыхъ Великій Князь зѣло возлюбилъ и избираетъ не отъ шляхетскаго роду, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ или отъ простого всенародскаго". Курбскій, самъ нѣкогда дѣйствовавшій въ союзѣ съ поповичемъ и съ человѣкомъ отъ всенародства, теперь въ Литвѣ въ значительной мѣрѣ поддался вліянію аристократическихъ тенденцій и неразъ ихъ высказывалъ въ письмахъ къ Грозному. Онъ вѣрно подмѣчаетъ нарождающееся вліяніе бюрократическаго элемента, на который такъ охотно опирается Грозный. Съ другой стороны, надо помнить, что осифлянскіе мнихи обычно также по своему происхожденію восходятъ къ простому всенародству. Таковъ кругъ, по словамъ Курбскаго, вселукавыхъ совѣтниковъ царя. Да и самъ царь приблизительно въ такомъ же родѣ характеризуетъ своихъ ближайшихъ помощниковъ. Въ письмѣ къ близкому человѣку, Василію Грязнову, Иванъ Грозный объясняетъ: „правда, что грѣха таить, отца нашего и наши бояре стали намъ измѣнять, и мы васъ, мужиковъ, къ себѣ приблизили, надѣясь отъ васъ службы и правды. А помянулъ бы,— обращается царь къ своему корреспонденту, свое и отцовское величество въ Алексинѣ: такіе и въ станицахъ ѣзжали; ты самъ въ станицѣ у Пенинскаго былъ мало что не въ охотникахъ съ собаками, а предки твои у Ростовскихъ владыкъ служили". Вотъ тотъ кругъ худородныхъ страдниковъ, на которыхъ опирался опричный царь. Очень понятно, что такіе элементы охотно содѣйствовали царю въ его борьбѣ съ родовитой аристократіей. Недаромъ тотъ же Василій Грязной, будучи въ плѣну у Крымскаго хана, хвалился въ письмѣ къ царю, что и тамъ не забываетъ своего опричнаго дѣла—

губитъ царскихъ измѣнниковъ: „въ Крымѣ что было твоихъ собакъ измѣнниковъ, и Божіемъ милосердіемъ я всѣхъ перекусалъ, всѣ тайно пали отъ руки моей“.

Эпоха опричины.

Такъ царь окружилъ себя новыми людьми, выдвигалъ ихъ, ведя въ то же время войну противъ установившихся и вліятельныхъ элементовъ тогдашняго общества. Онъ вступилъ въ управленіе государствомъ, объявивъ борьбу княжью, боярству и монастырскому землевладѣнію, онъ оканчивалъ свое управленіе въ судоржной и жестокой борьбѣ съ тѣми же элементами. Правительственная программа была такимъ образомъ однородна, но весьма неоднородны были способы ея проведенія. Въ самомъ дѣлѣ, факты опричины внушаютъ къ себѣ ужасъ и отвращеніе и вовсе не могутъ быть оправданы сознаніемъ необходимости проведенія той или иной государственной идеи. Не можетъ служить оправданіемъ Грозному также и то соображеніе, что многія казни были вызваны оппозиціей, которую несомнѣнно онъ встрѣчалъ на своемъ пути. Одинъ-другой эпизодъ изъ періода опричины можетъ дать ясное понятіе о томъ, что тогда дѣлалось. Въ Александровской слободѣ царь устраиваетъ нѣчто вродѣ монастыря, въ которомъ самъ же является игуменомъ. Церковныя служенія, часто ночныя, смѣняются то порывистой дѣятельностью, то пирами, во время которыхъ царь не одного изъ своихъ близкихъ отправилъ на тотъ свѣтъ при малѣйшемъ противорѣчіи. Походъ на Новгородъ и Тверь сопровождался рядомъ крайнихъ жестокостей; убіеніе удѣльнаго князя, двоюроднаго брата царя Владиміра Андреевича, наконецъ убіеніе собственнаго сына,—все это тяжелыя проявленія жестокости, подъ которыми скрываются періоды душевнаго нестроенія, душевной болѣзни. Эти періоды проходятъ, и тогда острота ума возвращается къ царю: стоитъ вспомнить такіе объективные памятники, какъ литературныя произведенія Грознаго этой эпохи, наприм., его посланіе въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь или его письма къ

Стефану Баторію и королю Шведскому,—вездѣ онъ проявляетъ рѣдкое остроуміе, начитанность и умѣнье владѣть перомъ.

Значеніе времени Грознаго.

Несмотря на всю эту ужасную обстановку, въ которой проходитъ дѣятельность Грознаго въ періодъ опричины, все же слѣдуетъ въ заключеніе сказать, что Грознымъ проводилась и въ этотъ періодъ та же правительственная программа, что и въ предшествующій. Вообще, эта эпоха является важнѣйшимъ моментомъ въ созданіи Московскаго государства и притомъ такимъ, который опредѣлилъ собою и дальнѣйшее направленіе исторической жизни. Она порвала связи съ тѣми явленіями общественной жизни, въ которыя сталъ превращаться удѣльный порядокъ, именно съ нарастающей силой аристократическаго элемента и съ преобладающей экономической силой церковнаго землевладѣнія; въ эту эпоху были подавлены и тѣ интеллектуальныя силы, которыя, выставляя принципъ соборности для совѣта царя и земли, также несочувственно относились къ указаннымъ явленіямъ.

М. Довнаръ-Запольскій.

Смута *).

На рубежѣ XVI—XVII в.в. Московское государство пережило глубокій соціально-политическій кризисъ, который принялъ столь широкіе размѣры, что угрожалъ одно время полнымъ распадомъ государства и національности.

Если мы вспомнимъ идеологію русскихъ книжныхъ людей XVI в., превозносившихъ православное, самодержавное, „Богомъ хранимое“ Русское государство, то намъ станетъ понятнымъ потрясающее впечатлѣніе, какое произвела анархія Смутнаго времени, какъ на современниковъ Смуты, такъ и на ихъ ближайшихъ потомковъ. „Ни едина книга богословецъ, ниже житія святыхъ, ни царственныя книги, ни хронографы, ни историки, ни прочія повѣстныя книги не произнесоша намъ таковаго наказанія ни на едину монархію, ниже на царства и княженія, еже случися надъ превысочай-

---

*) *Важнѣйшая литература*: Памятники см. „Русская Историческая Библіотека“ т. XIII. Разбору содержанія и значенія этихъ памятниковъ посвящено сочиненіе *проф. Платонова*. „Древне-русскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени“; Собраніе госуд. грам. и догов. т. II; Акты Археогр. Экспед. т.т. II и III; Русская Историч. Библ. т. I; Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ въ изд. *Устрялова*, изд. 3, 1859 г.; Сказанія о Смутномъ времени Массы и Гаркмана; Записки гетмана Жолкевскаго; „Новый лѣтописецъ“ (Временникъ Общ. Ист. и др. р. кн. 17); *Соловьевъ*. „Исторія Россіи“, т. VIII; *Костомаровъ*. „Смутное время Московскаго государства“; *Онъ же*. „Личности Смутнаго времени“ (Вѣстн. Евр. 1871 г. іюнь); *Забѣлинъ*. „Мининъ и Пожарскій“. М. 1883 г.; *Платоновъ*. „Очерки по исторіи

шею Россіею“,—такъ пишетъ одинъ изъ очевидцевъ Смуты.

Памятники и литература о Смутѣ.

Этимъ сильнымъ психическимъ переживаніямъ мы обязаны тѣмъ, что имѣетъ богатую литературу источниковъ о Смутѣ. Помимо оффиціальныхъ актовъ, относящихся къ дѣятельности правительства со времени царей Ѳеодора Ивановича и Бориса Годунова, вплоть до грамотъ, издававшихся отъ имени временнаго правительства 1-го и 2-го земскихъ ополченій 1611-1612 г.г., помимо лѣтописныхъ данныхъ, записокъ о Смутѣ иностранцевъ, мы имѣемъ цѣлый рядъ литературныхъ произведеній, принадлежащихъ перу современниковъ и очевидцевъ Смуты. Сюда относятся многочисленныя сказанія и повѣсти о Смутномъ времени, очень разнообразнаго характера. Тутъ есть и произведенія лѣтописнаго типа, (каковы, напримѣръ, Хронографъ 1617 г., такъ называемое „Иное сказаніе“, „Новый лѣтописецъ“ и пр.), сочиненіе эпическаго характера, каково знаменитое Сказаніе о Смутномъ времени Троицкаго келаря Авраамія Палицына, разныя сказанія о самозванцѣ и повѣсти о чудесныхъ видѣніяхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, Владимірѣ, и Великомъ Новгородѣ, Житіе царевича Дмитрія и разныя др. „житія“, тутъ есть и подметное сочиненіе („Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ“) и „Плачъ о плѣненіи и о конечномъ разореніи Московскаго государства“; сюда же нужно отнести такія произведенія, которыя носятъ отчасти характеръ мемуаровъ очевидцевъ Смуты, какъ, напримѣръ, Временникъ дьяка Ивана

Смуты въ Московскомъ государствѣ“ въ изд. Историко-фил. фак. Спб. Унив. 1899 г., изд. 2-ое 1901 г.; „Люди Смутнаго времени“ (Прилож. къ Вѣстнику и Библ. Самообраз. 1905 г.); „Безумное молчаніе“— ст. *А. И. Яковлева* въ Сборникѣ въ честь проф. В. О. Ключевскаго, М. 1910 г.; *Середонинъ*. Сочиненіе Дж. Флетчера „Of the common Wealth, какъ историч. источникъ“. Спб. 1891 г.; „Изборникъ“ *А. П. Попова*. М. 1869 г.; *Голохвастовъ*. „Земское дѣло въ Смутное время“— (Русь 1883 г., №6); *Васенко*. „Дьякъ Иванъ Тимофеевъ“. Спб. 1908 г.; *Рождественскій*. „Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка“. Спб. 1897 г.

Тимофеева, повѣсти князей Катырева-Ростовскаго, Шаховскаго и Хворостинина.

Всѣ эти произведенія сообщаютъ фактическія свѣдѣнія объ обстоятельствахъ Смутнаго времени, даютъ характеристики отдѣльныхъ историческихъ дѣятелей, дѣлаютъ даже попытки объяснить причины „великой разрухи"; но все это, разумѣется, подъ угломъ зрѣнія книжнаго человѣка первой половины XVI в., объяснявшаго бѣдствія Смуты наказаніемъ Божіимъ за грѣхи русскихъ людей, съ сильной примѣсью легенды, субъективизма, личнаго и партійнаго пристрастія.

Соловьевъ, Костомаровъ и Забѣлинъ.

Такой характеръ источниковъ, а также большая сложность процесса, приведшаго Московское государство къ кризису въ началѣ XVII в., повели къ большому разномыслію современной исторической литературы, какъ о причинахъ, такъ и объ отдѣльныхъ личностяхъ Смутнаго времени, въ особенности о происхожденіи перваго Самозванца, о чемъ источники не даютъ точныхъ и согласныхъ данныхъ. Въ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ г.г. XIX ст. появились три капитальныхъ сочиненія по исторіи Смуты. Это—VIII-й томъ „Исторіи Россіи" *Соловьева*, посвященный Смутному времени, „Смутное время Московскаго государства" (въ 3-хъ т.т.) *Костомарова* и „Мининъ и Пожарскій" *Забѣлина*. *Соловьевъ*, использовавъ большую часть извѣстныхъ въ то время источниковъ о Смутѣ, далъ объективную и обстоятельную фактическую исторію этой замѣчательной эпохи. Но въ своемъ объясненіи причинъ возникновенія Смуты знаменитый историкъ пошелъ немногимъ дальше такихъ бытописателей первой половины XVII в., какъ дьякъ Иванъ Тимофеевъ или Авраамій Палицынъ, усматривая главную причину Смуты въ неудовлетворительномъ состояніи народной нравственности въ Московскомъ государствѣ. Талантливо написанная книга *Костомарова* читается съ захватывающимъ интересомъ и легкостью беллетристическаго произведенія. При изслѣдованіи во-

проса о причинахъ Смуты*) Костомаровъ исходитъ изъ той мысли, что Смутная эпоха ничего не измѣнила, не внесла ничего новаго въ государственный порядокъ, въ соціальный укладъ, и отсюда приходитъ къ тому заключенію, что причинъ Смуты слѣдуетъ искать не внутри, а внѣ Россіи. То была эпоха, когда соперничество между двумя государствами восточной Европы, между православной Москвой и католической Рѣчью Посполитой, достигло крайняго напряженія. Іезуиты и польскій король Сигизмундъ III рѣшили воспользоваться благопріятными обстоятельствами, чтобы нанести сильнѣйшій ударъ православію и Москвѣ. Первый самозванецъ, это—продуктъ польской интриги. И въ дальнѣйшемъ развитіи Смуты домогательства поляковъ имѣютъ первостепенное значеніе. Кромѣ того, характерную черту въ воззрѣніяхъ Костомарова составляетъ рѣзко критическій, обличительный взглядъ на отдѣльныхъ историческихъ дѣятелей Смутной эпохи, не исключая героевъ второго земскаго ополченія, Минина и Пожарскаго **) По этому поводу въ горячую полемику съ Костомаровымъ вступаетъ извѣстный историкъ-археологъ *Забѣлинъ*. Свою книгу о Смутѣ онъ посвящаетъ главнымъ образомъ обстоятельной характеристикѣ Нижегородскаго ополченія и реабилитаціи его главныхъ вождей, Минина и Пожарскаго, попутно высказывая и общія соображенія о Смутной эпохѣ. Высказывая совершенно правильную мысль, что „Смутное время тѣмъ особенно любопытно и достопамятно, что оно въ полной мѣрѣ раскрыло русскую жизнь со всѣхъ сторонъ“, Забѣлинъ, однако, нѣсколько односторонне приписываетъ главное участіе въ Смутѣ „боярско-дружинному“ элементу, при томъ слишкомъ идеализируя „сиротународъ“.

Ключевскій и Платоновъ.

На болѣе широкую почву розысканій о соціально-

*) См. послѣднюю главу III-го т. сочиненія Костомарова.

**) Этотъ взглядъ Костомаровъ развиваетъ въ статьѣ „Личности смутнаго времени“ (Вѣстн. Евр. 1871 г. іюнь).

политическомъ строѣ Московскаго государства стали новѣйшіе историки, проф. *Ключевскій* и *Платоновъ*. Послѣдній, въ своихъ „Очеркахъ по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ“, на основаніи новаго пересмотра источниковъ, даетъ во многихъ отношеніяхъ исчерпывающую характеристику главныхъ моментовъ эпохи, а также и причинъ, ее подготовившихъ Къ разсмотрѣнію этого послѣдняго вопроса мы и перейдемъ.

Причины Смуты.

Государственный кризисъ, начало котораго историки относятъ обыкновенно къ 1601 г., не былъ чѣмъ-то внезапнымъ и неожиданнымъ. Смута уже, такъ сказать, носилась въ воздухѣ, чуялась нѣкоторыми наблюдательными современниками 60-70-хъ г.г. XVI ст. (таковы, напр., авторъ политическаго памфлета „Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ“, англичанинъ Флетчеръ и др.).

На мысль о возможности междоусобія наталкивали послѣдствія кровавой политики Грознаго съ его опричиной, возможность пресѣченія царствующей династіи. Дѣйствительно, черезъ три года послѣ смерти послѣдняго Рюриковича открылась Смута. Но прекращеніе династіи было только конечнымъ и внѣшнимъ поводомъ для начала междоусобія. Причины его коренились глубоко во всемъ строѣ Московскаго государства, подготовлялись всей русской исторіей XVI вѣка.

Главной причиной, подготовившей Смуту и придавшей ей широкій соціальный и длительный характеръ, было *обостреніе классовой борьбы къ концу XVI в.* Какъ извѣстно, древне-русское общество отличалось большой однородностью своего состава. Какъ въ эпоху Кіевской, такъ и удѣльной Руси, дѣленіе общества на классы только едва намѣчалось. Другое дѣло—въ эпоху Московскаго государства. Въ XV—XVI в.в. дифференціація населенія*) идетъ быстрыми шагами. Къ этому неуклонно вели политическія и экономическія условія русской жизни. Политическое и національное объединеніе русскихъ областей около Москвы совершилось между

*) Разслоеніе, дробленіе на обособленныя группы.

прочимъ и подъ напоромъ угрожавшей отовсюду внѣшней опасности. Организація обороны противъ внѣшнихъ враговъ и въ дальнѣйшемъ составляла главную задачу Московскаго правительства. Въ эту сторону оно направило всѣ свои усилія и въ этихъ видахъ постаралось использовать тѣ наличныя средства, какими располагала страна. Страна же отличалась слабымъ экономическимъ развитіемъ. Рѣдкость и бѣдность населенія, натуральное хозяйство, невысокій уровень промышленности и торговли, вотъ характерныя черты экономическаго быта Россіи XV—XVI в. Капиталъ страны заключался въ обширномъ запасѣ свободныхъ земель и въ трудѣ жившаго на этихъ земляхъ населенія. Правительство привлекаетъ часть общества къ натуральному отправленію воинской службы, а на другую часть стремится возложить тягло—обязанность содержать служилый классъ. Отсюда раздѣленіе общества на двѣ большихъ группы—служилую и тяглую. XVI в. это—эпоха широкой организаціи помѣстнаго служилаго класса, а наряду съ этимъ—фактическаго развитія крѣпостного права, эксплоатаціи крѣпостного земледѣльческаго труда. Тяглое населеніе, жившее въ городахъ, на посадахъ, и на черныхъ земляхъ въ уѣздѣ, правительство также стремится закрѣпить за мѣстомъ уплаты тягла. Интересы тяглаго класса, вообще, приносятся въ жертву государству,-вотчинѣ и служилому классу.

Разслоеніе населенія не ограничилось раздѣленіемъ его на служилыхъ и тяглыхъ людей, а пошло дальше и глубже; кромѣ того, рядъ особыхъ политическихъ и экономическихъ обстоятельствъ еще болѣе осложняетъ и обостряетъ отношенія отдѣльныхъ группъ населенія.

Положеніе боярства.

Прежде всего, служилый классъ къ половинѣ XVI в. представляется далеко неоднороднымъ. Въ его составѣ образовалось нѣсколько стоящихъ одна надъ другой группъ, положеніе и интересы которыхъ сильно расходились между собой. На самомъ верху служилаго общества стояла группа „княжатъ“, потомковъ быв-

шихъ удѣльныхъ князей; сюда же примыкали немногія боярскія некняжескія фамиліи, выдвинувшіяся путемъ службы или родства съ Московскими государями. Эта боярская аристократія, окружавшая государевъ тронъ, стояла неизмѣримо выше остальныхъ группъ служилаго класса. Ей принадлежала видная политическая роль въ качествѣ совѣтниковъ верховной власти въ Боярской Думѣ, въ качествѣ замѣстителей главныхъ должностей въ войскѣ и въ администраціи. Въ то же время бояре-княжата представляли наиболѣе сильную экономически группу населенія: они были крупными землевладѣльцами, владѣвшими обширными наслѣдственными вотчинами; они же получали за службу крупные помѣстные оклады.

Но въ XVI в., въ особенности во второй его половинѣ, положеніе родовитой боярской аристократіи рѣзко измѣняется къ худшему. Причиной этого былъ, во первыхъ, политическій конфликтъ боярства съ самодержавной властью Московскихъ государей, на которомъ мы не будемъ останавливаться, во-вторыхъ—экономическій кризисъ, который переживало землевладѣльческое хозяйство вслѣдствіе отлива крестьянскихъ рабочихъ рукъ и большой задолженности. Разореніе всего сѣверо-запада и центра, тяжесть крѣпостного права и холопства съ одной стороны, и колонизаціонная политика правительства, стремившагося къ скорѣйшему заселенію вновь освоенныхъ окраинъ на югѣ и юго-востокѣ, съ другой, побуждали крестьянъ бѣжать изъ центра на окраины, которыя, кромѣ того, привлекали еще неистощенной почвой, обиліемъ нетронутыхъ охотничьихъ бортныхъ и рыбныхъ угодій. Центръ опустошался, населенныя прежде села и деревни превращались въ „пустоши“, боярская земля теряла рабочія руки, а землевладѣльцы лишались съ нея дохода. Но и помимо этого сильно росла задолженность землевладѣльцевъ. Натуральное хозяйство, при слабомъ относительно развитіи торговли и при отсутствіи сбыта, снабжало землевладѣльцевъ

только сельскохозяйственными продуктами. Между тѣмъ, военная служба, боевое вооруженіе, затраты на комфортъ придворной и домашней жизни требовали часто значительныхъ денежныхъ расходовъ. Чтобы достать гдѣ-нибудь денегъ, бояринъ-вотчинникъ закладывалъ свое имущество, а чаще всего—свою вотчину; при неуплатѣ долга въ срокъ, заложенная вотчина переходила въ собственность кредитора. Сохранившіяся въ архивахъ современныя духовныя завѣщанія, въ которыхъ говорится о долговыхъ обязательствахъ, закладныя, денежные иски и тяжбы являются живыми свидѣтелями этой земельной мобилизаціи. Въ поискахъ за капиталистомъ-кредиторомъ боярин-вотчинникъ чаще всего находилъ такового въ монастырѣ. При небезкорыстной помощи этого кредитора, бояринъ устраивалъ свое земное благополучіе. Къ нему же онъ прибѣгалъ и въ заботахъ о загробной жизни, при чемъ обычнымъ средствомъ побудить иноковъ къ молитвѣ были земельные вклады въ монастырь, вклады вотчинныхъ селъ и деревень съ жившимъ на нихъ крестьянскимъ населеніемъ. Этимъ путемъ во владѣніи монастырей скоплялась такая масса вотчинныхъ земель, что въ нѣкоторыхъ центральныхъ уѣздахъ во второй половинѣ XVI в. за монастырями, по совокупности, числилось больше населенной пахатной земли, чѣмъ за всѣми служилыми людьми даннаго уѣзда. Монастырь богатѣлъ, боярскія вотчины таяли и пустѣли.

Борьба боярства и дворянства съ высшимъ духовенствомъ.

Духовенство и монастыри становились опасными соперниками служилымъ людямъ въ землевладѣніи. Высшее духовенство было и политическимъ противникомъ боярства, усердно поддерживая идею неограниченнаго самодержавія Московскихъ государей. Боярство не скрывало своего раздраженія по адресу духовенства „осифлянскаго“ направленія. Борьба двухъ партій разгорѣлась при Иванѣ Грозномъ. Курбскій, извѣстный представитель избранной, но уже въ то время—опаль-

ной „рады“, со всей ненавистью обрушивается на „презлыхъ ласкателей“—Вассіана Топоркова, „прегордаго и лютаго“ митрополита Даніила и „прелукавыхъ мниховъ“, Мисаила Сукина и Левку Чудовскаго. Все это постриженники и послѣдователи Іосифа Волоцкаго, повидимому, сыгравшіе видную роль въ возбужденіи Грознаго противъ „рады“, а потомъ, противъ княжатъ. Не менѣе рѣзко и страстно нападалъ Курбскій на осифлянъ и за ихъ землевладѣльческія вожделѣнія. Въ такихъ чертахъ, полныхъ язвительной иронiи, онъ изображаетъ ихъ заботы объ увеличеніи монастырскихъ вотчинъ: „Лицемѣрные и любостяжательные иноки учатъ отцовъ и ужиковъ *) не радѣти о ближнихъ въ родѣ, но совѣтуютъ и глаголютъ—не давати имѣнія аще и убогимъ сродникомъ, а давай къ монастырю, и за то тебѣ умолятъ святые у Бога царствіе небесное“.

Не менѣе страстно и въ томъ же духѣ, что и Курбскій, обличаетъ современные ему порядки анонимный авторъ „Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ“. По его мнѣнію, „отъ бѣса... новая ересь, что инокомъ волости со христіаны (т. е. населенными имѣніями) владѣти“. Въ этомъ виноваты цари, которые, раздавая волости инокамъ, не милосердіе имъ оказываютъ, а душевредство и безконечную погибель, ибо инокамъ не надлежитъ давать „княжее и болярское мірское жалованье, аки воинамъ“. Эту новую ересь нужно уничтожить,—отобрать у монастырей населенныя имѣнія, а затѣмъ—царямъ надлежитъ совѣщаться не съ иноками, а съ князьями и боярами, и съ ними держать царство и раздѣлять власть. Эта мысль многократно повторяется и проходитъ красной нитью черезъ всю „Бесѣду“.

Мысль о запустошеніи служилыхъ вотчинъ и о финансовыхъ потеряхъ государства вслѣдствіе податныхъ льготъ духовенства и монастырей безпокоитъ и пра-

*) Родственниковъ.

вительство. Поэтому оно въ концѣ царствованія Грознаго дѣлаетъ попытку (указами 1580 и 1584 гг.) отмѣнить обычай вклада вотчинъ на поминъ души, а также и выдачу „тархановъ“ монастырямъ. Но эти мѣры не имѣли почти никакого практическаго значенія,— онѣ не исполнялись, такъ какъ шли глубоко вразрѣзъ съ религіозно-нравственными убѣжденіями и обычаями времени. Духовенство еще на долгое время успѣло отстоять свое право на владѣніе селами и деревнями, тогда какъ крупное княжеское и боярское землевладѣніе испытало рядъ хозяйственныхъ и политическихъ потрясеній и было вкорень подорвано въ эпоху опричины. Эта борьба за политическое и экономическое преобладаніе между двумя правящими классами не могла не затронуть интересовъ среднихъ и низшихъ слоевъ служилыхъ людей.

Конфликты боярства съ мелкопомѣстнымъ дворянствомъ.

Невзгоды, которыя переживало боярское хозяйство вслѣдствіе задолженности и отлива рабочихъ рукъ изъ помѣстій и вотчинъ, еще тяжелѣе отражались на мелкопомѣстныхъ дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ, въ большинствѣ случаевъ не имѣвшихъ вотчинъ и плохо обезпеченныхъ помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ.

Если земля была главнымъ предметомъ спора между монастыремъ и крупнымъ боярствомъ, то послѣднему пришлось столкнуться съ среднимъ и мелкимъ служилымъ людомъ изъ-за крестьянъ. Цѣнность вотчины или помѣстья всецѣло зависѣла отъ количества жившаго на немъ крестьянскаго рабочаго населенія. Естественно, что споръ изъ-за рабочихъ рукъ обострился во второй половинѣ XVI в. вслѣдствіе указаннаго выше отлива крестьянскаго населенія на окраины. Кромѣ побѣговъ крестьянъ отъ своихъ владѣльцевъ, широко практиковался еще „свозъ“ крестьянъ у однихъ владѣльцевъ другими. Заинтересованные въ этомъ владѣльцы подсылали особыхъ „отказчиковъ“, которые подговаривали крестьянъ сосѣдней черной де-

ревни или сосѣдняго помѣщичьяго села перейти къ своему патрону, предлагая уплатить ихъ владѣльцу накопившіеся за ними долги и недоимки,—хозяйскую ссуду, „серебро“. Крупные вотчинники располагали для этого большими экономическими средствами, могли пообѣщать крестьянамъ больше льготъ по уплатѣ государственныхъ податей и пр. И вотъ, мелкопомѣстнымъ служилымъ людямъ, лишавшимся послѣднихъ работниковъ, не оставалось ничего болѣе, какъ силой отстаивать свои интересы. Бои и грабежи обыкновенно сопровождали въ тѣ годы крестьянскій „отказъ“. Челобитья потерпѣвшихъ наводняли воеводскіе и приказные суды. Страдали интересы не только обиженныхъ служилыхъ людей, но и государства. Поэтому правительство Бориса Годунова указами 1601 и 1602 гг. вынуждено было вмѣшаться въ дѣло крестьянскаго перевоза въ смыслѣ охраны интересовъ мелкихъ владѣльцевъ: крупнымъ землевладѣльцамъ совсѣмъ запрещается свозить крестьянъ „промежъ себя и у стороннихъ людей“. Дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ разрѣшается вывозить другъ у друга крестьянъ, но не болѣе двухъ, притомъ полюбовно, „безо всякія зацѣпки“, безъ боевъ и грабежей.

Отраженіе въ публицистикѣ.

Насколько обострились отношенія между мелкими служилыми людьми и крупнымъ владѣльческимъ боярствомъ, видно изъ одного современнаго разсматриваемой эпохѣ литературнаго памятника,—„Челобитной Ивашки Пересвѣтова“. Авторъ является защитникомъ интересовъ среднихъ и мелкихъ служилыхъ классовъ и въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ нападаетъ на родовитое вельможество: онъ говоритъ, что нѣтъ правды въ царствѣ Московскомъ, такъ какъ силу и власть захватили въ немъ вельможи. „Вельможи русскаго царства сами богатѣютъ, имѣніе емлютъ, царство государя оскужаютъ, и тѣмъ они слуги ему называются, что цвѣтно и конно и людно выѣзжаютъ на службу его, а крѣпко за вѣру христіанскую не стоятъ“. Далѣе говорится о

томъ, что царь даетъ городы и волости держати вельможамъ, а вельможи отъ крови и отъ слезъ рода христіанскаго богатѣютъ нечистымъ собраніемъ (т. е. путемъ лихоимства). Вельможи печалуются царю о кормленіяхъ, о городахъ и о намѣстничествѣ, „яко гладные псы, хистяся на слезы и на кровь христіанскую“. Въ этой обличительной тирадѣ слышится глухое недовольство и раздраженіе мелкаго человѣка по поводу экономическаго и политическаго преобладанія боярской аристократіи. Ниже мы увидимъ, что въ разгаръ Смуты, когда наглядно обнаружились всѣ противорѣчія русской соціальной жизни, въ извѣстныхъ кругахъ провинціальнаго дворянства сказалось желаніе играть и политическую роль.

Землевладѣльцы и тяглоя населеніе.

Если такъ ухудшались отношенія между различными группами служилаго класса, то гораздо болѣе причинъ было къ обострѣнію взаимныхъ отношеній между служилымъ и тяглыми классами, посадскими и крестьянами. Раздача помѣстій служилымъ людямъ въ XVI в. шла съ необычайной быстротой. Огромныя земельныя пространства въ центральныхъ, южныхъ и западныхъ областяхъ были розданы въ помѣстное владѣніе. Служилые люди разныхъ названій, получая помѣстья въ уѣздахъ, въ городахъ отправляли гарнизонную службу, должны были имѣть здѣсь „осадные дворы“ на случай прихода „воинскихъ людей“; такъ называемые приборные служилые люди, стрѣльцы и казаки, жили частью на посадѣ, частью въ особыхъ слободахъ за посадомъ. Водвореніе служилаго люда въ городахъ и на посадахъ имѣло тяжелыя послѣдствія для коренного городского населенія. „Служилый людъ отнималъ у горожанъ ихъ усадьбы и огороды, ихъ рынокъ и промыслы. Онъ выживалъ посадскихъ людей изъ ихъ посада, и посадъ пустѣлъ и падалъ... Старое городское населеніе разбредалось или же, оставаясь на мѣстѣ, разными способами выходило изъ государева тягла“. Крестьянское населеніе въ уѣздѣ оказывалось сидящимъ

на чужой землѣ. Обезземеленіе и задолженность крестьянъ землевладѣльцамъ приводила къ крѣпостной зависимости, со всѣми тяжелыми послѣдствіями подневольнаго труда.

Холопы. Большое зло въ общественномъ быту представляло холопство (рабство), существовавшее на Руси съ самыхъ давнихъ временъ. Въ эпоху Московскаго государства появился еще новый видъ холопства, это— кабальные холопы. Такъ назывались люди, давшіе на себя „служилую кабалу“—заемную расписку, причемъ вмѣсто уплаты процентовъ, очень высокихъ въ то время, должники поступали на службу къ заимодавцу и личнымъ трудомъ на его дворѣ отрабатывали проценты. Такіе люди теряли свободу и становились рабами заимодавца, впредь до уплаты долга. А такъ какъ въ рабскомъ состояніи нелегко было уплатить долгъ, то кабальный холопъ могъ превратиться въ полнаго холопа, т. е. остаться рабомъ навсегда или же до смерти кредитора, какъ было установлено особымъ указомъ въ концѣ XVI в.

Кабальное холопство было очень распространеннымъ явленіемъ въ Московской Руси. Люди разнаго чина и званія сплошь и рядомъ лишали себя свободы и шли въ кабалу, которая, несмотря на всю свою тяжесть, представляла нѣкоторую выгоду: служилые люди, превратившись въ холоповъ, освобождались отъ службы, а тяглые—отъ уплаты податей. Любопытное свидѣтельство о томъ, какъ московскіе люди мало дорожили своей свободой, даетъ Авраамій Палицынъ. По его словамъ, бывали случаи, когда приглашенные „винца токмо испити..., по трехъ или по четырехъ чарочкахъ“ давали на себя запись, превращавшую ихъ въ рабовъ. Такъ образовалось громадное скопленіе холоповъ на боярскихъ и владѣльческихъ дворахъ.

Бѣгство населенія. Тяглое и холопское населеніе полно недовольства своимъ положеніемъ. Побѣгъ съ тягла и изъ-за боярина былъ обычнымъ средствомъ протеста противъ

угнетавшаго всѣхъ общественнаго и государственнаго уклада. Обширныя степныя пространства на южныхъ окраинахъ, „польской“ и сѣверской*), служили мѣстомъ пріюта для всякаго рода бѣглыхъ людей. Однихъ холоповъ, по подсчету Палицына, въ голодные 1601—1603 гг. бѣжало на Украйну до 20,000 человѣкъ. Тамъ бѣглецы или поступали на службу къ тому же государству въ качествѣ „приборныхъ“ служилыхъ людей, въ которыхъ правительство такъ нуждалось на окраинахъ, или же шли въ вольные казаки. Казачество, сплошь состоявшее изъ людей недовольныхъ московскимъ порядкомъ, выступило противъ него въ эпоху Смуты.

Недовольство государствен. порядкомъ.

Но необходимо отмѣтить, что рознь и вражда общественныхъ классовъ были не единственной причиной, подготовившей Смуту. Уже изъ характеристики боярства мы видѣли, что оно было недовольно утверждавшимся на Москвѣ политическимъ порядкомъ. То же самое и въ положеніи низшихъ классовъ. Только протестъ послѣднихъ направлялся не противъ верховной власти, въ которой низшіе слои населенія, по обычаю, были склонны искать помощи и защиты, но противъ государевыхъ слугъ, приказныхъ и областныхъ правителей, намѣстниковъ и волостелей. Затѣмъ, причиной, подававшей поводъ къ жалобамъ на тяжесть положенія, было бремя налоговъ, опутывавшихъ населеніе со всѣхъ сторонъ: и въ пользу государства, и на содержаніе мѣстнаго начальства, въ пользу землевладѣльцевъ и т. д. Изъ среды посадскихъ, крестьянъ или холоповъ не вышло, да и не могло выйти, такихъ писателей, которые могли бы въ своихъ произведеніяхъ описать бѣдственное положеніе народа. Но за то

*) „Польской“ (полевой, степной) называлась южная Украйна, которая тянулась на югъ отъ Тулы и Калуги, между среднимъ и южнымъ Дономъ и Днѣпромъ. Сѣверская украйна, бывшая Черниго-Сѣверская земля, лежала на юго-западѣ Московскаго государства, на границѣ съ Литвой.

мы имѣемъ рядъ другихъ памятниковъ, не менѣе ярко характеризующихъ бѣдственное положеніе низшаго населенія. Это—народныя челобитья, стекавшіяся въ изобиліи въ Москву со всѣхъ концовъ государства. Въ нихъ звучитъ народный стонъ разореннаго и обездоленнаго населенія. Челобитчики жаловались царю, что многіе дворы на посадахъ и деревни въ станахъ и волостяхъ запустѣли отъ произвола, насилій и лихоимства намѣстниковъ и волостелей, а наравнѣ съ ними—отъ лихихъ людей, отъ татей и разбойниковъ. Посадскіе люди и крестьяне жаловались, что они „разорены до конца“, „скитаются межъ дворъ“, „помираютъ голодною смертью“ и т. п. Что это не были только слезливыя причитанія, не соотвѣтствовавшія дѣйствительности, доказываетъ всенародное признаніе справедливости ихъ самимъ царемъ въ грамотѣ 1555 г. объ отмѣнѣ намѣстничьяго управленія и и объ установленіи выборныхъ земскихъ властей.

Но земская реформа Ивана Грознаго не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ, такъ какъ правительство, вводя реформу, думало не столько объ интересахъ и облегченіи населенія, сколько о своемъ казенномъ, фискальномъ интересѣ, безубыточномъ взысканіи съ населенія податей.

Неудача Ливонской войны.

Таково въ общемъ было внутреннее состояніе Московскаго государства передъ эпохой Смуты. Въ области внѣшней политики, были достигнуты крупные успѣхи. Но на тѣсную связь и взаимодѣйствіе факторовъ внутренняго развитія государства и внѣшнихъ его успѣховъ указываетъ примѣръ Ливонской войны. Начатая такъ блестяще Иваномъ Грознымъ, она окончилась полнымъ разгромомъ русскихъ силъ. Главной причиной послѣдняго было какъ разъ оскудѣніе средствъ для веденія войны вслѣдствіе запустѣнія центра, отлива тяглаго и крѣпостного населенія на окраины и разоренія служилаго люда. Неудачи Ливонской войны, обострившей отношенія двухъ

соперничавшихъ государствъ, должны были послужить грознымъ предзнаменованіемъ для правительства, показывавшимъ, что въ государствѣ далеко не все обстоитъ благополучно. Принятыя правительствомъ въ концѣ царствованія Грознаго, при Ѳедорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Годуновѣ нѣкоторыя мѣры, касавшіяся урегулированія вопросовъ о землевладѣніи, холопствѣ, крестьянскомъ побѣгѣ и свозѣ, были палліативами, не имѣвшими существеннаго практическаго значенія. Достаточно было такого, въ сущности случайнаго политическаго событія, какъ прекращеніе царствующей династіи, чтобы кризисъ, давно назрѣвавшій въ государствѣ, вспыхнулъ со всею силою.

II.

Борисъ Годуновъ.

Царь Борисъ представлялъ выдающееся явленіе на престолѣ Московскихъ государей XVI в. Объ его умѣ и правительственныхъ способностяхъ съ большой похвалой отзываются иностранцы, писавшіе о Россіи того времени. Признаютъ ихъ и русскіе писатели, вышедшіе большею частью изъ враждебныхъ Борису политическихъ круговъ, Шуйскихъ и Романовыхъ, впослѣдствіи оффиціально провозгласившихъ Бориса убійцей царевича Дмитрія,—обвиненіе, не нашедшее до настоящаго времени безусловнаго подтвержденія. Послѣ необузданнаго деспотизма Грознаго, мягкость, привѣтливость, „свѣтлодушіе“ Бориса въ личныхъ отношеніяхъ производили сильное впечатлѣніе. Новый царь на словахъ и на дѣлѣ стремился облегчить положеніе бѣдныхъ и обиженныхъ, заботился о правосудіи, объ уменьшеніи податнаго бремени. По свидѣтельству современниковъ, при царяхъ Ѳеодорѣ и Борисѣ положеніе государства улучшилось, страна отдыхала отъ войнъ и жестокостей Грознаго.

Однако, систематическихъ мѣръ, серьезно измѣнявшихъ политическій и соціальный укладъ, какъ уже

указывалось, не было принято. По отношенію къ княжеской аристократіи Годуновъ сохранилъ политику Грознаго, хотя до поры до времени и не употреблялъ противъ нея насильственныхъ мѣръ. Въ борьбѣ изъза крестьянъ между крупными и мелкими землевладѣльцами Борисъ сталъ на сторону послѣднихъ (указы 1601 и 1602 гг. о свозѣ крестьянъ), разсчитывая въ нихъ найти опору своей власти. Въ интересахъ служилыхъ людей правительство Годунова сдѣлало важный шагъ въ дѣлѣ лишенія крестьянъ права перехода, постановивъ за правило, что крестьяне, записанные въ писцовыхъ книгахъ 1592—1593 г.г. на тяглыхъ жеребьяхъ, должны считаться старожильцами, лишенными права перехода.

И вотъ, какъ только страну постигло общественное бѣдствіе—страшный голодъ 1601—1602 г.г., все опять замутилось въ государствѣ. Противъ царя Бориса поднялись верхъ и низъ общества: боярская знать, давно уже интриговавшая противъ него, и крѣпостная масса и казачество на окраинахъ.

Борьба за престолъ.

Борьба со стороны боярства, не отличавшагося вообще сплоченностью и солидарностью, началась на почвѣ соперничества отдѣльныхъ боярскихъ родовъ изъ-за престола. Властолюбивый Борисъ цѣлымъ рядомъ строго разсчитанныхъ мѣръ при царѣ Ѳедорѣ проложилъ себѣ путь сначала къ регентству, а потомъ, послѣ смерти послѣдняго Рюриковича, и къ престолу. Но недаромъ предусмотрительный Борисъ включилъ въ текстъ присяги проклятіе всякому, кто нарушилъ бы вѣрность ему, царю Борису. Несмотря на единогласное избраніе на престолъ соборомъ 1598 г., Борисъ хорошо зналъ, что у него есть опасные соперники и недоброжелатели.

Партія Шуйскихъ.

Такими были князья Шуйскіе и Романовы. Шуйскіе—важнѣйшіе представители княжеской аристократіи, рюриковичи, считавшіе свой родъ по происхожденію даже старше угасшаго рода Московскихъ государей. Представители этой фамиліи, въ томъ числѣ и буду-

щій царь Василій Ивановичъ, не блистали талантами административными или военными, но отличались хитростью, склонностью къ интригѣ и заговору. Шуйскіе имѣли большія связи въ московскихъ боярскихъ и купеческихъ кругахъ. Они затѣяли интригу противъ Годунова еще въ 1587 г., при царѣ Ѳедорѣ, съ цѣлью сломить вліяніе могущественнаго царскаго шурина. Интрига окончилась неудачно для ея иниціаторовъ: Шуйскіе попали въ ссылку, въ которой старшіе изъ нихъ погибли насильственной смертью. Кн. Василій Ивановичъ притворной покорностью Годунову достигъ того, что былъ возвращенъ въ Москву и занималъ видное положеніе при дворѣ. Ему Годуновъ поручилъ даже очень отвѣтственную миссію по разслѣдованію дѣла объ убійствѣ царевича Дмитрія въ Угличѣ. Но что Шуйскіе были противниками Бориса, агитировавшими, между прочимъ, противъ его избранія на престолъ, доказывается извѣстіемъ одного русскаго источника („Новый Лѣтописецъ“).

Партія Романовыхъ.

Въ центрѣ другой боярской партіи, враждебной Борису, стояли Романовы-Юрьевы. Они не принадлежали къ княжеско-боярской аристократіи, но, со времени Грознаго, были сильны своимъ родствомъ съ царскимъ домомъ и пользовались большой популярностью въ Москвѣ вслѣдствіе выдающихся личныхъ качествъ такихъ отдѣльныхъ представителей своей фамиліи, какъ Никита Романовичъ (ум. въ 1585 г.), и старшій сынъ его, Ѳедоръ Никитичъ. Въ Москвѣ всѣмъ были хорошо извѣстны привѣтливость и радушіе молодого, красиваго боярина-щеголя, его умъ, энергія и честолюбіе. Вліяніе Романовыхъ въ боярской средѣ опиралось кромѣ того на родственныя связи со многими другими боярскими семьями (кн. Черкасскіе, Репнины, Катыревы-Ростовскіе, Сицкіе и др.). Въ 1598 г., по смерти царя Ѳедора, Романовы выступили главными противниками избранія Годунова на царство. Но, въ виду могущественнаго положенія Годунова, подготовленнаго всей предыдущей

его дѣятельностью въ качествѣ правителя государства, въ распоряженіи Романовыхъ оставались только такія средства тайной агитаціи, какъ народная молва, интриги. Въ Москвѣ ходили слухи, что царь Ѳедоръ приказалъ Ѳедору Никитичу быть послѣ себя на царствѣ. По слухамъ Борисъ обвинялся въ цѣломъ рядѣ тяжелыхъ преступленій: убіеніи царевича Дмитрія, въ отравленіи царя Ѳедора и его маленькой дочери Ѳеодосіи. Ѳедору Никитичу при этомъ приписывалась благородная роль мстителя, готоваго своей рукой покарать убійцу. Когда все это не помѣшало избранію на царство Годунова, весной того же 1598 г. былъ пущенъ слухъ о кандидатурѣ на престолъ кн. Симеона Бекбулатовича, бывшаго земскаго царя времени опричины. Наконецъ, въ 1601 г. во время тяжелаго общественнаго бѣдствія (голодъ и участившіеся вслѣдствіе того грабежи и разбои) все настойчивѣе распространяется слухъ о спасеніи царевича Дмитрія отъ убійцъ, посланныхъ въ Угличъ Борисомъ Годуновымъ.

Самозванство.

Имя царевича впервые послужило знаменемъ для особаго вида политической смуты—самозванства, многократно потрясавшаго Русское государство втеченіе XVII столѣтія. Это орудіе смуты тѣсно связано все съ той политической борьбой бояръ Романовскаго круга противъ Годунова съ цѣлью сверженія его съ престола. Первые слухи о появленіи Самозванца возникли въ Москвѣ, какъ разъ въ то время, когда Романовыхъ постигла царская опала. Дѣло началось по доносу ихъ служилаго человѣка, обвинившаго своихъ господъ въ держаніи въ своей казнѣ какихъ-то волшебныхъ кореньевъ. Что дѣло носило политическій характеръ, видно изъ донесенія одного изъ приставовъ, стерегшихъ Романовыхъ въ ссылкѣ, что они „злодѣи, измѣнники, хотѣли царство достать вѣдовствомъ и кореньемъ“. Къ старшему Романову, Ѳедору Никитичу, была примѣнена мѣра, при помощи которой обыкновенно устранялись съ политическаго по-

прища опасные соперники: онъ былъ насильно постриженъ въ монашество въ одномъ изъ сѣверныхъ монастырей (Антоніевъ-Сійскій). Съ этими фактами нужно сопоставить оффиціальное заявленіе Годунова въ 1605 г., когда Самозванецъ уже шелъ во главѣ войскъ къ Москвѣ: Годуновъ называетъ Самозванца Гришкой Отрепьевымъ и говоритъ, что онъ „жилъ у Романовыхъ во дворѣ“. Позднѣе и царь Василій Шуйскій объясняетъ польскому правительству, что Самозванецъ нѣкогда „былъ въ холопяхъ у бояръ, у Никитиныхъ дѣтей Романовича“.

Но если даже таковъ былъ замыселъ боярства, который въ этотъ начальный моментъ смуты не захватывалъ даже интересовъ всего боярскаго класса, а носилъ характеръ дворцовой интриги, то необходимо отмѣтить, что онъ получилъ успѣхъ благодаря тому, что былъ сознательно или безсознательно поддержанъ низами общества. Вокругъ Самозванца объединились всѣ недовольные элементы, надѣявшіеся при помощи его поправить положеніе. Съ разсчетомъ Самозванецъ, перебравшись черезъ польскую границу, не пошелъ прямымъ обычнымъ путемъ изъ Литвы на Москву—черезъ Смоленскъ и Вязьму, города, хорошо укрѣпленные, а направился прежде всего въ Сѣверскую украйну. Здѣсь въ Сѣверской, а также и въ Польской украйнѣ почва была давно подготовлена для политическаго движенія. Только это обстоятельство и обезпечило столь неожиданный и быстрый успѣхъ Самозванцу. Это бросается въ глаза, если мы припомнимъ нѣсколько фактовъ, относящихся къ моменту вторженія Самозванца въ Московскіе предѣлы.

Причины успѣха Самозванца.

Силы его были ничтожны. Онѣ состояли изъ отряда (въ 1000 чел.) польской шляхетской конницы, да изъ 2—3 тысячъ казаковъ и разнаго сброда. Не военныя силы и не личная доблесть Самозванца доставили ему побѣду. Тутъ сыграло рѣшительную роль настроеніе жившаго на украйнѣ люда. Все это большей частью были сбродные и сборные элементы, выброшенные

на югъ невзгодами общественной и политической жизни центра. Авраамій Палицынъ, представитель богатѣйшаго монастыря-вотчинника, со своей точки зрѣнія, которую на современномъ языкѣ можно было бы назвать буржуазной, называетъукраинское населеніе „ворами“. То были: казачество на Дону и по Сѣверному Донцу, новоприборные служилые люди—стрѣльцы и казаки, набиравшіеся правительствомъ безъ разбора изъ разныхъ приходцевъ съ сѣвера и изъ центра и составлявшіе гарнизоны и почти единственное населеніе въ новыхъ, только что устраиваемыхъ на югѣ городахъ, и, наконецъ, крестьяне, успѣвшіе и на югѣ, при быстрой раздачѣ земли въ помѣстья служилымъ людямъ, попасть въ крѣпостную неволю.

Успѣхи и пораженіе Самозванца.

Осенью 1604 г. Самозванецъ перешелъ Днѣпръ подъ Кіевомъ и вступилъ въ московскіе предѣлы. Достаточно было его появленія, какъ первые по дорогѣ русскіе города въ Сѣверской украйнѣ, Моравскъ—пригородъ Чернигова, а затѣмъ и самый Черниговъ, сдаются ему почти безъ боя. Воеводы этихъ городовъ съ немногими высшими чинами гарнизона помышляли о сопротивленіи, но стрѣльцы и казаки обезоруживали ихъ, отворяли ворота и признавали „царя Димитрія“. Приборный служилый людъ и мелкопомѣстные украинскіе дѣти боярскіе, тяготившіеся своимъ положеніемъ, переходили на сторону самозванца, увлекаясь обѣщаніемъ новаго царя, что онъ ихъ миловать и въ чести держать будетъ и „учинитъ ихъ въ тишинѣ и въ покоѣ и въ благоденственномъ житіи“. Между тѣмъ, когда Самозванецъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ натолкнулся на сопротивленіе организованной военной силы подъ начальствомъ присланныхъ изъ Москвы воеводъ, Басманова и кн. Трубецкаго, то его попытки взять городъ приступомъ не имѣли никакого успѣха. Подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ Самозванецъ поссорился со своими польскими союзниками, и польская шляхта, въ большинствѣ, несмотря на унизительныя просьбы претен-

дента, бросила его и рѣшила уйти на родину. Съ уходомъ поляковъ, потерявъ лучшее свое войско, Самозванецъ снялъ осаду Новгорода-Сѣверскаго и отошелъ на востокъ, къ Сѣвску. Войска Бориса, подъ начальствомъ кн. Мстиславскаго, слѣдуютъ за нимъ и при Добрыничахъ, въ январѣ 1605 г., наносятъ ему страшный ударъ. Самозванецъ былъ разбитъ и съ жалкими остатками своего войска бѣжалъ въ крайній южный пограничный пунктъ Сѣверской украйны, Путивль, и засѣлъ тамъ за крѣпкимъ Путивльскимъ кремлемъ. Если бы войско Бориса энергично преслѣдовало Самозванца, то могло бы даже захватить его въ плѣнъ: такъ ничтожны были его силы.

Торжество Самозванца и смерть Бориса.

И тѣмъ не менѣе, проходитъ еще 3—4 мѣсяца, и компанія оканчивается полнымъ торжествомъ претендента. Главная причина этого заключается въ томъ, что поднятое Самозванцемъ движеніе на украйнѣ встрѣтило живой откликъ въ жившемъ здѣсь населеніи и распространялось съ неимовѣрной быстротой, даже независимо отъ успѣховъ или неуспѣховъ его военныхъ дѣйствій. Наиболѣе существенную поддержку оказали ему казаки, донскіе и запорожскіе, которые самостоятельно, нѣсколькими отрядами, дѣйствовали въ пользу „царя и великаго князя Дмитрія Ивановича“, какъ въ предѣлахъ Сѣверской украйны, такъ и къ востоку отъ нея, въ „дикомъ полѣ“. Въ то время, когда Самозванецъ стоялъ еще подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ, онъ то и дѣло получалъ извѣстія о сдачѣ ему городовъ въ Сѣверской и Польской украйнѣ. Втеченіе нѣсколькихъ недѣль на сторону Самозванца перешли Путивль, Рыльскъ, Сѣвскъ, Курскъ и Кромы. Уже послѣ пораженія у Добрыничей, когда Самозванецъ сидѣлъ въ Путивлѣ, онъ получилъ извѣстіе, что его признали города Осколъ, Валуйки, Воронежъ, Бѣлгородъ и др. Возстаніе охватывало, такимъ образомъ, всю Сѣверскую и Польскую украйну и постепенно распространялось съ юга на сѣверъ. Это застав-

ляло дѣйствовать неувѣренно и нерѣшительно московскихъ воеводъ, которые, вмѣсто того чтобы преслѣдовать Самозванца, теряли время въ осадѣ перешедшаго на его сторону города Кромъ. Положеніе Годунова, оставшагося послѣ разгрома Романовскаго боярскаго круга одинокимъ, было поистинѣ трагическимъ. Во главѣ войскъ противъ своего соперника онъ долженъ былъ поставить бояръ (кн. Мстиславскаго, Шуйскихъ, Голицыныхъ, Шереметева), которымъ онъ, несомнѣнно, мало довѣрялъ. При такихъ обстоятельствахъ, въ апрѣлѣ 1605 г. царь Борисъ внезапно умираетъ. Родовитое боярство, столь много потерпѣвшее во время опричины и при Борисѣ Годуновѣ, снова поднимаетъ голову. Измѣна Басманова и Голицыныхъ въ войскѣ подъ Кромами и Шуйскаго въ Москвѣ доставляетъ торжество Самозванцу.

Но это торжество было кратковременнымъ. Такъ какъ Самозванецъ обнаруживаетъ очень мало расположенія поддерживать протязанія родовитаго боярства, то оно, во главѣ съ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, производитъ новый переворотъ 17 мая 1606 г. Власть захватываетъ небольшой кружокъ родовитѣйшаго боярства (кн. Василій Ив. Шуйскій съ братьями, кн. Вас. Вас. Голицынъ съ братьями, князья Воротынскій и Куракинъ). Иниціаторъ заговора, Шуйскій, возводится этимъ кружкомъ бояръ-олигарховъ на московскій престолъ.

III.

Царь Василій Шуйскій.

Четырехлѣтнее царствованіе Василія Шуйскаго было временемъ, когда соціальная и политическая борьба обостряется до крайней степени. Въ хаосѣ этой борьбы выдѣляются три главныя группы, преслѣдующія свои классовые интересы: боярство, средній служилый классъ и общественные низы—казачество, крестьянство, холопы.

Родовитое боярство спѣшитъ закрѣпить за собой сдѣланное завоеваніе: оно беретъ съ царя Василія

Шуйскаго ограничительную присягу, въ которой новый царь даетъ обѣщаніе: никого не предавать казни, иначе какъ *по суду съ боярами*, не конфисковать имѣній у невиновныхъ родственниковъ опальныхъ людей и, наконецъ, не слушать ложныхъ доносовъ, а провѣрять ихъ сыскомъ. Ограниченіе это, несомнѣнно, дано главнымъ образомъ въ пользу первенствующаго сословія—боярства. Но содержаніе его свидѣтельствуетъ объ узости политическаго идеала боярства. Не затрагивая по существу верховной власти, боярство стремится лишь оградить себя отъ произвола въ преслѣдованіи заподозрѣнныхъ лицъ, тяжесть котораго ему пришлось испытать въ эпоху опричины и при Годуновѣ.

Шуйскій на первыхъ порахъ стремится объединить около себя боярство двухъ главныхъ партій—родовитаго боярства, представителемъ котораго онъ былъ самъ, и дворцовой знати Романовскаго круга. Онъ предпринимаетъ слѣдующій шагъ, чтобы примирить Романовыхъ со своимъ воцареніемъ: Ѳедоръ Никитичъ, насильно постриженный по приказанію Годунова въ монашество подъ именемъ Филарета и получившій при Самозванцѣ санъ митрополита Ростовскаго, былъ наречёнъ теперь патріархомъ всея Руси. Но не успѣлъ нареченный патріархъ принять посвященіе въ патріаршій санъ, какъ согласіе между двумя боярскими кругами кончилось. Очень скоро послѣ избранія Шуйскаго, въ Москвѣ возникли уличные безпорядки, возбужденные подметными письмами и направленные противъ царя Шуйскаго. Въ результатѣ этого движенія, скоро подавленнаго, царская опала постигаетъ Романовскую партію, причемъ самъ Филаретъ такъ и не былъ посвященъ въ патріархи и долженъ былъ возвратиться въ свою митрополію, въ Ростовъ. Были и еще попытки къ возстанію противъ Шуйскаго въ Москвѣ, исходившія, какъ со стороны московской черни, уже получившей вкусъ къ уличнымъ мятежамъ и грабежу, такъ и со стороны представителей родовитаго боярства, съ ко-

торыми Шуйскій также скоро успѣлъ поссориться. Вообще, авторитетъ царя Василія быстро падаетъ все ниже и ниже, чему не могли не содѣйствовать внѣшнія и внутреннія качества царя, такъ мѣтко охарактеризованныя въ повѣсти кн. Катырева-Ростовскаго: „Царь Василій возрастомъ малъ, образомъ же нелѣпымъ, очи подслѣпы имѣя, книжному поученію доволенъ и въ разсужденіи ума зело смысленъ; скупъ вельми и неподатливъ; ко единымъ же къ тѣмъ тщаніе имѣя, которые во уши ему ложное на люди шептаху; онъ же сихъ веселымъ лицомъ воспріимаше и въ сладость ихъ послушати желаше; и къ волхованію прилежаше, а о всѣхъ своихъ не радяше".

Но пока уличные заговоры въ Москвѣ, ввиду ихъ недостаточной организованности, подавлялись въ самомъ началѣ. Гораздо опаснѣе было широкое народное движеніе, вновь вспыхнувшее на югѣ и скоро охватившее большую часть государства.

Возстаніе кн. Шаховского и Болотникова.

Внѣшнимъ толчкомъ къ возобновленію движенія былъ распространившійся въ Сѣверской украйнѣ слухъ, что „царь Димитрій" живъ. Центромъ движенія сдѣлался тотъ самый Путивль, за стѣнами котораго находилъ надежный оплотъ первый Самозванецъ. Путивлянъ поднялъ воевода, князь Григорій Петровичъ Шаховской, приверженецъ Лжедимитрія и противникъ Шуйскаго. Вслѣдъ за Путивлемъ очень быстро поднялись и другіе сѣверскіе и „польскіе" города. По своей обстановкѣ и составнымъ элементамъ движеніе 1606—1607 г.г. было ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ недавняго возстанія „прежде погибшей украйны", съ той разницей, что теперь еще рѣзче обнаружился протестъ низшихъ соціальныхъ группъ противъ боярскаго правительства Шуйскаго. Эту ярко соціальную окраску движеніе приняло съ того момента, какъ во главѣ его сталъ Болотниковъ. Бывшій холопъ кн. Телятевскаго, Болотниковъ, жизнь котораго была богата всякими приключеніями, побывалъ въ татарской и турецкой неволѣ, бѣ-

жалъ оттуда, былъ за границей въ Венеціи, Польшѣ и пр. Во главѣ войска онъ оказался смѣлымъ и искуснымъ вожакомъ. Онъ быстро съумѣлъ увеличить до внушительныхъ размѣровъ дружину, предоставленную ему кн. Шаховскимъ. Болотниковъ велъ дѣятельную агитацію. По всему государству онъ разсылалъ „воровскіе листы“, въ которыхъ „кличъ кликалъ“ боярскимъ холопамъ и всѣмъ „ворамъ“, чтобы они побивали своихъ бояръ, гостей и торговыхъ людей и „животы“ ихъ грабили; сулилъ своимъ приверженцамъ боярскія вотчины и помѣстья, боярство, воеводство и дьячество.

Это былъ прямой призывъ низшихъ классовъ общества противъ высшихъ, землевладѣльческихъ, промышленно-торговыхъ и чиновничьихъ. Словомъ, Болотниковъ хотѣлъ произвести полный государственный и общественный переворотъ. И за нимъ, по разсказу лѣтописи, пошли холопы и крестьяне, украинскіе посадскіе люди, стрѣльцы и казаки. Начали они хватать по городамъ воеводъ и сажать ихъ въ тюрьмы, разорять дома своихъ господъ, грабить ихъ „животы“, позорить ихъ женъ и дѣтей.

Возстаніе Прокопія Ляпунова и рязанцевъ.

Послѣ того какъ Болотниковъ на-голову разбилъ высланный изъ Москвы противъ мятежниковъ отрядъ войска, возстаніе на югѣ сдѣлалось повсемѣстнымъ и быстро начало распространяться на сѣверо-востокъ, по направленію къ Москвѣ. Поднялись украинскіе и рязанскіе города: Калуга, Тула, Рязань и др. Здѣсь потокъ возстанія увлекаетъ еще новый общественный классъ— провинціальныхъ служилыхъ людей, среднихъ и мелкихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ. Во главѣ ихъ стали рязанскій воевода Сунбуловъ и дворяне, братья Прокопій и Захаръ Ляпуновы. Причиной возстанія провинціальныхъ служилыхъ людей противъ Шуйскаго и бояръ заключались, во первыхъ, въ давней враждѣ среднихъ и мелкихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ къ крупнымъ землевладѣльцамъ на экономической почвѣ, изъ-за рабочихъ рукъ: теперь, когда вся власть при

Шуйскомъ перешла въ руки родовитаго боярства, простые служилые люди могли еще болѣе опасаться за свое хозяйственное благополучіе. Кромѣ того, наиболѣе зажиточные, энергичные и честолюбивые изъ уѣздныхъ дворянъ, каковы были, напримѣръ, братья Ляпуновы, были недовольны боярскимъ правительствомъ, при которомъ имъ закрывался доступъ къ возвышенію по службѣ. Поэтому они возстали во имя Дмитрія, возвышавшаго по службѣ „худородныхъ“ людей.

Возстаніе распространилось и дальше, на сѣверовостокъ, въ среднемъ и нижнемъ Поволожьи. Здѣсь, вмѣстѣ съ крестьянами и холопами, возстали инородцы, главнымъ образомъ мордва, имѣвшіе въ виду воспользоваться всеобщей смутой, чтобы сбросить съ себя тяжелое подчиненіе русскимъ. Въ далекой Астрахани измѣнилъ Шуйскому воевода кн. Хворостининъ. Болотниковъ соединился съ ополченіемъ Сунбулова и Ляпуновыхъ; разбивъ еще разъ царское войско, мятежники подошли къ самой Москвѣ и осадили ее, остановившись въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ. Положеніе Шуйскаго было крайне опасно. Но на этотъ разъ онъ уцѣлѣлъ благодаря тому, что среди его враговъ скоро обнаружилась рознь. Грамоты Болотникова, грабежи и разбои окружавшей его казачьей голытьбы, показали дворянскому ополченію тулянъ и рязанцевъ, что возстаніе Болотникова можетъ быть опасно не только для родовитаго боярства, но и для всѣхъ служилыхъ землевладѣльцевъ, такъ какъ угрожало имъ отнятіемъ помѣстій, вотчинъ и крѣпостныхъ людей. Такой коренной общественный переворотъ не могъ быть въ интересахъ дворянъ. Поэтому, мѣсяцъ спустя, Сунбуловъ и Ляпуновъ съ дворянами и дѣтьми боярскими явились съ повинной къ Шуйскому. Болотниковъ былъ разбитъ и ушелъ сначала въ Калугу, а потомъ въ Тулу, куда подошелъ и путивльскій воевода кн. Шаховской. Царь лично предводительствовалъ войсками, осаждавшими этотъ оплотъ мятежниковъ. Осада

затянулась на нѣсколько мѣсяцевъ. Но въ октябрѣ 1607 г. Тула была взята, и вожди были захвачены. Расправа съ мятежниками была очень жестокая: „воровъ“ казнили сотнями и тысячами, топили въ рѣкахъ, „нещадно“ били кнутомъ; цѣлыя области отдавались царскимъ войскамъ на грабежъ и разореніе; бѣглые крестьяне и холопы были отданы прежнимъ ихъ владѣльцамъ. Смута привела на этотъ разъ къ пораженію возставшихъ и къ торжеству Шуйскаго и бояръ, благодаря переходу на ихъ сторону служилыхъ людей.

Тушинскій воръ.

Но порядокъ, возстановленный такимъ способомъ, продержался очень недолго. Въ томъ же 1607 г. появляется второй самозванецъ, знаменитый Тушинскій воръ, и снова увлекаетъ за собой общественные низы и казачество. Съ перерывами два года Москва держится въ осадѣ „Воромъ“. Въ виду того, что югъ былъ уже разоренъ, вниманіе „вора“ привлекаетъ сѣверный край, такъ называемые замосковные и поморскіе города, ранѣе еще мало затронутые смутой и отличавшіеся сравнительнымъ благосостояніемъ. Тушинцы быстро „завоевываютъ“ г.г. Дмитровъ, Суздаль, Владиміръ, Ростовъ, Ярославль, Кострому, Вологду. Шуйскій не могъ оказать сѣвернымъ городамъ никакой помощи, и потому смута распространяется теперь на небывало огромное пространство.

Деморализація общества.

Самая столица во время осады Тушинскаго вора показываетъ яркій образчикъ того крайняго упадка нравственнаго и гражданскаго чувства, до котораго опустились всѣ общественные классы, начиная съ самыхъ высшихъ и кончая городской чернью. Правительство Шуйскаго не пользуется никакимъ значеніемъ. Многіе заводятъ сношенія съ Тушинымъ, одни тайно, другіе открыто переходятъ на службу къ Вору. Такъ, къ нему „отъѣзжаетъ“ вся партія бояръ изъ дворцовой знати, разошедшаяся съ Шуйскимъ. Двусмысленную роль играетъ Филаретъ Никитичъ, захваченный тушинцами въ Ростовѣ, перевезенный въ Тушино и жившій тамъ

въ санѣ „нареченнаго“ патріарха. Около него собираются тамъ князья Шаховскіе и Трубецкіе, князья Троекуровы, князья Сицкій и Черкасскій,—все родня Романовыхъ. Въ Тушинскій лагерь перешли Годуновы, Салтыковы, Вельяминовы, Плещеевы и др. думные и приказные люди средней руки. Впрочемъ и среди представителей родовитыхъ бояръ наблюдается та же „шатость“. Такъ, первый думный бояринъ, кн. Мстиславскій, находится въ тайной перепискѣ съ Сапѣгой. Въ служилой средѣ характерное явленіе представляютъ „перелеты“. Немало также было и „крамольниковъ священнаго чина“: многіе священники, дьяконы и иноки, по выраженію неизвѣстнаго автора подметной „Новой повѣсти“, „возбѣсившася“ и приходили въ Тушинскій станъ, испрашивая у Вора почестей и повышенія въ санѣ. Московскіе купцы тайно возятъ въ Тушинскій лагерь свои товары, въ томъ числѣ и порохъ. Подобный же упадокъ гражданскаго и общественнаго сознанія можно было наблюдать еще въ страшные голодные годы 1601—1603 г.г., когда богатые люди спекулировали на хлѣбной продажѣ, а придворные и приказные люди расхищали царскую казну и хлѣбъ, предназначенный для голодныхъ.

Низложеніе Шуйскаго.

На нѣкоторое время положеніе Шуйскаго поправляютъ успѣхи Скопина-Шуйскаго и земскаго ополченія сѣверныхъ городовъ. На защиту государственнаго и гражданскаго порядка возстаетъ посадское и крестьянское населеніе замосковныхъ и поморскихъ городовъ, вызванное „воровскимъ“ образомъ дѣйствій тушинскихъ воеводъ и отрядовъ, хозяйничавшихъ на сѣверѣ. Но, послѣ неожиданной и загадочной смерти Скопина-Шуйскаго и Клушинскаго пораженія, когда Москвѣ снова начала угрожать опасность со стороны тушинскаго вора, а съ другой стороны—польскаго отряда Жолкевскаго, положеніе Шуйскаго, не смогшаго опереться ни на одну общественную группу, стало безнадежнымъ и закончилось низведеніемъ (въ іюлѣ 1610 г.)

„несчастливаго“ царя съ престола. Послѣднее возстаніе противъ Шуйскаго исходило изъ двухъ общественныхъ круговъ: во главѣ одного стоялъ кн. В. В. Голицынъ, самъ мечтавшій о престолѣ, и поддерживавшіе его кандидатуру братья Ляпуновы, а во главѣ другого—Филаретъ Никитичъ Романовъ, имѣвшій въ виду, несомнѣнно, кандидатуру своего молодого сына, Михаила Ѳедоровича. Такимъ образомъ, мы опять встрѣчаемся съ двумя претендентами на московскій престолъ изъ двухъ боярскихъ родовъ.

Кандидатура Владислава.

Но опасность отъ поляковъ и отъ Тушинскаго вора, снова подступившаго къ Москвѣ, побуждаетъ иначе поставить вопросъ о кандидатѣ на московскій престолъ. Сначала изъ среды дворцовой знати и приказныхъ людей, бывшихъ „тушинцевъ“, еще до низведенія Шуйскаго выходитъ проектъ возведенія на московскій престолъ польскаго королевича Владислава. Условія этого проекта отражаютъ въ себѣ стремленіе оградить интересы извѣстныхъ общественныхъ группъ, обезпечить сохраненіе того порядка, который создавался при Грозномъ и Годуновѣ и былъ выгоденъ для служилой знати и людей, возвышавшихся по заслугамъ и царской милости. Родовитое боярство, вынужденное обстоятельствами къ выбору между Владиславомъ и Тушинскимъ воромъ, предпочло, разумѣется, перваго второму, резонно разсчитывая, что его интересы будутъ болѣе ограждены царемъ, вышедшимъ изъ аристократической Польши, чѣмъ Лжедимитріемъ, опиравшимся на такіе анархическіе элементы, какъ казаки и столичная чернь. Но боярство не хотѣло принять тѣхъ условій въ договорѣ съ Сигизмундомъ, гдѣ говорилось о возвышеніи по заслугамъ служилыхъ людей и о свободномъ выѣздѣ русскихъ людей за границу. Эти статьи были вычеркнуты изъ окончательнаго договора, принятаго на собраніи московскихъ людей въ августѣ 1610 г., на которомъ королевичъ Владиславъ былъ провозглашенъ русскимъ царемъ. „Великое посольство“, во главѣ

съ митрополитомъ Филаретомъ и кн. В. В. Голицынымъ, было отправлено въ лагерь Сигизмунда подъ Смоленскъ, чтобы формально заключить договоръ съ Сигизмундомъ и передать царскую власть Владиславу. Если бы Сигизмундъ утвердилъ договоръ, то этимъ самымъ было бы положено начало новой международной комбинаціи на европейскомъ востокѣ: соединеніе на началахъ равноправной уніи двухъ издавна враждовавшихъ государствъ—Москвы и Польши. Но явно обнаруженное Сигизмундомъ желаніе самому сѣсть на Московскій престолъ и подчинить Московское государство Польшѣ все измѣнило.

Приверженцы Сигизмунда.

Первыя попытки Сигизмунда въ этомъ направленіи не были совсѣмъ безуспѣшны. Ему уже удалось посѣять рознь въ составѣ „великаго посольства“ и найти въ немъ себѣ пособниковъ. Несмотря на то, что передъ отъѣздомъ пословъ патріархъ Гермогенъ взялъ съ нихъ клятву не измѣнять дѣлу православія, такіе представители „великаго посольства“, какъ „келарь Живоначальныя Троицы“ Авраамій Палицынъ, думный дворянинъ Сукинъ, дьякъ Сыдавный Васильевъ и многіе другіе, пошли на подкупъ и измѣну: заручившись отъ Сигизмунда грамотами на помѣстья и вотчины, они возвратились въ Москву и начали дѣйствовать въ пользу признанія царемъ Сигизмунда. Среди московскихъ „служивцевъ“ Сигизмунда источники съ особой ненавистью и многократно упоминаютъ имена двухъ лицъ: боярина Михайлу Салтыкова и „Ѳедьку“ Андронова (торговый человѣкъ — кожевникъ, получившій на службѣ у Тушинскаго вора чинъ думнаго дворянина). Но митрополитъ Филаретъ, кн. В. В. Голицынъ и думный дьякъ Томило Луговскій мужественно отстаивали національное дѣло. Вчастности, Филаретъ и Голицынъ, сознавъ всю опасность положенія государства и отвѣтственность принятой на себя задачи, съ этого момента круто мѣняютъ прежнюю честолюбивую

политику на самоотверженную борьбу за національную и религіозную самобытность русскаго государства.

Патріархъ Гермогенъ. Народно-патріотическое движеніе.

Такимъ же стойкимъ защитникомъ религіи и національности въ Москвѣ былъ патріархъ Гермогенъ. Суровый патріархъ рѣзко и твердо обличалъ въ свое время перебѣжчиковъ въ Тушинскій станъ, а затѣмъ „русскихъ измѣнниковъ“, служившихъ Сигизмунду. Ему принадлежитъ честь иниціативы въ возбужденіи народнаго патріотическаго движенія. Съ призывомъ не присягать иновѣрцу Сигизмунду патріархъ обратился сначала устно, въ Успенскомъ соборѣ, къ московскимъ гостямъ и торговымъ людямъ. А затѣмъ онъ расширяетъ сферу своей политической дѣятельности, разсылая грамоты по городамъ. Почва была уже подготовлена, съ одной стороны, тайными грамотами великихъ пословъ изъ-подъ Смоленска въ Москву, Ярославль и др. города, извѣщавшими объ истинныхъ намѣреніяхъ польскаго короля, а съ другой, безнарядьемъ междуцарствія, совершенно разстроившимъ экономическую и гражданскую жизнь страны. Нашлись созидательные элементы, въ которыхъ заговорило національное и религіозное чувство. Въ самой Москвѣ были люди, готовые устно и письменно возбуждать народъ противъ поляковъ, на защиту русскихъ національныхъ интересовъ. Они составляли и распространяли по Москвѣ и всему государству подметныя письма и патріотическія грамоты. Таковъ былъ, напримѣръ, указанный выше авторъ талантливо составленной подметной „Новой повѣсти о пре́славномъ Россійскомъ царствѣ“. Въ началѣ 1611 г. организуется первое земское ополченіе, двинувшееся для освобожденія Москвы отъ поляковъ.

Такимъ образомъ, Смута, которая началась дворцовой боярской борьбой изъ-за власти, затѣмъ превратилась въ народную борьбу противъ сложившагося общественнаго и государственнаго порядка, въ послѣднемъ своемъ періодѣ, подъ вліяніемъ опасности иноземнаго завоеванія, получила характеръ національной борьбы

за цѣлость и независимость государства и неприкосновенность религіи. Но и въ этомъ послѣднемъ періодѣ нельзя не замѣтить, что участіе въ борьбѣ разныхъ общественныхъ группъ направляется не безъ вліянія тѣхъ же сословныхъ интересовъ. Намъ остается вкратцѣ подвергнуть анализу общественный составъ обоихъ земскихъ ополченій и мотивы, двинувшіе ихъ участниковъ къ возстановленію государственнаго и гражданскаго порядка.

Первое земское ополченіе.

Изъ кого составилось первое земское ополченіе, получившее названіе Ляпуновскаго? Вождемъ этого возстанія, давшимъ ему свое имя, явился уже извѣстный намъ рязанецъ Прокопій Ляпуновъ, получившій при Шуйскомъ, въ награду за оставленіе шаекъ Болотникова, званіе думнаго дворянина и должность рязанскаго воеводы. Самъ по себѣ это былъ человѣкъ далеко незаурядный, честолюбивый, горячій и энергичный, умѣвшій стать во главѣ крупныхъ общественныхъ организацій. Съ 1606 г. по 1611 г. онъ играетъ видную роль во всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ, каковы: заговоры противъ Шуйскаго съ выставленіемъ кандидатуръ, сначала М. В. Скопина-Шуйскаго, а затѣмъ—кн. В. В. Голицына, низложеніе Шуйскаго, избраніе Владислава, организація „великаго посольства“. Такъ, прежде всего личныя чувства и личные интересы честолюбивой натуры толкаютъ Ляпунова въ самый центръ политической борьбы. Но сознаніе національной опасности и въ немъ пробуждаетъ патріотическое чувство и готовность встать на защиту государства противъ иноземцевъ и „измѣннаго“ московскаго правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ляпуновъ попрежнему остается представителемъ интересовъ провинціальнаго служилаго населенія, которое поднимается за своимъ популярнымъ вождемъ. Нужно удивляться той быстротѣ, съ которой организовалось народное ополченіе. Въ декабрѣ 1610 г. патріархъ Гермогенъ началъ свой открытый призывъ къ народу на Рязани, Ниж-

немъ и въ другихъ городахъ. И уже въ февралѣ 1611 г. рязанскія, нижегородскія и ярославскія дружины двинулись къ Москвѣ; въ мартѣ онѣ были подъ Москвой, гдѣ окончательно сформировалось Ляпуновское ополченіе.

Къ Ляпунову примкнули служилые люди—дворяне и дѣти боярскіе, а также ополченіе изъ тяглыхъ, главнымъ образомъ, посадскихъ людей, городовъ: Рязани, Мурома, Суздаля, Владиміра, Вологды, Костромы, Нижняго-Новгорода, и др. замосковныхъ и поморскихъ городовъ. Сложные мотивы двинули эти группы населенія за Ляпуновымъ. То было, во первыхъ, несомнѣнно пробудившееся гражданское сознаніе и патріотическое чувство, выразившееся въ тѣхъ грамотахъ, въ которыхъ города пересылались между собой (напримѣръ, грамоты изъ Ярославля въ Вологду, изъ Ярославля же въ Казань и пр.), и въ которыхъ они призывали другъ друга къ объединенію на почвѣ защиты Москвы и всего государства отъ поляковъ; затѣмъ—насилія и грабежи польскихъ людей по городамъ и уѣздамъ, и, наконецъ, полное разстройство экономической и промышленно-торговой жизни, тяжело отражавшееся на торговыхъ городскихъ общинахъ приволжскаго и поморскаго края. Но въ союзъ съ Ляпуновымъ вошли и совершенно другіе элементы: это тушинскіе ратные люди, оставшіеся не у дѣлъ послѣ смерти Вора (въ декабрѣ 1610 г.): тутъ было нѣсколько воеводъ, остававшихся до конца въ Тушинскомъ станѣ, во главѣ съ тушинскимъ „бояриномъ“, кн. Дм. Трубецкимъ, сѣверскіе служилые люди, а главнымъ образомъ,—толпы казаковъ, бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ. Союзъ съ этой „воровской“ ратью былъ заключенъ по соображеніямъ военнымъ: ее Ляпуновъ хотѣлъ видѣть не врагомъ въ тылу у себя, а союзникомъ въ борьбѣ съ поляками. Онъ привлекъ тушинцевъ и казаковъ обѣщаніемъ награды и воли бывшимъ крѣпостнымъ и боярскимъ холопамъ.

Рать, собравшаяся подъ Москвой, энергично принялась за устройство не только военныхъ дѣлъ, но и управленія государствомъ. Ополченіе смотрѣло на себя, какъ на „совѣтъ всея земли“, которому принадлежала верховная власть. Исполнительная власть, подъ извѣстными условіями и ограниченіями, была поручена тремъ воеводамъ: Трубецкому, Заруцкому и Ляпунову. Для дѣлопроизводства были учреждены при ополченіи приказы, а на города для управленія и сбора доходовъ посылались воеводы.

Но союзъ разнородныхъ общественныхъ элементовъ, изъ которыхъ составилось ополченіе Ляпунова, оказался непрочнымъ и кратковременнымъ. Ляпуновъ, соединившись съ казаками и „ворами“, повторилъ ошибку 1606 г. Вся разнородность интересовъ союзниковъ сказалась въ знаменитомъ приговорѣ „всей земли“ 30 іюня 1611 г. Въ этомъ приговорѣ обнаруживается, что главную и самую вліятельную силу въ подмосковномъ ополченіи 1611 г. составляли служилые люди, пришедшіе вмѣстѣ съ Ляпуновымъ: различныя статьи приговора опредѣляютъ вопросъ о жалованьи и о земельномъ обезпеченіи, какъ подмосковной рати, такъ и служилыхъ людей вообще. Проведены ограничительныя статьи, касавшіяся бывшихъ тушинцевъ и сторонниковъ Сигизмунда, которые успѣли запастись грамотами отъ Вора и отъ польскаго короля на чрезмѣрныя земельныя дачи. Послѣднія, по приговору „всей земли“, подлежали конфискаціи. Далѣе, рядъ статей касался казачества, бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ. Только „старымъ“, ранѣе служившимъ государству, казакамъ назначалось жалованье и помѣстные оклады. Всѣхъ же бѣглыхъ людей, крестьянъ и хлоповъ, хотя бы и назвавшихъ себя казаками, постановлено было возвратить ихъ законнымъ владѣльцамъ. Всѣ казаки, безъ исключенія, устранялись отъ занятія воеводскихъ и прочихъ административныхъ должностей. Такимъ образомъ, приговоръ 30-го іюня узаконялъ

старый московскій служилый и земельный порядокъ, ограничительныя же статьи противъ казаковъ и бѣглыхъ боярскихъ людей явно поддерживали тотъ самый крѣпостной строй, противъ котораго съ активнымъ протестомъ выступило казачество и низшіе крѣпостные слои населенія. Если прибавить къ этому мѣры строгости, принятыя Ляпуновымъ противъ „воровства", т. е. грабежей и разбоя, которые казаки учиняли подъ Москвой и по городамъ, то можно понять недовольство, превратившееся въ жгучую ненависть бывшихъ тушинцевъ и казаковъ къ Ляпунову.

Какъ извѣстно, дѣло закончилось для послѣдняго трагически: онъ былъ убитъ въ казачьемъ „кругу". Ополченіе распалось, служилые люди разошлись; правительственная власть осталась въ рукахъ „воровскихъ" вождей, кн. Трубецкаго и Заруцкаго; казаки „воровства своего не оставили: ѣздили по дорогамъ станицами и побивали". Казаки и казачье правительство были одинаково враждебны и полякамъ, сидѣвшимъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ сторонниками Сигизмунда изъ бояръ и приказныхъ людей, и старому московскому порядку, на защиту котораго поднялись Ляпуновъ со служилыми людьми. Между тѣмъ Сигизмундъ взялъ наконецъ штурмомъ Смоленскъ. Новгородъ отошелъ подъ власть шведовъ. Въ Псковѣ появился новый самозванецъ, какой-то Сидорка.

Второе земское ополченіе.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло къ осени 1611 г. Государство и національность находились на краю гибели. Но проснувшееся національное чувство и стремленіе къ возстановленію государственнаго порядка въ среднихъ, болѣе консервативныхъ, слояхъ русскаго общества не угасли съ неудачей Ляпуновскаго ополченія. Втеченіе зимы 1611-1612 г.г. поднялось и сорганизовалось второе земское ополченіе—Нижегородское. Хорошо извѣстна его исторія, и поэтому нѣтъ надобности останавливаться на фактическихъ подробностяхъ этого движенія. Мы отмѣтимъ только

его главныя особенности по сравненію съ Ляпуновскимъ ополченіемъ. Идейнымъ вдохновителемъ новаго земскаго ополченія былъ все тотъ же патріархъ Гермогенъ, запечатлѣвшій свой патріотическій подвигъ мученической смертью въ застѣнкѣ Чудова монастыря. Историкъ Забѣлинъ выяснилъ, что именно грамотой патріарха Гермогена (въ авг. 1611 г.) были вдохновлены иниціаторы и вожди Нижегородскаго ополченія; они послѣдовали и программѣ, начертанной Гермогеномъ и указывавшей на необходимость борьбы не только противъ поляковъ, но и противъ казаковъ. Вслѣдствіе безпристрастной научной критики пала легенда о преувеличенномъ значеніи въ нижегородскомъ подвигѣ Троицкихъ грамотъ, неправильное представленіе о чемъ создалось благодаря талантливой, но не всегда близкой къ истинѣ „Исторіи“ троицкаго келаря Авраамія Палицына.

Ядро и элементы движенія.

На этотъ разъ первоначальный починъ въ организаціи ополченія принадлежитъ нѣсколько другой группѣ по сравненію съ Ляпуновскимъ, а именно—нижегородской посадской тяглой общинѣ и ея представителю, выборному земскому старостѣ Козьмѣ Минину Сухорукому. Мининъ, по профессіи мясной торговецъ, принадлежалъ къ зажиточному слою посадскихъ людей, и, по своему званію земскаго старосты, завѣдывалъ хозяйствомъ городской тяглой общины. Въ центрѣ тогдашней городской общественной жизни, земской избѣ, Козьма Мининъ началъ держать рѣчь о необходимости „чинить промыселъ“ надъ врагами. Здѣсь же былъ составленъ и написанъ первый приговоръ „всего града за руками“, которымъ опредѣлялся особый сборъ на „строеніе ратныхъ людей“; произвести такой сборъ поручалось Минину. Мининъ первый началъ пожертвованія на ратныхъ; за нимъ пошли и прочіе: гости и торговые люди, „приносяще казну многу“. Но это не были только добровольныя пожертвованія. Въ силу общественнаго приговора, они получали обязательную, принудительную

силу. Мининъ, выбранный „окладчикомъ“—для раскладки, взиманія и храненія чрезвычайныхъ сборовъ, окладывалъ нижегородскихъ посадскихъ торговыхъ и всякихъ людей, смотря „по пожиткамъ и по промысламъ“. Сборы эти производились неоднократно и достигали высокихъ размѣровъ третьей и пятой деньги, т. е третьей или пятой части капитала. Людей нерадивыхъ Мининъ побуждалъ даже силой. Сборы распространялись не только на Нижній Новгородъ, но и на уѣздъ, а затѣмъ и на другіе города, примкнувшіе къ движенію. Такъ была организована финансовая сторона дѣла. Отсюда видно, съ одной стороны, что нижегородская посадская община, а вслѣдъ за ней и другіе города, принесли крупныя матеріальныя жертвы на общее національное дѣло; а съ другой стороны, дѣло это практичнымъ человѣкомъ Мининымъ было сразу поставлено прочно, благодаря чему въ нѣсколько мѣсяцевъ, а именно къ февралю 1612 г., была организована внушительная рать, которую князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, избранный нижегородцами всѣмъ городомъ, повелъ въ Ярославль.

Еще въ самомъ Нижнемъ дѣло, начатое на посадѣ, привлекло затѣмъ и другіе высшіе классы—духовенство, приказную администрацію и служилыхъ людей. Видную роль при этомъ сыгралъ протопопъ Нижегородскаго Спасо-Преображенскаго собора, Савва Ефимьевъ, выступившій въ соборѣ съ рѣчью къ народу, послѣ того какъ наканунѣ дѣло было обсуждено на воеводскомъ дворѣ представителями воеводской власти, духовенства, дворянъ и дѣтей боярскихъ, вмѣстѣ съ представителями отъ посадской общины. Такова была группировка общественныхъ слоевъ, принявшихъ активное участіе въ движеніи, какъ въ самомъ началѣ, при зарожденіи этого движенія въ Нижнемъ, такъ и позднѣе, когда оно получило областной характеръ, послѣ присоединенія къ Нижнему Понизовья, верховыхъ

волжскихъ городовъ и Поморья. Это были средніе, тяглые и служилые, классы Московскаго государства.

Консервативный характеръ ополченія.

Нельзя отрицать, несомнѣнно, высокихъ патріотическихъ чувствъ, руководившихъ участниками движенія; но что послѣднимъ преслѣдовалась національно-охранительная и при томъ классовая программа—это съ очевидностью слѣдуетъ изъ извѣстной грамоты 7 апрѣля 1612 г., съ которой власти земскаго ополченія, „бояре и околничіе и Дмитрій Пожарскій“ съ прочими „всякими служивыми и жилецкими людьми“, изъ Ярославля обратились къ городамъ съ извѣщеніемъ о своемъ ополченіи и съ призывомъ къ общему соединенію. Извѣщая города о вѣроломномъ поступкѣ казаковъ съ Ляпуновымъ, о намѣреніи ихъ служить новымъ самозванцамъ, Маринкину сыну и Псковскому вору, грамота говоритъ, что казаки вернулись къ „своему первому злому совѣту: бояръ и дворянъ и всякихъ чиновъ людей и земскихъ и уѣздныхъ лучшихъ людей побити и животы разграбити и владѣти бы имъ по своему воровскому казацкому обычаю“. Ярославскія власти призывали всю земщину на общій земскій совѣтъ—выбрать „по совѣту всего государства“ государя, чтобы стоять съ нимъ вмѣстѣ „противъ общихъ враговъ, польскихъ и литовскихъ и нѣмецкихъ людей и *русскихъ воровъ*“—*казаковъ*.

Такимъ образомъ, во второмъ ополченіи съ самаго начала обнаружилось враждебное отношеніе къ казачеству; наряду со внѣшнимъ врагомъ, угрожавшимъ цѣлости государства и религіи, не меньшее, если не большее вниманіе въ грамотѣ удѣляется внутреннему врагу—казачеству, угрожавшему общественнымъ переворотомъ, низверженіемъ московскаго государственнаго и общественнаго порядка. На защиту этого стараго порядка и возстали торговые—посадскіе и служилые люди. На этотъ разъ, благодаря практичности, осторожности и тонкому разсчету, съ которыми повели дѣло вожди движенія, Мининъ и Пожарскій, оно было закончено успѣшно. Сначала казачество подъ Мо-

сквой должно было смириться и подчиниться земщинѣ, а затѣмъ былъ отбитъ, хотя и съ очень большими усиліями, и внѣшній врагъ—поляки.

Ввиду той роли, которую сыграло боярство въ Смутѣ, а средніе городскіе и служилые классы населенія въ возстановленіи государственнаго порядка въ 1611—1612 г., понятными представляются ближайшія послѣдствія Смуты. Во первыхъ, дальнѣйшій упадокъ и разложеніе родовитаго боярства, запятнавшаго себя позорнымъ поведеніемъ въ самые тяжелые годы Смуты; во вторыхъ, большее значеніе, которое получили въ государственной жизни земскіе служилый и городской классы, что выразилось въ усиленной дѣятельности земскихъ соборовъ въ первой половинѣ XVII в. и въ тѣхъ заботахъ, которыя правительство проявляло объ устройствѣ служилаго и посадскаго люда, и которыя нашли юридическое выраженіе въ Соборномъ Уложеніи; наконецъ, въ этомъ же Соборномъ Уложеніи юридически былъ завершенъ и процессъ закрѣпощенія крестьянства, который пошелъ ускореннымъ темпомъ по окончаніи Смуты. Послѣдствія Смуты.

Нужно отмѣтить одну положительную сторону Смуты, выразившуюся въ извѣстномъ политическомъ воспитаніи, которое вынесли русскіе люди изъ тревожныхъ обстоятельствъ Смутнаго времени. „Начавъ Смуту,—говоритъ авторъ одной изъ новѣйшихъ статей объ этой эпохѣ,—очень безпечно, съ легкимъ сердцемъ пустившись въ авантюры самозванщины, они кончили Смуту съ прояснившимися въ ихъ сознаніи понятіями общаго блага, отечества и государства“. Этотъ ростъ общественнаго сознанія и общественной солидарности нашелъ живое выраженіе въ грамотахъ городовъ и обоихъ земскихъ ополченій 1611—1612 г.г. Въ нихъ мы слышимъ горячіе призывы „стояти за одинъ“, „душами и головами стать обще“, „ожить и умереть вмѣстѣ“. „А будетъ вы,—обращается къ населенію окружная грамота изъ Ярославля 1612 г.—отъ того вора (Заруцкаго)

и отъ Марины и отъ сына ея не отстанете, и съ нами и со всею землею будете не въ соединеньи, и враги наши, польскіе и литовскіе люди, царствующій градъ Москву и всѣ грады Московскаго государства до конца разорятъ, и всѣхъ васъ и насъ конечно погубятъ, и землю нашу пусту и безпамятну учинятъ: и того всего взыщетъ Богъ на васъ, что вы своимъ развращеньемъ съ нами не въ соединеніи; да и окрестныя всѣ государства назовутъ васъ предатели своей вѣрѣ и отечеству".—Крупный шагъ впередъ по сравненію съ тѣмъ гражданскимъ и политическимъ безразличіемъ, которое отмѣчалось выше, при характеристикѣ болѣе раннихъ моментовъ Смуты.

И. Катаевъ.

Димитрій I *).

„И великое Російское Царство яко́ море восколебася, и неистовыя глаголы, яко свирѣпыя волны, возшумѣша, и неукротимо и нинаправляемо, аще и кормчій мудри бѣша, но ярость моря сихъ повреди и суетну мудрость ихъ сотвори и во своя стремленья все обрати; начальные жъ Боляре и стратиги суетному волнению противишася, но ничтожъ успѣша суровому народцкому глаголанию".

Собр. Гр. и Дог. I, № 203.

„Малы-же помощники того бѣсованію обрѣтъ".

Доп. къ А. И. II, № 76.

Появленіе Димитрія въ Польшѣ.

Въ 1601-омъ году появился въ предѣлахъ Польши молодой великоруссъ въ одеждѣ православнаго инока, „базильянца". Онъ пришелъ будто бы только на богомолье, поклониться святынямъ Кіевской земли, но затѣмъ принялъ вдругъ рѣшеніе не возвращаться болѣе въ Московское государство и сталъ искать милостей у мѣстной шляхты и вельможъ. Будучи одаренъ отъ природы какой-то мягкой вкрадчивостью въ сношеніяхъ съ людьми, юноша быстро сумѣлъ пріобрѣсти себѣ друзей и даже привлечь вниманіе кое-кого изъ высшей

Важнѣйшая литература: *Платоновъ.* „Древнерусскія Сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка"; *Платоновъ.* „Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ XVI-XVII в.в." 1899 г.; P. Pierling. „Rome et Démétrius 1878 г."; P. Pierling. „La Russie et le S. Siège", II-III 1897 г.; A. Hirschberg. „Dymitr Samozwaniec"; Eugen Scepkin. „Wer war Pseudodemetrius I?" (Archiv für Slav. Phil., B.B. XX-XXII); *А. С. Суворинъ.* „О Димитріи Самозванцѣ", Спб. 1906; K. Waliszewski. „Les origines de la Russie moderne" v. II. La Crise révolutionnaire 1584-1614. Paris 1906; Th. H. Pantenius.

знати. Тогда онъ сталъ выступать нѣсколько смѣлѣе и довѣрчивѣе и, наконецъ, постепенно началъ открыто выдавать себя за отпрыскъ царскаго рода, за Димитрія, сына Ивана Грознаго. Кое-какими, по внѣшности правдоподобными, доводами ему удалось убѣдить въ этомъ сначала немногихъ, а затѣмъ молва о немъ быстро распространилась среди народа. По разсказамъ Димитрія, онъ былъ спасенъ въ Угличѣ и отданъ на воспитаніе одному сыну боярскому, а тотъ научилъ его укрыться среди чернецовъ. И вотъ отрокъ странствовалъ въ одеждѣ инока, выдавалъ себя за монаха и носилъ не свое имя, а чужое. Но иногда Димитрій называлъ своими спасителями московскихъ бояръ и дьяковъ Щелкаловыхъ, а то еще и какую-то женщину, отдавшую его въ монастырь на соблюденіе. Переходя изъ одной обители въ другую, онъ будто бы съ Сѣвера постепенно добрался до столицы и здѣсь, никѣмъ не узнанный, бывалъ во дворѣ у патріарха и даже въ палатахъ самаго Бориса. Наконецъ, изъ Москвы ему удалось уйти отъ опасностей за литовскій рубежъ. Разслѣдованія о дѣтствѣ и отрочествѣ царя Димитрія, предпринятыя въ Москвѣ при Годуновыхъ и Василіи Шуйскомъ, въ общемъ подтверждали этотъ разсказъ.

Родъ Отрепьевыхъ.

Судьба царя Димитрія и при жизни, и въ наукѣ всегда была неразрывно связана съ исторіей рода Отрепьевыхъ. Искони и до конца XV-го вѣка всѣ служилые люди этого рода прозывались Нелидовыми. Только въ 1497 году Давидъ Нелидовъ по какому-то

„Der falsche Demetrius“ (популярно) Bielefeld und Leipzig 1904. (Monographien zur Weltgeschichte, Ed. Heyck.); A. Hirschberg. „Pamiętnik Stanisława Niemojewskiego“; Русская Историческая Библіотека, т.т. I и XIII; „Historica Russiae Monumenta“, II Suppl.; Никоновская Лѣтопись; Dyaryusz Dyamentowzkiego“ (у Hirschberg'a Polska a Moskwa); „Rerum Rossicarum Scriptores Exteri“, I-II; „Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ“. II; Margeret. „Estat de l'Empire de Russie“; *Устряловъ.* „Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ“ I-II, 3 изд. Спб. 1859 г.; P. Mérimée. „Les faux Démétrius“ 1853.

случаю получилъ отъ великаго князя Ивана III прозвище Отрепьевъ. Его потомство распалось затѣмъ на три вѣтви: два старшихъ внука, Игнатій и Иванъ, служили по Угличу, младшій внукъ Матвѣй—по Галичу. Однако, взятіе Галича въ опричнину должно было оторвать эту младшую вѣтвь Отрепьевыхъ отъ почвы. Сынъ Матвѣя съ Галича, Замятня-Елеазаръ, уже владѣлъ деревней Шеиной въ Коломенскомъ уѣздѣ. Среди вновь верстанныхъ боярскихъ дѣтей Коломны служили 1576-77 г. г. и сыновья Замятни-Елеазара, стрѣлецкій сотникъ Смирной Никита и его братья Богданъ и Тихонъ. Здѣсь они были связаны службой и порукой съ родичемъ своимъ Андреемъ Отрепьевымъ изъ старшей Углицкой вѣтви и съ другими родами дѣтей боярскихъ, съ Яцкими, Колтовскими, Дубенскими. Вообще, въ концѣ XVI-го вѣка родъ Отрепьевыхъ по службѣ и по землевладѣнію былъ извѣстенъ и въ Москвѣ и по уѣздамъ. Въ Медынскомъ уѣздѣ за одинъ изъ его отпрысковъ значилось сельцо Отрепьево, а въ 1599 году Шереметъ (Иванъ Ивановичъ) Отрепьевъ, изъ средней вѣтви съ Углича, въ званіи головы объѣзжалъ съ княземъ Петромъ Пожарскимъ меньшую половину Царева Каменнаго города, отъ Неглинной до Москвы-рѣки; у него тоже былъ сынъ Богданъ. Родословная Отрепьевыхъ знаетъ двухъ Богдановъ — одного Богдана Ивановича съ Углича, другого Богдана Елеазаровича съ Галича. Далѣе всѣхъ пошелъ по службѣ Никита Елеазаровичъ Смирной-Отрепьевъ; онъ былъ вхожъ въ палаты царя Бориса, пользовался его милостью и посылался даже въ Польшу для обличенія появившагося тамъ царевича. Торжество Димитрія прервало на время служебные успѣхи Смирного. Вмѣстѣ съ Иваномъ, Георгіемъ и многими другими родичами—Отрепьевыми, Смирной-Никита былъ сосланъ теперь въ ссылку въ сибирскіе города. Будучи возвращенъ при Василіи Шуйскомъ, онъ служилъ еще воеводою въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Но среди Отрепьевыхъ были и неудач-

ники. Хозяйственный переворотъ въ концѣ XVI-го столѣтія поколебалъ положеніе мелкоземельнаго служилаго люда. Разорявшіеся дѣти боярскіе, бросивъ землю, могли найти пріютъ въ монастыряхъ. Такъ запустѣла, вѣроятно, и деревня Шеина, а Замятня—Елеазаръ Отрепьевъ принялъ постриженіе и жилъ въ кельѣ въ Чудовской обители. Здѣсь на Москвѣ, въ Чудовѣ, нашли себѣ пристанище еще одинъ изъ Яцкихъ, во иночествѣ Варлаамъ, и Михаилъ Повадинъ, служилый человѣкъ изъ Серпейска.

Чернецъ Григорій Отрепьевъ.

Къ многолюдному роду Отрепьевыхъ принадлежала по мужу и вдова Варвара. Мальчикъ, оставшійся у нея на попеченіи, съ дѣтства обладаетъ какимъ-то чуднымъ даромъ находить себѣ покровителей и рано выступаетъ на путь, невполнѣ обычный для сына мелкаго служилаго человѣка. Онъ родился около 1581 года и уже у вдовы Отрепьевой, называвшей его своимъ сыномъ, сталъ учиться грамотѣ по Св. Писанію. Что-то влекло его прочь изъ семьи. Изучивъ Часовникъ и псалмы Давидовы, молодой Отрепьевъ нѣкоторое время пропадаетъ въ Москвѣ и здѣсь встрѣчается съ игуменомъ Трифономъ, основателемъ, а затѣмъ и архимандритомъ Успенскаго монастыря въ городѣ Хлыновѣ, нынѣ Вяткѣ. Въ бесѣдѣ съ отрокомъ Св. Трифонъ увѣщаетъ его итти въ монахи и самъ постригаетъ 14-лѣтняго Отрепьева въ 1595 году. Юный чернецъ пробирается тогда въ Суздаль въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь; видя его молодость, архимандритъ отдаетъ его здѣсь подъ начало старцу. Пробывъ въ Суздалѣ съ годъ, Отрепьевъ идетъ въ Спасскую обитель на Куксѣ, живетъ здѣсь три мѣсяца, затѣмъ мѣняетъ еще нѣсколько монастырей; наконецъ, слыша, что его дѣдъ Замятня постриженъ въ Чудовѣ монастырѣ, инокъ возвращается въ Москву. И на этотъ разъ ему почему-то нетрудно найти заступниковъ и ходатаевъ. Протопопъ Успенскаго собора Евѳимій ходатайствуетъ за него передъ архимандритомъ Чудова монастыря Пафнутіемъ, про-

ситъ взять его въ монастырь и велѣть жить въ кельѣ у дѣда. Ввиду бѣдности и сиротства юнаго Отрепьева, Пафнутій принимаетъ новаго инока въ обитель и отдаетъ подъ начало. Здѣсь Отрепьевъ живетъ болѣе года, два лѣта. Потомъ онъ попадаетъ на годъ слишкомъ къ патріаршему двору: Іовъ беретъ его къ себѣ для писанія книгъ. Служба молодого Отрепьева у патріарха совпадаетъ по времени съ появленіемъ въ Москвѣ польскаго посольства Льва Сапѣги въ 1600—1601 г. Перемиріе, договоренное тогда между Польшей и Москвой, даетъ поводъ ослабить охрану границъ и облегчаетъ москвичамъ выходъ за литовскій рубежъ. Чернецъ Отрепьевъ пользуется случаемъ, внезапно покидаетъ Москву и еще въ томъ-же 1601 году всплываетъ въ Кіевѣ, въ Печерскомъ монастырѣ. Боязнь заточенія толкнула чудовскаго инока на бѣгство изъ столицы. Своими неосторожными распросами о царевичѣ Димитріи онъ внушилъ подозрѣнія Ростовскому митрополиту, видавшему его у Іова. По доносу митрополита, царь Борисъ велѣлъ было дьяку Смирному-Васильеву сослать Отрепьева въ Соловки, подъ крѣпкое начало. Тотъ поручаетъ дѣло дьяку Семейкѣ Евѳимьеву; дьякъ Евѳимьевъ считался въ свойствѣ съ Отрепьевымъ и упросилъ Смирного-Васильева повременить ссылкой. Оба дьяка—Васильевъ и Евѳимьевъ служили въ Приказѣ Большого Дворца въ товарищахъ подъ началомъ дворецкаго Степана Васильевича Годунова. Это—то учрежденіе, гдѣ молодой Отрепьевъ могъ сходиться со всѣми своими покровителями и заступниками. Здѣсь вѣдались въ началѣ XVII-го вѣка не только дворцовыя села, но и монастыри всѣхъ городовъ по отчетности въ монастырской казнѣ и доходахъ съ ихъ имѣній, а также притчъ привиллегированныхъ церквей. Какъ разъ изъ Большого Дворца выдѣлился при Романовыхъ особый Монастырскій приказъ, гдѣ наряду съ окольничимъ или думнымъ дворяниномъ и дьяками засѣдали архимандриты и протопопы, какъ напримѣръ

въ 1653 году—архимандритъ Чудова и келарь Троицы-Сергіева монастырей. Этого инока Отрепьева, бѣжавшаго изъ Чудовской обители при содѣйствіи дьяковъ Большого Дворца, русское историческое преданье отождествляетъ съ тѣмъ чернецомъ, который назвался въ Польшѣ царевичемъ Димитріемъ и разсказывалъ о своихъ скитаніяхъ подъ чужимъ именемъ по русскимъ монастырямъ.

Вѣроятность разсказовъ чернеца.

Разсказу Димитрія, что онъ спасся среди иноковъ, было легко повѣрить. Въ началѣ XVII-го вѣка въ мужскихъ и женскихъ монастыряхъ Московскаго государства хоронили себя, свое минувшее величіе или отжитое счастье, всѣ закатившіяся свѣтила и павшія звѣзды царской службы или дворцовой жизни. Въ Тихвинѣ въ Введенскомъ монастырѣ доживала свои дни царица—инокиня Дарья, въ міру Анна Колтовская, четвертая жена Ивана Грознаго; Борисъ Годуновъ и Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ жаловали ее и всю ея общину селами. Въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ была пострижена первая супруга царевича Ивана Ивановича—царица Александра, дочь боярина Богдана Сабурова; его вторая жена, царица Параскева, въ міру Пелагія Михайловна Соловая, прежде чѣмъ поселиться въ Москвѣ въ Ивановскомъ монастырѣ, жила одно время въ Горецкой обители на Бѣломъ озерѣ вмѣстѣ съ монахиней Ольгой, несчастной Ксеніей—дочерью Годунова. Третья жена, Елена Шереметева, тоже пережила царевича и въ царствованье Ѳеодора скончалась, какъ инока Леонида въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Марья Владиміровна, двоюродная племянница Грознаго и вдова датскаго королевича Магнуса, выдерживала въ Смутное время польскую осаду въ Троицкой лаврѣ и тайно сносилась съ непріятелемъ: какъ старица Марѳа, писала Тушинскому вору „братомъ“. Мать царевича Димитрія, Марѳу Нагую, только ея названный сынъ окончательно вызвалъ изъ заточенія въ Николо-Выксинской пустынѣ въ Кремль, изъ бѣлозерскихъ предѣловъ въ Вознесен-

скій монастырь подъ почетный надзоръ. На дальнемъ сѣверѣ, въ Сійскомъ Антоніевомъ монастырѣ близъ Архангельска, съ 1600 года томился подъ бдительнымъ призоромъ насильно постриженный Филаретъ Романовъ; только съ начала февраля 1605 года, когда Димитрій былъ уже въ Московскихъ предѣлахъ, узникъ вдругъ оживился, сталъ веселъ и даже повелителенъ. При Димитріи I постриженъ на покой въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ бывшій Касимовскій ханъ и „земскій царь“, всущности только великій князь всея Руси— Симеонъ Бекбулатовичъ, привыкшій къ ссылкѣ еще при Борисѣ; при В. Шуйскомъ этотъ старецъ Степанъ былъ даже переведенъ въ Соловки на болѣе тяжкія страданія. Дьякъ Андрей Щелкаловъ былъ записанъ въ синодикъ Чудова монастыря, и, какъ старецъ Ѳеодосій Кирилло-Бѣлозерской обители, жилъ еще до конца царствованія Ѳеодора. Между всѣми этими монастырями, отъ Бѣлаго моря и до отроговъ Карпатъ, бродячіе иноки завязывали и поддерживали общеніе. Московскія власти брали иной разъ изъ нихъ себѣ тайныхъ соглядатаевъ, но чернецы такъ же легко копали крамолу и противъ самого правительства. Такъ и монахъ Отрепьевъ на своемъ пути изъ Москвы въ Кіевъ и на Волынь, черезъ Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, Лоевъ, Любечъ, не остается одинокъ: онъ сталкивается то съ инокомъ Венедиктомъ отъ Троицы-Сергія и Леонидомъ, чернецомъ Крыпецкаго Іоанно-Богословскаго монастыря близъ Пскова, то съ Варлаамомъ Яцкимъ и Мисаиломъ Повадинымъ изъ Чудовской обители.

Димитрій въ Кіевѣ и у Вишневецкаго.

Въ Кіевѣ будущій Димитрій прежде всего появляется въ иноческой одеждѣ въ Печерскомъ монастырѣ, живетъ здѣсь и дружитъ съ запорожскими казаками. Затѣмъ онъ перебирается ко двору кіевскаго воеводы князя Константина Острожскаго. Тутъ послѣдователи Социна, отрицавшаго, подобно Арію, догматъ о Св. Троицѣ, но еще допускавшаго поклоненіе Хри-

сту, стали склонять его въ свою ересь и успѣли поселить въ юношѣ нѣкоторыя сомнѣнія. Кн. Константинъ Острожскій, защитникъ православія на Волыни и въ землѣ Кіевской, терпѣлъ этихъ умѣренныхъ антитринитаріевъ при своемъ дворѣ и поощрялъ ихъ полемику противъ іезуитовъ. Неудивительно, что социніане причисляли и самого воеводу Кіевскаго, и близко стоявшаго къ нему Романа Гойскаго изъ Гойши, подкоморника, а затѣмъ и кастеляна Кіевскаго, къ тайнымъ членамъ и явнымъ покровителямъ своей секты. Въ воеводствѣ Волынскомъ въ повѣтѣ Луцкомъ лежало между Дубно и острогомъ село Дермань съ православнымъ монастыремъ, гдѣ князь Константинъ Острожскій основалъ книгопечатню славянскихъ книгъ. Димитрій пожилъ и въ Дермани. Какъ разъ лѣтомъ 1602 года воевода Кіевскій далъ этой общинѣ уставъ Василія Великаго и ввелъ обученіе монаховъ славянскому, латинскому и греческому языкамъ. Затѣмъ молодой инокъ ушелъ на рѣку Горынь въ мѣстечко Гойшу, принадлежавшее Гавріилу и Роману Гойскимъ. Здѣсь онъ нѣкоторое время училъ дѣтей кириллицѣ, но и самъ могъ сбросить рясу и учиться въ школѣ польскому и латинскому языку. Сынъ кн. Острожскаго, Янушъ, кастелянъ Краковскій, знавалъ, напримѣръ, Димитрія нѣсколько лѣтъ на Волыни въ кругахъ православныхъ социніанъ и даже анабаптистовъ, наиболѣе рѣзкихъ противниковъ ученія о Св. Троицѣ. Пробывъ не менѣе полутора года на глазахъ у Острожскихъ, Димитрій исчезаетъ и появляется вновь въ Брагинѣ у православнаго западнорусскаго вельможи Адама Вишневецкаго; окресности Брагина съ Лоевой горой и Старымъ Лоевымъ были знакомы ему еще со времени бѣгства изъ Новгорода-Сѣверскаго на Стародубъ и Любечъ. Но теперь онъ, уже безъ рясы и какъ ученикъ запорожскихъ казаковъ, поступаетъ въ число знатныхъ слугъ Вишневецкаго. Князь слыхалъ, что Димитрій знатнаго московскаго происхожденія, полюбилъ его за отвагу и умъ и при-

близилъ къ себѣ, почти какъ друга и совѣтника. Здѣсь бывшій инокъ къ осени 1603 года открыто выступаетъ царевичемъ Углицкимъ и встрѣчаетъ признаніе.

Самозванщина у поляковъ и казаковъ.

Поляки и казаки еще въ XVI столѣтіи учились самозванщинѣ въ Молдавіи. Въ 1561 году войско изъ нѣмецкихъ наемниковъ и казаковъ помогло одному искателю приключеній, родомъ греку, Якову Василику Гераклиду, нанести тамъ пораженіе деспоту Александру Лапушнену и завладѣть его престоломъ. Позднѣе сынъ Александра, Богданъ, принужденъ былъ искать помощи въ Польшѣ противъ своего соперника Іона, посаженнаго турецкимъ султаномъ. Около двухъ тысячъ поляковъ съ гетманомъ Мелецкимъ вторглось въ 1572 году въ Молдавію, но потерпѣло неудачу и вернулось, а Богданъ кончилъ свои дни въ Москвѣ. Въ 1577 году появляется новый претендентъ, Иванъ Подкова, или Крецулъ, „Курчавый“, выдававшій себя за брата Іона. Безъ согласія польскаго короля какой-то Копиньскій вербуетъ для Подковы казаковъ и ведетъ самозванца въ Молдавію. Подкова ненадолго овладѣваетъ престоломъ въ Яссахъ, но затѣмъ вынужденъ бѣжать въ Польшу, гдѣ и казненъ. Въ 1592 году вторгается изъ Польши съ казацкимъ войскомъ Петръ Казакъ, выдававшій себя за сына деспота Александра Лапушнена, и два мѣсяца властвуетъ въ Яссахъ.

Столкновенія князей Вишневецкихъ и др. магнатовъ съ Москвой

Такъ и царевичъ Димитрій, съ правами на московскій престолъ, явился, какъ нельзя болѣе кстати для князей Вишневецкихъ. Родъ Вишневецкихъ развивалъ свою колонизаторскую дѣятельность въ области рѣки Сулы, гдѣ лежали Снѣтинъ, Прилуки, Пирятинъ. По договору между Москвой и Польшей 1602 года, слѣдовало установить польско-русскую границу между Торопцомъ и Велижемъ, а въ Сѣверской Украйнѣ—между Черниговомъ-Путивлемъ и Прилуками-Снѣтиномъ. Вмѣсто этого царь Борисъ выслалъ воеводъ изъ Чернигова и Путивля съ войскомъ и пушками, которые и сожгли городъ князей Вишневецкихъ—Прилуки, а жителей перебили или забрали въ плѣнъ.

Въ то же время на сѣверѣ русскіе воеводы вторглись изъ Великихъ Лукъ въ староство Велижское на 40 верстъ за рубежъ; поляки только силою преградили имъ дорогу и спасли Велижъ отъ разграбленія. Точно также и во владѣніяхъ великаго канцлера Литовскаго Льва Сапѣги московскіе люди силою захватили земли и заселили ихъ стрѣльцами.

Первые сторонники Димитрія I.

Первыхъ сторонниковъ и помощниковъ Димитрій и нашелъ среди шляхты и польскихъ магнатовъ, владѣвшихъ землями вдоль границъ Московскаго государства. Уже за нѣкоторое время до начала похода царевича на Москву вдоль русско-польскаго рубежа завязались оживленныя сношенія и вооруженныя столкновенія между пограничнымъ населеніемъ. Такъ, въ 1603 году подстароста Любечскій, Цебровскій, вмѣстѣ съ атаманомъ Иваномъ Корелой, послали грамоту Черниговскому воеводѣ кн. Кашину-Оболенскому и выдавали Димитрія за истиннаго царскаго сына. Въ 1604 году Михаилъ Ратомскій, староста Остерскій, послалъ литвина Томашку Дементьева въ пограничный Монастыревскій острогъ къ стрѣлецкому головѣ Козловскому съ грамотой о царевичѣ. Позднѣе въ тотъ же Монастыревской острогъ пришли отъ Михаила Ратомскаго жители Остра въ числѣ 30 человѣкъ съ Ивашкой Ляхомъ и Истомкой Билинымъ съ грамотами, объявлявшими Димитрія царевичемъ; они оставили эти грамоты у города, а сами убѣжали. Наконецъ, въ сентябрѣ 1604 года на русскихъ станичниковъ и дѣтей боярскихъ, Ивана Реутова да Аѳанасія Сухачева съ товарищами, высланныхъ изъ украинныхъ городовъ на охрану рубежа отъ крымскихъ татаръ, напали литовцы и запорожскіе казаки и привели ихъ къ атаману Софрону при устьѣ рѣки Орчика, впадающей въ Орель, притокъ Днѣпра съ лѣвой стороны: сюда пріѣзжалъ литвинъ Щенсны Феликсъ Свирскій, уже раньше посылавшійся къ донскимъ казакамъ, и распрашивалъ ихъ о русскихъ пограничныхъ крѣпостяхъ. Пособники Димитрія стали

собирать вооруженныхъ людей на границахъ еще съ начала 1604 г. Такъ, въ январѣ 1604 г. собрался отрядъ въ Лубнахъ, мѣстечкѣ князя Михаила Вишневецкаго; съ начала марта онъ намѣревался вторгнуться въ Московское государство.

Сигизмундъ III и Димитрій.

Но тѣмъ временемъ царевичъ нашелъ болѣе могущественныхъ покровителей, нежели порубежная шляхта и казаки. Еще въ октябрѣ 1603 года кн. Адамъ Вишневецкій увѣдомилъ польскаго короля о чудесномъ спасеніи Димитрія и въ тоже время направилъ молодого искателя престола къ своему дальнему родственнику, католику князю Константину Вишневецкому, въ его имѣнье Залосце въ Кременецкомъ повѣтѣ на Волыни. Въ концѣ года Сигизмундъ III самъ пожелалъ видѣть Димитрія у себя въ Краковѣ; онъ не хотѣлъ, чтобы царевичъ вступилъ въ Московскіе предѣлы во главѣ чисто казацкаго войска. Появленіе претендента оживило виды польскаго короля и римской церкви на Русь.

Римскій престолъ, Польша и Русь.

Въ концѣ XVI-го столѣтія католическая церковь колебалась между двумя политическими системами по отношенію къ славянскимъ государствамъ: сначала она выступила посредницей между Польшей и Россіей, чтобы объединить обѣ державы для борьбы противъ турокъ и расчистить путь для церковной уніи. Позднѣе римская курія склонилась всецѣло на сторону поляковъ и приняла участіе въ завоевательныхъ замыслахъ Стефана Баторія противъ Москвы. Смерть Ивана IV освободила Польшу отъ мирныхъ обязательствъ, принятыхъ по договору у Запольскаго ямa. Стефанъ Баторій снова вернулся къ прежней мечтѣ захватить Смоленскъ, но онъ связалъ ее теперь съ любимой мыслью папы Григорія XIII о крестовомъ походѣ противъ Стамбула. Польскій король думалъ завоевать сначала Московское государство, оттуда распространить свое вліяніе на черкесовъ, грузинъ, персовъ и окружить Турцію желѣзнымъ кольцомъ, прежде чѣмъ итти

на берега Босфора. Денежныя средства на это предпріятіе долженъ былъ дать папа. На дѣлѣ Григорій XIII какъ-то нехотя и вяло склонялся къ новой воинственной системѣ политики; вслѣдствіе отсутствія субсидій политика міра и выжиданія взяла еще верхъ на этотъ разъ. Съ восшествіемъ на престолъ Сикста V снова всплываетъ вопросъ о предпріятіи противъ Москвы. Новый папа оказался отзывчивѣе своего предшественника и послалъ уже Стефану Баторію вексель на 24 тысячи талеровъ для войны противъ турокъ обходнымъ движеніемъ черезъ Москву. Неожиданная смерть польскаго короля помѣшала и на этотъ разъ осуществленію его широкихъ замысловъ (1586). Папа Климентъ VIII вернулся къ мирной политикѣ и добивался выступить посредникомъ между Польшей и Россіей, дабы во время переговоровъ предложить Борису Годунову основать іезуитскую церковь въ Москвѣ и этимъ подготовить церковную унію на сѣверѣ. Но проектъ союза, привезенный Львомъ Сапѣгою въ Москву въ октябрѣ 1600 года, былъ отвергнуть именно по вопросу о разрѣшеніи въ извѣстныхъ случаяхъ строить на Руси латинскія церкви. Годуновъ отказалъ въ этомъ, ссылаясь на свою боязнь, что въ народѣ распространятся ереси, и литовскій канцлеръ писалъ на возвратномъ пути папскому нунцію Рангони, что онъ потерялъ всякую надежду на возсоединеніе русскаго народа съ римскою церковью. Вотъ эти утраченныя надежды ожили вновь въ Краковѣ и Римѣ съ появленіемъ Димитрія въ Польшѣ и его обращеніемъ въ католичество.

Юрій Мнишекъ.

Князь Константинъ Вишневецкій былъ женатъ на Урсулѣ, дочери Сандомирскаго воеводы Юрія Мнишка, и повезъ Димитрія въ Краковъ черезъ Самборъ, мѣсто жительства его тестя. Беззастѣнчивый и алчный въ денежныхъ дѣлахъ, Юрій Мнишекъ былъ при этомъ тщеславно расточителенъ. Получивъ отъ Сигизмунда III Самборскую экономію, онъ туго платилъ королю причитавшіеся съ него поборы и былъ постоянно не-

оплатнымъ должникомъ короны. Только какой-либо исключительно счастливый случай могъ сразу вывести его изъ денежныхъ затрудненій: онъ и представился въ лицѣ московскаго царевича. Уже теперь въ Самборѣ возникла мысль о бракѣ Димитрія съ младшей дочерью Юрія Мнишка, Мариной, и царевичъ подписалъ даже грамоту, по которой жаловалъ Сандомирскому воеводѣ и его потомству на вѣки княжества Смоленское и Сѣверское. Въ первыхъ числахъ марта по новому стилю 1604 года всѣ трое—князь Константинъ Вишневецкій, Юрій Мнишекъ и Димитрій прибыли, наконецъ, въ Краковъ.

Аудіенція у Сигизмунда.

Раньше на Димитрія смотрѣли въ Польшѣ не какъ на царевича, а болѣе какъ на бѣдняка, и многіе Христа ради поддерживали его милостью. Но вотъ теперь явилось нѣсколько десятковъ москвичей изъ пограничныхъ замковъ и объявляли его истиннымъ сыномъ Грознаго. Въ Залосце къ князю Константину Вишневецкому явился нѣкто Петровскій, слуга великаго канцлера Литовскаго Льва Сапѣги, и по примѣтамъ на тѣлѣ призналъ въ Димитріи царевича, которому будто бы служилъ въ Угличѣ. Этотъ Петровскій былъ въ сущности слугой Петрушей при сынѣ боярскомъ Истомѣ Михневѣ, который, вѣроятно, строилъ вмѣстѣ съ Богданомъ Бѣльскимъ городъ Царевъ-Борисовъ на Донцѣ, а потомъ сопровождалъ посольство Салтыкова въ Польшу; въ Вильно Петруша обокралъ Михнева, сбѣжалъ ко Льву Сапѣгѣ и служилъ у него среди низшей челяди. Въ Самборѣ слуга Мнишка, бывшій нѣкоторое время въ плѣну въ Москвѣ и будто бы знававшій царевича ребенкомъ, тоже подтверждалъ подлинность Димитрія. Для короля Сигизмунда III истинность разсказовъ претендента свидѣтельствовали еще вожъ Ивашко, бывшій прежде монахомъ и проводившій Димитрія за литовскій рубежъ, еще какихъ-то два монаха, кіевскіе мѣщане, и братья Хрипуновы. Пять братьевъ Хрипуновыхъ-Дубенскихъ ушли въ Польшу въ 1603

году отъ жестокости Бориса и въ мартѣ слѣдующаго года, по ходатайству Льва Сапѣги, получили отъ Сигизмунда III въ награду за годность на службахъ Рѣчи Посполитой села въ староствѣ Могилевскомъ. Впослѣдствіи польскій посолъ Александръ Госѣвскій выхлопоталъ имъ у царя Димитрія I позволеніе вернуться въ Московское государство. Наконецъ, въ Краковѣ явилось еще нѣсколько дѣтей боярскихъ, Иванъ Порошинъ со спутниками, затѣмъ уполномоченные донскихъ казаковъ—Корела и Межаковъ съ товарищами; всѣ они, видя Димитрія, падали передъ нимъ ницъ и привѣтствовали, какъ своего прирожденнаго царя. Какъ бы въ виду всѣхъ этихъ свидѣтельствъ Сигизмундъ III принялъ царевича 15-го марта н. с. на аудіенціи. Димитрій поцѣловалъ польскому королю руку и просилъ униженно о помощи. При дальнѣйшихъ переговорахъ съ польской короной искатель московскаго престола сулилъ вернуть Сигизмунду III половину земли Смоленской съ частью княжества Сѣверскаго, помочь ему пріобрѣсти Швецію, допустить іезуитовъ въ Москву и позволить строить въ своемъ государствѣ католическія церкви. Рѣшаясь по соглашенію съ архіепископомъ Гнѣзненскимъ Яномъ Тарновскимъ за свой страхъ поддержать Димитрія, польскій король не могъ разсчитывать на сочувствіе наиболѣе безупречныхъ изъ своихъ магнатовъ. Великій канцлеръ Замойскій видѣлъ во всемъ предпріятіи только нарушеніе договора съ Москвой, сомнительную выгоду и явную опасность для Рѣчи Посполитой. Ему вторилъ и князь Янушъ Острожскій—сынъ, и Плоцкій епископъ Барановскій. Зато Сигизмундъ III и Ю. Мнишекъ пріобрѣли для царевича сильныхъ союзниковъ въ лицѣ іезуитскаго ордена и римской церкви.

Сближеніе съ іезуитами и принятіе католичества.

Еще въ Самборѣ Димитрій познакомился, а затѣмъ и подружился съ католическимъ священникомъ Францискомъ Помаскимъ. Помаскій первый обратилъ на него вниманіе іезуитовъ и предложилъ членамъ этого

ордена содѣйствовать сближенію между ними и претендентомъ на московскій престолъ. Іезуиты, конечно, не упустили счастливаго случая. Каспаръ Савицкій былъ первымъ іезуитомъ, который привѣтствовалъ Димитрія отъ имени братства и развивалъ передъ нимъ преимущества католической вѣры. Втеченіе апрѣля 1604 года по н. с. послѣдовалъ рядъ бесѣдъ и преній о вѣрѣ между молодымъ москвичемъ и отцами іезуитами—Савицкимъ и Грозицкимъ. Въ концѣ концовъ Димитрій выразилъ желаніе исповѣдаться у Савицкаго и быть принятымъ въ лоно римско-католической церкви. Тогда оба іезуита обращаются за совѣтомъ къ знаменитому проповѣднику Петру Скаргѣ; все дѣло открывается теперь и Краковскому воеводѣ Зебжидовскому. 17 апрѣля н. с. 1604 года въ Страстную Субботу Димитрій тайно пробирается по Кракову въ Братскій домъ іезуитовъ во имя Св. Варвары. Прежде чѣмъ допустить его до исповѣди, Савицкій напоминаетъ юношѣ, выдававшему себя за московскаго царевича, что онъ ждетъ отъ него чистосердечнаго признанія. На мгновеніе Димитрій погружается въ размышленіе, но затѣмъ, овладѣвъ собой, завѣряетъ духовника въ своей искренности передъ Богомъ и людьми. Тогда только начинается тайная исповѣдь. Будущій царь Московскій отрекается въ этотъ день отъ православія и отдается римской церкви. По его собственному желанію, два брата изъ іезуитской коллегіи въ Ярославлѣ Галиційскомъ, Николай Чижовскій и Андрей Лавицкій, получаютъ приказъ отъ привинціала Братства Христа сопровождать Димитрія въ походѣ на Москву.

Сношенія съ папскимъ престоломъ.

Еще въ концѣ 1603 года папскій нунцій Рангони впервые услыхалъ отъ короля Сигизмунда III, что будто бы сынъ Ивана Грознаго бѣжалъ изъ Москвы къ Вишневецкому и признанъ многими московскими людьми. Когда въ мартѣ 1604 года Димитрій появился въ Краковѣ, Рангони видѣлъ его здѣсь на пиру у воеводы Сандомирскаго. Изящная бѣлая рука царевича

какъ бы указывала на знатное происхожденіе, а въ его увѣренной рѣчи и походкѣ папскому нунцію чуялось что-то величественное. Въ общемъ мнѣнія о Димитріи при польскомъ дворѣ были тогда различными. Великій маршалъ Мышковскій самъ испытывалъ царевича и остался неудовлетвореннымъ; вице-канцлеръ Тылицкій и Краковскій кастелянъ кн. Янушъ Острожскій тоже не вѣрили ему. Напротивъ, краковскій епископъ кардиналъ Мацѣйовскій и воевода Кракова Зебжидовскій были вполнѣ убѣждены въ его подлинности. Въ половинѣ марта, нѣсколько дней спустя послѣ аудіенціи у короля, Димитрій посѣтилъ и нунція Рангони; отстаивая правоту своего дѣла, царевичъ въ тонкой рѣчи просилъ нунція ходатайствовать за него передъ папой и королемъ Сигизмундомъ III, такъ какъ это предпріятіе, можетъ быть, поведетъ къ объединенію христіанъ противъ турокъ. Въ концѣ мѣсяца іезуитъ Савицкій впервые посѣтилъ свою жертву. То, чего Димитрій не могъ добиться отъ нерѣшительной православной партіи князя Острожскаго, то, чему старался помѣшать лойяльный Замойскій, все это царевичъ получилъ отъ союза предпріимчивыхъ Вишневецкихъ, беззастѣнчиваго Мнишка и преданнаго іезуитамъ Сигизмунда III. Въ Свѣтлое Воскресенье католической Пасхи, 18-го апрѣля н. с. 1604 г., царевичъ написалъ папѣ Клименту VIII свое первое письмо на польскомъ языкѣ съ ошибками, явно свидѣтельствовавшими о его русскомъ происхожденіи. Савицкій перевелъ письмо на латинскій языкъ для папы. Возвѣщая главѣ римской церкви о своемъ обращеніи, Димитрій сознавался, что до поры до времени онъ долженъ еще скрывать это и оставаться тайнымъ католикомъ. Въ письмѣ царевичъ упоминаетъ, что въ Московскомъ государствѣ онъ нѣкоторое время проживалъ между чернецами. Это свидѣтельство находитъ себѣ подтвержденіе въ его обстоятельномъ знакомствѣ со складомъ жизни русскихъ монастырей и съ іерархическимъ строемъ тогдашней православной церкви.

Впослѣдствіи въ Путивлѣ Димитрій въ бесѣдахъ съ своими духовными отцами, іезуитами Чижовскимъ и Лавицкимъ, часто съ горечью говорилъ о русскихъ монахахъ, ихъ невѣжествѣ, разгулѣ, праздности, равнодушіи къ своему монастырю и его уставу, погонѣ за внѣшней обрядностью въ ущербъ болѣе существеннымъ христіанскимъ обязанностямъ. Царевичъ разсуждалъ, какъ знатокъ монастырскаго быта и очевидецъ, и подумывалъ о мѣрахъ для искорененія всѣхъ этихъ злоупотребленій. Любовь къ славѣ имѣла неотразимую силу надъ Димитріемъ; и вотъ католики въ Польшѣ нашептывали ему, что возсоединеніемъ церквей онъ пріобрѣтетъ себѣ почетъ у всѣхъ государей міра, что о немъ будетъ говорить исторія, а живопись изобразить царя Димитрія и его дѣянія въ папскомъ дворцѣ, гдѣ нарисованы подвиги другихъ великихъ королей и императоровъ. Въ концѣ Свѣтлой недѣли царевичъ простился съ королемъ, пріобщился у Рангони тайно по римскому обряду и далъ еще обѣщаніе, что, сѣвши на родительскій престолъ, онъ отдѣлить свой народъ отъ грекоправославной церкви и возсоединить его съ католичествомъ. Обсуждая этотъ завѣтный планъ, онъ обыкновенно грековъ обзывалъ невѣжами, а московскій народъ сравнивалъ съ конемъ, котораго опытный ѣздокъ можетъ направить, куда захочетъ. Димитрій предполагалъ устроить диспутъ въ присутствіи русскихъ вельможъ между ихъ митрополитами и латынянами, высказаться затѣмъ за католиковъ, будто бы лучше разумѣющихъ истину, а при нѣкоторой ловкости склонить и православныхъ къ этому мнѣнію. Однако царевичъ считалъ важнымъ для обаянія Московскаго государства, чтобы недавно учрежденное патріаршество было сохранено навсегда или по крайней мѣрѣ на то время, пока Константинополь будетъ въ рукахъ турокъ, противъ которыхъ онъ подумывалъ начать въ будущемъ войну. Эти мысли объ уніи и походѣ противъ турокъ были только отголоскомъ старой

программы римской церкви. Но при этомъ Димитрій говорилъ, какъ представитель цѣлой партіи. Торопясь въ походъ, онъ въ апрѣлѣ по н. с. 1604 г. высказывалъ опасенія, что иначе его приверженцы будутъ смущены задержкой въ предпріятіи или изобличены тѣмъ временемъ Годуновымъ и казнены, или что, подъ вліяніемъ какихъ-либо ложныхъ слуховъ о смерти царевича въ Польшѣ, на московскій престолъ по устраненіи царя Бориса будетъ возведенъ кто-либо другой.

Поддержка Димитрія Сигизмундомъ III.

Наконецъ, 25 апрѣля н. с. Димитрій покинулъ Краковъ и направился въ Самборъ. Сигизмундъ III не далъ открыто своего согласія на походъ; впослѣдствіи, послѣ низверженія царя Димитрія, онъ самъ прямо называлъ его самозванцемъ. Канцлеръ Замойскій напоминалъ Ю. Мнишку, что всѣ ихъ приготовленія къ походу сдѣланы безъ разрѣшенія короля. Но воевода Сандомирскій, не требуя отъ Сигизмунда III торжественнаго напутствія, довольствовался его тайной поддержкой. По свидѣтельству Бориса Годунова, польскій король посылалъ отъ имени царевича литвина Щенснаго Свирскаго къ донскимъ казакамъ, чтобы обѣщаніемъ денегъ склонять ихъ вторгнуться въ окраинныя области Московскаго государства, а также извѣщалъ будто бы и крымскаго хана Казы-Гирея черезъ своего посланнаго Антонія Черкашанина о Димитріи и просилъ послать войско въ московскую землю ему на помощь.

Вопросъ о Димитріи на Сеймѣ.

Когда царевичъ былъ уже въ предѣлахъ Московскаго государства во главѣ войска, вся Рѣчь Посполитая еще разъ торжественно обсуждала его загадочную личность и отважное предпріятіе. 20-го января н. с. 1605 года открылся въ Варшавѣ польскій сеймъ. Вице-канцлеръ Тылицкій представилъ на разсмотрѣніе сенаторовъ предложенія короля, между прочимъ вопросъ о царевичѣ Димитріи. По его словамъ, Димитрій выдавалъ себя за сына Ивана Грознаго и привелъ столько убѣдительныхъ доводовъ, что приходится почти поневолѣ вѣрить. Онъ привлекъ на свою сторону кое-

кого изъ подданныхъ Сигизмунда III, вмѣстѣ съ ними перешелъ русскую границу и имѣлъ успѣхъ, такъ какъ къ нему примкнуло много москвичей высокаго и низкаго происхожденія, которые помогали ему брать крѣпости и пролагали ему дорогу къ Москвѣ; находясь на пути къ столицѣ, царевичъ извѣщалъ объ этомъ короля. Однако, если счастье измѣнитъ Димитрію, то Борисъ не удовольствуется пораженіемъ претендента, а начнетъ войну и противъ Польши, которая въ его глазахъ, конечно, нарушала договоры, помогая мнимому царевичу. Въ свое время король принялъ царевича и въ отвѣтъ на просьбу о помощи предложилъ ему дождаться сейма; но тотъ не послѣдовалъ совѣту.

При обсужденіи вопроса вліятельные члены сейма, напримѣръ оба канцлера, Замойскій и Сапѣга, открыто называли Димитрія самозванцемъ. Другіе магнаты (епископъ Холмскій Іежы Замойскій, епископъ Венденскій Шенгингъ, Краковскій кастелянъ Янушъ Острожскій, великій маршалъ литовскій Дорогостойскій) считали все предпріятіе царевича противнымъ праву и существующему договору съ Россіей. Раздавались совѣты отозвать назадъ Мнишка (кардиналъ и епископъ Краковскій Мацѣйовскій), даже наказать его (Янушъ Острожскій), а въ Москву послать посольство съ извиненіями. Однако, большинство польскихъ сенаторовъ (воевода Плоцкій—Красинскій, кастелянъ Познанскій Остророгъ) въ сущности признавало походъ Димитрія полезнымъ для интересовъ Рѣчи Посполитой и обсуждало только вѣроятность успѣха (вице-канцлеръ и еп. Куявскій Тылицкій): если-бы предпріятіе не удалось, то вѣдь всегда еще будетъ время свалить всю отвѣтственность за него на самого обманщика.

Речь Яна Замойскаго.

Сигизмундъ III думалъ спрятаться за сеймъ, но Янъ Замойскій, великій канцлеръ Польши, на основаніи указаній Мнишка признавалъ короля подстрекателемъ и пособникомъ Лжедимитрія. Онъ съ гордостью вспоминалъ о замыслахъ Стефана Баторія и папы Сикста V

противъ Москвы: тогда былъ болѣе удобный случай честно выступить противъ опаснаго сосѣда. Но теперь, когда заключенъ договоръ о перемиріи, справедливость требовала блюсти его и не допускать похода царевича. Утверждаютъ, что будто бы онъ сынъ Ивана Васильевича, спасшійся чудомъ отъ козней царя Бориса; но такія превращенія встрѣчаются только въ комедіяхъ Плавта или Теренція. Неужели Московскій царь такъ простодушенъ, что, приказавъ убить царевича, онъ не доглядѣлъ, кого именно убили! А мать Димитрія, смотрѣвшая на убитаго царевича и оплакивавшая его, развѣ она могла не знать сына? Итакъ, надо наказать тѣхъ, кто посовѣтывалъ это предпріятіе. Замойскій самъ посылалъ къ Сандомирскому воеводѣ, чтобы отговорить его отъ предпріятія, но Юрій Мнишекъ оправдывался письменнымъ приказомъ короля; ктомуже остановить походъ не было болѣе въ его власти, такъ какъ казаки грозили зарубить его.

Левъ Сапѣга.

Еще рѣшительнѣе высказался противъ Димитрія великій канцлеръ Литовскій, Левъ Сапѣга. Все предпріятіе нарушаетъ договоръ съ Москвой, скрѣпленный клятвами. Сапѣга не вѣритъ въ подлинность царевича, такъ какъ его показанія противорѣчатъ дѣйствительности. Но еслибы онъ даже былъ истиннымъ наслѣдникомъ, то и тогда для Рѣчи Посполитой было бы отъ этого мало пользы. Если его предпріятіе кончится неудачей, то у Польши будетъ на шеѣ война; если же Димитрій будетъ имѣть успѣхъ, то на его обѣщанія нельзя полагаться, и вообще надѣяться нанего—дѣло невѣрное. Итакъ, лучше послать посла въ Москву и заявить въ оправданіе короля и польской державы, что претендентъ безъ ихъ вѣдома и воли, только за своей собственной отвѣтственностью, набралъ толпу негодяевъ и вторгся съ ними въ предѣлы русскаго государства. Левъ Сапѣга былъ вообще противъ твердой власти на московскомъ престолѣ. Поэтому отрицаніе подлинности царевича, кажется, не мѣшало

ему тайно поддерживать искателя приключеній, чтобы только вызвать междоусобія въ Россіи. Зато послѣ паденія Димитрія I, на сеймѣ 1609 года великій канцлеръ литовскій открыто выступилъ съ своимъ замысломъ воспользоваться смутами въ Московскомъ государствѣ и подчинить его Польской державѣ.

Отношеніе къ дѣлу Димитрія областныхъ и Вальнаго сейма.

На областныхъ сеймикахъ, предшествовавшихъ общему сейму въ Варшавѣ въ 1605 г, шляхта въ наказахъ своимъ посламъ довольно рѣшительно высказывалась за соблюденіе перемирія съ московскимъ государемъ и противъ предпріятія царевича. Отдѣльные сенаторы на самомъ сеймѣ отдавались подчасъ самымъ радужнымъ надеждамъ— сохранить Лифляндію, завоевать Швецію, можетъбыть посадить на московскій престолъ вассальнаго царя; и въ тоже время они готовы были спокойно уступить герцогство Пруссію Бранденбургскому дому. Но въ концѣ цовъ сеймъ все-таки посовѣтовалъ королю Сигизмунду III успокоить смуту, начатую московскимъ господарчикомъ, чтобы не причинилось какого либо-вреда польскимъ и литовскимъ владѣніямъ, а съ тѣми, кто вошелъ съ Димитріемъ въ соглашеніе, поступить какъ съ измѣнниками. Однако король не принялъ этихъ совѣтовъ сейма.

Договоръ Димитрія съ Мнишками.

Вернувшись изъ Кракова къ Мнишкамъ, Димитрій лѣтомъ 1604 года подписалъ свой окончательный договоръ съ ними. Онъ обѣщалъ жениться на Маринѣ и дать ей въ приданое Псковъ и Великій Новгородъ съ правомъ строитъ въ нихъ католическіе монастыри, костелы и школы. Самому воеводѣ Сандомирскому его будущій зять сулилъ милліонъ польскихъ злотыхъ на уплату долговъ и покрытіе расходовъ по снаряженію и поѣздкѣ Марины въ Москву, а взамѣнъ половины Смоленской земли и части поселеній въ княжествѣ Сѣверскомъ, предложенныхъ Сигизмунду III, обязывался добавить Юрію Мнишку въ другихъ областяхъ близь Смоленской земли столько селъ и городовъ, сколько уступлено королю.

Сборы и походъ.

Такъ какъ Сандомирскій воевода былъ въ тоже время старостою Львовскимъ, то вооруженные отряды для похода Димитрія собирались во Львовѣ и его окрестностяхъ, причиняя много непріятностей мѣстному населенію. Въ августѣ самъ царевичъ посѣтилъ іезуитовъ во Львовѣ, а въ началѣ сентября по нов. ст. въ Глинянахъ назначенъ былъ сборъ и смотръ всему войску. Сюда прибыло къ Димитрію посольство отъ донскихъ казаковъ и привезло въ оковахъ дворянина Петра Хрущева, посланнаго было Борисомъ на Донъ вербовать противъ самозванца. Военная сила, избравшая себѣ гетманомъ Юрія Мнишка, доходила при выступленіи въ походъ до трехъ тысячъ, изъ которыхъ поляки составляли только около половины; кромѣ польской конницы и пѣхоты, тутъ были казаки и всадники пятигорцы, такъ что въ общемъ сильно преобладало конное войско. Армія раздѣлилась на нѣсколько отрядовъ, которые различными путями шли на востокъ и должны были опять соединиться надъ Днѣпромъ. Князь Янушъ Острожскій готовъ былъ одно время силой помѣшать походу Димитрія къ московской границѣ, пока и его не упросилъ Юрій Мнишекъ. Однако, отрядъ войска кастеляна Краковскаго слѣдовалъ по пятамъ за арміей царевича до Днѣпра, гдѣ всѣ паромы были заранѣе убраны, чтобы затруднить ей переправу. Наконецъ, 7—17 октября Димитрій въѣхалъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ Юріемъ Мнишкомъ, княземъ Вишневецкимъ и Михаиломъ Ратомскимъ. Послѣ трехъ-дневнаго отдыха, вся армія царевича собралась надъ Днѣпромъ и переправилась затѣмъ подъ Вышгородомъ на лѣвый берегъ рѣки.

Мятежныя и вѣрныя Борису области.

Нѣсколько тысячъ поляковъ и украинскихъ казаковъ не могли бы дать царевичу Димитрію перевѣсъ надъ Борисомъ Годуновымъ. Смута, проложившая ему путь къ престолу, давно коренилась въ народной жизни всего Московскаго государства. Съ появленіемъ претендента Русь легко распалась на два царства, на подданныхъ Бориса и приверженцевъ Димитрія. Всѣ, кто

только былъ недоволенъ правленіемъ Годунова, ждалъ лучшаго или вѣрилъ въ чудесное спасеніе Димитрія, поддались царевичу и охотно повиновались ему, когда тотъ былъ еще въ предѣлахъ Польши. За Димитрія поднялась вся Сѣверская украйна съ городами по Деснѣ, какъ Новгородъ Сѣверскій, Черниговъ, Моравскъ, и по Семи, какъ Путивль и Рыльскъ, а также Сѣвскъ съ Комарицкой волостью; поднялось „Поле“, охватывавшее пространство между Дономъ, верхнимъ теченіемъ Оки и восточными притоками Днѣпра и Десны, гдѣ лежали города Бѣлгородъ, Осколъ, Ливны, Воронежъ, Валуйки, Царевъ-Борисовъ; поднялись донскіе казаки. Напротивъ, Годуновы опирались на старый центръ государства, граница котораго къ Югу была отмѣчена линіей украинныхъ городовъ отъ Серпухова и Каширы съ Тулой до Карачева и Кромъ.

Состояніе Сѣверск. и Польской украйнъ въ концѣ XVI и началѣ XVII в.в.

Современники, стоявшіе близко къ государственной и хозяйственной жизни русскаго народа, принимали за начало для всякаго шатанія и раздвоенія на Руси политическіе опыты Іоанна IV-го. Дьякъ Иванъ Тимофеевъ въ созданіи опричины наряду съ земщиной видѣлъ преобразованіе и толчекъ ко всѣмъ междуусобіямъ Смутнаго времени. Авраамій Палицынъ ведетъ происхожденіе смуты отъ пріемовъ заселенія южной окраины, начавшихся при Грозномъ и продолжавшихся при Ѳеодорѣ и Борисѣ. Преступникъ, сбѣжавшій въ Сѣверу или Поле, не подвергался тамъ болѣе преслѣдованію; благодаря этому холопы и крестьяне путемъ побѣга могли тотчасъ же возстановить и свою свободу. Со времени царя Ѳеодора правительство облегчаетъ и ускоряетъ въ центрѣ переходъ свободныхъ людей въ вѣчное холопство. Законодательство Ѳеодора и Бориса стѣсняетъ перевозъ крестьянъ изъ одного помѣстья въ другое, но въ то же время именно оно ограничило преслѣдованіе бѣглыхъ крестьянъ давностью: всѣ, кто ушелъ до 1592 года, не могъ быть возвращенъ силою. Голода и преслѣдованіе боярскихъ семействъ при Бо-

рисѣ усиливали отливъ населенія на окраины. По Палицыну, московскіе бояре при Ѳеодорѣ набирали себѣ въ домъ большія дружины холоповъ-воиновъ, а во время голодовокъ спѣшили вернуть имъ свободу и распустить. Борисъ, съ своей стороны, разгонялъ челядь опальныхъ бояръ и запрещалъ другимъ брать этихъ холоповъ къ себѣ на службу. Многіе изъ нихъ перебивались кое-какъ внутри Московскаго государства, поджидая лучшаго времени; другіе же бѣжали въ пограничные города. По словамъ Палицына, болѣе 20 тысячъ такихъ бѣглецовъ приняло участіе въ смутахъ въ Калугѣ и Тулѣ при Василіи Шуйскомъ, не считая тѣхъ, кто уже раньше жилъ на окраинахъ. Въ воззрѣніяхъ этого келаря Троицы-Сергіевой Лавры на смѣлую колонизаціонную политику правительства вдоль границъ слышится голосъ представителя крупнаго монастырскаго землевладѣнія, страдавшаго отъ бѣгства рабочихъ рукъ. Однако, общественный строй, отъ котораго населеніе уходило изъ центра, въ концѣ концовъ настигалъ бѣглецовъ и впрягалъ ихъ въ государственное тягло. Быстрая правительственная заимка Поля приводила и здѣсь свободное населеніе въ зависимость отъ государства, обращая его въ приборныхъ служилыхъ людей. Государственная колонизація посредствомъ противоправительственныхъ элементовъ свидѣтельствуетъ о гибкости и смѣлости московскихъ правителей. Такъ возникло два различныхъ и враждебныхъ другъ другу общественныхъ строя въ центрѣ и на окраинахъ. Хозяйственный и военный строй старыхъ городовъ въ области Оки покоился на системѣ помѣстій, раздаваемыхъ служилымъ людямъ, и трудѣ крѣпостныхъ крестьянъ. Напротивъ, населеніе городовъ Сѣверы и Поля возникла только отчасти путемъ перевода служилыхъ людей изъ внутреннихъ уѣздовъ, главнымъ же образомъ благодаря набору на мѣстѣ свободныхъ поселенцевъ и бѣглецовъ; отсюда тутъ особый низкій разрядъ служилаго сословія—„приборные“ люди, то есть стрѣльцы,

затинщики, пушкари, казаки, вожи, станичники, ѣздоки. Это воины и крестьяне въ одно и то же время; но они воздѣлываютъ не поля помѣщика, а свои прежнія вольныя заимки или пожалованные имъ надѣлы, не считая обязательнаго труда по обработкѣ государевой пашни. Правительственная колонизація шла здѣсь рука объ руку съ частной. При постройкѣ Царева-Борисова Бѣльскій и Алферьевъ должны были пригласить атамановъ и казаковъ изъ области рѣкъ Донца и Оскола и пожаловать ихъ отъ имени царя ихъ же собственными свободними заимками (юртами) подъ условіемъ нести пограничную службу противъ татаръ и вольныхъ черкасовъ. Даже дѣти боярскіе являются здѣсь не наслѣдственнымъ сословіемъ, а набираются изъ черкасовъ, казаковъ, иногда крестьянъ и получаютъ помѣстья. Крупные помѣщики обыкновенно привлекали на свои земли свободныхъ казаковъ съ Днѣпра, такъ называемыхъ черкасовъ. У Путивля сходились границы владѣній Рѣчи Посполитой и Московскаго государства. Между этими владѣніями образовался тутъ треугольникъ Поля, обладаніе которымъ было еще спорнымъ. Здѣсь, на берегахъ рѣки Сулы, встрѣтились два колонизаціонныхъ потока: съ польской стороны аристократическая колонизація князей Вишневецкихъ, съ русскаго востока—воинственные, стремящіеся вверхъ слои народа, не пожелавшіе приспособиться къ общественному строю московскаго центра. Одному изъ Вишневецкихъ удалось объединить эти русскія массы вокругъ имени царевича Димитрія и ринуть ихъ назадъ на Москву противъ надвигавшагося оттуда новаго государственнаго порядка.

Успѣхи Димитрія.

Увѣренность царевича въ успѣхѣ своего предпріятія могла казаться сумасбродствомъ или шарлатанствомъ людямъ, какъ польскіе сенаторы, незнакомымъ ни съ настроеніемъ въ глубинѣ русскихъ сословій, ни съ сущностью обширнаго замысла, положеннаго въ основаніе самозванщины, однако событія 1604-5 годовъ

оправдали ее. Вѣрность расчета, сказавшаяся въ переговорахъ Димитрія съ „Сѣверой и Полемъ“, казаками и татарами, выдаетъ участіе въ предпріятіи лицъ, хорошо изучившихъ отношеніе окраинъ къ сердцу Московскаго государства. Царевичъ сознательно уклонился отъ обычной прямой дороги на Москву черезъ Оршу, Смоленскъ и Вязьму и предпочелъ окружный путь въ надеждѣ, что его небольшая армія увлечетъ за собой сѣверскіе и польскіе города и снѣжнымъ комомъ покатится къ столицѣ. Дѣйствительность превзошла его ожиданія, и ни пораженіе, ни уходъ поляковъ изъ лагеря не могли обезсилить Димитрія, пока онъ опирался на черноземъ средней Россіи. Еще не доходя до московскаго рубежа и послѣдней польской крѣпости Остра, претендентъ получилъ извѣстіе, что городъ Моравскъ сдался ему безъ боя, а черезъ недѣлю поддался и Черниговъ. Въ Моравскѣ безъ выстрѣла связали воеводъ, и крѣпость, признавъ царя Димитря, отворила ворота. Въ Черниговѣ часть гарнизона подъ вліяніемъ воеводъ начала было бой, но вынуждена была сдаться, когда остальные черниговцы сами пошли на крѣпость съ войсками царевича; и здѣсь воеводы были выданы ему населеніемъ. Посланные Борисомъ навстрѣчу самозванцу въ Черниговъ воеводы, князь Трубецкой и окольничій Басмановъ, опоздали. Узнавъ о сдачѣ города, они съ отрядомъ московскихъ стрѣльцовъ и брянскихъ дѣтей боярскихъ, съ казаками изъ Кромъ, Бѣлева и Трубчевска, засѣли въ Новгородѣ Сѣверскомъ и приготовились къ оборонѣ. Еще подъ Черниговомъ въ началѣ ноября 1604 года къ Димитрію присоединилось девять тысячъ донскихъ казаковъ, и все его войско, постоянно разростаясь, стало уже доходить до сорока тысячъ. Тѣмъ не менѣе попытка царевича взять Новгородъ Сѣверскій приступомъ не удалась, и началась осада, затянувшаяся до января. Энергія Басманова и присутствіе дисциплинированныхъ стрѣлецкихъ сотенъ изъ столицы не допустили до отпаденія мѣст-

наго гарнизона на сторону претендента. Зато въ пользу царя Димитрія съ успѣхомъ дѣйствовали тѣ казаки, которые наступали въ московское государство „польскими“ дорогами. Города, стоявшіе на этихъ путяхъ, оказались въ водоворотѣ казачьяго движенія и были увлечены имъ одинъ за другимъ. Стоя подъ Новгородомъ Сѣверскимъ, царевичъ получалъ извѣстія о сдачѣ ему городовъ и принималъ приводимыхъ къ нему городскихъ воеводъ. Втеченіе двухъ недѣль съ небольшимъ ему были сданы Путивль, Рыльскъ, Сѣвскъ съ его Камарицкой волостью, Курскъ и Кромы. Нѣсколько позднѣе узналъ онъ о сдачѣ болѣе отдаленныхъ городовъ „Поля“. Въ лагерь Димитрія подъ Новгородомъ Сѣверскимъ приходили теперь не одни стрѣльцы и казаки,а пріѣзжали служилые люди и дьяки, какъ Сутуповъ, передавая ему деньги, полученныя отъ Бориса; изъ Путивля и другихъ городовъ привозили крѣпостную артиллерію для дѣйствій противъ осажденныхъ. Только во второй половинѣ декабря подошло на выручку Басманова изъ-подъ Брянска московское войско въ сорокъ-пятьдесятъ тысячъ человѣкъ подъ главнымъ начальствомъ князя Ѳ. И. Мстиславскаго. Димитрій принялъ битву 21 декабря по с. н., и его польскія роты оттѣснили Борисову рать отъ Новгорода Сѣверскаго, причемъ русское знамя осталось у нихъ въ рукахъ, а самъ воевода Мстиславскій получилъ нѣсколько ранъ въ голову.

Уходъ поляковъ и битва у Добрыничей.

Однако и поляки начинали уже тяготиться настоящей войной, осадой и битвами и стали требовать у царевича денегъ. Казны Димитрія не хватало на то, чтобы удовлетворить ихъ притязанія, и польскія роты стали поворачивать въ обратный путь. Съ ними уѣхалъ и Юрій Мнишекъ за деньгами и новымъ войскомъ, которое онъ и вербовалъ затѣмъ во Львовѣ. Въ лагерѣ протендента остались изъ поляковъ только охотники, всего сотенъ двѣнадцать съ новымъ гетманомъ Двожицкимъ; нѣсколько тысячъ запорожцевъ, явившихся къ Димитрію на службу, не могли замѣнить

ушедшихъ. Тогда царевичъ снялъ осаду, перевелъ свою армію въ Комарицкую волость и расположилъ ее подъ Сѣвскомъ. Московская армія, медленно передвигаясь и усилившись тысячъ до семидесяти, послѣдовала за нимъ туда же съ кн. Ѳ. И. Мстиславскимъ, кн. В. И. Шуйскимъ, И. И. Годуновымъ и другими боярами. Димитрій думалъ застать ее врасплохъ и на разсвѣтѣ 21 января с. с. 1605 года направилъ противъ непріятеля, расположившагося при Добрыничахъ, польскую конницу. Но на этотъ разъ русская пѣхота своими залпами заставила поляковъ повернуть коней; это послужило какъ бы сигналомъ для общаго бѣгства, въ особенности среди казаковъ. Царевичъ потерялъ здѣсь почти всю свою пѣхоту, знамена, орудія и, кромѣ плѣнныхъ, еще нѣсколько тысячъ убитыми. Самъ съ трудомъ спасшись отъ преслѣдователей, онъ бѣжалъ въ Рыльскъ, а оттуда даже въ Путивль. Московскіе воеводы не щадили сторонниковъ самозванца. Въ наказаніе за измѣну они подвергли жестокому разоренію Комарицкую волость, а затѣмъ двинулись вслѣдъ за ускользнувшимъ претендентомъ и осадили Рыльскъ. И теперь всѣ ихъ дѣйствія продолжали обнаруживать слабыя стороны плохо организованныхъ московскихъ армій, отсутствіе военныхъ дарованій и умѣнія у воеводъ, но пока въ нихъ еще нельзя признать тайной измѣны. Всетаки ихъ медлительность дала Димитрію время ожить самому послѣ пораженія и воскресить свою армію въ Путивлѣ. Здѣсь онъ узналъ, что ему уже поддались Осколъ, Валуйки, Воронежъ, Царевъ-Борисовъ и Бѣлгородъ, а немного позднѣе—Елецъ и Ливны. Изъ этихъ городовъ къ нему приходили теперь отряды казаковъ и стрѣльцовъ.

Осада Кромъ. Московское правительство не ожидало казачьяго движенія и возстанія городовъ въ Полѣ. Когда оно спохватилось и двинуло сюда запасную армію подъ начальствомъ Ѳ. И. Шереметева, то Кромы были уже захвачены мятежниками. Здѣсь сходились всѣ

„польскія“, т. е. степныя, полевыя дороги, и открывался прямой путь на Москву. Обѣ враждующія стороны стремились теперь обладать Кромами и всю весну 1605 года провели въ борьбѣ за этотъ городъ. Московскіе воеводы стягивали сюда всѣ свои силы, а царевичъ изъ Путивля посылалъ въ Кромы подкрѣпленія. Осада Шереметева была безуспѣшна, хотя длилась болѣе двухъ мѣсяцевъ. Когда, снявъ осаду съ Рыльска, подошла, наконецъ, къ Кромамъ главная московская армія кн. Ѳ. И. Мстиславскаго, то и она тщетно пыталась взять городъ приступомъ, въ то время какъ большой отрядъ донскихъ казаковъ съ атаманомъ Корелою удачно проскользнулъ въ крѣпость и усилилъ оборону. Внезапная смерть царя Бориса ускорила развязку.

Царь Борисъ Годуновъ.

Борисъ Годуновъ началъ возвышаться еще при Грозномъ, когда у московскаго престола стояли не знатнѣйшіе боярскіе роды, а случайный кружокъ приближенныхъ царскихъ родственниковъ и довѣренныхъ лицъ. Еще тогда Годуновъ сдружился съ своимъ свойственникомъ по женѣ, Богданомъ Бѣльскимъ, красивымъ любимцемъ Іоанна, а его союзъ съ дьяками Андремъ и Василіемъ Щелкаловыми и семьей Романовыхъ продолжался въ царствованіе Ѳеодора и укрѣплялъ властное положеніе царскаго шурина. На своемъ пути отъ скромныхъ должностей до царскаго вѣнца Борисъ обошелъ и обогналъ людей болѣе высокаго происхожденія, стоявшихъ выше его. Но, достигши крайней цѣли своихъ желаній, онъ обманулъ общія надежды тѣхъ, кто его подсаживалъ или поддерживалъ. Дьяки Щелкаловы могли считаться примѣромъ его неблагодарности. По неутомимому трудолюбію, энергіи и проницательности ума Андрей Щелкаловъ уже со временъ Ивана Грознаго не зналъ себѣ равнаго среди московскихъ дѣльцовъ, но онъ никогда не принадлежалъ къ прямодушнымъ и надежнымъ сотрудникамъ. Въ 1594 году менѣе даровитый братъ Василій замѣнилъ его въ

Отношеніе къ боярству и приказнымъ.

Посольскомъ приказѣ, но и онъ недолго удержался въ милости у Бориса Годунова и весной 1601 г. долженъ былъ уступить свое мѣсто Аѳанасію Власьеву. А между тѣмъ оба брата когда-то прокладывали Борису путь къ престолу. Богдана Бѣльскаго Годуновъ, правда, пожаловалъ въ окольничіе, но держалъ вдали отъ двора. Александру Романову-Юрьеву и князю Василію Черкасскому въ 1599 году было сказано боярство, а Михаилъ Романовъ сталъ тогда же окольничимъ. Но въ сущности и Романовы-Юрьевы сдѣлались чужими для Бориса съ 1598 года, когда, наряду съ нимъ самимъ, молва намѣчала въ цари и Ѳеодора Никитича, будущаго патріарха Филарета. Новый царь, разорвавши съ тѣмъ союзомъ дворцовой знати, къ которому долгое время принадлежалъ, остался одинокимъ среди московскаго боярства, и кругъ его близкихъ ограничивался роднею: Дмитріемъ, Степаномъ, Семеномъ, Иваномъ, Матвѣемъ, Никитой Годуновыми, Сабуровыми и Вельяминовыми. Иванъ Грозный сломилъ вліяніе бояръ-княжатъ, потомковъ удѣльныхъ князей, а произволомъ своей милости, частыми наборами и испомѣщеньями новыхъ служилыхъ людей, въ особенности же учрежденіемъ опричины расчистилъ путь къ власти и почестямъ сильнымъ волею людямъ изъ низшихъ слоевъ служилаго сословія и приказныхъ. Прекращеніе старой династіи и освобожденіе престола открыли еще болѣе высокія цѣли для самыхъ могущественныхъ семействъ въ ихъ неустанномъ стремленіи вверхъ. Это восходящее соціальное теченіе, съ одной стороны, на всѣхъ ступеняхъ придворной и государственной службы подавило старые роды, а съ другой стороны, силою примѣра во всѣхъ слояхъ народа вызвало влеченіе пробиваться далѣе, къ болѣе обезпеченному и вліятельному положенію. Крестьяне и холопы подымались по сословной лѣстницѣ путемъ бѣгства на окраину, приказные и мелкіе служилые люди примыкали къ тѣмъ лицамъ, семьямъ, организаціямъ, которыя въ общемъ стремле-

ніи вверхъ имѣли лучшіе виды на успѣхъ. Борисъ самъ достигъ власти и престола, благодаря этому восходящему теченію, но, ставши у кормила правленія, онъ пытался успокоить различные слои подданныхъ, закрѣпить за ними достигнутое и остановить ихъ дальнѣйшій подъемъ. Въ отдѣльныхъ сословіяхъ Годуновъ поддерживалъ болѣе спокойные, средніе слои. Этой примирительной политикой могли быть недовольны старые роды, придавленные болѣе новыми общественными силами и ждавшіе возстановленія своего прежняго вліянія; впрочемъ, они проявляли лишь чисто пассивное недовольство. Дѣятельную борьбу противъ Бориса начали люди и организаціи, которые вдругъ утрачивали надежду на дальнѣйшее возвышеніе. Активная вина за смуту падаетъ въ центрѣ на кругъ лицъ и учрежденій, задержанный Борисомъ въ своемъ соціальномъ подъемѣ. Только ниспроверженіемъ Годуновыхъ могъ этотъ слой опять расчистить себѣ дорогу. И преслѣдованія противъ бояръ, и недовольство неблагодарностью Бориса среди людей, помогавшихъ ему достичь власти, дали толчекъ къ заговору, пустившему корни въ средѣ дьяковъ и духовенства, въ особенности чернецовъ. По „Временнику“ дьяка Тимофеева, новые люди, занявшіе при Годуновѣ первыя мѣста выше старой знати, стали и на низшихъ ступеняхъ службы выдвигать вмѣсто опытныхъ приказныхъ всякихъ людей безъ заслугъ; такъ возникло въ приказахъ поколѣніе, чуждое чувству долга, способное только на безстыдные и отважные происки.

Отношеніе къ духовенству.

Другой современникъ, Авраамій Палицынъ, отмѣчаетъ вину Бориса передъ духовенствомъ и монастырями. Во время голода царь велѣлъ выдавать церквамъ изъ своихъ житницъ рожь вмѣсто пшеницы на просфоры для таинства Евхаристіи, между тѣмъ какъ чужестранцевъ осыпалъ щедрыми милостынями, „любя иноязычниковъ паче священноначальствующихъ“. Тотъ же Борисъ впервые взялъ изъ казны Троицы-Сергіевой лавры 15.400 руб. для

своихъ служилыхъ людей; по его примѣру Лжедимитрій позаимствовалъ тамъ же 30.000 рублей, и даже В. Шуйскій 18.355 р. Вслѣдствіе мобилизаціи собственности при Грозномъ монастыри достигли колоссальнаго крупнаго землевладѣнія и стали вліятельной силой въ Смутное время. Даже въ переговорахъ съ королевичемъ Владиславомъ въ августѣ 1610 года церковь стремилась прежде всего охранить свое крупное землевладѣніе отъ захватовъ государства. Къ тому же часть духовенства была недовольна склонностью Бориса къ западно-европейскому образованію, а въ глубинѣ монастырей, можетъ быть, чувствовалась и потребность отомстить вѣнчанному убійцѣ царевича Димитрія. Это сословіе боролось и противъ Годунова, и противъ Лжедимитрія, пока въ лицѣ Василія Шуйскаго и, наконецъ, Михаила Романова не поднялись на престолъ преданные ему государи.

Слухи о Самоз., опалы и смерть Бориса.

Первые слухи о томъ, что уже подготовляется самозванецъ подъ именемъ царевича Димитрія, пошли въ Москвѣ еще въ 1598 году, т.-е. въ первый же годъ правленія Годунова, и не могли остаться тайной ни для бояръ, ни для царя. Съ началомъ новаго XVII-го вѣка Борисъ уже принимается искать виновниковъ смуты или жертвъ для своей подозрительности. Царская немилость почти одновременно постигаетъ Богдана Бѣльскаго, братьевъ Романовыхъ съ родней и Василія Щелкалова. Бѣльскій и Алферьевъ, должны были въ іюлѣ 1599 года собрать свой отрядъ въ Ливнахъ и оттуда двинуться на Донецъ для построенія города Борисова, а Ѳедоръ Романовъ упоминается еще на службахъ царя Бориса въ февралѣ 1600 года. По всей вѣроятности, Бѣльскій и Романовы были арестованы именно въ этомъ году, первый—на окраинѣ до 1 сентября, послѣдніе въ Москвѣ къ концу года, а затѣмъ въ 1601 году послѣдовало удаленіе дьяка Василія Щелкалова. Филаретъ Романовъ въ заточеніи въ Сійскомъ монастырѣ, повидимости, еще не зналъ объ опалѣ Бѣльскаго и осенью 1602 года позволялъ себѣ хвалить его, какъ единствен-

наго дѣльнаго и разумнаго человѣка въ государевой Думѣ. Вообще Романовы считали себя жертвами клеветы бояръ, признавали ихъ неспособными управлять дѣлами и предсказывали имъ самимъ скорую гибель. Подозрѣнія противъ Филарета Никитича и его братьевъ до сихъ поръ остаются только догадкой. Въ концѣ 1600 года, когда началось противъ нихъ слѣдствіе, Отрепьевъ долженъ былъ находиться еще въ Чудовѣ монастырѣ или у патріарха, и будь у него соглашеніе съ опальными боярами, оно врядъ ли могло бы остаться скрытымъ. Къ тому же изгнаніе и заточеніе Романовыхъ не помѣшало счастливому осуществленію заговора. Во время суда надъ ними въ 1600—1601 году Борису не удалось напасть на слѣдъ заговора съ самозванцемъ, а съ 1602 года онъ начинаетъ смягчать участь этой семьи, когда подозрѣнія противъ нея стали разсѣиваться. Даже въ 1604 г. въ письмѣ къ императору Рудольфу II Годуновъ утверждалъ лишь, что Михаилъ Романовъ самъ прогналъ отъ себя со службы заворовавшагося Отрепьева. Только въ мартѣ 1605 года, когда Димитрій оправлялся въ Путивлѣ, царь велитъ опять усилить надзоръ за старцемъ Филаретомъ въ Сійскомъ монастырѣ. Въ то же время, слѣды подозрѣній противъ Б. Бѣльскаго такъ и не изгладились у Бориса. Еще въ 1604 году по его приказу боярскія дѣти изъ Рязани, бывшія въ 1600 году съ Богданомъ при построеніи Царева-Борисова, подверглись опросу, кто посылалъ порохъ, свинецъ и оружіе атаманамъ и казакамъ на Донъ; тѣ показали, что въ 1603 году слышали, будто бы Захарій Ляпуновъ продалъ казакамъ доспѣхи; тогда царь приговорилъ наказать Ляпунова и его товарищей кнутомъ. Съ другой стороны, Борисъ за счетъ Романовыхъ и Бѣльскаго очевидно примирился со старыми боярами своего царскаго синклита и съ полнымъ довѣріемъ къ нимъ послалъ князей Мстиславскаго, Дмитрія и Василія Шуйскихъ сражаться противъ самозванца. Только ихъ явная малоспособность заставила царя замѣтно отличить

передъ ними своею милостью Петра Басманова. Возможно, что слухи о подготовкѣ самозванца были въ свое время извѣстны Б. Бѣльскому и Романовымъ, какъ они доходили и до Бориса. Но Годуновъ въ поискахъ за виновными былъ сбитъ съ главнаго слѣда привычными подозрѣніями противъ своихъ бывшихъ соперниковъ при избраніи на царство и просмотрѣлъ узелъ заговора, завязывавшійся въ самомъ Кремлѣ, въ приказѣ Большого Дворца и Чудовомъ монастырѣ. Быть можетъ, только въ лицѣ Василія Щелкалова онъ удачно удалилъ одну изъ пружинъ интриги. Значеніе Отрепьева царь несразу оцѣнилъ, братьевъ Хрипуновыхъ упустилъ за литовскій рубежъ; только лишь появленіе царевича въ Польшѣ открыло ему глаза на дьяковъ и чернецовъ. Внезапная смерть царя Бориса 13-го апрѣля 1605 года увѣнчала успѣхи заговора и явилась такъ кстати для торжества Димитрія, что невольно заставляла говорить объ отравленіи.

Измѣна арміи Басманова.

Новый царь Ѳедоръ Борисовичъ отозвалъ въ Москву изъ-подъ Кромъ князей Мстиславскаго, Василія и Дмитрія Шуйскихъ и вручилъ начальство надъ войскомъ Петру Басманову и князю Катыреву-Ростовскому въ большомъ полку. Вмѣстѣ съ новгородскимъ митрополитомъ Исидоромъ они были посланы приводить армію къ кресту. Однако, смерть Бориса уже пошатнула среди бояръ-княжатъ увѣренность въ прочности Годуновыхъ. Къ тому же присяга, предложенная думнымъ чинамъ, дьякамъ, подъячимъ и всякимъ людямъ, уже не выдавала болѣе самозванца за Григорія Отрепьева, а говорила только о ворѣ, называвшемъ себя царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ. Это давало поводъ вовсе не вѣрить правительству Годуновыхъ, и часть войска, дѣйствительно, отказалась цѣловать имъ крестъ. Въ тоже время къ крѣпости приближался Запорскій съ польскими ротами, высланными претендентомъ изъ Путивля еще до вѣсти о смерти Бориса, и распускалъ слухи о приближеніи сильнаго войска Рѣчи Посполи-

той. Тогда воеводы Петръ Басмановъ, братья князья Василій и Иванъ Голицыны и Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ черезъ Ляпуновыхъ вошли въ соглашеніе съ дѣтьми боярскими городовъ Рязани, Тулы, Каширы, Алексина и признали Димитрія царемъ. По уговору съ Запорскимъ, шестьсотъ заложниковъ отъ разныхъ городовъ принесли присягу за восьмидесятитысячную армію. Самъ Петръ Басмановъ, кажется 7—17 мая 1605 года, на глазахъ у всего войска открыто перешелъ съ нѣсколькими тысячами на сторону царевича и его передового отряда. Большинство ратныхъ людей давно желало покончить долгій и трудный походъ и пассивно подчинилось рѣшенію вождей. Кто еще остался вѣренъ Годунову, тотъ спѣшилъ вернуться въ Москву съ княземъ Катыревымъ-Ростовскимъ. Впрочемъ, Ивана Годунова даже догнали, связали и отправили къ царевичу. Черезъ какую-нибудь недѣлю прибыла въ Путивль отъ Запорскаго часть заложниковъ, приносившихъ присягу, съ княземъ Иваномъ Голицынымъ во главѣ. Эти послы били челомъ новому государю отъ всѣхъ уѣздовъ, представленныхъ въ войскѣ, и всего Московскаго государства.

Движеніе Димитрія на Москву.

Димитрій все еще продолжалъ соблюдать осторожность. Часть московской арміи подъ Кромами онъ распустилъ по домамъ, а часть направилъ подъ Орелъ. Онъ самъ выступилъ въ половинѣ мая по с. с. на Кромы, Орелъ, Тулу и Серпуховъ къ столицѣ. По пути до самой Москвы царевичъ продолжалъ окружать себя стражей изъ поляковъ, а московскія войска ставилъ подальше отъ своего лагеря. Его походъ напоминалъ теперь тріумфальное шествіе. Со всѣхъ сторонъ стекался народъ, а представители городовъ привѣтствовали воскресшаго царя хлѣбомъ-солью и подарками. Въ началѣ іюня Димитрій достигъ Тулы, гдѣ духовенство вышло ему навстрѣчу съ иконами и хоругвями. Между тѣмъ гонцы, Г. Пушкинъ и Н. Плещеевъ, съ грамотою отъ сына Іоанна Грознаго къ боярамъ и дру-

гимъ московскимъ людямъ достигли столицы и распространили ее раньше всего въ Красномъ Селѣ. Тогда, 1-го іюня с. с., жители села толпой проводили гонцовъ въ городъ на Лобное мѣсто. Ни патріархъ Іовъ, преданный Годуновымъ, ни бояре не могли остановить рокового исхода. Народъ выслушалъ на Красной площади грамоту Димитрія и провозглашалъ его царемъ. Ѳедоръ Борисовичъ съ матерью и сестрой были переведены изъ дворца на старый дворъ царя Бориса подъ стражу; всѣ родичи царской семьи—Годуновы, Сабуровы, Вельяминовы тоже взяты подъ стражу, а дома ихъ подверглись разграбленію. Только теперь весь царскій синклитъ, бояре и освященный соборъ іерарховъ, двинулись въ Тулу принести повинную Димитрію Іоанновичу. Когда князья Воротынскій, Мстиславскій, Василій и Дмитрій Шуйскій направлялись въ лагерь новаго царя, въ Москву по приказу Димитрія I-го шла рать подъ начальствомъ Петра Басманова и ѣхали князь В. В. Голицынъ, кн. Вас. Рубецъ-Мосальскій и дьякъ Богданъ Сутуповъ, чтобы подготовить столицу къ его пріему. Еще до въѣзда новаго государя Москву надо было очистить отъ его непримиримыхъ враговъ. Патріархъ Іовъ былъ теперь сосланъ въ Старицу въ монастырь, царь Ѳеодоръ съ матерью удушены, Годуновы, Сабуровы, Вельяминовы разосланы по тюрьмамъ въ понизовые и сибирскіе города, царевна Ксенія заточена во Владимірѣ въ дѣвичій монастырь.

Прибытіе Димитрія въ Москву.

Наконецъ 20/30 іюня, при колокольномъ звонѣ всѣхъ московскихъ церквей, царь Димитрій былъ встрѣченъ духовенствомъ съ иконами и хоругвями на Красной площади и послѣдовалъ въ Кремль въ соборы. Въ Архангельскомъ соборѣ, у гробницъ предполагаемыхъ предковъ, побѣдитель Годуновыхъ свидѣтельствовалъ передъ народомъ о своемъ происхожденіи отъ Іоанна IV, а Богданъ Бѣльскій, вернувшійся послѣ смерти Бориса, клятвенно завѣрялъ въ томъ же толпу съ Лобнаго мѣста.

Однако бояре-княжата не считали себя связанными вынужденнымъ у нихъ признаніемъ Димитрія. Когда царь, полагаясь на принесеную ему присягу, ѣхалъ на коронацію въ столицу, то ввидѣ особой милости онъ посадилъ къ себѣ въ карету двухъ знатнѣйшихъ бояръ—князя Мстиславскаго и князя Василія Шуйскаго. Москвичи въ столицѣ поздравляли Шуйскаго съ милостью истиннаго наслѣдника и государя. Тогда князь Василій сказалъ одному преданному купцу: чертъ онъ, а не царевичъ: истиннаго царевича, сами знаете, Борисъ загубилъ, а это разстрига и душегубецъ нашъ. Другой москвичъ слышалъ эти рѣчи и подалъ доносъ царскому секретарю Слонскому. Димитрій вызвалъ къ себѣ и лично допросилъ доносчика, затѣмъ велѣлъ собраться всѣмъ думнымъ людямъ, патріарху и владыкамъ, а изъ простыхъ людей по выбору и изложилъ вину трехъ братьевъ Шуйскихъ. Онъ напомнилъ о давнишней склонности всего рода Шуйскихъ къ крамолѣ противъ царскаго дома, говорилъ о какой-то попыткѣ трехъ братьевъ еще на пути къ Москвѣ послѣ принесенія присяги врасплохъ убить царя въ его опочивальнѣ. Шуйскіе пали на землю и просили пощады. Князь Василій, побаиваясь пытокъ, сразу во всемъ повинился и молилъ владыкъ о заступничествѣ. Но патріархъ съ духовенствомъ первые осудили ихъ на смертную казнь, а къ нимъ присоединилась и вся Дума. Только на слѣдующій день, 30 іюня (10 іюля по н. с.), когда Василій Шуйскій съ обнаженной шеей стоялъ у плахи, Димитрій по собственному рѣшенію, вопреки предостереженію секретаря Яна Бучинскаго, помиловалъ заговорщиковъ и велѣлъ разослать ихъ въ Галицкіе пригороды по тюрьмамъ. Позднѣе Марѳа Нагая упросила нареченнаго сына вернуть князей въ столицу на царскую свадьбу. Димитрій пытался склонить старые боярскіе роды на свою сторону не страхомъ, а милостью.

Димитрій и Василій Шуйскій.

Къ коронаціи царь вызвалъ въ Москву мать царевича Димитрія, иноку Марѳу, и выѣхалъ ей навстрѣчу

Димитрій и инокиня Марѳа.

въ село Тайнинское. Оба встрѣтились такъ, какъ слѣдовало матери и сыну. Димитрій бросился ей къ ногамъ, а Марѳа обнимала его; оба проливали слезы радости. На слѣдующее утро, 18/28 іюля, государь проводилъ вдовствующую царицу до кареты и на глазахъ у всѣхъ съ обнаженной головой шелъ рядомъ съ экипажемъ. Верхомъ на конѣ онъ сопровождалъ Марѳу при въѣздѣ ея въ этотъ день въ Москву, гдѣ они оба направились молиться въ Успенскій соборъ. Ей приготовили покои въ Вознесенскомъ монастырѣ въ Кремлѣ, и царь, какъ нѣжный сынъ, усердно навѣщалъ ее.

Награды и приближенные.

Завоевавъ себѣ престолъ, Димитрій по разсчету долженъ былъ жаловать своихъ показанныхъ родственниковъ и спасителей. Нагіе, братья и родичи царицы Маріи Ѳеодоровны, сидѣли теперь въ государевой Думѣ, Романовы возвращались изъ ссылки. Старецъ Филаретъ сталъ митрополитомъ Ростовскимъ, а Ивану Никитичу Романову вмѣстѣ съ Богданомъ Бѣльскимъ сказано боярство. Великій дьякъ Василій Щелкаловъ былъ пожалованъ въ окольничіе, а бывшій архимандритъ Чудова монастыря Пафнутій величался митрополитомъ Крутицкимъ (Сарскимъ и Подонскимъ). Царь только для видимости стремился возродить при дворѣ ту среду дворцовой знати Романовыхъ-Черкасскихъ, которую разсѣялъ Борисъ Годуновъ. Въ дѣйствительности Димитрій оставался ей чуждымъ и дружилъ съ совершенно новыми людьми. Первое мѣсто при царѣ дѣлили между собой трое приближенныхъ, поддержавшихъ его при началѣ предпріятія и похода на Москву. Михаилъ Андреевичъ Молчановъ, наказанный при Борисѣ кнутомъ яко бы за колдовство, примкнулъ къ царевичу еще въ Польшѣ, а въ Москвѣ состоялъ при немъ для тайныхъ услугъ. Князь Василій Рубецъ-Масальскій вмѣстѣ съ дьякомъ Сутуповымъ передалъ ему Путивль и сталъ дворецкимъ, а Петръ Басмановъ привелъ къ нему войско подъ Кромами и былъ теперь начальникомъ стрѣлец-

кимъ. Аѳанасій Власьевъ и Богданъ Сутуповъ числились великими дьяками.

Вѣнчаніе на царство.

Новый патріархъ Игнатій, бывшій архіепископъ Рязанскій, 21/31 іюля 1605 года вѣнчалъ Димитрія на царство короною его предполагаемаго отца Ивана Грознаго, скипетромъ и державою, и возвелъ его на престолъ предковъ. Послѣ вѣнчанія царь изъ Успенскаго собора прослѣдовалъ въ Архангельскій, поклонился гробамъ великихъ князей Московскихъ, а затѣмъ вошелъ внутрь придѣла Іоанна Лѣствичника къ гробамъ царей Іоанна и Ѳеодора. Здѣсь архіепископъ Архангельскаго собора, грекъ Арсеній Элассонскій, короновалъ его еще и вѣнцомъ Мономаха.

Характеръ царя Димитрія.

Начиналось новое царствованіе. Иностранцамъ, наблюдавшимъ тогда жизнь въ Москвѣ,—французу Маржерету, нѣмцу Буссову, англичанину Росселю, голландцу Массѣ,—казалось, что въ лицѣ Димитрія на престолѣ появился преобразователь и просвѣтитель Россіи въ духѣ западно-европейской цивилизаціи. Царь, дѣйствительно, мечталъ войти въ болѣе близкія сношенія съ монархами Европы и римскимъ папой: его влекло къ западной наукѣ, олицетворявшейся въ отцахъ іезуитахъ, и къ утонченной польской общественности, принявшей обольстительный для него образъ Марины Мнишекъ. Черезъ іезуитовъ Чижовскаго и Лавицкаго, сопровождавшихъ Димитрія въ походѣ на Москву, католическая церковь продолжала слѣдить за претендентомъ. Ихъ письма рисуютъ царевича богатоодаренной, жизнерадостной личностью, исполненной стремленіемъ къ знанію и подвигамъ, къ учрежденію на Руси школъ и академій. Въ апрѣлѣ 1605 года въ Путивлѣ Димитрій вдругъ пожелалъ, чтобы іезуиты посвятили его въ начала школьной науки. Тщетно Чижовскій и Лавицкій указывали ему на трудность излагать свободныя науки ученику, не владѣющему ни латинскимъ, ни греческимъ языкомъ. Царевичъ настаивалъ на своемъ желаніи познакомиться съ риторикой и философіей,

предоставляя богословіе духовенству. Три дня подрядъ іезуиты должны были преподавать начала риторики и діалектики будущему Московскому царю въ присутствіи его польскихъ и русскихъ приближенныхъ. Съ появленіемъ Димитрія въ столицѣ, на московскую жизнь, дѣйствительно, словно пахнуло струей свѣжаго воздуха. Конечно, насильственная смѣна одного правительства другимъ въ XVII-омъ вѣкѣ не могла обойтись безъ казней и ссылокъ. Обращеніе съ Ксеніей Годуновой, какъ съ рабыней веселья, отдаетъ татарщиной или одичаніемъ кондотьера, но и это варварство Димитрія врядъ ли могло изумить какого-нибудь Бѣльскаго, видавшаго частную жизнь Ивана Грознаго. Въ борьбѣ за власть новый царь при случаѣ не останавливался ни передъ кровопролитіемъ, ни передъ жестокими тѣлесными наказаніями. Искореняя посулы и насаждая чувство долга, онъ иногда самъ ломалъ палки на дьякахъ и приказныхъ. Но въ общемъ, для начала, въ Москвѣ стало жить какъ-то свободнѣе и веселѣе. Царь Димитрій впервые началъ мягко и привѣтливо обходиться съ боярами, стараясь не запугивать ихъ, а поучать. Нерѣдко упрекалъ думныхъ людей въ невѣжествѣ, говоря, что они ничего не видали, ничему не учились, и обѣщалъ дозволить имъ посѣщать чужіе края ради образованія. Открылъ доступъ къ себѣ даже для простого народа съ челобитными. Какъ русскимъ, такъ и чужестранцамъ дозволялъ свободно заниматься торговлей и промыслами. Иногда пѣшкомъ выходилъ изъ дворца одинъ или съ однимъ-двумя провожатыми и посѣщалъ аптеки и золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Ѣздилъ не въ каретѣ, а верхомъ на конѣ, легко вскакивая въ сѣдло безъ всякой поддержки и подставки, и поражалъ удальствомъ, принимая участіе въ травлѣ медвѣдей. Любилъ, чтобы лили пушки, и затѣмъ самъ испытывалъ ихъ, устраивая примѣрныя осады и штурмы воображаемаго Азова. Когда крамола стала пускать корни, то учредилъ вокругъ себя иноземную стражу

изъ сотни стрѣлковъ подъ начальствомъ Маржерета и двухъ сотенъ аллебардщиковъ, преимущественно нѣмцевъ. Замкнутость и чинность жизни его предшественниковъ исчезла: въ новыхъ деревянныхъ палатахъ Димитрія, отстроенныхъ имъ близъ Боровицкихъ воротъ впереди стараго каменнаго дворца и церквей Іоанна Предтечи и Спаса на Бору, на „Взрубѣ“, прямо надъ Москвой-рѣкой. Однако этимъ только и ограничивались новшества. Нѣтъ никакихъ слѣдовъ болѣе глубокихъ преобразованій, и сопоставленіе съ Петромъ I-ымъ было бы преувеличеніемъ; къ тому же Димитрій прошелъ школу западной жизни не у флегматичныхъ голландцевъ, а у сангвиниковъ-поляковъ. Весь церковный и государственный строй и даже чинъ оффиціальной придворной жизни, пріемовъ и пировъ, остались при немъ прежними. Новый царь совѣтовался не только съ думными людьми „Царскаго синклита“, но и съ православными іерархами „Освященнаго собора“. Освященный соборъ Димитрія состоялъ изъ патріарха, четырехъ митрополитовъ (Новгородскаго, Казанскаго, Ростовскаго, Крутицкаго), семи архіепископовъ и трехъ епископовъ. Его „Царскій синклитъ“, или Дума, насчитывала 36 бояръ, 17 окольничихъ, 6 дворянъ. Такъ какъ грамоты царя часто писались его польскими секретарями Слонскимъ, Яномъ и Станиславомъ Бучинскими, то въ нихъ проскальзываютъ иногда польскія наименованія „сената“ и „сенаторовъ“, но учрежденія остались старыя. Даже законодательство при Димитріи I-омъ примыкаетъ къ преданію, идущему отъ предшественниковъ. Таковъ боярскій приговоръ по государеву слову—о бѣглыхъ крестьянахъ отъ 1-го февраля 1606 года. Давность для сыска бѣглыхъ устанавливается здѣсь въ пять лѣтъ, какъ и въ 1597 году, но принимаются особыя мѣры касательно крестьянъ, бѣжавшихъ въ голодные годы съ сентября 1601 года по сентябрь 1603 года. Зажиточные крестьяне, бѣжавшіе въ эти годы съ пожитками и нашедшіе себѣ новыхъ помѣщиковъ, хотя они могли бы выдержать

Новшества и старина въ жизни и управленіи Димитрія.

голодное время и у прежнихъ, возвращались своимъ старымъ господамъ; напротивъ, бѣдные крестьяне, бѣжавшіе вслѣдствіе нужды и недостатка, могли оставаться у новыхъ помѣщиковъ, пропитавшихъ ихъ въ голодное время.

Отношеніе къ духовенству.

Протестанту Буссову могло казаться, будтобы Димитрій I выступилъ на новый принципіальный путь въ дѣлѣ монастырей и якобы провелъ какую-то коренную реформу въ смыслѣ частичнаго отобранія монастырскихъ доходовъ на содержаніе войска. Новый царь, дѣйствительно, бралъ съ обителей крупные поборы на нужды ратныхъ людей для похода противъ турокъ. Такъ, напримѣръ, съ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря онъ взялъ отъ 5-6 тысячъ рублей; по вычисленію Нѣмоевскаго, это составило бы до 20 тысячъ польскихъ злотыхъ, тогда какъ весь ежегодный доходъ обители опредѣляется имъ же въ 5 тыс. злотыхъ. Игуменъ и братія выплатили эти деньги, чтобы только Димитрій не отобралъ у нихъ монастырскихъ селъ. По записямъ самой Кирилло-Бѣлозерской обители эти пять тысячъ рублей были взяты даже не на войско, а просто на царскій обиходъ, и вручены дворецкому; затѣмъ еще слишкомъ двѣсти рублей потребованы на царское вѣнчаніе и на приходъ государыни Марины. Но въ сущности царь и въ этомъ слѣдовалъ по стопамъ Бориса Годунова или даже Ивана IV. Гораздо ярче развернулъ Димитрій свою оригинальную личность во внѣшнихъ сношеніяхъ съ Польшей и Римомъ.

Сношенія съ Сигизмундомъ III и сватовство.

Достигши престола при поддержкѣ польскаго короля и католической церкви, Димитрій долженъ былъ выяснить этимъ друзьямъ, какія изъ данныхъ обѣщаній готовъ онъ теперь исполнить. Осенью 1605 года Сигизмундъ III снарядилъ къ нему посломъ Госѣвскаго, старосту Велижскаго, выразить свою радость по поводу завоеванія отцовскаго престола. Король называлъ его въ грамотахъ только государемъ и великимъ княземъ,

а не царемъ. Димитрій указалъ послу, что уменьшеніе титула возбуждаетъ сомнѣнія въ дружбѣ Сигизмунда. Онъ выражалъ готовность стремиться къ установленію союза между Польшей и Москвой, но не хотѣлъ ни строить католическихъ костеловъ, ни вернуть королю Сѣверскую землю; взамѣнъ ея царь сулилъ выплатить нѣкоторую сумму денегъ и дать Сигизмунду средства на завоеваніе шведскаго престола. Димитрій уже раньше отправилъ въ Польшу посломъ великаго дьяка и подскарбія (казначея) Аѳанасія Власьева просить у короля руки Марины Мнишекъ. Въ началѣ ноября по нов. ст., когда Госѣвскій былъ въ Москвѣ, Власьевъ со свитой въ 300 человѣкъ въѣхалъ въ Краковъ. Воеводѣ Мнишку онъ вручилъ отъ имени царя пятьсотъ тысячъ рублей въ возмѣщеніе расходовъ его на московскій походъ и богатыя подарки—шапку изъ чернобурой лисицы, золотую чашу, украшенную драгоцѣнными каменьями, такую же булаву, тигроватаго коня съ легкимъ сѣдломъ и богатымъ наборомъ, часы съ золотой цѣпью, персидскіе ковры, шесть сороковъ лучшихъ соболей, соколовъ и т. п. На аудіенціи у Сигизмунда III Власьевъ говорилъ о намѣреніяхъ царя войти въ соглашеніе съ другими монархами ради общей борьбы противъ турецкаго султана и освобожденія христіанъ изъ-подъ магометанскаго ига; посолъ просилъ короля сообщить Димитрію, чѣмъ Польша съ своей стороны готова содѣйствовать этому великому дѣлу. Позднѣе, въ частной бесѣдѣ съ Сигизмундомъ III, Власьевъ заявилъ о главной цѣли своего пріѣзда: царь просилъ отпустить въ Москву воеводу Сандомирскаго и его дочь Марину и звалъ самого короля на свадьбу.

Обрученіе.

На слѣдующій же день пріѣхала въ Краковъ сама невѣста съ матерью, а 12/22 ноября состоялось пышное обрученіе. Обрученіе праздновалось въ трехъ каменныхъ дворцахъ на Краковской площади, въ палатахъ Мнишка и въ двухъ сосѣднихъ зданіяхъ, куда были проломаны двери въ стѣнахъ. Въ одномъ изъ двухъ дворцовъ была

устроена часовня, гдѣ кардиналъ Мацѣйовскій совершилъ обрядъ. Власьевъ прибылъ съ двумя стами человѣкъ свиты, поцѣловалъ руку у короля и замѣнялъ во время обряда самого царя... Посолъ несразу и неохотно подчинялся необычнымъ ему католическимъ обрядамъ. Онъ пытался было уклониться отъ произнесенія по-латыни обручальной присяги, а когда кардиналу надо было соединить руки обручавшихся, то Власьевъ сначала подалъ было свою руку закутанной въ платокъ. Наконецъ Мацѣйовскій растолковалъ ему, что онъ теперь не посолъ, а замѣститель Димитрія. Изъ домашней церкви всѣ перешли въ столовую палату. Тутъ сорокъ царскихъ дворянъ принесли подарки для невѣсты отъ Димитрія и его матери Марѳы: наряду съ драгоцѣнными камнями, мѣхами и шелками особое изумленіе возбуждали золотыя статуэтки Діаны, сидящей на оленѣ, пеликана, выклевывающаго себѣ сердце, павлина съ распущеннымъ хвостомъ и большіе часы съ боемъ и органомъ, на которыхъ былъ умѣщенъ слонъ съ золоченой башней. Власьевъ и здѣсь долго не рѣшался сѣсть рядомъ съ будущей своей царицей, а когда Мнишекъ, наконецъ, его успокоилъ и убѣдилъ, то посолъ всетаки все отодвигался въ сторону и ничего не хотѣлъ ѣсть. Первую чашу Сигизмундъ, обнаживши голову, пилъ за Марину. Марина пила за королевича и за Димитрія, Владиславъ за Власьева, посолъ за кардинала Мацѣйовскаго. Каждый разъ, когда пили за здоровье царя или его обрученной невѣсты, Власьевъ вставалъ и осушалъ бокалъ стоя за стуломъ. За пиромъ послѣдовали танцы. Въ первой парѣ пошелъ Сигизмундъ съ Мариной, затѣмъ царская невѣста танцовала еще съ королевичемъ и своимъ отцомъ. Но Власьевъ, несмотря на призывъ короля, упорно отказывался танцовать съ ней, считая себя недостойнымъ даже коснуться ея. Подъ конецъ Юрій Мнишекъ и Марина упали къ ногамъ короля и благодарили его за всѣ благодѣянія. Сигизмундъ III пожелалъ невѣстѣ счастья и почестей,

напомнилъ, что она должна располагать мужа къ дружбѣ съ Рѣчью Посполитой и блюсти польскіе обычаи и завѣты своего воспитанія и послѣ этого далъ ей свое благословеніе. Марина плакала и снова опустилась къ ногамъ короля. Въ противоположность преувеличенному самоуниженію посла, его свита поражала тѣмъ, какъ непристойно она напивалась и наѣдалась, хватая горстями съ блюдъ.

Вопросъ о титулѣ и заговоръ Димитрія въ Польшѣ

На утро Власьевъ опять былъ во дворцѣ на аудіенціи. Отъ имени короля Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга отвѣчалъ послу, что Сигизмундъ III желаетъ жить съ великимъ княземъ въ тѣсной дружбѣ и готовъ войти съ нимъ въ соглашеніе относительно освобожденія христіанскихъ земель изъ-подъ власти турокъ. Письменнаго изложенія этого отвѣта Власьевъ не принялъ, такъ какъ въ немъ Димитрію не былъ данъ царскій титулъ. Посолъ присутствовалъ затѣмъ, какъ представитель царя, еще и на свадьбѣ Сигизмунда съ Констанціей, эрцгерцогиней австрійской, и окончательно уѣхалъ изъ Кракова только въ декабрѣ. Одновременно съ Власьевымъ пребывалъ въ Краковѣ и секретарь Димитрія I-го, Станиславъ Слонскій, который имѣлъ тайныя порученія отъ царя ко многимъ польскимъ сенаторамъ; вѣроятно, именно черезъ Слонскаго Димитрій былъ въ какихъ-то сношеніяхъ съ главными участниками подготовлявшагося возстанія противъ короля, Николаемъ Зебжидовскимъ и Стадницкими. Среди заговорщиковъ носился даже фантастическій замыселъ низложить Сигизмунда и возвести на его мѣсто Димитрія.

Отъѣздъ Мнишковъ въ Москву.

Послѣ обрученія царь сталъ торопить Мнишковъ къ отъѣзду въ Москву. Въ первыхъ числахъ января 1606 года по нов. ст. пріѣхалъ въ Краковъ его приближенный, Янъ Бучинскій, и привезъ Юрію Мнишку триста тысячъ злотыхъ, а его сыну Станиславу пятьдесять тысячъ. Власьевъ самъ вернулся съ дороги въ Самборъ, чтобы торопить Сандомирскаго воеводу. Только въ началѣ марта Мнишки тронулись наконецъ въ путь. Кро-

мѣ Юрія, здѣсь былъ его сынъ Станиславъ, староста Саноцкій, князь Константинъ Вишневецкій, двое Тарло, трое Стадницкихъ, іезуитъ Каспаръ Савицкій съ семью бернардинцами; среди женщинъ была гофмейстерина Марины Казановская, двѣ Тарло и другія. Вмѣстѣ со свитой, войскомъ и прислугой весь поѣздъ насчитывалъ свыше 2200 человѣкъ. Первые дни апрѣля путешественники провели въ Минскѣ, куда царь прислалъ имъ 35 тысячъ злотыхъ на дорожные расходы и письмо съ выраженіями радости по поводу ихъ приближенія. Весь поѣздъ переправился затѣмъ подъ Оршей черезъ Днѣпръ и двинулся къ границѣ. 8/18 апрѣля 1606 года Мнишки переѣхали московскую границу и остановились на первый ночлегъ и дневку въ селѣ Красномъ. Уже въ Лубнѣ ихъ встрѣтили и привѣтствовали отъ имени царя Михаилъ Александровичъ Нагой и воевода Смоленскій, князь Масальскій, съ 2 тысячами людей царскаго двора. Въ Смоленскѣ духовенство вышло навстрѣчу своей будущей царицѣ съ иконой Божьей Матери, а жители города поднесли ей хлѣбъ-соль и три сорока соболей. Князь Масальскій чествовалъ здѣсь воеводу Сандомирскаго у себя пиромъ. Изъ Смоленска царскій дьякъ Аѳанасій Власьевъ уѣхалъ впередъ къ Димитрію и вернулся назадъ съ подарками для Марины, когда она была уже за Дорогобужемъ; около этого времени въ свою очередь уѣхалъ впередъ къ царю Янъ Бучинскій. Въ Вязьмѣ по требованію Димитрія отдѣлился отъ поѣзда дочери самъ Юрій Мнишекъ и, вмѣстѣ съ сыномъ старостою Саноцкимъ, княземъ К. Вишневецкимъ и Тарло, тоже поспѣшилъ впередъ въ Москву. За Можайскомъ Марину встрѣтилъ сначала Станиславъ Бучинскій съ письмомъ отъ государя, а затѣмъ и Янъ Бучинскій съ новыми подарками.

Въѣздъ Маринны въ Москву.

Въ началѣ мая по нов. ст. поѣздъ царской невѣсты достигъ мѣста въ $1^1/_2$ миляхъ отъ столицы, гдѣ на берегу рѣки уже заранѣе было разбито 24 па-

латки. Особенной пышностью и изяществомъ работы и украшеній отличалась столовая палатка, въ которой служилась и месса; здѣсь были вышиты лица и событія Ветхаго и Новаго Завѣта съ подписями на латинскомъ, русскомъ и восточныхъ языкахъ. Марина оставалась въ палаткахъ два дня. Тѣмъ временемъ ея отецъ былъ принятъ въ Москвѣ царемъ на торжественной аудіенціи въ присутствіи всей Думы, патріарха и владыкъ. Димитрій одарилъ Юрія Мнишка и на прощанье устроилъ для него травлю медвѣдя въ полѣ. Самъ царь верхомъ гнался около мили за звѣремъ, утомилъ его и забилъ рогатиной съ коня. Послѣ этого воевода Сандомирскій вернулся къ дочери въ палатки. Въ день въѣзда въ Москву, 2/12 мая, Мнишковъ обогнали послы польскаго короля, Н. Олесницкій, кастелянъ Малагоскій, и А. Госѣвскій, староста Велижскій. На пути до столицы Марина въ этотъ день еще разъ отдыхала въ палаткахъ, разбитыхъ на берегу Москвы рѣки, куда явились къ ней на поклонъ думные бояре и князья, между прочимъ Мстиславскій, трое Шуйскихъ, Воротынскій, Голицынъ. Рѣчь держалъ отъ имени всѣхъ князь В. И. Шуйскій, робко считывая ее съ бумажки, вложенной въ шапку. Государь тоже тайно выѣхалъ верхомъ въ поле, чтобы неузнаннымъ взглянуть на въѣздъ Марины въ Москву. Царской невѣстѣ подали высокую карету, въ которую пришлось подниматься по пяти приставнымъ ступенькамъ, обитымъ краснымъ бархатомъ. Снаружи карета была тоже крыта краснымъ бархатомъ, а вдоль краевъ окована серебромъ. Сзади, на кузовѣ, блестѣлъ посеребреный гербъ государя. Внутри все обито и обтянуто парчей и шелками, затканными золотомъ. Карету тянули 12 кобылицъ тигровой масти, отчасти отъ природы, отчасти отъ окраски; 12 конюховъ вели ихъ подъ уздцы. Въѣздъ въ Москву совершился съ большой торжественностью. Впереди всѣхъ шло 70 человѣкъ пѣхоты старосты Саноцкаго, затѣмъ сотня пѣхоты его отца Юрія Мнишка, далѣе 70 гусаръ

старосты Саноцкаго и сотня гусаръ воеводы Сандомирскаго. За ними слѣдовали люди изъ двора государева и думные бояре, вперемѣшку со спутниками Марины. Передъ ея каретой ѣхалъ самъ Юрій Мнишекъ. Наконецъ, поѣздъ замыкали около тридцати придворныхъ служителей и девять каретъ съ дѣвушками будущей царицы. Передъ кремлевскими воротами стояло 50 трубачей и 40 бубенщиковъ, которые всѣ сразу трубили и били въ бубны; къ этому присоединялся еще звонъ колоколовъ во всѣхъ церквахъ. Среди такого гула и гама Марина въѣхала въ Кремль Фроловскими, нынѣ Спасскими, воротами и остановилась въ Вознесенскомъ монастырѣ у вдовствующей царицы Марѳы; при ихъ первомъ свиданьѣ присутствовалъ и самъ государь. Здѣсь невѣста Димитрія оставалась почти до самой коронаціи.

Торжественный пріемъ въ Москвѣ и споръ о титулѣ.

На слѣдующій же день передъ обѣдомъ состоялся у государя пріемъ въ Грановитой палатѣ польскихъ гостей, пріѣхавшихъ съ Мариной, и пословъ Сигизмунда III. Кругомъ около стѣнъ устроено было пять ступеней, покрытыхъ большими турецкими коврами; здѣсь на скамьяхъ сидѣло до семидесяти бояръ, а подлѣ нихъ, насупротивъ великаго князя, на тѣхъ же ступеняхъ стало сотни полторы дворянъ, всѣ въ парчевыхъ кафтанахъ и высокихъ „горлатныхъ“ шапкахъ изъ черной лисицы. Справа отъ государя, шагахъ въ десяти, сидѣлъ на креслѣ патріархъ, а подалѣе сидѣли митрополитъ ростовскій Филаретъ съ владыками, числомъ до 20; еще далѣе за ними стояло нѣсколько десятковъ торговыхъ людей столицы. Тронъ для государя стоялъ на возвышеніи, къ которому вели три ступени. Димитрій I сидѣлъ въ коронѣ со скипетромъ въ рукѣ, а у ногъ красовалось два серебряныхъ льва. Рядомъ съ тономъ сталъ мечникъ съ обнаженнымъ мечемъ, а нѣсколько впередъ по бокамъ четыре рынды въ длинныхъ одеждахъ изъ бѣлаго бархата, опушенныхъ горностаевымъ мѣхомъ, въ рысьихъ шапкахъ, съ

двумя цѣпями на-крестъ и сѣкирами на плечо. Польскихъ гостей встрѣчалъ у дверей дворецкій, князь Рубецъ-Масальскій, а великій дьякъ Аѳанасій Власьевъ вызывалъ по списку къ цѣлованію царской руки. Отъ всего двора невѣсты привѣтствовалъ Димитрія Мартынъ Стадницкій. Затѣмъ ждали пословъ Сигизмунда III. Когда они вошли въ сѣни, то Димитрій выслалъ къ нимъ Сандомирскаго воеводу и требовалъ, чтобы величали его царемъ. Юрій Мнишекъ нѣсколько разъ ворочался и опять уходилъ, но послы не поддавались. Въ концѣ концовъ всетаки пришлось допустить ихъ до аудіенціи. Олесницкій, кастелянъ Малагоскій, передалъ великому князю братскій поклонъ отъ короля и вручилъ вѣрительную грамоту безъ царскаго титула. Тогда, по приказу Димитрія, держалъ отвѣтъ Аѳанасій Власьевъ, говоря просто о Сигизмундѣ польскомъ, и отдалъ грамоту посламъ обратно. Оба посла выразили готовность вернуться назадъ въ Польшу и утверждали, что опущеніемъ королевскаго титула государь оскорбляетъ и Сигизмунда III, и его пословъ, и всю Рѣчь Посполитую. Тутъ въ споръ вмѣшался самъ Димитрій, велѣвъ снять съ себя корону. Онъ называлъ себя теперь не княземъ, не государемъ, даже не царемъ, а императоромъ и увѣрялъ, что этимъ титуломъ, даннымъ ему отъ Бога, величаютъ его всѣ монархи, кромѣ одного только польскаго короля. Панъ Малагоскій, прежде чѣмъ отвѣчать, напомнилъ о себѣ государю, что онъ полякъ, человѣкъ свободнаго народа, и привыкъ говорить открыто. Послѣ этой оговорки, посолъ сталъ доказывать, что сами предки Димитрія никогда не писались иначе, какъ великими князьями, и что Сигизмунду нечего словами доказывать свою дружбу, когда онъ на дѣлѣ вмѣстѣ со своими подданными посадилъ царевича на престолъ. Онъ призывалъ Бога и думныхъ бояръ въ свидѣтели, что государь самъ дѣлаетъ первый шагъ къ разрыву съ Рѣчью Посполитой и беретъ на себя отвѣтственность за кровопролитіе. Димитрій со

своей стороны допускалъ, что замыслы, созрѣвшіе было противъ невѣрныхъ, ему придется отнынѣ направить на Сигизмунда, и заранѣе слагалъ всю вину за кровопролитіе на польскаго короля, умаляющаго его титулъ. По мнѣнію Олесницкаго, король не могъ безъ согласія польскихъ чиновъ измѣнить обычая, и Димитрію съ съ его притязаніями слѣдовало бы послать посольство на сеймъ. Потомъ въ споръ вмѣшался еще Аѳанасій Власьевъ, и всѣ трое говорили одновременно, не слушая другъ друга. Въ концѣ концовъ Димитрій рѣшился отложить до другого времени свои счеты съ королемъ и ввиду предстоящей свадьбы призналъ Олесницкаго и Госѣвскаго послами, даже принялъ отъ нихъ вѣрительную грамоту. О предложеніяхъ Сигизмунда послы должны были особо совѣщаться съ думными боярами въ Отвѣтной палатѣ. Государь въ знакъ своего расположенія послалъ Олесницкому и Госѣвскому на домъ со своего стола до ста кушаній на золотѣ, но на взглядъ поляковъ эти русскія кушанья не стоили и глиняной утвари. Поляки, пріѣхавшіе съ Мариной, были въ этотъ день приглашены въ новыя деревянныя хоромы Димитрія, выстроенныя имъ надъ самой Москвой рѣкой. Гости застали его въ одной изъ комнатъ на возвышеніи за столикомъ, окованнымъ золотомъ. На царѣ была высокая шапка, вѣроятно, „мурмолка“, изъ черной лисицы, а подъ ней ермолка („тафья“), выложенная жемчугомъ съ крупнымъ сапфиромъ впереди, отъ котораго висѣла книзу огромная жемчужина и препятствовала шапкѣ съѣзжать на глаза. Димитрій принялъ ихъ здѣсь попріятельски и подалъ каждому руку, приподнимая шапку. Затѣмъ всѣ направились въ столовую избу на обѣдъ.

Сношенія съ папой и планы Димитрія.

Обмѣниваясь посольствами съ Польшей, царь Димитрій старался одновременно выяснить и свои новыя отношенія къ католической церкви. Въ маѣ 1605 года на папскій престолъ вступаетъ Камилло Боргезе подъ именемъ Павла V и тотчасъ же проявляетъ интересъ и

сочувствіе къ дѣлу Димитрія. Кардиналъ Валенти потребовалъ для него подробныхъ свѣдѣній о царевичѣ у нунція Рангони. Но Павелъ V не сталъ дожидаться отвѣта и 12 іюля первый обратился къ Димитрію съ письмомъ. Съ августа мѣсяца папа шлетъ письма Сигизмунду III, краковскому епископу кардиналу Мацѣйовскому, воеводѣ Мнишку, одобряетъ все сдѣланное и проситъ ихъ поддерживать царя, дабы въ Москвѣ скорѣе была провозглашена унія церквей. Димитрій съ своей стороны идетъ на встрѣчу политической традиціи Рима. Въ январѣ 1606 г. онъ шлетъ къ папѣ іезуита Андрея Лавицкаго, проситъ Павла V быть посредникомъ и уладить споръ съ Сигизмундомъ III изъ-за императорскаго титула; царь ищетъ союза съ Польшей и собирается вести войну противъ турокъ. Если на престолѣ Димитрій уже критиковалъ папу и черезъ протестанта Бучинскаго втягивался въ сношенія съ англичанами, онъ однако никогда не порывалъ союза съ іезуитами. Царь только становился требовательнѣе. Католическая церковь стала его золотой рыбкой: онъ, кажется, ждалъ отъ нея еще польской короны и Византіи съ императорскимъ титуломъ. Вопросъ, стоявшій на очереди, шелъ о томъ, приметъ ли римская курія въ распрѣ между Димитріемъ I и Сигизмундомъ III сторону русскаго царя. Но не папа, а только римскіе іезуиты рѣшились величать великаго князя императоромъ.

Коронація Марины и свадьба.

Между тѣмъ приближалось вѣнчаніе Марины. Уже осенью 1605 года Димитрій въ письмѣ, посланномъ съ секретаремъ Бучининскимъ, просилъ у Рангони разрѣшенія для своей невѣсты пріобщиться въ день коронаціи изъ рукъ патріарха и посѣщать православныя церкви. По почину Сандомирскаго воеводы у нунція собранъ былъ небольшой богословскій совѣтъ изъ кардинала Мацѣйовскаго, отца Савицкаго и еще одного бернардинца. На вопросъ, въ правѣ ли папа дать разрѣшеніе, испрашиваемое для Марины, собраніе отвѣ-

чало утвердительно. По мнѣнію этого частнаго кружка богослововъ, общеніе въ таинствахъ съ некатоликами запрещено не божественнымъ правомъ, а церковными канонами, и папа можетъ въ этой области сдѣлать исключеніе. Чтобы не было соблазна, достаточно, если Марина, принимая причастіе изъ рукъ патріарха, заявитъ, что она не перемѣнила вѣры. Въ общемъ, рѣшено было просить Димитрія не настаивать на причастіи, а передъ папой, напротивъ, ходатайствовать о разрѣшеніи. Нунцій Рангони въ январѣ 1606 года переслалъ протоколъ этого совѣщанія въ Римъ, и дѣло дошло до инквизиціи. Св. Судилище засѣдало 2-го марта нов. ст. подъ пресѣдательствомъ Павла V, и всѣ голоса, кромѣ одного, дали отрицательный отвѣтъ, высказываясь противъ пріобщенія царской невѣсты по православному обряду. Съ другой стороны, часть русскаго духовенства въ лицѣ Гермогена, митрополита Казанскаго, не хотѣла удовлетвориться помазаніемъ Марины мvромъ и требовала крещенія еретички. Въ дѣйствительности обѣ стороны принуждены были сдѣлать уступки. Московское духовенство удовлетворилось вѣнчаніемъ Марины на царство съ мvропомазаніемъ, какъ бы присоединявшимъ въ то же время католичку къ православію, а царская невѣста зато, по свидѣтельству Филарета Романова, пріобщилась за обѣдней, хотя можетъ быть и съ мысленной оговоркой, что она тѣмъ самымъ еще не перемѣняетъ своей католическй вѣры. Передъ свадьбой Марина изъ Вознесенскаго монастыря переѣхала въ свои будущіе покои въ новомъ дворцѣ; при входѣ ее встрѣчали княгини Мстиславская и Шуйская, набѣленныя и нарумяненныя, съ искусственными бровями на половинѣ лба. Черезъ два дня, 8/18 мая, состоялась въ Успенскомъ соборѣ коронація Марины и царская свадьба.

Брачный пиръ царя и его рѣчи.

Брачный пиръ былъ отпразднованъ только лишь на слѣдующій день въ Грановитой палатѣ. Димитрій пригласилъ было на обѣдъ Олесницкаго

и Госѣвскаго, но послы заявили требованіе, чтобы ихъ посадили за одинъ столъ съ царемъ и царицей подобно тому, какъ сидѣлъ въ Краковѣ Власьевъ на свадьбѣ короля. Изъ-за этого опять завязался споръ. Къ посламъ пріѣхалъ даже самъ Власьевъ, но и тотъ не могъ убѣдить ихъ сдѣлать уступку. Они рѣшили вовсе не ѣхать на пиръ, такъ какъ въ королевскомъ наказѣ было прямо сказано, что по крайней мѣрѣ старшій посолъ, кастелянъ Малагоскій, непремѣнно долженъ сидѣть у одного стола съ Димитріемъ. Обѣдъ въ пятницу 9-го мая, то есть въ Николинъ день, начался нерано, такъ какъ царь, по русскому обычаю, тѣшился баней. На возвышеніи передъ двумя престолами поставленъ былъ узкій столъ, за который сѣли Димитрій и Марина. На три ступени ниже, вдоль стѣнъ, стояли узскіе столы для гостей. Тарелокъ не было, а лежали только ковриги бѣлаго хлѣба; ножи надо было приносить съ собой. У дверей помѣстились музыканты, которыхъ привезъ съ собой староста Саноцкій. Когда всѣ сѣли за столы, вышло тридцать паръ стольниковъ въ лисьяхъ шапкахъ, поклонились государю и ушли за блюдами. Затѣмъ два кравчихъ принесли на царскій столъ нѣсколько блюдъ съ нарѣзаннымъ хлѣбомъ и стали разносить его каждому по куску отъ имени царя. Тутъ появились и стольники съ кушаньями. Москвичи ѣли горстями съ блюдъ, а поляки изъ ковригъ хлѣба понадѣлали себѣ тарелокъ. Кости бросались на скатерть, подъ столъ или обратно на блюда. Для гостей ставилось сразу по два, по три кушанья на золотыхъ блюдахъ, но постная ѣда пришлась полякамъ не по вкусу. Рыба была по большей части соленая, то вареная, то жареная, но всегда политая медомъ. Напитки подавали въ золотыхъ чарахъ, сначала водку, потомъ вина, венгерское и французское, а также меды. Когда государь пилъ за присутствовавшихъ поляковъ, то въ первый разъ приносили золотыя чарки съ напитками имъ къ столу, но во второй разъ они сами поочередно

подходили къ Димитрію, брали чарки у него изъ руки и тутъ же, стоя, осушали ихъ. Къ концу обѣда передъ царемъ поставили двѣ чаши квашенныхъ сливъ. Тридцать паръ стольниковъ попарно подходили теперь къ нему, и государь каждому давалъ по двѣ сливы. Москвичи разошлись, а поляковъ Димитрій удержалъ еще въ своихъ покояхъ, куда потребовалъ вина и музыку. Здѣсь онъ пилъ за каждаго въ отдѣльности, по пріятельски бесѣдовалъ и шутилъ съ ними. Димитрій при этомъ посмѣивался надъ иностранными монархами. Упомянулъ о германскомъ императорѣ, Рудольфѣ II, что онъ никому не показывается и еще большій чудакъ, чѣмъ Сигизмундъ III; папу онъ упрекалъ за то, что велитъ цѣловать себѣ ногу. Тутъ же царь называлъ себя другомъ Александра Великаго, хотя его и нѣтъ въ живыхъ, и жалѣлъ только, что не можетъ помѣриться съ нимъ силами. Подконецъ Димитрій велѣлъ отворить двери въ сѣни, гдѣ были польскіе жолнеры, благодарилъ ихъ за рвеніе, пилъ за ихъ здоровье и говорилъ о томъ, что всѣ монархи держатся солдатами и военными людьми, благодаря имъ добываютъ себѣ славу, увеличиваютъ государства. Жолнеры попросили тогда позволенія ломать копья въ честь Димитрія. Тутъ началась военная потѣха, а кое-кто изъ наблюдавшихъ ее москвичей толковалъ дѣло такъ, что это поляки готовятся ударить на нихъ на будущей недѣлѣ. Въ общемъ и для царскихъ пріемовъ, и для пировъ Димитрій удержалъ старые московскіе обычаи. Только появленіе иногда за столомъ блюдъ съ телятиной, постоянное участіе музыки, польскіе танцы и турниры вносили чужеземный духъ въ обряды отцовъ.

Примиреніе съ посламй Сигизмунда.

Чтобы положить конецъ натянутымъ отношеніямъ съ дворомъ, Олесницкій и Госѣвскій устроили совѣщаніе у Сандомирскаго воеводы съ другими поляками; рѣшено было, что Юрій Мнишекъ выступитъ посредникомъ. Дѣйствительно, въ воскресенье 11/21 мая, когда послы поѣхали подносить Маринѣ королевскіе

подарки, они были опять приглашены на обѣдъ къ царю. Тотчасъ же возникли пререканія объ ихъ мѣстахъ на пиру: Димитрій и на этотъ разъ не хотѣлъ было сажать ихъ за свой столъ, а Олесницкій напоминалъ, что онъ замѣститель своего короля на свадьбѣ. Тутъ вмѣшался Юрій Мнишекъ. Въ концѣ концевъ согласились поставить для кастеляна Малагоскаго особый столикъ, немного ниже царскаго; между нимъ и Димитріемъ стоялъ сзади мечникъ Михаилъ Скопинъ-Шуйскій. Госѣвскій сидѣлъ за другимъ столомъ, на четыре ступени ниже, со спутниками Марины. На этотъ разъ обѣдъ былъ скоромный. Подавали сразу по два, по три блюда, въ цѣломъ тринадцать кушаній, не считая сладкаго. Тутъ было мясо лебедей, тетеревовъ, куръ, зайца, баранина, свинина, пироги съ мясомъ и пироги съ яйцами и творогомъ. Послѣ перваго блюда юный кравчій, князь Хворостининъ, красивый любимецъ Димитрія, дважды переодѣвавшійся втеченіе обѣда въ парчевые наряды, принесъ царю чудный бокалъ изъ горнаго хрусталя. Государь, вставъ и снявъ тафью, обратился къ Олесницкому и поднялъ бокалъ за здоровье Сигизмунда III, а выпилъ сидя, съ покрытой головой; потомъ протянулъ чашу вина послу, который долженъ былъ подняться за ней. Когда Димитрій такъ же обратился къ другому послу, то Госѣвскій сначала не соглашался было итти къ царю за чашей, но долженъ былъ уступить, чтобы избѣжать какихъ-либо оскорбительныхъ выходокъ. Потомъ царь пилъ сразу со всѣми спутниками Марины, и поляки поочередно подходили къ нему за чаркой, а онъ передъ каждымъ снималъ ермолку. Въ заключеніе Димитрій по обычаю раздавалъ соленыя сливы стольникамъ.

Переговоры съ послами Сигизмунда.

За два дня до гибели царя состоялся первый обмѣнъ мнѣній между Олесницкимъ, Госѣвскимъ и московскими боярами въ Отвѣтной палатѣ; въ переговорахъ участвовали князь Димитрій Шуйскій, князь Михаилъ Масальскій, Михаилъ Татищевъ и дьяки Власьевъ

и Грамотинъ. Послы отъ имени Сигизмунда III поставили вопросъ, какъ скоро, съ какими силами и какимъ путемъ намѣревается царь начать войну противъ невѣрныхъ; съ своей стороны они готовы были сообщить условія, на которыхъ польскій король согласенъ заключить союзъ съ Москвой. Послѣ краткаго совѣщанія съ Димитріемъ, бояре отвѣчали полякамъ, что царь намѣренъ въ скоромъ времени лично договориться съ ними объ этихъ дѣлахъ. Условія польскаго короля по наказу посламъ сводились къ требованіямъ, чтобы Димитрій I вернулъ Сигизмунду Смоленскъ и княжество Сѣверское. Псковъ и Великій Новгородъ или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую часть этихъ земель. Далѣе, царь долженъ былъ помогать ему овладѣть королевствомъ Швеціей. За это король сулилъ свою помощь противъ татаръ и на борьбу съ турецкимъ султаномъ. Въ случаѣ смерти Сигизмунда, Рѣчь Посполитая могла приступить къ избранію новаго короля только послѣ соглашенія съ Московскимъ государемъ, а если Димитрій умретъ, не оставивъ мужского потомства, то его престолъ достается польскому королю. Такъ какъ въ предѣлахъ Польши есть православныя церкви, то и въ главныхъ городахъ Московскаго государства пусть будетъ дозволено строить католическіе костелы, а при нихъ школы и коллегіи для русскихъ дѣтей. На такія условія могъ еще согласиться царевичъ въ Польшѣ подъ давленіемъ нужды, но теперь, на престолѣ, Димитрій I уже притязаніями на императорскій титулъ ясно давалъ понять Сигизмунду и его посламъ, что онъ порвалъ со своимъ приниженнымъ прошлымъ.

Послѣдній пиръ Димитрія и отношеніе его къ посламъ.

Въ тотъ же день 15/25 мая царь устроилъ пиръ для друзей Марины и пригласилъ Олесницкаго. Онъ завѣрялъ кастеляна Малагоскаго, что на пиру не будетъ ни кесаря, ни посла, но на дѣлѣ Димитрій и Марина всетаки сидѣли за особымъ столомъ, а поляки служили имъ, какъ при дворѣ Сигизмунда. За столомъ съ Юріемъ Мнишкомъ и Олесницкимъ сидѣли дворец-

кій князь Василій Рубецъ-Масальскій, начальникъ стрѣлецкаго войска Петръ Басмановъ и старшій дьякъ Аѳанасій Власьевъ. Во время обѣда играла музыка. Послѣ стола Димитрій пошелъ танцовать съ Мариной; затѣмъ съ царицей прошлись въ танцѣ Сандомирскій воевода и кастелянъ Малагоскій. Царь удалился, чтобы перемѣнить московскій камлотовый кафтанъ и лисью шапку на польскій гусарскій нарядъ. Въ палату стала было протискиваться прислуга поляковъ, но государыня велѣла пригрозить толпившимся кнутомъ. Когда Димитрій въ гусарскомъ уборѣ снова пошелъ въ танецъ съ Мариной, то ухаживалъ за ними посолъ Олесницкій, не снимая мадъярской шапочки (магерки). Царю это не понравилось и черезъ гофмейстера Марины, пана Мартына Стадницкаго, онъ объявилъ полякамъ, что, кто будетъ танцовать въ шапкѣ, съ того онъ сниметъ ее вмѣстѣ съ головой. Кастелянъ Малагоскій понялъ, что посла больше не было, а кесарь остался, и началъ служить въ танцахъ съ непокрытой головой. Послѣ каждаго танца посолъ и всѣ гости кланялись государю въ ноги; Димитрій зорко слѣдилъ, чтобы никто не уклонялся отъ этихъ поклоновъ, и выраженіемъ лица обнаруживалъ то неудовольствіе, то поощреніе. Царь всегда соблюдалъ умѣренность въ винѣ, и теперь при полякахъ не былъ во хмѣлю.

Отношеніе къ іезуитамъ.

Достигши престола, Димитрій сталъ въ общемъ холоднѣе къ іезуитамъ, а послѣднее время даже избѣгалъ свиданій съ ними. Но какъ разъ въ этотъ день 15/25 мая онъ вдругъ призвалъ къ себѣ во дворецъ отца Савицкаго. Царь ходилъ взадъ и впередъ по опочивальнѣ и увлекъ за собой и собесѣдника. Онъ вернулся сначала къ своей любимой мысли просвѣтить московскихъ людей и основать ради этого теперь же коллегію. Но затѣмъ Димитрій перешелъ къ своимъ воинственнымъ замысламъ: хвалился своей стотысячной арміей и прибавилъ, что не знаетъ еще, придется ли поднять оружіе противъ невѣрныхъ или противъ какого-либо другого врага.

Тутъ онъ вдругъ началъ осыпать укорами Сигизмунда III за то, что тотъ отказываетъ ему въ императорскомъ титулѣ. Савицкій выразилъ надежду, что Провидѣніе не допуститъ гибельной вражды между двумя могущественными монархами. Чтобы лично говорить съ царемъ о дѣлахъ своего ордена, іезуитъ просилъ разрѣшить ему болѣе свободный доступъ во дворецъ. Тогда Димитрій открылъ дверь и приказалъ своему секретарю докладывать о Савицкомъ и свободно пропускать его каждый разъ, когда онъ явится. День склонялся уже къ вечеру, и государь, собираясь еще посѣтить свою мать, торопился покончить послѣднюю аудіенцію отца іезуита.

Слухи объ опасности

Между тѣмъ пошли слухи, что москвичи волнуются и собираются ударить на царя и поляковъ. Но поляки, бывшіе при особѣ Димитрія, не придавали этому значенія и твердо вѣрили въ любовь къ нему народа. Тогда Юрій Мнишекъ 16/26 мая рѣшился самъ предостеречь затя. Государь сухо встрѣтилъ заботливость и осторожные совѣты Сандомирскаго воеводы. Онъ чувствовалъ себя внѣ опасности на своемъ законномъ престолѣ; среди подданныхъ онъ не видѣлъ враговъ и сознавалъ за собой власть при первомъ подозрѣніи отнять жизнь у каждаго.

Димитрій наканунѣ смерти. Характеристика Нѣмоевскаго.

Вечеръ передъ погромомъ царь провелъ съ Нѣмоевскимъ. Станиславъ Нѣмоевскій, великій подстолій коронный, принялъ порученіе отъ сестры польскаго короля Анны продать Димитрію ея собраніе драгоцѣнныхъ камней—брилліантовъ, рубиновъ, жемчуга. Подстолій съ 15 спутниками пустился въ дорогу и везъ камни въ желѣзной шкатулкѣ завернутыми въ цвѣтную шелковую матерію. Близъ Орши онъ соединился съ поѣздомъ Мнишковъ, двигавшихся въ Москву, вмѣстѣ съ ними достигъ столицы, принялъ участіе въ свадебныхъ торжествахъ и оставилъ подробное описаніе жизни и личности царя Димитрія въ своемъ „Дневникѣ“. Вечеромъ, наканунѣ гибели царя, онъ вручилъ свои драгоцѣнности Димитрію, который

любовался камнями, сравнивалъ ихъ со своими и оставилъ шкатулку у себя для болѣе подробнаго осмотра. Государь очень ласково и чисто по-пріятельски бесѣдовалъ съ Нѣмоевскимъ до приближенія ночи, и оба не подозрѣвали, что черезъ восемь часовъ Димитрія не будетъ въ живыхъ, а подстолій попадетъ въ продолжительный плѣнъ на Бѣломъ озерѣ. Какъ тонкій наблюдатель, Нѣмоевскій оставилъ сжатую характеристику царя. Димитрій обладалъ нравомъ мягкимъ, доброжелательнымъ. Правда, онъ былъ склоненъ къ гнѣву, быстро и необузданно вспыхивалъ и тогда могъ казаться жестокимъ, но тотчасъ же становился милосерднымъ, когда встрѣчалъ смиреніе и уступчивость. Самъ—полонъ гордости и честолюбія, зато щедръ, впрочемъ чаще на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ: наобѣщавъ десятки тысячъ, охотно искалъ предлога для гнѣва, чтобы освободиться отъ даннаго слова. Въ образѣ жизни вообще умѣренъ, къ пьянству брезгливъ, напротивъ менѣе сдержанъ въ служеніи Венерѣ. Вокругъ себя и у другихъ любилъ пышность. Научнымъ образованіемъ не обладалъ, но умѣлъ читать по-русски и по-польски. Въ дѣлахъ житейскихъ обнаруживалъ и природный разсудокъ, и опытность. Отъ природы краснорѣчивъ, говорилъ много и охотно, но и выслушивалъ терпѣливо. Особенную склонность проявлялъ къ военному дѣлу, и даже бесѣда о войнѣ и войскѣ была для него удовольствіемъ. Любя въ людяхъ рыцарственность, мечталъ соревновать и состязаться со всѣми великими полководцами; съ неудовольствіемъ выносилъ, чтобы хвалили какого-либо выдающагося человѣка его времени. При большой храбрости и немалой силѣ, отличался впечатлительностью и живостью, даже спалъ мало. Московскому государству собирался дать новые законы, право писанное, а боярамъ болѣе свободы. Думалъ вызвать ученыхъ изъ чужихъ краевъ, въ особенности изъ Франціи, чтобы облагородить и цивилизовать грубые нравы своихъ подданныхъ. Въ дѣлахъ

вѣры не проявлялъ особой ревности. Съ юности сталкиваясь съ людьми различныхъ исповѣданій и объединяя ихъ при своемъ дворѣ, самъ исповѣдовалъ православіе, но не приспособлялся къ вѣрованіямъ простого народа. Роста былъ ниже средняго, съ круглымъ, смуглымъ лицомъ и сумрачнымъ взглядомъ маленькихъ глазъ; съ русыми волосами, безъ усовъ и безъ бороды, онъ, несмотря на молодость, имѣлъ въ лицѣ что-то бабье. Своими налогами начиналъ уже становиться тяжелымъ для населенія. Престола достигъ лишеніями и тяжкой борьбой и умеръ на 24-омъ году жизни 17/27 мая 1606 года, послѣ разсвѣта. Царствовалъ всего 11 мѣсяцевъ, съ женой жилъ только 9 дней. Вотъ образъ Димитрія, какъ его сохранилъ Нѣмоевскій послѣ двухнедѣльнаго общенія съ нимъ.

Недовольные Димитріемъ въ Польшѣ и въ Москвѣ.

Царю не удалось милосердіемъ привязать къ себѣ бояръ-княжатъ. Шуйскіе, вернувшись изъ ссылки, дѣятельно подготовляли мятежъ. Безобразовъ, пріѣхавшій въ началѣ 1606 года въ Польшу гонцомъ, жаловался отъ имени Шуйскихъ и Голицыныхъ на жестокость и распутство Димитрія и просилъ дать на московскій престолъ королевича Владислава. Правда, польское войско, пришедшее съ царемъ на Москву лѣтомъ 1605 года, уже получило обѣщанную плату и было распущено. Эти жолнеры, гусары и пятигорцы кричали даже на родинѣ о неблагодарности Димитрія. Въ особенности сильно жаловался теперь князь Адамъ Вишневецкій. Онъ пріѣхалъ въ столицу осенью, чтобы получить десятки тысячъ рублей, будто бы данныя имъ царевичу взаймы, но не могъ добиться уплаты и за свои нареканія на царя былъ даже высланъ. Напротивъ, москвичи косились на Димитрія за его щедрость къ полякамъ. Появленіе въ столицѣ Мнишковъ съ цѣлымъ войскомъ спутниковъ опять расшевелило въ московскихъ людяхъ ненависть къ Литвѣ. Свадебные гости докучали жителямъ столицы своей распущенной жизнью. Поляки обращались съ москвичами заносчиво, будто съ поддан-

ными, затѣвали ссоры и драки, а въ пьяномъ видѣ прибѣгали къ насиліямъ противъ замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ. Погромъ поляковъ подготовлялся исподволь. Еще на ночь передъ четвергомъ 15/25 мая было назначено нападеніе на нихъ: около двора князя Константина Вишневецкаго собралась было даже тысячная толпа, но на этотъ разъ что-то еще помѣшало ей. Съ того времени и послы, и самъ Юрій Мнишекъ стали постоянно держать у себя наготовѣ стражу. Все это расчистило почву для заговора противъ царя. Князь Василій Шуйскій всегда былъ друженъ съ московскими купцами. Теперь онъ нашелъ себѣ еще союзниковъ среди духовенства, встревоженнаго доносами епископовъ Пшемыслскаго и Львовскаго о сношеніяхъ царя съ католиками. За боярами и духовенствомъ пошли служилые люди Пскова и Новгорода. Есть извѣстіе, что заговорщики, подъ предлогомъ Крымскаго похода, стянули до 18 тысячъ войска близъ Москвы и ночью впустили его разными воротами въ городъ. Наконецъ, противъ Литвы поднялся и весь „міръ“, то-есть преимущественно черные посадскіе люди.

Возстаніе 27 мая 1606 г.

На разсвѣтѣ 17/27 мая въ городѣ поднялась тревога. Одни кричали, что въ Кремлѣ пожаръ, другіе—объ измѣнѣ, о нападеніи литвы на бояръ. „Міръ“ сбѣгается, а въ Кремлѣ ударяютъ въ набатъ на всѣхъ колокольняхъ. Поляки еще спали или только что начинали подыматься, а тѣмъ временемъ около двухъ сотъ бояръ и дворянъ московскихъ, вовлеченныхъ въ заговоръ Василіемъ Шуйскимъ, осуществляли свой замыселъ. Шуйскій со своими приверженцами, которые были достаточно вооружены и образовали цѣлые отряды со знаменами, ворвался въ Кремль черезъ незапертыя ворота; за ними валили черные люди, собранные съ различныхъ посадовъ и деревень будто бы по царскому приказу на торжественное зрѣлище. Нѣсколько десятковъ стрѣльцовъ стояло у воротъ для стражи. Воткнувши топоры въ бревно, а ружья въ чехлахъ прислонивши

къ стѣнѣ, они стояли съ однѣми только дубинками и теперь разбѣжались. Пятьдесятъ нѣмецкихъ аллебардщиковъ помѣщалось въ подвалѣ подъ новыми царскими хоромами; они также побросали аллебарды и разсѣялись. Петръ Басмановъ, спавшій послѣднее время передъ покоями Димитрія, былъ прежде всего убитъ въ дверяхъ.

Смерть Димитрія.

Царь спалъ сзади своихъ комнатъ на половинѣ у Марины. Выскочивши на шумъ и убѣдившись, что измѣнники уже выбиваютъ двери, Димитрій побѣжалъ назадъ галлереей, мимо спальни царицы, и успѣлъ ей только крикнуть: „Сердце мое, измѣна!“ Позади покоевъ Марины была баня; отсюда царь сталъ было спускаться внизъ по столбу, но, второпяхъ или вслѣдствіе удара кого-либо изъ заговорщиковъ сверху, скользнулъ, упалъ съ вышины футовъ въ двадцать и лишился чувствъ. Стрѣльцы подняли его внизу, привели въ чувство и понесли было опять наверхъ. Тщетно царь молилъ ихъ защитить его отъ Шуйскихъ и поставить на Лобномъ мѣстѣ говорить съ міромъ. Къ нимъ уже подоспѣли бояре, проводили его назадъ въ покои, а тамъ толпа убила его: одинъ выстрѣлилъ ему въ животъ, другіе рубили или кололи его, третьи просто били и терзали. Челядь бояръ вытащила мертваго царя въ сѣни къ трупу Басманова и, сорвавъ съ обоихъ одежды, поволокла ихъ за ноги изъ Кремля. На пути къ Красной площади у Вознесенскаго монастыря толпа остановилась, вызвала инокиню Марѳу Нагую и допытывалась, ея ли это сынъ. Для названной матери Димитрія не было болѣе смысла отстаивать мертвеца. Черные люди въ общемъ были расположены къ умершему. Чтобы оправдаться передъ этимъ „міромъ“, бояре перечисляли толпѣ всѣ вины убитаго царя: онъ, еретикъ, безбожникъ и разстрига, хотѣлъ погубить православную вѣру и всѣхъ обратить въ католичество, подчинить папѣ, а изъ церквей понадѣлать костеловъ. Самъ онъ ѣлъ телятину, хранилъ подъ кроватью идоловъ, то-есть въ сущности маскарадныя маски, найденныя

во дворцѣ. Всѣхъ-то думныхъ бояръ онъ собирался перебить, а ихъ мѣста и земли раздать польской шляхтѣ; недаромъ подъ предлогомъ проводить царскую невѣсту наѣхало столько поляковъ съ оружіемъ и знаменами, не считая прежде бывшихъ.

Разгромъ поляковъ

Чтобы отвлечь отъ себя вниманіе, заговорщики призывали „міръ“ ударить на поляковъ и овладѣть ихъ богатствомъ и драгоцѣнностями. Толпа, ворвавшаяся въ Кремль вслѣдъ за Шуйскимъ, во время расправы бояръ съ Димитріемъ разграбила покои царя и царицы. Марина еще успѣла спрятаться, но ея спальникъ Осмольскій былъ убитъ, а польскихъ дамъ и дѣвицъ спасло отъ оскорбленій только появленіе бояръ. Въ то же время, по призыву заговорщиковъ, весь „міръ“ бросился отыскивать жилища поляковъ. Дворяне самой царицы, жили вмѣстѣ съ паномъ Склинскимъ у самаго Кремля. Послѣ ночного пира они съ похмелья, еще съ тяжестью въ головѣ, встрѣтили непріятеля. Обманутые обѣщаніями толпы пощадить ихъ жизнь, эти поляки выбросили осаждавшимъ свое серебро, одежды и другое добро, а затѣмъ выдали имъ и оружіе. Тогда москвичи обобрали ихъ до-нага, поотрубали кому голову, кому ногу или руку и бродили по дому въ польской крови. Михаилъ Ратомскій и Свирскій спаслись, но потеряли имущество. Королевскимъ посламъ на Посольскомъ дворѣ и воеводѣ Сандомирскому въ Кремлѣ удалось отстоять свои жилища; подоспѣвшіе сюда бояре взяли ихъ самихъ даже подъ свою защиту. Князь Константинъ Вишневецкій предоставилъ нижніе покои своего дома толпѣ на разграбленіе, а самъ съ многочисленной челядью оборонялся въ верхнемъ этажѣ; подъ ихъ выстрѣлами пало, напримѣръ, полсотни москвичей при выходѣ изъ сокровищницы князя съ награбленнымъ столовымъ серебромъ и утварью. Тогда осаждающіе подкатили пушки и стали стрѣлять безъ особаго успѣха; тутъ пріѣхалъ Василій Шуйскій съ боярами и выручилъ князя. Ксендзъ Помаскій совершалъ мессу, когда его дворъ тоже под-

вергся нападенію. И здѣсь хозяева предоставили толпѣ свободу грабить въ нижнихъ покояхъ. Но грабители къ концу мессы всетаки ворвались наверхъ, сорвали съ Помаскаго облаченіе и забрали все, что можно; новая шайка, не находя болѣе добычи, убила брата Помаскаго, а самому ксендзу нанесла раны, отъ которыхъ онъ на третій день и померъ. Въ самомъ Кремлѣ народъ бросился на музыкантовъ, привезенныхъ старостою Саноцкимъ, и перебилъ ихъ почти всѣхъ. Дворъ іезуитовъ тоже подвергся нападенію. Савицкій былъ одинъ дома и временно укрылся пососѣдству у литовскихъ купцовъ, а на слѣдующій день перебрался къ послу Госѣвскому. Только къ полудню сталъ, наконецъ, стихать погромъ; за нѣсколько часовъ всего погибло поляковъ, вмѣстѣ съ челядью, по меньшей мѣрѣ до пятисотъ человѣкъ.

Стихійный народный мятежъ устремился на поляковъ, а противъ Димитрія былъ направленъ только обдуманно подготовленный заговоръ бояръ. Вотъ почему, послѣ дворцоваго переворота, на провозглашеніе князя Василія Шуйскаго боярскимъ царемъ Сѣверская украйна и Поле тотчасъ же отвѣтили бунтомъ, а потомъ и новымъ Лжедимитріемъ.

Противорѣчія въ личности и жизни Димитрія.

Тайный католикъ, православный на показъ и въ высшей степени терпимый къ протестантамъ, Димитрій I и на престолѣ въ глубинѣ души оставался въ сущности совершенно равнодушнымъ ко всѣмъ различіямъ вѣроисповѣданій. Какъ въ Польшѣ онъ вращался то среди антитринитаріевъ, то между послѣдователями Лойолы, такъ и на пути въ Москву царевичъ одинаково ждалъ чуда и отъ частицы животворящаго креста, врученнаго ему іезуитомъ, и отъ иконы Божьей Матери, перенесенной изъ Курска въ Путивль. Недаромъ онъ увлекался Александромъ Македонскимъ: чтобы слить поляковъ и русскихъ подъ своею властью, пришлось бы подражать синкретизму античнаго завоевателя. Подъ гнетомъ прошлаго и настоящаго новый царь учился

соблюдать равновѣсіе между всѣми силами, которыя или доставили бы ему корону, или способны были ежеминутно смыть его съ престола. Іезуитъ Чижовскій привѣтствовалъ Димитрія въ день коронаціи по-польски отъ имени войска, а государь самъ передавалъ своимъ вельможамъ по-русски смыслъ каждаго слова. Нѣмецкій пасторъ Бэръ во дворцѣ царя произнесъ первую лютеранскую проповѣдь, а довѣренный секретарь Димитрія, Станиславъ Бучинскій,—тоже былъ протестантомъ. Но въ то же время женихъ Марины старается добиться у нунція Рангони разрѣшенія для своей будущей супруги пріобщиться изъ рукъ патріарха и посѣщать православныя церкви, жертвуетъ соболями на построеніе Успенскаго собора во Львовѣ. Напротивъ, въ Польшѣ шли слухи, будто бы Московскій царь сдружился съ анабаптистами, а графъ Александръ Рангони, цѣловавшій на аудіенціи 19 февраля н. с. 1606 года руку тому Димитрію, который 24 апрѣля 1604 года готовъ былъ лобызать ноги его дядѣ, папскому нунцію Клавдію Рангони, имѣлъ основаніе опасаться, что протестантъ Бучинскій сумѣетъ выписать техниковъ и ремесленниковъ изъ Англіи, если царь не добудетъ ихъ отъ папы. Своимъ пристрастіемъ къ полякамъ и польскому складу жизни Димитрій I отшатнулъ отъ себя господствующіе классы Московскаго государства, а бракомъ съ католичкой Мариной подвергъ испытанію самую вѣрность своихъ подданыхъ. Сложный политическій замыселъ—объединить европейскіе народы ради крестоваго похода противъ турокъ — требовалъ прежде всего прочнаго союза съ Польшей, но вмѣсто этого тщеславное домогательство императорскаго титула быстро вело царя къ разрыву съ Сигизмундомъ III. Раздраженный отказомъ короля, Димитрій I сталъ потворствовать происканъ противъ него польской знати и среди помысловъ о войнѣ съ Рѣчью Постолитой былъ низвергнутъ партіей Шуйскихъ и убитъ. Вотъ противорѣчія, въ которыхъ запутался даровитый иска-

тель приключеній въ силу необходимости добывать себѣ русско-православный вѣнецъ при поддержкѣ поляковъ и іезуитовъ. Фантастическіе планы—присвоить себѣ императорскій титулъ, какъ переводъ царскаго, быть можетъ даже объединить Россію и Польшу подъ однимъ скипетромъ и во главѣ всей Европы двинуться въ крестовый походъ на турокъ—сдѣлали его политическое положеніе окончательно невозможнымъ. Димитрій увлекся попыткой вывести русскій народъ изъ мрака и разобщенности его существованія путемъ воссоединенія съ римской церковью. Успѣхъ не оправдалъ его средства. Россія ждала преобразователя, независимаго отъ папства.

Проф. *Е. Н. Щепкинъ.*

Вопросъ о личности царя Димитрія I.

Вопросъ о личности царя Димитрія I все еще не рѣшенъ и попрежнему порождаетъ споры и разногласія среди историковъ. Впрочемъ, подавляющее большинство новѣйшихъ изслѣдователей въ своихъ общихъ выводахъ стоитъ уже довольно близко другъ къ другу. Историографъ *Н. М. Карамзинъ* и проф. *С. М. Соловьевъ* положили въ основаніе своихъ взглядовъ торжественныя заявленія царей Бориса и Василія Шуйскаго, что Димитріемъ назвался бѣглый діаконъ Чудова монастыря, Григорій Отреньевъ. Оба историка уклонились при этомъ отъ попытки приподнять отвратительную личину, которой враги царя-разстриги прикрыли для потомства своеобразныя черты даровитаго и отважнаго самозванца. Но если Н. М. Карамзинъ считалъ Отрепьева одиноко стоявшимъ бродягой, то С. М. Соловьевъ, напротивъ, предполагалъ во всемъ дѣлѣ происки бояръ противъ Бориса. Карамзинъ и Соловьевъ.

Въ противоположность русскому церковно-государственному преданію, иностранцы-современники, увлеченные въ свое время обаяніемъ и успѣхами царя Димитрія, изображали его героической, почти царственной личностью. Слѣдуя иностраннымъ свидѣтельствамъ о Димитріи I, польскіе изслѣдователи XIX-го вѣка, *Нѣмцевичъ* и *Новаковскій*, мало знакомые съ русскими лѣтописями, сказаніями, повѣстями, житіями и углицкимъ процессомъ, признавали его истиннымъ царевичемъ Углицкимъ, сыномъ Ивана Грознаго. Напротивъ, французскій писатель *Проспе́ръ Меримэ*, опираясь на нѣмецкую хронику Буссова, видѣлъ въ немъ Нѣмцевичъ и Новаковскій. Меримэ.

даровитаго самозванца, выходца изъ Бѣлоруссіи, впитавшаго въ себя польскую культуру, быть можетъ даже незаконнаго сына польскаго короля Стефана Баторія.

Костомаровъ. *Н. И. Костомаровъ* первоначально говорилъ о Лжедимитріи I, какъ о человѣкѣ московскаго происхожденія, но настойчиво отличалъ его отъ діакона Отрепьева; при этомъ онъ видѣлъ въ немъ игрушку бояръ-заговорщиковъ, не столько обманщика, сколько обманутаго и съ дѣтства воспитаннаго для будущей роли. Слѣдуя

Иконниковъ. этому ходу мыслей, *В. С. Иконниковъ* тогда же готовъ былъ признать Димитія истиннымъ царевичемъ. Позднѣе Н. И. Костромаровъ измѣнилъ свой взглядъ и, незамѣтно для себя, приблизился къ воззрѣніямъ Проспера Меримэ: опираясь на Буссова, онъ изображалъ теперь Лжедимитрія самозванцемъ, родомъ изъ Западной Руси, входившей въ составъ Польско-

Павловъ. Литовскаго государства. *Н. М. Павловъ* желая примирить обѣ точки зрѣнія, говорилъ о двухъ самозванцахъ сразу, о Гришкѣ Отрепьевѣ, подготовленномъ было боярами и высланномъ въ Польшу, и Лжедимитріи I, подставленномъ поляками и іезуитами и посаженномъ ими на Московскій престолъ. Такъ заканчивался обмѣнъ мнѣній о личности царя Димитрія въ шестидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія.

Казанскій. Въ началѣ его послѣдней четверти профессоръ Духовной Академіи *П. С. Казанскій* подвергъ весь вопросъ новому пересмотру и въ общемъ вернулся ко взглядамъ Карамзина и Соловьева. Но, признавая Лжедимитрія діакономъ Григоріемъ Отрепьевымъ, П. С. Казанскій старательно очистилъ его личность отъ клеветы Бориса Годунова и правительственныхъ грамотъ, отнюдь не впадая и въ идеализацію самозванца. Это не пьяница, не игрокъ въ кости, не воръ, который только изъ боязни смертной казни постригается въ монахи. Подъ перомъ Казанскаго, Отрепьевъ—впечатлительный мальчикъ таинственнаго происхожденія, одаренный богатой фантазіей, желѣзной волей и рѣдкой дерзостью ума;

можетъ быть, онъ даже только пріемышъ Отрепьевыхъ, а въ сущности незаконный ребенокъ болѣе знатнаго и вліятельнаго отца. Позади діакона Григорія даже нѣтъ политической партіи, нѣтъ бояръ съ ихъ происками противъ Бориса: онъ почти одинъ выноситъ на своихъ плечахъ весь этотъ замыселъ воскресить царевича Димитрія. Изслѣдованія П. С. Казанскаго подняли и укрѣпили вѣру въ великорусское происхожденіе Лжедимитрія I. Тщетно *Д. И. Иловайскій* старался снова дать перевѣсъ воззрѣніямъ Проспера Меримэ и Костомарова. Исходя отъ извѣстій хроники Буссова, онъ опять изображалъ въ лицѣ царя Димитрія выходца изъ Западной Руси, поляка по языку и культурѣ, едва ли даже не незаконнаго сына Стефана Баторія. Кромѣ Д. И. Иловайскаго въ настоящее время одинъ только львовскій историкъ *А. Гиршбергъ* надѣется еще отстоять этотъ взглядъ. Подавляющее большинство современныхъ изслѣдователей по Смутному времени считаетъ великорусское происхожденіе царя Димитрія I установленнымъ съ достаточной твердостью (о. *П. Пирлингъ*, S. J., *проф. С. Ѳ. Платоновъ*, *проф. В. С. Иконниковъ*, *проф. А. Брюкнеръ* въ Берлинѣ, *проф. Каро* въ Бреславлѣ, *проф. Е. Н. Щепкинъ*, *проф. Голубовскій*, *ак. А. И. Соболевскій*, *проф. Бодуэнъ де Куртенэ*, *прив.-доц. Пташицкій*, *гр. С. Д. Шереметевъ*, *А. С. Суворинъ*, *К. Валишевскій* и друг.). Письмо Димитрія къ папѣ Клименту VIII, написанное по-польски, но съ ошибками, выдающими русское, вѣроятнѣе всего прямо таки великорусское, происхожденіе царевича, было въ концѣ XIX вѣка обнародовано П. Пирлингомъ и нанесло ударъ авторитету Буссова. Всѣ, кто изо дня въ день сносились съ Димитріемъ: польскіе послы, Нѣмоевскій, отцы іезуиты, наконецъ, всѣ русскіе при его дворѣ, никогда не высказывали сомнѣній въ его московскомъ происхожденіи; только для однихъ онъ былъ царевичъ Димитрій, для другихъ Юрій, т. е. Георгій, во иночествѣ Григорій Отрепьевъ. Самъ *о.*

Иловайскій.

Гиршбергъ.

Отецъ П. Пирлингъ, S. J., Брюкнеръ.

Павелъ Пирлингъ, S. J., *проф. А. Брюкнеръ* вернулись теперь къ русскому преданію и прямо называютъ Лжедимитрія I инокомъ Отрепьевымъ. Въ то же время графъ

Шереметевъ.

С. Д. Шереметевъ, основываясь на неизданныхъ источникахъ, оживилъ было въ русской исторической литературѣ надежду доказать когда-нибудь подлинность царя Димитрія, спасшагося, быть можетъ, подъ именемъ инока Леонида. *А. С. Суворинъ* готовъ видѣть этого спасеннаго царевича просто въ діаконѣ Отрепьевѣ. Вѣру старыхъ польскихъ изслѣдователей въ подлинность царя Димитрія раздѣляетъ и *К. Валишевскій*, сознаваясь однако, что ее нельзя обосновать научно. Для разрѣшенія главныхъ противорѣчій въ источникахъ и примиренія исконнаго преданія объ Отрепьевѣ съ исторически возстановленнымъ теперь образомъ царя Димитрія, *Е. Н. Щепкинъ* предложилъ довольно сложное на первый взглядъ построеніе, которое, по мнѣнію автора, должно однако утратить эту чисто внѣшнюю искусственность въ глазахъ тѣхъ, кто не побоится взять на себя трудъ мелочной проработки извѣстій. Родословная Отрепьевыхъ знаетъ двухъ Богдановъ, Богдана Ивановича съ Углича и Богдана Елеазаровича изъ Галича. При этомъ историческія сказанія и лѣтопись приписываютъ чернеца Григорія Отрепьева въ сыновья Богдану изъ Галича, а родословная считаетъ его сыномъ Богдана изъ Углича. Такъ какъ черезъ всѣ источники по Смутному времени проходитъ двойственность въ характеристикѣ главнаго героя Отропьева, то Е. Н. Щепкинъ признаетъ, наряду съ двумя Богданами—отцами, и двухъ ихъ сыновей Григоріевъ Отрепьевыхъ. Къ діакону Григорію (въ міру Георгію) относятся извѣстія, изображающія Отепьева человѣкомъ среднихъ лѣтъ съ бородой и преданнымъ пьянству; онъ могъ въ молодые годы служить у Романовыхъ и Черкасскихъ, постричься въ Желѣзноборовскомъ монастырѣ, бѣжать въ Польшу въ 1602 году съ чудовскими иноками Варлаамомъ и Мисаиломъ. Напро-

Суворинъ.

Валишевскій.

Щепкинъ.

тивъ, черты характера, подходящія къ личности юнаго Лжедимитрія, принадлежатъ другому иноку Отрепьеву, тоже Григорію, но можетъ быть только въ міру. Онъ былъ постриженъ 14-ли лѣтъ отъ роду Св. Трифономъ на Москвѣ, жилъ въ кельѣ у архимандрита Пафнутія, бѣжалъ въ 1601 году за литовскій рубежъ съ иноками Леонидомъ и Венедиктомъ. Этотъ юный чернецъ Отрепьевъ, ставшій затѣмъ Московскимъ царемъ, конечно не могъ быть случайнымъ самозванцемъ темнаго происхожденія. Вѣроятнѣе всего, что въ лицѣ его скрытъ былъ среди Отрепьевыхъ незаконный отпрыскъ царскаго рода или членъ одного изъ боярскихъ семействъ, имѣвшихъ въ глазахъ народа такія же права на престолъ, какъ и Годуновы. Дальній родственникъ самозванца по Отрепьевымъ, діаконъ Григорій, былъ только второстепеннымъ участникомъ во всемъ предпріятіи. Въ такомъ случаѣ интрига, воспользовавшись существованіемъ двухъ Богдановъ, создала и второго Григорія Отрепьева, чтобы скрыть ребенка таинственнаго происхожденія. Вслѣдствіе того, что въ источникахъ двѣ жизни сведены на имя одного инока Отрепьева, возстановленіе судьбы Отрепьева-Димитрія возможно только въ общихъ чертахъ, а частности всегда останутся спорными. При этомъ Е. Н. Щепкинъ не находитъ слѣдовъ активнаго участія бояръ царскаго синклита въ заговорѣ Димитрія, а ищетъ его пособниковъ среди духовенства, въ особенности по монастырямъ, между дьяками и приказными московскихъ приказовъ, въ средѣ мелкихъ служилыхъ людей. Изъ людей значительныхъ подозрѣнія достаточно сильны только противъ Богдана Бѣльскаго, дьяковъ Щелкаловыхъ и архимандрита Чудова монастыря Пафнутія, бывшаго при царѣ Димитріи Крутицкимъ митрополитомъ. Подозрѣнія Бориса противъ Романовыхъ и Черкасскихъ остаются раціоналистической предвзятою догадкой, невольно заранѣе напрашивающейся каждому въ голову, но сравнительно слабо подсказанной источниками и обстоятель-

ствами. Въ общемъ же авторъ считаетъ самозванца не столько созданіемъ немногихъ заговорщиковъ, сколько специфической по своему происхожденію и своимъ дарованіямъ личностью, которую безъ всякаго предварительнаго соглашенія, просто въ силу совпаденія ихъ интересовъ и сходства воли, поддерживала и довела до престола вся подпольная и бродячая Русь, т. е. всѣ, кто былъ недоволенъ существующимъ или жилъ надеждой на лучшее будущее. Вѣра въ подлинность царевича Димитрія давалась всей массѣ русскаго народа уже потому легко, что обстоятельства углицкаго убійства въ свое время были скрыты и отъ народа, и отъ правительственнаго класса. Мысль о томъ, что можно допустить существованіе двухъ Отрепьевыхъ, была уже
Мюллеръ. мимоходомъ высказана академикомъ *Герхардомъ Мюллеромъ* при попыткѣ опровергнуть французскую хронику Маржерета, отличающую подлиннаго Димитрія отъ его пособника—діакона Отрепьева.

Проф. *Е. Н. Щепкинъ.*

Литовско-русское государство *).

I. Образованіе территоріи.

Литовскія племена, поселившіяся среди непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ въ бассейнѣ Нѣмана и Вислы, до XIII вѣка не имѣли, видимо, какой бы то ни было политической организаціи, походившей на государственную. Благодаря господству въ бытѣ родовыхъ отношеній, литовцы дѣлились на множество отдѣльныхъ пле- Литва и сосѣди.

*) *Важнѣйшая литература*: *Антоновичъ*. „Монографіи по исторіи Западной Россіи". Кіевъ 1885 г.; Totoraitis. „Die Litauer unter d. König Mindowe" Freiburg 1906 г.; *Василевскій* „Исторія города Вильны". Спб. 1872 г.; Stadnicki. „Synovie Gedymina". Z. 1881 г.; *Его же*. „Olgierd i Keinstut" 1870 г.; *Леонтовичъ*. „Очерки исторіи Лит.-русск. права". Спб. 1894 г.; *Любавскій*. „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русск. государства". Москва 1892 г.; *Грушевскій*. „Исторія Украіни Руси", т. IV. Львовъ 1907 г., *Ямпсонъ*. „Уставныя земскія грамоты". Кіевъ 1889 г.; *Довнаръ-Запольскій*. „Государственное хозяйство Литовско-рус. государства". Кіевъ 1901 г.; *Его же*. „Очерки по организаціи зап.-русск. крестьян.". Кіевъ 1905 г.; *Любавскій*. „Литовско-русскій сеймъ" (Чт. въ Общ. И. и Др. 1900 г. кн. IV и слѣд.), отд. М. 1901 г.; *Владимірскій-Будановъ*. „Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ". Спб. 1868 г.; *Тарановскій*. „Обзоръ памятниковъ Магдебургскаго права зап.-рус. городовъ литов. эпохи" (Варш. Ун. Изв. 1897 г.), отд. Варшава 1897 г.; *Лаппо*. „Великое княжество Литовское". Спб. 1901 г.; Lewicki. „Powstanie Swicdrigielly". Kraków 1892 г.; *Леонтовичъ*. Статьи въ Ж М. Н. Пр. 1896—1897, 1909—1910 г.; *Коллович*. „Люблинская унія"; *Довнаръ-Запольскій*. „Польско-литовская унія на сеймахъ". М. 1897 г.; *Пичета*. „Литовско-Польскія уніи". (Сб. въ честь Ключевскаго. М. 1910 г.); *Малиновскій*. „Литовская рада". Кіевъ 1902 г.; *Максимейко*. Сеймы Лит.-рус. госуд.". Харьковъ 1902 г.; *Ефименко*. „Южная Русь", т. II. Спб. 1902 г.; *Владимірскій-Будановъ*. „Очерки по исторіи лит. рус. права", в. I, II и III. Кіевъ 1890—1893 г.; *Довнаръ-Запольскій*. „Берестейское Староство". (Кіев. Унив. Изв. 1898 г. № 2); *Владимірскій-Будановъ*. Населеніе Юго-Западной Россіи отъ XIII—XV и отъ XV—Люб. унію" (Арх. юго-западной Россіи, часть VII, т. 1 и 2).

менъ, мелкихъ родовыхъ дѣленій, во главѣ которыхъ стояли князьки-старѣйшины. Только единство религіозныхъ вѣрованій и представленій являлось отчасти нѣкоторой объединяющей силой. Сосѣдями литовцевъ были съ одной стороны поляки, съ другой—русскія земли; несмотря на малодоступное положеніе Литвы, сосѣди постоянно воевали съ ней, правда, безъ особенныхъ результатовъ. Лѣтописныя извѣстія X—XIII в. полны извѣстій о походахъ русскихъ на Литву, по преимуществу сосѣднихъ галицко-волынскихъ князей на сосѣднихъ ятвяговъ. Конечно, покорить послѣднихъ фактически было невозможно, и дѣло ограничивалось собираніемъ дани, грабежомъ населенія и уводомъ плѣнниковъ. Походы русскихъ не имѣли, однако, никакого вліянія на политическую организацію литовцевъ, такъ какъ постоянныхъ зависимыхъ отношеній между Литвой и русскими князями не было. Лишь полоцкимъ князьямъ удавалось не только пограбить и увести плѣнниковъ домой, а и поставить литовскихъ старѣйшинъ въ нѣкоторыя зависимыя отношенія, что впрочемъ не нарушало существовавшихъ тогда родовыхъ дѣленій.

Литва и нѣмцы.

И литовцы иногда собирались съ силами и, въ свою очередь, отвѣчали набѣгами, подчасъ очень смѣлыми, на Подвинье и Поднѣпровье. Отмѣтимъ походы Литвы на Полоцкую землю, въ 80—90 годахъ XII вѣка на Волынь и отчасти на Польшу. Но въ началѣ XIII вѣка внѣшнее положеніе литовцевъ стало болѣе затруднительнымъ. При устьѣ Двины выросъ Ливонскій орденъ, а нѣсколько позже, по приглашенію Конрада Мазовецкаго, въ другомъ мѣстѣ Балтійскаго моря возникъ Тевтонскій орденъ, спеціально для борьбы съ пруссами, съ которыми самъ Конрадъ не могъ справиться. Первоначально два рыцарскихъ братства были вполнѣ независимыми другъ отъ друга религіозно-политическими организаціями, но въ 1237 году братства соединились въ одно. Рыцари обоихъ орденовъ стали сразу держаться совмѣстной агрессивной политики по отношенію къ ли-

товцамъ. Они постоянно дѣлали набѣги на Литву, а превосходство феодальной военной организаціи ордена и внутренняя слабость литовцевъ гарантировала имъ, конечно, полный успѣхъ. Рыцари отнимали у литовцевъ земли, обращали жителей въ своихъ рабовъ, облагая населеніе податьми и налогами, а самое главное, насильно обращая въ христіанство; и въ результатѣ, послѣ долгой и упорной борьбы, прибалтійскія и придвинскія племена: пруссы, корсь, летьгола, зимигола— стали зависимыми отъ ордена. Только жмудь и собственно литва оставались пока независимыми, но дальнѣйшая борьба съ нѣмцами могла привести и ихъ къ поглощенію орденомъ. Правда, и покоренныя племена, не вынося феодальнаго рабства, поднимались, но ихъ возстанія кончались новымъ, еще болѣе тяжелымъ порабощеніемъ.

Разложеніе рода.

Борьба съ сосѣдями и въ особенности съ нѣмцами, имѣла большое значеніе для политической организаціи литовцевъ. Она пробудила въ нихъ чувство національно-религіознаго единства и стремленіе сплоченными усиліями побѣдить наступавшаго врага, отстоявъ національно-религіозную самобытность. Это внѣшнее давленіе къ объединенію совпало съ подобнымъ же процессомъ, совершавшимся внутри самаго племени и выражавшимся въ распаденіи старыхъ родовыхъ организацій. Изъ нихъ сумѣли выдѣлиться отдѣльныя лица и подчинить себѣ болѣе слабые родовые элементы. Воюя съ нѣмцами, эти лица всегда выступали окруженныя людьми, находившимися въ лично-зависимыхъ отношеніяхъ отъ нихъ. Нѣмецкіе хроникеры, называя такихъ лицъ „Kunige, reguli, nobiles, die edelsten“, подчеркиваютъ, что въ сраженіяхъ они участвуютъ, окруженные дружинниками (cum sodalibus). Такіе вожди были въ то же время представителями крупнаго землевладѣнія, уже прочно сложившагося къ этому времени, чему, конечно, содѣйствовало разложеніе родовыхъ дѣленій и подчиненіе болѣе слабыхъ экономически

болѣе сильнымъ. Такіе крупные землевладѣльцы стали вождями группы населенія, живущей на опредѣленной территоріи; и въ сущности между этими князьями—Рушковичами, Булевичами—было такъ же мало солидарности, какъ и между родовыми организаціями. Но всетаки литовскіе князьки стали болѣе щепетильны по отношенію къ тѣмъ убыткамъ, которые они терпѣли отъ сосѣдскихъ набѣговъ. Стремленіе ихъ отразить заставляло князей дѣйствовать солидарно, организуя нѣчто вродѣ союза князей. Но такія княжескія федераціи также быстро распадались, какъ и создавались, и, возникая всякій разъ по тому или другому поводу, онѣ, конечно, не могли привести къ національному объединенію, но могли пробудить и укрѣпить стремленіе къ нему.

Старшіе и младшіе князья.

Несомнѣнно, что среди территоріальныхъ князьковъ скоро исчезло политическое равновѣсіе. Одни стали богаче, сильнѣе, другіе не удержались на занятой позиціи и немного опустились. Очертить въ деталяхъ подобный процессъ мы не въ состояніи по недостатку данныхъ, но упоминаніе Галицкой лѣтописи о посольствѣ къ Романовичамъ на Волынь литовскихъ князей, среди которыхъ были старшіе князья и нѣсколько младшихъ, является нѣкоторой иллюстраціей къ вышесказанному. Нѣмецкія хроники тоже говорятъ о какихъ-то старшихъ и младшихъ князьяхъ. Такъ, въ XIII в. намѣчался процессъ исчезновенія мелкихъ территоріальныхъ организацій и замѣна ихъ болѣе крупными, что являлось большимъ шагомъ впередъ для политическаго объединенія. Дальнѣйшій процессъ въ этомъ направленіи долженъ былъ заключаться въ выдѣленіи изъ среды князей крупнаго и сильнаго князя и въ подчиненіи ему остальныхъ князьковъ. Конечно, это случилось бы само собой путемъ медленной эволюціи жизни народа, но внѣшнія столкновенія, особенно съ нѣмцами, значительно ускорили объединительный процессъ.

Начало объединенія Мендовга.

Первоначальное образованіе Литовскаго княжества связано съ именемъ Мендовга, которому удалось обра-

зовать военное государство, подчинивъ себѣ литовскихъ князьковъ. Мы не можемъ, по отсутствію данныхъ, дать картину борьбы Мендовга съ князьками, но важенъ, конечно, результатъ борьбы, послѣ которой значительная часть Литвы очутилась въ его рукахъ, а прежніе „старѣйшіе“ князья стали „молодшими“. Вѣдь первоначально Мендовгъ былъ только однимъ изъ старѣйшихъ князей. По крайней мѣрѣ Галицкая лѣтопись отмѣчаетъ его въ числѣ старѣйшихъ въ посольствѣ литовскихъ князей къ волынскимъ въ 1219 году, которое положило конецъ враждебнымъ галицко-литовскимъ отношеніямъ. Политика Мендовга была отмѣчена и современными хроникерами и лѣтописями. Нѣмецкій хроникеръ прямо называетъ Мендовга „королемъ литовцевъ“.

Увеличеніе территоріи.

Первоначальнымъ ядромъ, изъ котораго выросло и развилось Литовско-русское государство, была собственно Литовская земля по правымъ притокамъ Нѣмана, особенно по рѣкѣ Виліи. Вокругъ этой области и сгруппировались остальныя части Литовскаго княжества. Но уже при Мендовгѣ территорія отчасти расширилась за счетъ части сосѣдней Черной Руси—по лѣвымъ притокамъ Нѣмана съ городами: Гродно, Волковыскъ, Слонимъ. Во второй половинѣ XIII в. онъ учредилъ свою столицу въ Новгородкѣ Литовскомъ, наиболѣе значительномъ городѣ земли. Мѣстнымъ князьямъ пришлось опуститься до положенія подручныхъ князей. На этомъ территоріальныя пріобрѣтенія Мендовга не остановились. Мендовгъ начинаетъ нападать и на другія русскія области. Усиленіе княжества было необходимо для борьбы съ Ливонскимъ орденомъ, а внутреннее состояніе русскихъ областей вполнѣ благопріятствовало тенденціямъ литовской политики: русскія земли были ослаблены и разорены татарскимъ нашествіемъ: онѣ сами естественно тянули къ такому центру, который могъ стать на ихъ защиту. Внутри ихъ самихъ взяли верхъ центробѣжныя силы, что значительно парализовало возмож-

ность активнаго сопротивленія съ ихъ стороны. Старые враги, галицко-волынскіе князья, были заняты внутренними усобицами и не могли противодѣйствовать активной политикѣ Мендовга; столь опасный раньше Полоцкъ былъ занятъ домашними спорами, разрушавшими старое единство земли и естественно ее ослаблявшими. Что касается нѣмцевъ, то по отношенію къ нимъ у Мендовга, конечно, не могло быть никакой опредѣленной политики. Большею частью онъ держался оборонительной тактики, изрѣдка переходяквъ наступленіе, кончавшееся, въ концѣ концовъ, печально для Мендовга. Его политика—это политика ухищреній, мирныхъ договоровъ, мелкихъ войнъ, принятія христіанства и отступленія отъ него.

Итоги политики. Наступательная политика Мендовга скоро дала весьма существенные результаты. Къ 50 годамъ XIII в. была присоединена Полоцкая земля, куда Мендовгъ послалъ княземъ своего племянника-Товтивилла; была попытка завоевать Смоленскую землю, но внутренне-единая—она была слишкомъ сильна, чтобы молодое, еще неокрѣпшее военное государство могло ее покорить.

Протестъ князей. Объединительная политика Мендовга вызвала естественный протестъ со стороны группы литовскихъ князей, очевидно не желавшихъ превращаться въ подручниковъ великаго князя. Недовольные составили заговоръ и убили Мендовга (1263). Конечно, съ его смертью объединительной политикѣ былъ нанесенъ весьма существенный ударъ, и возникшія тогда усобицы на время, конечно, задержали политическій ростъ Литвы и значительно расшатали только-что народившееся государство. Однако, внѣшнее положеніе Литвы оставалось старымъ: опасность порабощенія не только не ослабѣла, а даже усилилась, благодаря побѣдѣ въ самой Литвѣ центробѣжныхъ силъ. Все это и должно было въ концѣ концовъ толкнуть литовскихъ князей на путь объединительной политики, которая собственно отчасти соотвѣтствовала и матеріальнымъ выгодамъ князьковъ, такъ

какъ опасность разоренія и нападенія значительно уменьшалась.

Болѣе активное и съ этого момента непрерывное расширеніе территоріи начинается со временъ Гедимина (1315-1341).

Уже его предшественники отчасти сломили сопротивленіе князьковъ, приведя ихъ въ подобающее положеніе и даже отчасти возобновивъ активную политику по отношенію къ сосѣдямъ. Но разрѣшеніе задачи, поставленной Мендовгомъ, блестяще было начато только при Гедиминѣ и его сынѣ Ольгердѣ. Расширеніе территоріи въ общемъ шло довольно быстрымъ темпомъ, и большая часть земель была присоединена не при посредствѣ внѣшней силы: сосѣднія области, нуждаясь въ болѣе сильныхъ защитникахъ, охотно подчинялись власти литовскихъ князей, признавая надъ собою верховенство великаго князя. Кромѣ того и сами князья часто предпочитали добровольно стать „подручниками“ литовскаго князя, но оставить за собою свои владѣнія. Гедимину и Ольгерду удалось объединить подъ своей властью всѣ литовскія племена, сломивъ даже рѣзко выраженный индивидуализмъ жмуди, бывшей не въ состояніи собственными средствами продолжать войну съ нѣмцами. Въ началѣ XIV в., при Гедиминѣ, власть литовскаго князя распространяется на Минское княжество. Около того же времени потеряли самостоятельность и турово-пинскіе князья, владѣнія которыхъ такъ раздробились, что скорѣе напоминали собою вотчины и помѣстья, а не государства. Гедиминъ.

Турово-пинскіе князья, такимъ образомъ, не представляли изъ себя крупной политической единицы. Занятые междоусобицами, они не могли оказать соотвѣтствующаго сопротивленія агрессивной политикѣ галицко-волынскихъ князей, и въ половинѣ XIII в. стали зависимыми отъ нихъ. Стремленіе освободиться отъ послѣднихъ и заставило князей довольно рано вступить въ сношенія съ Литвой, а территоріальная биизости Присоединеніе Турово-Пинской земли.

располагала къ этому. Это и привело въ концѣ концовъ къ установленію литовскаго владычества, совпавшаго съ моментомъ ослабленія значенія галицко-волынскихъ князей. Съ присоединеніемъ турово-пинскихъ князей, въ составъ территоріи Литовскаго княжества вошла область древнихъ дреговичей.

Присоединеніе Полоц. земли.

Благодаря прекращенію княжеской линіи въ Полоцкѣ, онъ окончательно утвердился за Литвой, а выдѣлившаяся изъ Полоцкой земли—Витебская, благодаря женитьбѣ Ольгерда на вел. княжнѣ Маріи, отдана ему въ видѣ приданнаго.

Дальнѣйшее расширеніе Лит.-рус. государства.

Политическіе успѣхи Гедимина не ограничивались только предѣлами Минскаго княжества и Литовскаго Полѣсья. Гедимину удалось подчинить себѣ и сосѣднее Подляшье — Берестейскую землю по среднему теченію Западнаго Буга — политически единую и замкнутую въ себѣ, съ половины XIII в. освободившуюся отъ вліяніе волынскихъ князей. Помимо этого литовское вліянія отчасти распространилось на территоріи древлянъ—по Березинѣ, Нижней Припети и ея притокамъ, Днѣпру и Сожу. Гнѣзда мелкихъ князей Кіевскихъ, Черниговскихъ, Смоленскихъ чувствовали на себѣ вліяніе Гедимина. Кажется, самъ Кіевъ находился въ сферѣ политическаго вліянія Литвы, такъ какъ нѣкоторые изъ историковъ находятъ возможнымъ признать Кіевскаго князя Ѳедора подручникомъ Гедимина. Впрочемъ, послѣднее можно считать научной гипотезой, имѣющей за собой нѣкоторое основаніе, но точно установить этотъ фактъ невозможно. Распространилось также вліяніе Литвы и на Волынь, гдѣ былъ княземъ Любартъ Гедиминовичъ, женатый на дочери Владимірскаго князя, но въ 40 годахъ, когда польскій король Казимиръ вмѣшался въ галицко-волынскія отношенія, вліяніе на Волыни Любарта уменьшилось: у него оставалась только одна Луцкая земля. Какъ бы то ни было, но многолѣтняя борба за галицко-волынское наслѣдство

была моментомъ благопріятнымъ для территоріальнаго расширенія Литвы.

Ольгердъ (1341-1377) дѣятельно продолжалъ активную политику отца, распространяя литовское владычество вглубь русскихъ земель, въ бассейны Днѣпра, Днѣстра и отчасти южнаго Буга. Раньше другихъ признали литовское верховенство чернигово-сѣверскіе князья. Какъ разъ къ этому времени въ семьѣ наиболѣе значительныхъ изъ князей Сѣверщини—Брянскихъ, начались усобицы: центробѣжныя силы взялъ верхъ. Ольгерду не стоило никакихъ усилій распространить литовское вліяніе на Сѣверщину. Уже въ 80 годахъ въ городахъ западной части ея (Брянскъ, Новгородъ, Черниговъ, Стародубъ) сидѣли литовскіе князья, а въ восточной—мѣстные, но признавшіе зависимость отъ Литвы. Расширеніе сферы политическаго вліянія на Сѣверщину толкало Ольгерда на поступки въ томъ же направленіи. Это и опредѣлило несовсѣмъ удачное столкновеніе Ольгерда со Смоленскомъ, которому временно удалось сохранить свою самостоятельность. За Сѣверщиной наступила очередь Кіевской земли. Лѣтописецъ сообщаетъ, что Ольгердъ совсѣмъ прогналъ изъ Кіева князя Ѳедора, посадивъ на княжескій столъ сына Владиміра. Это случилось въ 1382 г. За Кіевской землей и Переяславская земля, тянувшая къ Кіевщинѣ, подчинилась Литвѣ. Кромѣ Кіевщины и Переяславщины, послѣ упорной борьбы Ольгерда и Любарта съ Казимиромъ Польскимъ, часть Волынской земли, а именно, земли Луцкая, Владимірская, Берестейская, Бельзская, Холмская,—были отданы литовскимъ князьямъ. Но борьба этимъ не окончилась, и только по смерти Казимира Любарту удалось сосредоточить въ своихъ рукахъ всю Волынь, отказавшись отъ всякихъ притязаній на Галицію. Нельзя забывать о той поддержкѣ, которую населеніе Волыни оказывало Любарту въ его борьбѣ съ Польшей за независимость Волыни. Наконецъ, послѣ сраженія съ татарами на

Ольгердъ и его присоединенія.

Чернигово-Сѣв. земля.

Кіевская и Переяславская земля.

Волынская земля.

Подольская земля.

Синей Водѣ (1380), восточное Подолье съ Брацлавомъ и Винницей было занято литовскими князьями. Таковъ составъ территоріи княжества къ концу XIV в. Наконецъ Смоленская земля была присоединена послѣ Ольгерда Витовтомъ, о чемъ намъ придется сказать нѣсколько ниже.

Смоленская земля.

Характеръ государства.

Образовавшееся государство въ своемъ складѣ имѣло нѣкоторыя оригинальныя черты. Князья довольствовались только внѣшнимъ признаніемъ литовскаго суверенитета, отнюдь не посягая на самостоятельность народной жизни. Каждая изъ составныхъ частей продолжала жить своею жизнью, такъ что связь между отдѣльными землями и княжествами была чисто внѣшняя; въ общемъ, по своему устройству, сформировавшійся политическій организмъ напоминалъ собою федерацію областей, спаянныхъ съ центромъ очень некрѣпкими узами, могущими порваться при первой возможности. Кромѣ того, въ молодомъ Литовскомъ государствѣ литовцы составляли ничтожное меньшинство, расплывавшееся среди моря русскаго населенія.

Двойственный національный составъ государства впослѣдствіи имѣлъ огромное вліяніе на жизнь Литовскаго государства, которое справедливѣе называть Литовско-русскимъ.

Вліяніе Руси.

Включеніе въ составъ молодого политическаго организма группы русскихъ волостей имѣло огромныя культурныя слѣдствія. Воинственная Литва была ниже русскихъ въ культурномъ отношеніи, и первый періодъ въ жизни Литовско-русскаго государства можно отмѣтить, какъ моментъ наибольшаго вліянія русской культуры. Сами князья называютъ себя литовскими и русскими, тѣмъ самымъ признавая вліяніе и значеніе русской національности. Среди литовцевъ начинаетъ дѣлать довольно быстрые успѣхи православная вѣра. Въ городахъ появляются православныя церкви. Князья, получавшіе удѣлы въ русскихъ областяхъ, обыкновенно принимали православіе и женились на русскихъ, и

многіе изъ литовскихъ князей стали горячими поборниками православной вѣры. И великіе князья, очень терпимые въ своей религіозной политикѣ, поддались вліянію православія. Правда, Гедиминъ оставался язычникомъ, но зато Ольгердъ, женатый на двухъ православныхъ княжнахъ (Витебской Маріи и Тверской Юліаніи), передъ смертью принялъ православіе. И Витовтъ до свего перехода по политическимъ соображеніямъ въ католичество держался православія. Наглядным доказательствомъ силы русскаго вліянія служитъ употребленіе русскаго языка въ государственныхъ актахъ того времени, да и въ домашнемъ обиходѣ князей и литовской знати русскій языкъ замѣнялъ родной. Конечно, русское вліяніе сказалось и въ области права,—русскіе юридическіе нормы и обычаи впослѣдствіи вошли въ Статутъ, а до этого времени обычное литовское право измѣнялось подъ непосредственнымъ вліяніемъ русскаго права.

II. Удѣльный періодъ (княжескія отношенія).

Удѣлы послѣ Гедимина.

Первые литовскіе князья не нарушали установившагося на Руси правопорядка. Представители литовской объединительной политики должны были приноровиться къ существовавшимъ политическимъ отношеніямъ, и поэтому не разрушать удѣльный правопорядокъ, а наоборотъ поддерживать его и укрѣплять. Вотъ почему Гедиминъ раздѣлилъ еще при жизни свое государство между братомъ и своими сыновьями. Полоцкъ получилъ братъ его Воинъ, Монвидъ—часть Черной Руси съ городомъ Слонимомъ и въ собственно Литвѣ городъ Керновъ на рѣкѣ Виліи. Вся остальная Черная Русь съ старой столицей Новгородкомъ досталась Коріату. Ольгердъ владѣлъ Витебскимъ княжествомъ, а въ собственно Литвѣ областью съ городкомъ Крево и землями до рѣки Березины. Кейстутъ получилъ Троки, Жмудь, Гродно и Берестіе, а Любартъ остался на Во-

лыни. Самый младшій изъ сыновей, Явпутій, не имѣвшій при жизни отца удѣла, остался съ матерью въ стольномъ городѣ Вильнѣ и владѣлъ Браславлемъ, Вилькомиромъ и Огименою. Однако такое распредѣленіе волостей недолго удержалось. Ольгердъ, какъ наиболѣе активный изъ сыновей Гедимина, прогналъ Явнута изъ Вильны, и Литовское государство фактически раздѣлилось на двѣ половины: западную и восточную. Во главѣ первой сталъ Кейстутъ, а во главѣ второй части—собственно Литвы, западной и юго-западной Руси, Ольгердъ. Такое дѣленіе соотвѣтствовало стратегическому положенію государства. Въ Жмуди Кейстутъ велъ неустанную борьбу съ нѣмцами, а на востокѣ преслѣдовалась объединительная политика. Кейстутъ въ сферѣ своей политической дѣятельности былъ вполнѣ самостоятеленъ; его удары нѣмцамъ поднимали авторитетъ Литовскаго государства, но великокняжескій суверенитетъ оставался теоретически въ рукахъ Ольгерда, какъ наиболѣе сильнаго изъ всѣхъ удѣльныхъ князей *).

Ягайлло великій князь.

Послѣ смерти Ольгерда территорія государства раздѣлилась между его сыновьями, получившими свои удѣлы еще при жизни отца. Старшимъ въ родѣ оставался Кейстутъ, а старшимъ сыномъ Ольгерда былъ Андрей, княжившій въ Полоцкѣ. Однако ни тотъ ни другой не получили великокняжескаго престола. Великимъ княземъ, по желанію отца, сталъ Ягайлло, сынъ отъ второй жены Юліаніи Тверской. Кейстутъ призналъ верховенство своего племянника, но добрыя отношенія между дядей и племянникомъ продолжались недолго. Ягайлло боялся Кейстута и, чтобы отъ него отдѣлаться, вступилъ въ сношенія съ стариннымъ врагомъ Литвы—Ливонскимъ орденомъ. Тогда Кейстутъ захватываетъ Вильну и прогоняетъ своего племянника. Между дядей и племянникомъ воз-

*) Когда умеръ Монвидъ то его удѣлъ былъ подѣленъ между Ольгердомъ и Кейстутомъ: первый взялъ Керновъ, второй Слонимъ.

горѣлась борьба. Удѣльные князья стали на сторону Кейстута, часть—на сторону Ягайлло. Поэтому, когда Кейстутъ былъ убитъ, и Ягайлло вокняжился въ Вильнѣ, произошло перераспредѣленіе княжествъ между князьями. Ягайлло соединилъ въ своихъ рукахъ Витебскъ, Минскъ, Мстиславъ и Новгородъ, не говоря о собственно Литовской землѣ и Жмуди. Многіе изъ князей были согнаны. Витовтъ лишился отцовскаго удѣла, часть котораго, Городенскую и Берестейскую землю, получилъ только впослѣдствіи. Троицкое же княжество было отдано Скиргайллу Ольгердовичу.

Междукняжескія отношенія

Такимъ образомъ, въ преемствѣ великокняжскаго стола нельзя подмѣтить никакого опредѣленнаго порядка, никакой системы. Престолъ обыкновенно доставался въ руки сильнѣйшаго князя. Литовское государство представляло изъ себя рядъ отдѣльныхъ княженій, подчиненныхъ великому князю; въ рукахъ послѣдняго находилась довольно большая территорія, составлявшая его удѣлъ, который онъ постоянно пытался увеличить. Размѣры этого удѣла давали великому князю средства держать въ подчиненіи себѣ удѣльныхъ князей. Отношенія послѣднихъ къ в. князю опредѣлялись въ княжескихъ договорахъ и присяжныхъ грамотахъ, и фактически все сводилось къ обѣщаніямъ вѣрной службы и военной помощи, когда послѣдняя понадобится отъ нихъ. Гедиминовичи не церемонились съ удѣльными князьями, произвольно лишая то тѣхъ, то другихъ ихъ владѣній, присоединяя послѣднія къ своей вотчинѣ и превращая князей въ высшій разрядъ землевладѣльческаго класса въ Литвѣ. Окончательный ударъ удѣльному правопорядку былъ нанесенъ вел. княземъ Витовтомъ.

Разрушеніе удѣльнаго строя, Витовтъ.

Въ 1386 г. совершилось для Литвы событіе первостепенной важности. Великій князь Ягайлло заключилъ унію съ Польшей. Унія была встрѣчена въ собственно Литвѣ враждебно, въ особенности въ средѣ литовскаго боярства. Выразителемъ мнѣній и желаній послѣдняго явился сынъ Кейстута, Витовтъ, которому удалось ут-

вердиться на литовскомъ великокняжскомъ столѣ и договорами опредѣлить свои отношенія къ Польшѣ. Все государствованіе Витовта сводится къ упорной и продолжительной борьбѣ съ удѣльными князьями, а внѣшнее положеніе Литвы—борьба на три фронта съ поляками, нѣмцами и Москвой—требовало болѣе сильной государственной власти, что и опредѣлило разрушеніе удѣльнаго строя. Къ тому же Витовтъ, выступая, какъ представитель національной независимости Литвы, не встрѣтилъ въ этомъ отношеніи поддержки со стороны удѣльныхъ князей, для которыхъ отдаленность Ягайллы, жившаго въ Польшѣ, болѣе соотвѣтствовала ихъ реальнымъ интересамъ, чѣмъ близость Витовта. Уничтожая удѣлы и посылая туда своихъ намѣстниковъ, Витовтъ въ тоже время старался подчеркнуть, что его стремленіе связать земли болѣе крѣпко съ центральнымъ правительствомъ отнюдь не касается ихъ внутренней автономіи, закрѣпленной при немъ уставными грамотами.

Борьба Витовта съ удѣльными князьями началась съ Полоцка, откуда онъ прогналъ Скиргайлло. Уже при-Ягайллѣ, до его примиренія съ Витовтомъ въ 1392 г., Андрей полоцкій былъ прогнанъ со своего стола и замѣненъ братомъ Скиргайлло, а затѣмъ такая же участь постигла Ѳедора Любартовича, у котораго Ягайлло отобралъ Луцкую землю, передавъ ее Витовту. Другая же часть владѣній Любартовича, Бельзко-Холмская земля, стала польской провинціей, такъ какъ была присоединена къ Галиціи. Пока за Ѳедоромъ оставалась только Владимірская земля. Съ 1392 г. борьбу съ князьями ведетъ уже Витовтъ. Скиргайллу пришлось проститься съ Полоцкомъ, Троцкимъ княжествомъ, куда былъ посланъ велико княжескій намѣстникъ. Самъ же Скиргайлло получилъ небольшія владѣнія въ Луцкой землѣ и Кіевщинѣ. И Витебская земля, сначала принявшая Свидригайлла своимъ княземъ, въ

концѣ концовъ должна была принять намѣстника изъ рукъ великаго князя.

Ольгердъ. Затѣмъ наступила очередь князей южно-русскихъ. Была отобрана Владимірская земля отъ Ѳедора Любартовича, Новгородъ-Сѣверскій отъ Корибута—за непризнаніе Витовта великимъ княземъ, былъ прогнанъ изъ Кіева Владиміръ Ольгердовичъ, сыновья Коріата Гедиминовича за непослушаніе были лишены своихъ владѣній въ Подольской землѣ. Правда, прогнанные князья получили владѣніе въ другихъ волостяхъ: такъ Ѳедоръ Любартовичъ въ Сѣверщинѣ, Скиргайлло въ Кіевщинѣ, Свидригайлло, главный противникъ Витовта, получилъ княжество въ Черниговской землѣ; но эти владѣнія они получили во временное владѣніе, до господарской воли. Изъ князей отчичей, со всей полнотой княжескаго суверенитета, они превращались въ слугъ великаго князя съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ княжескихъ правъ. Что касается части Подолья—именно Поднѣстровья, то Витовтъ отдалъ ее Ягайллу. Эта временная отдача стала впослѣдствіи яблокомъ раздора между поляками и литовцами. Для поляковъ это былъ историческій прецедентъ, доказывающій присоединеніе Подолья къ Польшѣ, хотя при отдачѣ Подолья Ягайллѣ, видимо, не было и рѣчи о государственно-правовомъ положеніи Подолья, и вся сдѣлка носила временный и личный характеръ.

Земскія уставныя грамоты. Такъ при Витовтѣ исчезла самостоятельность удѣльныхъ княжествъ; и Витовтъ могъ быть доволенъ результатами своей политики. Дарованіе же областямъ уставныхъ грамотъ являлось лучшимъ пріемомъ удержанія въ вѣрности населеніе областей: Несомнѣнно, всѣ области получили уставныя грамоты, впослѣдствіи подтвержденныя при дальнѣйшихъ литовскихъ князьяхъ: Казимирѣ, Александрѣ и Сигизмундѣ. Сами же оригиналы привилеевъ не сохранились: такъ, витебская грамота сгорѣла при пожарѣ, а другія исчезли иными путями.

Земскія уставныя грамоты, коими закрѣпляются существующія мѣстныя юридическіе обычаи и нормы, являются документомъ первостепенной важности, дающимъ возможность изучить не только законы, регулирующія мѣстную жизнь, но и вообще понять соціально-политическую эволюцію въ строѣ русскихъ и литовскихъ земель.

Соціальныя группы.

Судя по грамотамъ, уже при Витовтѣ не можетъ быть и рѣчи объ однообразіи структуры литовско-русскаго общества. Въ части земель уже бросается въ глаза раннее развитіе сословности, и тогда уставная грамота является скорѣе обще-земскимъ шляхетскимъ привилеемъ. Это можно сказать относительно Кіевской и Волынской уставныхъ грамотъ, гдѣ сословность строя, въ особенности въ послѣдней, является рѣзко выраженной. Что касается остальныхъ грамотъ, а именно Полоцкой, Витебской, Смоленской и Жмудской,—онѣ несомнѣнно всесословнаго характера, и всесословность строя даже не была еще разрушена шляхетскими привилеями XV в. Конечно, въ этихъ земляхъ уже складывались тѣ общественные элементы, которые явятся основой сословнаго строя. Несомнѣнно, во всѣхъ этихъ земляхъ видную роль играютъ бояре—это reguli, nobiles, die edelsten нѣмецкихъ хроникъ, а съ XIV в., подъ вліяніемъ русской терминологіи, die edelsten baioren, die bestin, bajoren, baiori et meliores patriae.

Бояре.

Въ большинствѣ случаевъ это только представители крупнаго землевладѣнія. Бояре раздѣляются на бояръ великихъ и молодшихъ. Положеніе всѣхъ этихъ элементовъ опредѣлялось не нормой закона, а сравнительной матеріальной обезпеченностью, опредѣлявшей и политическое положеніе боярина. Званіе его не было наслѣдственнымъ, а въ наслѣдственности главное отличіе боярства отъ позднѣйшаго шляхетства. Кромѣ того, боярство не было замкнутымъ классомъ: боярство наполнялось разными элементами, а замкнутость—тоже принадлежность шляхетства. Но боярство не было сосло-

віемъ, которое пользовалось правами, отличными отъ другихъ общественныхъ группъ. Къ этимъ элементамъ надо прибавить мелкопомѣстныхъ людей, бывшихъ на службѣ у князей и частныхъ землевладѣльцевъ, — это слуги и, наконецъ, спеціалистовъ въ военномъ дѣлѣ— дружину, milites.

III. Уставныя грамоты и областныя собранія.

Содержаніе уставныхъ грамотъ.

Уставныя грамоты XIV—XVI в.в. не отличаются единствомъ плана и построенія, но изученіе текста грамотъ даетъ возможность установить, что имѣлъ ввиду законодатель, выдавая грамоты. Если взять всѣ грамоты въ совокупности, то видно, что имѣлось въ виду при ихъ составленіи: 1) подтвержденіе правъ церкви и духовенства 2) огражденіе личныхъ правъ всего свободнаго населенія земли 3) обезпеченіе его имущественныхъ правъ 4) привиллегіи шляхты, духовенства и отчасти мѣщанъ 5) подтвержденіе основныхъ правъ земли и ея самоуправленія 6) финансовыя платежи 7) закрѣпленіе мѣстныхъ гражданскихъ и уголовныхъ нормъ. Конечно, въ однихъ грамотахъ одни вопросы детализированы, — о другихъ законодатель счелъ возможнымъ говорить кратко. Но въ общемъ тенденція одна: „з ласки господарской“ сохранить старину въ неприкосновенности, закрѣпить соціальный, политическій и правовой порядокъ выработанный вѣками въ Жмуди и русскихъ земляхъ. Каждая грамота разсматриваетъ область-землю, какъ отдѣльное государство, связанное государственными узами съ литовскими великими князьями. Отсюда обѣщаніе великаго князя не жаловать никого волостями и городами и, въ частности, воеводъ по частному праву (Полоцкая и Витебская гр.).

Выборъ должностныхъ лицъ.

Литовскіе князья осуществляютъ свою власть при посредствѣ намѣстниковъ. Въ Жмудской землѣ они назывались старостами въ другихъ земляхъ—воеводами. Населеніе принимаетъ участіе въ назначеніи намѣстниковъ (Витебская, Полоцкая, Жмудская грам.); неугоднаго насе-

ленію намѣстника великій князь обѣщаетъ отстранять отъ должности—„ино намъ имъ воеводу иншого дати по ихъ воли“. И это не было только словами. Кромѣ того, въ Жмуди и населеніе принимало участіе въ назначеніи тивуновъ: великій князь обѣщаетъ давать имъ только тѣхъ тивуновъ, „которыхъ бы они собѣ обрали, альбо хотѣли обрать съ своихъ повѣтовъ, або которыхъ бы у насъ просили“. Собственно, тоже было въ земляхъ Смоленской и Кіевской, вѣроятно, и въ Волынской. Все волостное управленіе находилось въ рукахъ мѣстнаго боярства. Въ Смоленской и Кіевской земляхъ оно распредѣлялось между боярами погодно; остается неяснымъ только самый процессъ замѣщенія должностей. Можно сказать, что провинціальное управленіе было въ рукахъ туземцевъ подъ высшимъ контролемъ княжескаго намѣстника. Впрочемъ, частью области управлялъ воевода при посредствѣ своихъ тивуновъ (Жмудь).

Судебная власть воеводы.

Въ рукахъ воеводъ и старостъ сосредоточивалась и судебная власть, но только ей ставились нѣкоторыя существенныя ограниченія. Судъ производится на мѣстѣ. Обращеніе къ господарю въ Литву—недопустимо (Полоцкая, Витебская). Воеводскія судебныя рѣшенія считаются окончательными, если приговоръ вступилъ въ силу (Полоцкая, Витебская). Судитъ воевода не одинъ, „а досмотрѣвши права съ князи и зъ бояры и зъ мѣщаны“ (Полоцкая, Витебская), „съ окольничими и иншими врядниками“ (Смоленская). По Волынской грамотѣ, воевода „маетъ при собѣ посадити князей и пановъ и земянъ—тежъ маетъ его судити“. Это охранители мѣстнаго обычнаго права. Воевода и старосты являются первой инстанціей въ разборѣ уголовныхъ дѣлъ: кгвалтъ, шляхетская рана, поджогъ. По гражданскимъ дѣламъ возможенъ разборъ дѣла непосредственно передъ государемъ, въ качествѣ первой инстанціи (Волынская).

Права населенія.

Населенію областей гарантируется личная безопасность: наказывать можно только по суду

(явномъ судѣ христіанскомъ), никто не можетъ быть лишенъ имѣнія иначе, какъ только по суду. Населеніе имѣетъ право обращаться къ верховной власти съ челобитьями (Полоцкая, Витебская). Всякій имѣетъ право выѣзда изъ своей земли „чоломъ ударивши и нашему воеводѣ объявився и своей братьи“—„ино ему путь чистъ, куды хто хочетъ, безъ каждоѣ зачепки“ (Полоцкая, Витебская). Грамоты обезпечивали старинное процессуальное право, торговый судъ, личность и имущество отъ притѣсненій мѣстной администраціи и опредѣляли обязательства населенія по отбыванію государственныхъ податей и повинностей (Полоцкая, Витебская, Смоленская), опредѣляли права шляхетства (Волынская, Кіевская). Съ ними намъ придется еще встрѣтиться.

Областное собраніе.

Уставныя грамоты говорятъ объ активной политической жизни областей. Факты послѣдующаго и болѣе ранняго періода являются прекрасной иллюстраціей къ характеристикѣ уставныхъ грамотъ. Источники даютъ возможность установить функціонированіе областныхъ собраній — вѣчъ въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ, Кіевѣ, Волыни. Въ собственно Литвѣ областныя собранія практиковались до половины XV вѣка: такъ, Судебникъ 1468 г. былъ составленъ на всесословномъ вѣчѣ, „со всимъ поспольствомъ согадавши“, а въ Жмуди до конца XV столѣтія. Составъ такихъ собраній далеко не одинаковъ. На Волыни и въ Кіевѣ они уже имѣли печать рѣзко выраженной сословности. Функціонирующее вѣче всегда выступаетъ, какъ верховный распорядитель земли. На вѣчахъ замѣтна партійная борьба „лучшихъ и меньшихъ“ людей. Эта борьба — специфическое достояніе всѣхъ вѣчъ. Фактическія отношенія между двумя этими элементами были слѣдующія: „меньшіе межъ себе раду чинятъ, а старшіе науку даютъ“.

Впрочемъ, такія отношенія по существу были только въ идеалѣ. Временами партійная борьба требовала вмѣшательства власти, и ничѣмъ инымъ, какъ только пар-

тійной борьбой, можно объяснить посылку грамоты въ Полоцкъ въ 1456 г. съ тѣмъ, чтобы мѣстные бояре, мѣщане, дворяне городовые и все поспольство были между собою въ згодѣ, а дѣла бы наши городскія вершили всѣ съ общаго согласія: „по давнему сымались бы (собирали сеймъ) всѣ вмѣстѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде издавна собирались, а безъ бояръ мѣщанамъ, дворянамъ и чернымъ людямъ сеймовъ не надобѣ чинити". И въ Смоленской землѣ эта партійная борьба рѣзко бросается въ глаза, въ особенности въ половинѣ XV в., въ моментъ сепаратистскаго движенія, охватившаго русскія волости. Самыя просьбы о подтвержденіи грамотъ могли быть формулированны только на сословномъ или всесословномъ вѣчѣ. Даже въ XVI в., когда сословность въ общественныхъ отношеніяхъ пустила уже глубокіе корни, всесословность собраній еще не исчезла. Полоцкъ „по старому справовалъ, якъ Великій Новгородъ и Псковъ".

IV. Литовско-польскія уніи и литовское общество.

Внѣшнее положеніе Литвы и Польши

Первая унія Литвы съ Польшей есть результатъ довольно своеобразной политической комбинаціи, задуманной поляками ввидѣ выхода изъ создавшагося въ XIV в. международнаго положенія дѣлъ. Литва и Польша были сосѣди и одинаково чувствовали свое стѣсненное положеніе. На Литву напирали нѣмцы; литовскіе князья, занятые внутренними дѣлами, не проявляли особенной активности по отношенію къ нѣмцамъ, дѣлавшимъ систематическіе набѣги на пограничныя литовскія земли. Разореніе послѣднихъ было полное, и Ягайлло, чтобы развязать себѣ руки на западѣ, уступилъ даже ордену Жмудь. Но и цѣною уступки части территоріи миръ не былъ купленъ: набѣги попрежнему продолжались. Положеніе поляковъ было нѣсколько другое, но тоже не изъ блестящихъ. Тѣ же нѣмцы загородили выходъ на западъ. Территорія Польши значительно сократилась: она потеряла Силезію и По-

морье, и Людовику Венгерскому (1370-1382) при избраніи на польскій престолъ было поставлено въ видѣ условія возвращеніе Поморья. Впрочемъ, Людовикъ не думалъ объ исполненіи своего обязательства, приковавъ свое вниманіе къ южнымъ границамъ государства: Галицко-Волынская земля и Подолье были очень богатыми землями, лежащими на большомъ торговомъ пути. Раздобыть ихъ для Людовика было важнѣе: это расширяло территорію его государства и упрачивали положеніе его династіи въ Венгріи. Борьба это была старая; фактически Галиція была въ польскихъ рукахъ, но Людовику, ссылавшемуся на то, что венгерскіе короли никогда не отказывались отъ Галиціи и считали себя государями, удалось отобрать ее отъ Польши, включить въ составъ венгерскаго королевства и тѣмъ лишить Польшу всѣхъ пріобрѣтеній, достигнутыхъ Казиміромъ Великимъ. Только въ 1377 г. Ядвигѣ и малопольскимъ панамъ удалось отобрать ее отъ венгерцевъ, но на Галицію и Волынь заявляли притязаніе литовцы. Добровольно литовцы не отдадутъ русскихъ земель; борьба съ ними подъ натискомъ нѣмцевъ не входила въ польскіе планы, и поэтому польскіе дипломаты придумали мирное разрѣшеніе вопроса въ видѣ женитьбы Ягайллы на Ядвигѣ. Такова сущность придуманной политической комбинаціи. Къ предложенной комбинаціи Ягайлло отнесся сочувственно. Съ Ядвигой не особенно считатались. Начались взаимные переговоры, кончившіеся заключеніемъ уніи въ 1385 году въ Кревѣ.

Кревская Унія.

Условія соединенія 1385 г. явились только политической декларацією и въ жизни не осуществились, но въ нихъ собственно заключается вся политическая программа польской дипломатіи, неуклонно ею проводимая, хотя реализированная только въ 1569 году.

Условія Кревскаго акта были непріятны и тяжелы для національнаго самолюбія литовцевъ. Ягайлло обязывается креститься въ католическую вѣру и крестить своихъ братьевъ, бояръ и свой народъ; вернуть отоб-

ранныя отъ Польши и Литвы земли, заплатить 200 тысячъ флориновъ неустойки бывшему жениху Ядвиги, отдать свои деньги на нужды Польши и, самое главное, „на вѣчныя времена присоединить къ Польшѣ свои литовскія и русскія земли“. Такимъ образомъ, завѣтной мыслью была инкорпорація. Кревскій актъ былъ подписанъ самимъ Ягайллой и его братьями, за себя и за неприсутствовавшихъ удѣльныхъ князей. Если понимать точно смыслъ этого акта, то послѣ коронаціи Литва прекращаетъ свое существованіе, какъ самостоятельное государство, и литовско-русскія земли низводятся до положенія польскихъ провинцій. Послѣ коронаціи Ягайлло потребовалъ отъ удѣльныхъ князей присягу въ вѣрности польской коронѣ, за себя и за своихъ дѣтей, съ условіемъ никогда отъ нея не отступаться. Они выдали ему присяжныя грамоты. Впрочемъ, не всѣ присяжныя грамоты строго идентичны по содержанію. Въ части грамотъ не говорится о вѣрности и послушаніи королю польскому и его женѣ, „велебной госпожѣ Ядвигѣ“; упоминается только про помощь и обѣщаніе никогда не покидать Польшу, не отдѣляться отъ Польши и не искать себѣ другого государя. Во всякомъ случаѣ, полное молчаніе о Литвѣ характерно для этихъ грамотъ, еще разъ подчеркивающихъ превращеніе Литовскаго княжества въ польскую провинцію.

Условія Кревской уніи не были осуществлены. Пока говорить объ инкорпораціи было нѣсколько преждевременно, и на дѣлѣ Кревскую унію можно отнести къ разряду такъ называемыхъ личныхъ уній и не болѣе, но за то культурныя послѣдствія уніи огромны, и съ ними приходится очень и очень считаться.

Литва и унія. Династическіе планы Ягайллы были встрѣчены въ Литвѣ съ негодованіемъ. Условій уніи не признала часть удѣльныхъ князей и крупная знать. Слишкомъ былъ непопуляренъ актъ, говорившій о полной инкорпораціи Литвы. Литовское боярство, конечно, объ этомъ не думало, разсматривая создавшіяся отношенія между Лит-

вой и Польшей, какъ личную унію, а объ отказѣ отъ своей національной самобытности не могло быть и рѣчи.

Островское соглашеніе

Выразителемъ охватившаго страну негодованія явился Витовтъ, вступившій въ борьбу съ Ягайллой за національную независимость Литвы. Боярство его усиленно поддерживало, и это заставило Ягайлла пойти на уступки, въ результатѣ которыхъ и явилось Островское соглашеніе 1392 года. Новая унія радикально расходилась съ актомъ 1385 года. Въ ней нѣтъ упоминанія объ инкорпораціи Литвы; Витовтъ признавался великимъ княземъ стола, „на которомъ сидѣлъ дядя Ольгердъ и отецъ Кейстутъ“. Отъ Витовта потребовали только присягу „никогда не покидать королевы и короны польской“. Послѣ смерти Витовта всѣ его владѣнія переходятъ къ королю и его преемникамъ и коронѣ Польской, за исключеніемъ части земель, отданныхъ брату Сигизмунду и записанныхъ женѣ въ видѣ вѣна. Витовтъ, какъ великій князь, хотя и зависѣлъ отъ польскаго короля, какъ верховнаго господаря, но фактически его дѣйствія самостоятельны: онъ сгоняетъ удѣльныхъ князей съ ихъ столовъ, принимаетъ отъ нихъ присягу, назначаетъ на должности. Конечно, это было не то, о чемъ мечтала польская политическая мысль, но приходилось примириться, хотя и временно, съ новымъ положеніемъ дѣла. Для литовцевъ условія Островскаго соглашенія можно считать отчасти пріемлемыми: они гарантировали Литвѣ автономный государственный режимъ и даже не безъ выгоды, такъ какъ обезсиленное княжество въ лицѣ Польши пріобрѣтало сильнаго союзника. Въ концѣ XIV вѣка пошатнулось международное положеніе Витовта: его агрессивныя дѣйствія противъ татаръ кончились крупной неудачей. На рѣкѣ Ворсклѣ (1399) литовцы были разбиты; гибель большой части военно-служилаго класса ослабляла боевую готовность Витовта; къ тому же среди удѣльныхъ князей замѣчалось оппозиціонное теченіе. Поляки нашли этотъ моментъ очень подходя-

щимъ для возобновленія переговоровъ объ уніи. Витовтъ, не чувствуя себя въ состояніи противодѣйствовать планамъ поляковъ, согласился подписать новый трактатъ объ уніи.

Унія 1401 г. Условія уніи нѣсколько расходились съ предшествовавшими трактатами, и хотя въ нѣкоторомъ отношеніи были непріятны для національнаго самолюбія, но съ этимъ пока пришлось примириться. Въ грамотахъ, выданныхъ отъ имени Витовта, князей и бояръ, давалось торжественное обѣщаніе помогать полякамъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, заботиться объ ихъ интересахъ и послѣ смерти Витовта не искать никакого государя, помимо польскаго короля. Такія же обязательства давали и поляки по отношенію къ Литвѣ: въ случаѣ смерти Ягайллы не избирать новаго короля безъ согласія Витовта и литовцевъ. Новая унія признала за Литвой извѣстнаго рода самостоятельность, хотя бы и связанную съ именемъ только Витовта, и поставила ее въ союзныя отношенія къ Польшѣ. Конечно, и такая постановка вопроса противорѣчила планамъ польской дипломатіи. Новый актъ уніи былъ подписанъ князьями и боярами. Поляки не довольствуются уже подписями нѣсколькихъ удѣльныхъ князей; учитывая значеніе литовскаго боярства, поляки пожелали взять отъ нихъ подписи въ видѣ гарантіи по исполненію условіи уніи 1401 г. Помимо этого, литовскіе князья снова выдали Ягайллѣ присяжныя грамоты. Поляки и послѣ уніи 1401 г. не довѣряли Витовту, и послѣднему приходилось по нѣскольку разъ выдавать Ягайллѣ присяжныя грамоты, въ которыхъ лишній разъ подчеркивалась политическая зависимость Витовта отъ Ягайллы. Впрочемъ, обстоятельства скоро стали складываться не въ пользу Польши. Витовту удалось упрочить свое положеніе, принявъ дѣятельное участіе въ рѣшеніи всякаго рода международныхъ дѣлъ. Подъ Грюнвальдомъ ему удалось нанести рѣшительное пораженіе Ливонскому ордену, отомстивъ однимъ ударомъ

за прежніе набѣги на Литву. При такомъ положеніи дѣла условія уніи, признававшія за Литвой право на самобытный государственный режимъ только до смерти Витовта, не соотвѣтствовала положенію, и Литва явно стремится къ разрыву, сознавая свою силу и значеніе.

Городельская унія 1413 г.

Поляки поэтому снова начинаютъ переговоры объ уніи, и въ 1413 г. собрались на съѣздъ въ Городлѣ на Бугѣ, на которомъ присутствовала литовская знать и военно-служилый классъ. Городельскій съѣздъ возобновилъ унію, но ея условія рѣзко расходятся съ содержаніемъ предыдущихъ союзныхъ договоровъ. Трактатъ 1413 года признавалъ за Литвой право на самобытный государственный режимъ. Литва и впредь будетъ имѣть своего особаго государя, которому польскій король делигируетъ свою власть. При этомъ ставилось условіемъ, что послѣ смерти Витовта бароны и шляхта никого не будутъ имѣть и не изберутъ великимъ княземъ литовскимъ, помимо того, кого имъ дастъ Ягайлло или его преемники по совѣту съ польскими и литовскими прелатами и баронами. Съ другой стороны, польскій король избирается съ вѣдома и участія Витовта и бояръ княжества.

Правда, въ трактатѣ есть статьи, упоминающія о болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ Литвы къ Польшѣ, но эти заявленія, противорѣчащія другимъ статьямъ трактата, конечно, не имѣли никакого реальнаго значенія. Поляки при заключеніи уніи учли значеніе боярства, взявъ отъ него особую запись, въ которой лишній разъ подчеркивались союзныя обязательства Литвы къ Польшѣ. Такую же запись выдали поляки литовцамъ. Такимъ образомъ, унія 1413 г. значительно измѣнила содержаніе трактата 1401 г.: Литва и послѣ смерти Витовта будетъ имѣть отдѣльнаго государя, связаннаго союзными отношеніями съ Польшей.

Проэктъ коронаціи.

Литовскіе сепаратисты въ 1413 году одержали большую дипломатическую побѣду. Но политическая мысль Витовта и боярства рисовала себѣ иныя перспективы. Витовтъ и боярство задумали короновать великаго князя

короной, еще разъ въ торжественной обстановкѣ заявивъ о реальной самобытности Литвы. Вполнѣ понятно, что поляки всполошились, узнавъ о предполагаемой коронаціи, тѣмъ болѣе, что въ этихъ планахъ принималъ активное участіе Сигизмундъ венгерскій, старинный соперникъ Польши.

Ягайлло посылалъ пословъ къ Витовту по поводу коронаціи. Но его противодѣйствіе не имѣло никакого вліянія, и Витовтъ лѣтомъ 1429 г. формально заявилъ, что если Ягайлло не прибудетъ на коронацію, то онъ коронуется и безъ него. Чтобы отклонить Витовта отъ этого плана и сохранить унію, Ягайлло и паны предлагали ему польскую корону, такъ какъ Ягайлло готовъ былъ отречься отъ трона. На Витовта это предложеніе не произвело никакого впечатлѣнія, и къ коронаціи постарому шли приготовленія. Однако коронація не состоялась: отложенная въ первый разъ, она вторично не могла состояться за смертью Витовта въ 1430 г.

Итакъ, первый періодъ въ литовско-польскихъ отношеніяхъ не оправдалъ надеждъ польской дипломатіи. Литовское боярство сумѣло отстоять свою политическую самобытность, несмотря на внѣшнія обстоятельства, невсегда укладывавшіяся для Литвы благопріятно.

V. Національно-политическая борьба въ XV в. и судьба уніи.

Культурные результаты уній.

Заключивъ унію съ литовцами, поляки не добились своей цѣли—„втѣленія“ въ польскій государственный организмъ Литвы. По крайней мѣрѣ, во все время „пановапія“ Витовта объ этомъ не могло быть и рѣчи. Но зато результаты уніи довольно скоро сказались на религіозно-культурномъ бытѣ литовцевъ. Согласно уніи 1386 г., Ягайлло принялъ самъ католицизмъ и обѣщалъ крестить свой народъ. Крестились въ общемъ неохотно,

и литовское боярство оставалось вѣрно вѣрѣ предковъ. И привиллеи Ягайлла пока не давали существенныхъ результатовъ. Политика Ягайллы въ общемъ была очень благопріятна по отношенію къ католицизму. По существу таковой оставалась и политика Витова. Католицизмъ началъ дѣлалъ большіе успѣхи послѣ уніи 1413 года, когда католики-бояре и шляхта получили рядъ правъ и преимуществъ.

Борьба русскаго и польскаго вліяній.

Вмѣстѣ съ католицизмомъ прививалась въ Литвѣ и польская культура, правда, захватывая пока только высшіе классы. Польская культура столкнулась съ русской, и побѣдительницей должна была оказаться та культура, на чью сторону станетъ правительство. Въ Литвѣ наступилъ періодъ борьбы культурныхъ вліяній. Это не было мирное соревнованіе двухъ культуръ, благодаря которому лучше всего выясняется сила и значеніе той или другой изъ нихъ. Подъ натискомъ польской культуры русской пришлось отступить и не потому, что она была ниже по своимъ качествамъ. Къ культурной борьбѣ надо присоединить и борьбу національную, совпадавшую съ первой и являвшуюся слѣдствіемъ тѣхъ отношеній, въ которыя стала господствующая народность—литва къ русской національности, составлявшей $^{9}/_{10}$ всего населенія въ княжествѣ. Антогонизмъ русской и литовской національностей уже предрѣшалъ привилей 1413 г., образовавшій литовско-католическую аристократію и закрѣпившій за ней значеніе не только землевладѣльческаго, но и правящаго класса. Согласно привилею, всѣ высшія должности, установленныя по польскому образцу—воеводы, каштеляны—могли даваться только литовцамъ-католикамъ. Они же составляли при князѣ и особый совѣтъ—раду. Благодаря привилею 1413 г., литовская народность заняла господствующее положеніе въ государствѣ. Оно особенно рѣзко выразилось въ борьбѣ Витовта за самостоятельность в. кн. Литовскаго. Привиллегированное положе-

ніе литовской народности пробуждало соотвѣтствующее чувство недовольства среди русскихъ. Борьба земель аннексовъ съ собственно Литвой намѣчалась уже при Витовтѣ, но ему кое-какъ удавалось держать въ равновѣсіи враждующія силы. Положеніе Витовта было тѣмъ затруднительнѣе, что за спинами русскихъ скрывались враждебные Витовту удѣльные князья, не желавшіе помириться съ потерей своего прежняго политическаго значенія. Антагонизмъ двухъ народностей, къ которому присоединился и сепаратизмъ удѣльныхъ князей, сейчасъ же вскрылся послѣ смерти Витовта. Поляки и литовцы, конечно, были взволнованы смертью Витовта. Обѣ стороны надѣялись учесть это явленіе въ выгодную для себя сторону. Ни та ни другая сторона и не думали объ исполненіи соотвѣтствующихъ статей Городельскаго акта. Впрочемъ, поляки въ своемъ отрицаніи Городельской уніи могли опереться на предсмертное заявленіе Витовта о возвращеніи обратно Ягайллу полученнаго отъ него великаго княжества. Благодаря этому заявленію, Литовское государство снова утрачивало свою самобытность, и создавалось весьма неблагопріятное для литовцевъ положеніе дѣлъ въ духѣ Кревской уніи 1385 г. Конечно, литовское боярство должно было найти выходъ изъ создавшагося положенія. Но само по себѣ оно всетаки было слишкомъ слабо, чтобы дѣйствовать рѣшительно. Это и опредѣлило сближеніе литовскаго магнатства съ русскими князьями и боярами. Собравшись всѣ вмѣстѣ на съѣздъ, они, вопреки акту 1413 г, безъ согласія Ягайллы и польскихъ пановъ избрали брата Ягайллы, Свидригайллу, великимъ княземъ. По словамъ современника, выборъ былъ единодушнымъ, и по своимъ свойствамъ онъ рѣшительно удовлетворялъ и Литву и Русь. Литва симпатизировала Свидригайлѣ, какъ убѣжденному противнику уніи. Возведя его на престолъ, литовскіе магнаты могли надѣяться встрѣтить въ великомъ князѣ силу, которая будетъ въ состояніи дать Польшѣ

соотвѣтствующій отпоръ. Для Руси—это былъ нетолько противникъ уніи, а и защитникъ національныхъ интересовъ русскаго народа, о которыхъ начинали забывать благодаря господствующему положенію литовскаго магнатства и вліянію на него польской культуры. По существу, обѣ стороны оцѣнивали Свидригайллу съ разныхъ точекъ, фактически непримиримыхъ, и начавшееся сближеніе Литвы и аннексированныхъ земель должно было прерваться. Избраніе Свидригайлла великимъ княземъ, конечно, для поляковъ было большимъ дипломатическимъ пораженіемъ, и чтобы сохранить за Польшей хотя бы тѣнь верховной власти надъ Литвой, Ягайллѣ оставалось одно—утвердить избранника на великокняжескомъ столѣ, хотя такая политическая комбинація не предусматривалась никакими унитарными договорами.

Послѣдствія избранія Свидригайллы.

Избраніе Свидригайллы было чревато своими послѣдствіями. Оно повело къ рѣшительному возвышенію Руси. Новый государь окруженъ русскими людьми, среди которыхъ встрѣчались и литовцы-католики. Во всякомъ случаѣ, исключительному политическому господству литовцевъ былъ нанесенъ сильный ударъ, что впослѣдствіи было оцѣнено литовскими магнатами. Съ Польшей же Свидригайлло сразу сталъ во враждебныя отношенія. Поляки поддерживали свои старыя притязанія на Подолье. Свидригайлло съ этимъ не согласился, и между обоими братьями началась упорная и долгая борьба.

Заговоръ на жизнь Свидригайллы и избраніе Сигизмунда.

Политическая дѣятельность Свидригайлы, выдвигавшаго повсюду русскій элементъ, встрѣтила въ Литвѣ враждебное отношеніе. Литовцы боялись потерять свое первенствующее значеніе въ государствѣ, и единственнымъ для нихъ выходомъ было избраніе новаго великаго князя, который уже не измѣнитъ литовской народности. Литовцы рѣшились на государственный переворотъ, заранѣе обезпечивъ себѣ согласіе Ягайллы и польскихъ пановъ; для послѣднихъ

Свидригайлло былъ опасенъ, какъ убѣжденный сепаратистъ и защитникъ Подолья отъ польскихъ притязаній. При благосклонномъ содѣйствіи Польши былъ организованъ заговоръ. Заговорщики, во главѣ съ княземъ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ, княжившимъ въ Стародубѣ, въ сообщничествѣ другихъ литовскихъ князей и магнатовъ, напали въ городѣ Ошмянахъ на Свидригайллу, захватили въ плѣнъ его семью, а самъ Свидригайло успѣлъ убѣжать въ Полоцкъ. Сигизмундъ отъ имени Ягайллы былъ провозглашенъ великимъ княземъ, тоже вопреки уніи 1413 г., но литовскому магнатству, подъ напоромъ враждебной Руси и другихъ союзниковъ Свидригайллы, не приходилось ждать: нужно было поскорѣе использовать создавшееся положеніи дѣлъ, даже цѣною уступокъ полякамъ. И Ягайлло рѣшилъ использовать переворотъ 1431 года въ интересахъ уніи. Имъ было послано въ Литву посольство, которому были даны большія полномочія на подтвержденіе и возобновленіе уніи обоихъ государствъ и для исправленія нѣкоторыхъ статей. Обѣ стороны съѣхались въ Гродно въ 1432 г., гдѣ и выработали новое унитарное соглашеніе.

Унія 1432 г. Новый трактатъ признавалъ Сигизмунда пожизненнымъ соправителемъ польскаго короля. Послѣ его смерти великое княжество переходитъ къ Ягайллѣ, за исключеніемъ отчинныхъ владѣній, поступающихъ въ законное распоряженіе наслѣдниковъ Сигизмунда. Подолье уступалось Польшѣ „со всѣми мѣстами, замками и округами“. Та же судьба постигала и Волынь, но ее сначала нужно было завоевать, а потомъ думать о присоединеніи къ Польшѣ. Какъ бы уступая литовскимъ сепаратистамъ, трактатъ 1432 г. обусловливалъ присоединеніе Волыни только послѣ смерти Сигизмунда. Великій князь обязывался быть вѣрнымъ союзникомъ и защитникомъ Польши, а чтобы отнять у литовцевъ всякую надежду на самостоятельность, Сигизмунда заставили дать обѣщаніе не обольщаться ничьими подго-

ворами и не хлопотать о королевскомъ вѣнцѣ безъ вѣдома и согласія польскаго короля и его преемниковъ. Союзный договоръ скрѣплялся подписями литовскихъ магнатовъ—свидѣтелей переговоровъ. Унія не предрѣшала въ будущемъ инкорпораціи, такъ какъ допускала возможность избранія преемника Сигизмунду, но только при непремѣнномъ участіи обѣихъ сторонъ. Новая унія была дѣломъ рукъ литовскаго панства, испугавшагося наплыва русскаго элемента, а слѣдовательно, и потери пріобрѣтеннаго вліянія. Сравнительно съ условіями уніи 1413 г. новый договоръ былъ менѣе выгоденъ литовскому боярству; въ немъ вопросъ о литовской самобытности въ сферѣ государственныхъ отношеній былъ связанъ съ личностью Сигизмунда и носилъ, такимъ образомъ, временный характеръ, что являлось отчасти возвращеніемъ къ условіямъ третьей литовско-польской уніи. По существу, подобную политику можно считать измѣной національному дѣлу, на что магнаты рѣшились ввиду исключительныхъ обстоятельствъ: въ цѣляхъ подавленія и униженія выступившаго на историческую сцену русскаго элемента.

Привилей 1432 г.

Литовское боярство и поляки посадили Сигизмунда Кейстутовича на великокняжскій столъ безъ вѣдома и согласія русскихъ князей и пановъ. Ни Ягайло, ни магнаты не были расположены считаться съ политическимъ вліяніемъ и значеніемъ русскаго населенія Тѣмъ не менѣе, обстоятельства заставили польскаго короля пойти на уступки, ради примиренія населенія русскихъ областей съ совершившимся государственнымъ переворотомъ: одновременно съ нимъ Ягайло опубликовалъ новый привилей. Привилей 1432 г. уравнивалъ въ правахъ литовскую и русскую шляхту, распространяя на нее дѣйствіе привилея 1413 г. Распространеніе привилея 1413 на русскую шляхту объяснялось желаніемъ, „дабы на будущее время между обоими народами не было розни или какого-нибудь

неравенства, коими можетъ наноситься ущербъ государству, чтобы всѣ, утѣшенные одинаковыми милостями, единодушно и согласно, съ одинаковымъ рвеніемъ и постоянствомъ, радѣли о благѣ и преуспѣяніи государства, ревностно и вѣрно исполняли повелѣніе короля Ягайллы и его брата, великаго князя Сигизмунда". Впрочемъ, для польской политики опубликованный привилей не могъ имѣть большого значенія: его дѣйствіе распространилось не на всѣ земли-аннексы, а только на Русь Литовскую; да къ тому же пользованіе правами связывалось съ принадлежностью къ католическому вѣроисповѣданію, которое среди русской шляхты XV в. было распространено относительно слабо. Привилей 1432 г. не отмѣнилъ соотвѣтствующихъ статей Городельскаго привилея.

Свидригайлло и Сигизмундъ.

Земли-аннексы не признали происшедшаго переворота и оставались вѣрны Свидригайллѣ. Поддержанный знатью и удѣльными князьями, сепаратистами по убѣжденію, Свидригайлло началъ борьбу съ Сигизмундомъ, на сторонѣ котораго было крупное магнатство Литвы, Жмуди и мелкій военно-служилый классъ Подляхіи, оцѣнившій значеніе привилея 1413 г. Численное превосходство было на сторонѣ Свидригайллы, зато противники лучше могли направить свои силы противъ врага.

Во время хода военныхъ дѣйствій Свидригайлло сдѣлалъ немало тактическихъ ошибокъ, давшихъ перевесъ литовскому оружію, поддержанному поляками въ надеждѣ на присоединеніе къ Польшѣ Подоліи и Волыни, если полная инкорпорація фактически въ данное время невозможна. Военныя дѣйствія въ общемъ затянулись надолго, чему, конечно, способствовало національное упорство русскихъ областей, а съ другой стороны, внутренними усобицами воспользовался Прусскій орденъ, чтобы начать войну съ Польшей. Какъ только Сигизмундъ Кейстутовичъ сѣлъ на литовскомъ

столѣ, Ягайлло захватилъ западное Подолье, прогнавъ оттуда намѣстника Свидригайлла, а затѣмъ вступилъ въ оставленный Свидригайлломъ Владиміръ, приступивъ къ осадѣ Луцка. Такъ Волынь попала въ руки поляковъ. Для примиренія обывателей Волыни съ Польшей Ягайллу пришлось пойти на существенныя уступки, выдавъ Луцкой землѣ особый привилей—князьямъ, панамъ, прелатамъ и рыцарямъ земли Луцкой, какъ римской, такъ и греческой вѣры.

Это было сдѣлано по просьбѣ перечисленныхъ лицъ, готовыхъ принять польское подданство. Согласно привилею, права и вольности шляхты королевства Польскаго распространялись на соотвѣтствующіе станы Луцкой земли. Впрочемъ привилей не имѣлъ практическаго значенія: Луцкая земля перешла на сторону Свидригайлла, но онъ любопытенъ, какъ фактъ, указывающій на ближайшій курсъ польской политики по отношенію къ русскимъ областямъ. Послѣдовавшій затѣмъ разгромъ Литвы и Черной Руси заставилъ Ягайлло заключить перемиріе, согласно которому западное Подолье осталось за Польшей, а о Волыни не было и рѣчи.

Положеніе Сигизмунда было довольно затруднительно: къ нему въ оппозиціи находились не только русскія земли, но и литовское магнатство, не говоря о другихъ общественныхъ элементахъ въ Литвѣ: магнаты, принявшіе по необходимости изъ рукъ Ягайлла Сигизмунда, обращались съ нимъ свысока и не признавали ни заключенной уніи, ни его авторитета. И вторичное скрѣпленіе унитарнаго договора, для чего Ягайлло спеціально пріѣхалъ въ Литву, не достигло намѣченной цѣли: если литовскіе потентаты дали на нее свое согласіе, то всецѣло изъ боязни поглощенія Литвы Русью, въ надеждѣ съ помощью Польши подчинить возставшія русскія земли.

Сигизмундъ и Ягайлло, желая ослабить Свидригайлла, выдали въ 1434 г. населенію новый привилей, являю-

щійся всущности повтореніемъ хартіи, изданной два года тому назадъ, впрочемъ, съ нѣкоторыми дополненіямъ, о которыхъ придется говорить ниже. Рознь католиковъ и православныхъ была закрѣплена и новой хартіей, по духу польско-католической.

Борьба Сигизмунда и Свидригайлла.

Первоначально районъ военныхъ дѣйствій ограничивался предѣлами Черной Руси и Литвы, но въ 1437 г. Сигизмунду удалось нанести своему противнику жестокое пораженіе подъ Вилкоміромъ, вслѣдъ за которымъ отъ Свидригайллы отпали Полоцкъ, Витебскъ и Смоленскъ. Ему оставались пока вѣрны Волынь, Кіевщина, Подолье и Чернигово-Сѣверская земля. Сознавая, что одинъ онъ не въ силахъ бороться съ польскимъ королемъ и литовскимъ великимъ княземъ, Свидригайлло рѣшился на актъ, которому поляки впослѣдствіи придавали огромное значеніе: онъ согласился поддаться польскому королю и коронѣ Польской со всѣми своими подданными, замками, мѣстами и селами... По смерти Свидригайлла отчина его и всѣ владѣнія, которыя принадлежатъ и будутъ принадлежать ему, должны перейти къ королю и коронѣ Польской.

Такъ возникло вассальное русское княжество, оторвавшись отъ Литвы, но этотъ договоръ не былъ утвержденъ польскимъ сеймомъ. Борьба продолжалась и окончилась только въ 1439 г. полнымъ пораженіемъ Свидригайлла, въ рукахъ котораго оставалась восточная часть Подолія. Но и Сигизмундъ не удержался на престолѣ. Тираническій характеръ *) и крупныя территоріальныя уступки погубили его. Магнаты Литвы хотѣли исправить также условія уній 1432 г. 1434 г. Великій князь былъ убитъ, и для литовской дипломатіи предоставлялся полный просторъ въ дѣлѣ возстановленія литовской автономіи и возвращенія обратно уступленныхъ Польшѣ русскихъ областей.

*) Стремленіе опереться на мелкопомѣстную литовскую шляхту, выдвиганіе незнатныхъ фамилій.

VII. Примирительная политика Казиміра и дальнѣйшая борьба противъ уніи.

Казиміръ Ягеллончикъ (въ Польшѣ Казиміръ IV).

При избраніи преемника Сигизмунда литовской аристократіи приходилось остановить свой выборъ на такомъ кандидатѣ, который не только являлся бы сторонникомъ литовской государственной автономіи, но и не былъ бы противникомъ магнатства. Первое время, когда заходила рѣчь о преемникѣ Сигизмунда, среди литовской аристократіи не было требуемаго единодушія. Возникли партіи, выдвигавшія того или другого кандидата на престолъ. Были даже сторонники кандидатуры Свидригайллы, но, конечно, она успѣха не могла имѣть. Правда, Свидригайлло былъ сторонникомъ автономическаго государства, но его связь съ русскимъ населеніемъ служила доказательствомъ того, что симпатіи его будутъ не на сторонѣ литовскихъ магнатовъ, и имъ отъ него нечего ждать.

Выдвигалась кандидатура и сына убитаго Сигизмунда, но пока отпадала изъ боязни, что сынъ пойдетъ по стопамъ своего отца по отношенію къ магнатамъ, да къ тому же будетъ мстить за смерть отца. Въ концѣ концовъ взяла верхъ партія, выставившая кандидатуру Казиміра Ягеллончика (сынъ Ягайлла). Послѣднему было только 13 лѣтъ; за его малолѣтствомъ, правленіе должно было перейти въ руки магнатовъ; это укрѣпляло положеніе магнатства, да и унитарный вопросъ могъ быть разрѣшенъ иначе. Польское правительство не сочувствовало предложенной конъектурѣ, прекрасно сознавая, что это сразу измѣнитъ характеръ литовско-польской уніи. Недаромъ король соглашался отпустить Ягеллончика въ Литву только въ качествѣ намѣстника, хотя это было бы нарушеніемъ условій уній 1413 и 1432 г. Ввиду такихъ дѣйствій короля литовскіе магнаты объявили о расторженіи уніи и провозгласили великимъ княземъ Казиміра. Польское правительство не признало происшедшей перемѣны, отказывало въ признаніи за Кази-

міромъ великокняжескаго титула, но литовское магнатство пока игнорировало недовольство польскаго правительства (1440 г.).

Избраніе Казиміра было дѣломъ только одного литовскаго магнатства и вызвало недовольство не только въ однѣхъ русскихъ областяхъ, но также и въ демократической Жмуди и мелкопомѣстной Подоліи, стоявшей на сторонѣ Михаила Сигизмудовича; часть Волыни была въ рукахъ Свидригайллы. Впрочемъ, это движеніе было менѣе опасно, чѣмъ возстаніе Свидригайллы. Каждая область дѣйствовала особнякомъ, на свой страхъ и рискъ, и литовскому правительству удалось безъ труда подавить сепаратистское движеніе. Такъ, Смоленское вѣче, прогнавшее великокняжескаго намѣстника и избившее бояръ, сначала призвало къ себѣ особаго государя, Мстиславскаго князька Юрія Лингвеньевича. Но утвердиться ему въ Смоленскѣ не удалось. Его рѣзко-демократическая политика и наклонность къ полному сепаратизму принудили литовское правительство поскорѣе принять соотвѣтствующія мѣры и возвратить Смоленскъ обратно Литвѣ. Смоленску въ скоромъ времени пришлось принять обратно княжескаго намѣстника, но чтобы привязать прочнѣе Смоленскую землю къ княжеству, Казиміръ выдалъ ей подтвердительный привилей на права и вольности, пожалованныя Витовтомъ. Такіе же подтвердительныя привилеи получили земли Полоцкая и Витебская, вѣроятно въ 1451 г., когда въ Литвѣ происходилъ общій сеймъ великаго княжества. Отпавшая Кіевская земля скоро была обратно возвращена къ Литвѣ, и ей дали бывшаго кіевскаго воеводу Олельку. Послѣ смерти его сына Семена, княжескій урядъ былъ уничтоженъ разъ навсегда, и Казиміръ въ 1471 г. выдалъ Кіевской землѣ новый привилей, включивъ туда всѣ права и вольности населенія, завоеванныя при послѣднихъ князьяхъ. Возстаніе въ Жмуди не потребовало вмѣшательства военной силы. Умѣлыми переговорами убѣдили жмудиновъ признать власть великаго князя,

а для закрѣпленія состоявшихся переговоровъ Казиміръ выдалъ въ 1492 г. подтвердительную уставную грамоту. Совершенно мирной политики держалось правительство Казиміра по отношенію къ Волыни, оставшейся вмѣстѣ съ восточнымъ Подольемъ въ рукахъ Свидригайлла, признавшаго въ 1445 г. Казиміра великимъ княземъ. Послѣ смерти волынскаго князя, его области, согласно завѣщанію, перешли къ Казиміру, который выдалъ волынской шляхтѣ привилей, снабдивъ его новыми правами и вольностями. Наконецъ, чтобы успокоить мелкопомѣстную шляхту Подолья, Казиміръ привилеемъ уравнялъ ее въ правахъ съ польской шляхтой. Въ общемъ, удачными мѣрами Казиміру вновь удалось собрать воедино разсыпавшееся Литовское государство.

Избраніе Казиміра на польскій престолъ.

Первое время панованья Казиміра поляки не поднимали вопроса объ уніи, словно примирившись съ совершившимся фактомъ. Но затѣмъ обстоятельства начали складываться въ благопріятномъ для Польши отношеніи. Польскій престолъ въ 1444 году сталъ вакантнымъ, и поляки рѣшили пригласить на польскій престолъ Казиміра.

Актомъ избранія Казиміра на польскій престолъ (1447 г.) сразу создавались подходящія условія для возобновленія уніи на началахъ инкорпораціи. Предложеніе поляковъ поставило Казиміра и литовское магнатство въ довольно затруднительное положеніе, но затѣмъ, когда въ Польшѣ стали выдвигать другую кандидатуру, быть можетъ, только по тактическимъ соображеніямъ, рѣшено было принять корону, но не соглашаться на унію на основаніи старыхъ трактатовъ. Такъ снова унитарный вопросъ былъ постовленъ на очередь. Литовскіе паны соглашались на принятіе Казиміромъ польской короны, но подъ условіемъ сохраненія въ неприкосновенности государственной территоріи и самостоятельнаго государственнаго режима. Дѣйствительно, литовскимъ панамъ, пріѣхавшимъ въ Брестъ для заключенія уніи, удалось взять отъ короля особую клятвенную запись,

въ которой Казиміръ призналъ существованіе только оборонительнаго союза между Литвою и Польшею, а землю Луцкую, Подольскую, Ратно, Ветлы, Лопатинъ и Олеско—территорію, на которую заявляла притязанія Польша, землями литовскими. Литовцы отстояли свой государственный режимъ и получили отъ короля право послѣ смерти Казиміра избрать отдѣльно или съ поляками особаго великаго князя, что было возвращеніемъ къ договору объ уніи 1413 года. Правда, эта запись имѣетъ болѣе идеальный характеръ, съ ней поляки никогда не считались. Наоборотъ, какъ только состоялся первый сеймъ въ присутствіи избраннаго короля, поляки потребовали подтвержденія, что Подолія и часть Волыни остаются за Польшей, какъ бы въ отместку за несостоявшіяся передъ тѣмъ переговоры, согласно которымъ поляки предлагали литовцамъ для уничтоженія всякихъ недоразумѣній между обѣими сторонами—сліяніе въ одно государство, съ однимъ королемъ, съ одинаковыми для шляхты правами и вольностями. Литовское магнатство не согласилось на подобную комбинацію. Но и Казиміръ не далъ никакого отвѣта на требованіе поляковъ, отказавшись подтвердить ихъ права и вольности, пока они не выяснятъ своихъ отношеній къ литовцамъ. Положеніе Казиміра было довольно затруднительнымъ: унія не налаживалась; ему не довѣряли ни поляки, ни литовцы, а русскія аннексированныя земли, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Литвы, какъ выше было указано, стремились къ полному отдѣленію. Въ цѣляхъ примиренія Руси и Литвы и привлеченія на свою сторону болѣе широкихъ слоевъ въ русской шляхтѣ, Казиміръ 2 мая 1447 опубликовалъ новый привилей. Его содержаніе шире другихъ привилеевъ, и главное его отличіе отъ привилеевъ 1413, 1432 и 1434 г.—это распространеніе правъ и вольностей на все русское населеніе княжества, но статья конфессіональнаго характера осталась неотмѣненной: занимать должности попрежнему могли

только католики. Въ опубликованномъ привилеѣ для польско-литовскихъ отношеній имѣютъ огромное значеніе статьи о замѣщеніи разныхъ урядовъ только туземцами и обѣщаніе держать Литовское княжество въ тѣхъ границахъ, въ какихъ оно было при Витовтѣ, и защищать его. (in eisdem limitibus integre et plenarie tenere et defendere). Унитарный вопросъ впослѣдствіи выдвигался на очередь неразъ, но рѣшить его въ томъ или другомъ направленіи такъ и не удалось. Во время всего господарства Казиміра отношенія Литвы къ Польшѣ оставались неопредѣлившимися, хотя старыя земли поляки разсматривали, какъ присоединенныя къ Польшѣ. Патріотическаго чувства Литвы не успокоили и антипольскія статьи привилея 1447 г.: литовцы тяготились уніей и хотѣли имѣть отдѣльнаго князя въ лицѣ одного изъ сыновей Казиміра, но послѣдній не согласился, и литовскому магнатству оставалось ожидать съ нетерпѣніемъ смерти короля и великаго князя. Въ 1492 г. король умеръ. Смерть господаря подняла упавшій духъ литовскаго магнатства, которое, игнорируя поляковъ, немедленно избрало на престолъ сына Казиміра, Александра; соотвѣтствующія статьи уній такимъ образомъ были нарушены литовцами, какъ раньше поляками.

Александръ и Альбрехтъ,

Послѣдніе избрали королемъ его брата Альбрехта. При избраніи на престолъ Александра, литовская аристократія заставила новаго господаря выдать привилей, подтверждающій прежнія льготы и права и закрѣпляющій за магнатами то рѣшающее положеніе, которое они фактически занимали въ сферѣ государственной дѣятельности, благодаря постояннымъ поѣздкамъ Казиміра въ Польшу. Привилей 1492 г. не далъ никакихъ новыхъ правъ шляхтѣ, но, закрѣпляя за аристократіей, какъ членами „господарской рады“, активное участіе въ сферѣ внутренней и внѣшней политики, новый господарь существенно ограничивалъ прерогативы своей власти. Для литовскихъ магнатовъ подобный

привилей являлся необходимостью: только взявъ кормило правленія въ свои руки и магнаты могли быть увѣрены въ сохраненіи литовской независимости. Въ общемъ, привилей 1492 г. юридически конструировалъ положеніе боярства, основанное на обычаѣ. Новость — прочныя правовыя гарантіи. Но вопросъ объ уніи скоро сталъ очереднымъ. Затруднительное внѣшнее положеніе, благодаря борьбѣ съ Москвой, заставило искать союза съ Польшей. Новое соглашеніе было подписано въ 1499 г., и условія его могли быть относительно пріемлемыми для литовцевъ. Унія 1499 г. признавала за Литвой права на самостоятельный государственный режимъ, причемъ Литва становилась къ Польшѣ въ тѣ же отношенія, въ какихъ она находилась раньше согласно трактатамъ 1313 и 1432 гг. Но и новая унія оказалась недолговѣчной.

Избраніе Александра на польскій престолъ и унія 1501 г.

Въ разгаръ военныхъ дѣйствій съ Москвой умираетъ польскій король, и литовцы сами поднимаютъ вопросъ о приглашеніи Александра на польскій тронъ. Затруднительное положеніе Литвы было учтено поляками, рѣшившими воспользоваться даннымъ моментомъ для реализаціи давнишнихъ политическихъ мечтаній. Унія 1501 г. по своему содержанію рѣзко отличается отъ предыдущихъ трактатовъ: отнынѣ Литва и Польша сливаются въ одно государство, будутъ имѣть одного государя, выбираемаго на общемъ польско-литовскомъ сеймѣ, одну монету, но разные суды и должности. Оба государства будутъ неразлучны въ счастіи и несчастіи, признавая за прежними договорами обязательную силу. Унія 1501 г. для литовцевъ, конечно, была непріемлемой, но всетаки магнатамъ пришлось ее подписать. Впрочемъ, этотъ Мельницкій трактатъ на практикѣ не былъ осуществленъ. Польша слабо помогала Литвѣ въ ея войнѣ съ Москвой, а литовское правительство продолжало разсматривать себя, какъ представителя независимой въ политическомъ смыслѣ Литвы. Поэтому унія 1501 г. интересна

какъ показатель, къ какимъ конечнымъ результатамъ стремилась польская дипломатія.

Въ 1506 г. снова унитарный вопросъ сталъ очереднымъ. Послѣ смерти Александра литовцы не поѣхали на общій сеймъ, а на собственномъ сеймѣ избрали „едностійною волею“ великаго князя Сигизмунда брата Александра. Поляки сдѣлали то же самое у себя дома, пока не затрагивая и не обсуждая никакихъ вопросовъ изъ области государственнаго права. Собственно, съ избраніемъ Сигизмунда, независимо отъ желанія литовцевъ, условія Мельницкаго трактата отчасти осуществились: Литва и Польша имѣли одного государя. Это самое главное. Остальное можно привести въ исполненіе въ зависимости отъ дальнѣйшаго хода дѣлъ.

Сигизмундъ (въ Польшѣ I) Старый, (1506—1548 г.

VIII. Оппозиціонныя броженія на Руси и внѣшнее положеніе Литвы.

Привилей 2-го мая 1447 г. отчасти примирилъ русскую шляхту съ политикой Казиміра. Получивъ рядъ правъ и привиллегій, русская шляхта съ этого времени перестаетъ враждебно относиться къ уніи съ Польшей, ради полнаго уравненія съ поляками и ослабленія вліянія литовскихъ магнатовъ. Изданіемъ же судебника въ 1468 г., по своей терминологіи и по многимъ статьямъ совершенно гармонирующаго съ Русской Правдой, правительство тоже шло навстрѣчу русскому населенію, закрѣпляя въ кодексѣ стародавніе судебные обычаи, усвоенные къ этому времени и литовцами. Въ общемъ, политика компромиссовъ отчасти примирила русскую шляхту съ Казиміромъ и господствомъ Литвы, но о полномъ примиреніи пока не могло быть и рѣчи, разъ русскій элементъ попрежнему находился на второмъ мѣстѣ. Вотъ почему русская шляхта неразъ приметъ участіе въ движеніяхъ противъ Литвы.

Отношеніе русскихъ земель къ Литовско-Польскимъ уніямъ.

Но та же политика не могла встрѣтить никакой поддержки и сочувствія въ русской аристократіи. Православ-

Русскіе князья и Казиміръ IV Ягеллончикъ.

ные русскіе князья не могли мириться съ существующимъ положеніемъ дѣлъ: политика Казиміра не только была направлена на уничтоженіе удѣловъ, но она также не давала русской аристократіи никакой возможности играть какую бы то ни было политическую роль благодаря сохраненію конфессіональныхъ статей въ привилеѣ 1447 года. Все это опредѣлило отрицательное отношеніе къ политикѣ Казиміра и регулировало дальнѣйшіе поступки русской аристократіи. Въ 1471 г. умеръ Кіевскій князь Семенъ Олельковичъ. Правительство послало въ Кіевъ намѣстника, и хотя кіевляне не желали стать на положеніе литовской провинціи и просили оставить имъ какого-нибудь князя, но въ концѣ концовъ имъ пришлось уступить и принять княжескаго намѣстника—литовскаго магната Гаштольта. И на Волынь послѣ смерти Свидригайлла былъ посланъ намѣстникъ. Такая политика Казиміра вызвала большое движеніе среди русскихъ князей, во главѣ которыхъ сталъ братъ послѣдняго Кіевскаго князя, Михаилъ Олельковичъ. Русскіе князья выработали опредѣленный планъ дѣйствій, цѣлью которыхъ былъ захватъ великокняжескаго стола и передача его одному изъ князей южно-русскихъ, которые не будутъ уничтожать удѣльныхъ традицій. Но политика удѣльныхъ князей потерпѣла полное крушеніе: Казиміра во время предупредили; князья были схвачены и казнены.

Москва и Литовско-Русское государство.

Заговоръ русскихъ князей въ 1481 г. интересенъ и въ другомъ отношеніи: заговорщики дѣйствовали не безъ надежды на московскую помощь, за что, какъ сообщаютъ нѣкоторые современные компиляторы, группа князей уступала Московскому князю часть русскихъ земель по рѣку Березину, хотя оффиціально провѣрить эти факты невозможно. Вообще, отношенія князей къ Московскому князю остаются до сихъ поръ невыясненными, хотя тяготѣніе князей въ Москвѣ несомнѣнно. Только опираясь на великаго князя Московскаго, русскіе князья надѣялись сохранить за собою свои кня-

жества, подобно тому, какъ Литва съ помощью Польши надѣялась провести свою политику уничтоженія удѣловъ. Для Московскихъ князей обращеніе къ нимъ русскихъ князей за помощью давало подходящій поводъ для вмѣшательства во внутреннія дѣла Литовскаго государства подъ предлогомъ защиты русской національности и вѣры, угнетаемой католиками, но, конечно, главнымъ мотивомъ для вмѣшательства была собирательная политика Московскихъ князей, поставившихъ себѣ задачей объединеніе не только сѣверо-восточной Руси, но и включеніе въ составъ Московскаго государства русскихъ областей, отошедшихъ къ Литвѣ. Это опредѣлило вѣковую вражду Литвы и Руси. Враждебныя отношенія Литвы и Москвы давнишнія: всегда обѣ стороны относились другъ къ другу съ подозрѣніемъ и не желали дальнѣйшаго усиленія соперника. Пока силы обоихъ государствъ были приблизительно одинаковы, обѣ стороны не доводили дѣла до рѣшительнаго столкновенія, стараясь всячески помѣшать усиленію другъ друга. Вполнѣ понятно, что сепаратизмъ великорусскихъ князей встрѣчалъ такую же поддержку въ Литвѣ, какъ въ Москвѣ поддерживали удѣльныхъ князей русскихъ. Эта противоположность политики литовской и московской выяснилась еще при Витовтѣ, къ объединительной политикѣ котораго въ Москвѣ относились съ большимъ подозрѣніемъ.

Вопросъ о Смоленскѣ.

Захватъ Смоленска указывалъ на необходимость вмѣшательства для прекращенія дальнѣйшаго усиленія Литвы тѣмъ болѣе, что въ Смоленскѣ сформировалась московская партія во главѣ съ рязанскимъ княземъ и просила Москву о помощи. Впрочемъ, вмѣшательство не помогло. Смоленскъ остался за Литвой, и на восточной границѣ онъ долго будетъ яблокомъ раздора между обоими государствами. Въ концѣ княженія Витовта тверскіе и рязанскіе князья вступили съ Витовтомъ въ соглашеніе, обѣщая быть „съ нимъ заодно“.

Интересы Литвы и Москвы сталкивались еще въ Новгородской землѣ.

Великій Новгородъ.

Новгородская аристократія всегда боялась нивелирующей московской политики и тяготѣла къ Литвѣ и ея политикѣ уваженія областной самостоятельности. Литовскіе князья неразъ появлялись въ Новгородѣ, правда, на короткое время. Наконецъ въ 1478 г., когда Иванъ III готовился нанести новгородцамъ окончательный ударъ, они рѣшили поддаться Казиміру при условіи сохраненія въ неприкосновенности мѣстнаго строя и мѣстныхъ правовыхъ обычаевъ. Это обращеніе къ Литвѣ фактически было безполезно: Литвѣ и дома было много дѣла, оказать какую-нибудь существенную поддержку Новгороду она не могла. Впрочемъ, перевѣсъ Москвы надъ Литвой сказался еще въ 40 годахъ, когда Тверь, Новгородъ, Псковъ, отчасти Рязань попали въ сферу московскаго вліянія. Уже тогда намѣтились результаты будущей борьбы Литвы и Москвы. Пока шла борьба Москвы съ удѣльными князьями, Литва давала убѣжище послѣднимъ, но при Иванѣ III удѣлы были уничтожены; границы Литовскаго и Московскаго государствъ соприкасались другъ съ другомъ; пограничные Черниговo-сѣверскіе князья начали переходить на сторону Москвы подъ предлогомъ угнетенія православной вѣры. Литовское правительство не признавало законности этихъ переходовъ и пыталось воздѣйствовать на Московское правительство дипломатическимъ путемъ; послѣднее не помогло; борьба была неминуема, но кончилась она для Литвы неудачно: пограничныя волости князей Новосильскихъ, Одоевскихъ, Воротынскихъ— всѣ отошли къ Москвѣ, причемъ обѣ стороны обязывались взаимно не принимать князей съ ихъ волостями. Впрочемъ, переходы не прекращались: Москва какъ бы игнорировала существовавшій трактатъ. И выдача замужъ Елены Ивановны за литовскаго князя Александра не только не примирила враждующихъ сторонъ, а явилась лишнимъ поводомъ для дипломатическихъ перего-

Черниговo-Сѣверская земля.

воровъ и военнаго вмѣшательства подъ предлогомъ нарушенія брачнаго договора и насилія надъ религіозными убѣжденіями Елены. Въ 1500 г. перешли на службу къ Москвѣ рядъ князей, потомки выходцевъ изъ Москвы. Въ общемъ поддалась вся Черниговская земля, и начавшіяся военныя дѣйствія докончили присоединеніе Черниговскихъ земель, окончательно отошедшихъ къ Москвѣ по миру въ 1503 г.

Конечно, перемиріе 1503 года могло имѣть только характеръ передышки въ военныхъ дѣйствіяхъ, утомившихъ обѣ стороны.

Слишкомъ уже непримирима была политика Московскаго князя, объявившаго русскія земли въ Литвѣ своей отчиной. Недаромъ, послѣ смерти кн. Александра Василій Ивановичъ писалъ своей сестрѣ, чтобы та рекомендовала литовскимъ панамъ избрать его великимъ княземъ при условіи сохраненія латинской вѣры въ неприкосновенности, а также правъ литовцевъ. Впрочемъ, кандидатура не имѣла успѣха. Затруднительное внѣшнее положеніе осложнилось волненіями внутри самого Литовскаго государства.

Михаилъ Глинскій и потеря Смоленска.

Виновникомъ ихъ былъ князь Михаилъ Глинскій, представитель русской партіи при дворѣ великаго князя Александра, занимавшій важный постъ маршалка дворнаго и имѣвшій большое вліяніе на самого великаго князя. Послѣ смерти послѣдняго, положеніе Глинскаго значительно пошатнулось. Литовская партія снова усилилась. Тогда Глинскій, войдя въ сношеніе съ Московскимъ княземъ, поднялъ возстаніе, конечной цѣлью котораго, кажется, было возведеніе на литовскій столъ Глинскаго и образованіе новаго западно-русскаго княжества. Однако это движеніе потерпѣло полную неудачу: сѣверо-западная русская шляхта, уже окатоличенная и воспользовавшаяся всѣми правами привилеевъ, осталась вѣрна Сигизмунду.

Наоборотъ, православное кіевское земянство, на которое, благодаря конфессіональнымъ статьямъ, распро-

странялись не всѣ блага польскаго права, поддержало Глинскаго. Движеніе Глинскаго обнаружило симпатіи части шляхты къ Польшѣ, а сочувствіе православнаго земянства Глинскому намѣчало польской дипломатіи дальнѣйшій планъ дѣйствій для привлеченія на свою сторону и православнаго земянства: надо было уравнять въ правахъ православную шляхту съ католической, уничтоживъ соотвѣтствующія статьи привилея, что, впрочемъ, было сдѣлано только въ 1563 г., когда выяснилось, что безъ поддержки русской шляхты немыслимо инкорпорированіе части территоріи. Внутренними волненіями въ Литвѣ воспользовался Василій Ивановичъ, захватившій Смоленскую землю.

Возстаніе Глинскаго, поднятое въ интересахъ русской народности, было послѣднимъ аккордомъ національной борьбы въ государствѣ. Къ началу XVI в. національный вопросъ сталъ менѣе острымъ: удѣлы уничтожены, князей оставалось мало, и матеріальное положеніе ихъ было очень плохое; многочисленная шляхта, начавшая пользоваться всѣми правами, дарованными привилеями, пока была довольна достигнутыми политическими успѣхами, хотя политика магнатства и его привеллигированное положеніе не встрѣчали въ шляхтѣ сочувствія. Антагонизмъ шляхты и магнатства и, какъ результатъ его, дальнѣйшіе политическіе успѣхи шляхты—это былъ вопросъ будущаго, впрочемъ весьма недалекаго. Помимо борьбы съ Москвою, Литвѣ приходилось выдерживать и жестокія нападенія татаръ Крымской орды, выдѣлившейся изъ Золотой орды.

Литва и татары.

Собственно съ татарами Литва была знакома и раньше, какъ только русскія земли признали гегемонію Литвы. Русскимъ князьямъ и подъ верховенствомъ Литвы приходилось посылать татарамъ дань, но Литвѣ всетаки пришлось столкнуться съ татарами изъ-за Подоліи, которое и было отнято у татаръ. Когда окончательно сформировалась Золотая орда, литовскіе князья поддерживали съ нею мирныя отношенія, находя въ

татарахъ надежнаго союзника противъ Москвы *). Благодаря такой политикѣ Литовско-русское государство почти не знало татарскихъ набѣговъ. Впервые Литва почувствовала на себѣ татарскую руку послѣ пораженія Витовта на рѣкѣ Ворсклѣ (1399 г.). Впрочемъ, и это враждебное столкновеніе явилось результатомъ того, что въ ордѣ произошла перемѣна хановъ, и престоломъ завладѣлъ ханъ, соперникъ Тохтамыша, котораго поддерживалъ Витовтъ. Послѣ битвы на рѣкѣ Ворсклѣ татарскіе набѣги стали хроническими, но вся ихъ тяжесть падала на русскія земли. Особенно страдали Кіевъ и Подолье. Правда, литовское правительство принимало рядъ мѣръ по укрѣпленію границъ, въ видѣ постройки валовъ и крѣпостей, но и это мало помогало, и набѣги продолжались. Еще стало тяжелѣе украиннымъ землямъ послѣ распаденія Золотой орды (полов. XV в.). Крымскіе татары сначала были въ союзѣ съ литовцами, но союзныя отношенія прервались. Крымъ измѣнилъ свою политику по отношенію къ Литвѣ, отчасти подъ вліяніемъ Московскихъ князей, толкавшихъ Гиреевъ на путь разоренія Литвы. Втеченіе XV и XVI вѣковъ набѣги почти были непрерывными. Южно-русскія земли превращались въ пустыни, населеніе разбредалось.

Мѣстности съ богатѣйшими почвенными условіями, лежащія на большой торговой дорогѣ, фактически были вычеркнуты изъ предѣловъ государства. Правительство, занятое другими вопросами, почти не принимало мѣръ для защиты населенія, которое толпами уводили въ плѣнъ, а затѣмъ продавали на восточныхъ рынкахъ.

Только положеніе Литвы на западѣ можно признать удовлетворительнымъ: Литвѣ удалось послѣ упорной борьбы нанести еще разъ серьезное пораженіе ордену, лишивъ его части владѣній. Поморье и часть Пруссіи отошли къ Польшѣ. Литва и Орденъ.

*) Витовтъ даже долженъ былъ выступить съ Мамаемъ въ походъ противъ Димитрія Донского, но опоздалъ прійти во время.

IX. Общественный строй въ Литвѣ до половины XV вѣка.

I) Военно-служилый классъ.

Развитіе сословій.

Ни Литва ни Русь, конечно, не могли остановиться на тѣхъ формахъ соціально правовой жизни, которыя были выработаны въ древнѣйшій періодъ. Сущность эволюціи въ общественныхъ отношеніяхъ и заключалась въ постепенномъ образованіи сословій, и въ полученіи высшимъ сословіемъ, шляхетствомъ, все большихъ и большихъ правъ. Съ пріобрѣтеніемъ шляхтой ряда правъ, конечно, исчезло относительное равновѣсіе въ общественныхъ отношеніяхъ. Экономически наиболѣе сильные и надѣленные разными правами стали во главѣ общества, а экономически слабые—крестьяне постепенно теряли свою гражданскую правоспособность и дѣеспособность, попадая въ крѣпостную неволю. Промежуточное мѣсто занимали мѣщане, имѣвшіе особое положеніе въ литовскомъ обществѣ.

Образованіе шляхетства. I) Составъ его.

Процессъ образованія въ Литвѣ шляхетскаго сословія заслуживаетъ большого вниманія, такъ какъ и до сихъ поръ въ деталяхъ онъ остался невыясненнымъ. Но нельзя придавать въ этомъ процессѣ польскому вліянію того огромнаго значенія, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые историки. Отрицать польскаго вліянія, конечно, невозможно, но учесть его вліяніе надо поиному. Польское право само по себѣ не создавало никакого сословія и не разрушало безсословности строя. Оно только юридическими нормами закрѣпило тѣ отношенія, которыя фактически создались между разными общественными группами подъ вліяніемъ разныхъ условій.

а) боярство.

Въ древнѣйшемъ періодѣ, какъ извѣстно, не было сословій, но уже тогда сложились подходящіе для этого элементы, занявшіе особую позицію въ общественныхъ отношеніяхъ, благодаря своему экономическому значенію, какъ представители крупнаго землевладѣнія. Они же составляли княжескую дружину, были членами княжеской думы, имѣли большое моральн-

ное вліяніе на вѣчевыхъ сходкахъ. Составъ такого боярства не былъ постояннымъ: званіе боярина не было наслѣдственнымъ—оно жаловалось княземъ; многіе могли по разнымъ причинамъ не сохранить своего положенія, да и въ среду самого боярства всегда удавалось проникать новымъ элементамъ. *)

Бояръ-зѣмлевладѣльцевъ можно найти во всѣхъ русскихъ земляхъ, они выступаютъ всегда въ сопровожденіи собственныхъ дружинниковъ-послужильцевъ. Уставныя грамоты, выданныя при Витовтѣ, считаются съ этой мѣстной аристократіей, княжеской и боярской. Она выдѣлена въ грамотахъ ввидѣ особой общественной группы. Въ Галиціи боярамъ удалось даже осилить князей и стать заправилами земли, и всѣ попытки Даніила и его потомковъ подавить „крамолу“ и смирить „безбожныхъ бояръ галицкихъ“ фактически кончились ничѣмъ. Галицкое боярство сохранило добытую позицію. Вѣроятно, въ Галиціи, отошедшей къ Польшѣ, сословность строя потому такъ рано опредѣлилась, что предыдущее развитіе наиболѣе подготовило Галицію къ утвержденію сословности. И въ старыхъ литовскихъ земляхъ еще до образованія княжества выдѣлялась знать, которую нѣмецкіе хроникеры называютъ prepotentes, potiores domini, nobiles, die Edelsten. Особенно былъ силенъ классъ землевладѣльческой аристократіи въ Жмуди: онъ отстаивалъ мѣстную автономію и независимость и благодаря своему престижу подчинилъ себѣ народную массу. Съ образованіемъ великаго княжества вся эта литовская знать сохранила свое положеніе, принимая активное участіе въ дѣлахъ по управленію государствомъ и засѣдая въ думѣ князя. Такую думу около себя имѣлъ не только одинъ великій князь: думцевъ имѣли и удѣльные князья, и желаніе удѣльнаго князя опереться въ своей дѣятельности только усиливало

*) Въ средѣ галицкихъ бояръ находимъ бояръ: „поповы внуки“ и „отъ племени смердья“.

мѣстную аристократію. Эти думцы—barones—явились основнымъ ядромъ будущей литовско-русской аристократіи. Намъ уже извѣстно, что и поляки и Витовтъ учитывали значеніе литовской аристократіи въ борьбѣ за право на національное самоопредѣленіе. Недаромъ польское правительство при заключеніи новыхъ договоровъ объ уніи брало присяжные листы отъ бояръ.

б) удѣльные князья.

Удѣльные князья какъ-то незамѣтно сходили со сцены, бѣднѣли, переходя на положеніе служилыхъ князей. Разгромленные при Витовтѣ, они отчасти сохранили за собою и владѣтельныя права, и владѣнія, но на общемъ основаніи съ панами-землевладѣльцами, свои титулы, но прежняго политическаго вѣса они не имѣли. Первые привилеи 1387 и 1413 г. еще не знаютъ князей, какъ особый „станъ“ литовско-русской аристократіи. Они говорятъ только о nobiles и boiares (знати и боярствѣ), но привилей 1447 г. распространяется на князей, пановъ и шляхту всѣхъ вообще русскихъ и литовскихъ областей великаго княжества. Только послѣ привилея 1447 г. можно говорить объ уравненіи князей и боярства на почвѣ признанія за ними шляхетскихъ вольностей. Если же удѣльные князья сохраняли за собою нѣкоторыя владѣтельныя права и въ XV в. существенно отличались отъ другой шляхты, то это гарантировалось особыми соглашеніями съ литовскими великими князьями. Окончательное же сліяніе съ шляхтой можно отнести только къ привилеямъ 1492 и 1506 г., признавшимъ за князьями и панами равноправное участіе въ управленіи государствомъ. Послѣдующее законодательство не видитъ никакой разницы въ правахъ титулованнаго княжья и нетитулованнаго панства.

Такъ образовался высшій чинъ шляхетскаго сословія. Конечно, не всѣмъ потомкамъ старинныхъ бояръ удалось стать въ ряды средняго военно-служилаго класса, а нѣкоторые, не сумѣвшіе представить доказательствъ своего благороднаго происхожденія,

опустились еще ниже. Въ общемъ—около 70 фамилій княжескихъ и боярскихъ, литовскихъ и русскихъ, принадлежало къ первому стану шляхетскаго сословія. На 50 боярскихъ фамилій приходилось около 20 княжескихъ. Степень знатности и богатства каждаго опредѣлялась количествомъ конныхъ ратниковъ, которыхъ они выставляли въ случаѣ похода съ своихъ вотчинъ, такъ какъ и старинную аристократію пришлось привлечь къ несенію ратной повинности, подобно тому какъ ее несли съ помѣстій. Изъ „описа“ 1528 года видно, что князья Острожскіе выставили 426 коней, Слуцкіе—433, Вишневецкіе—98 коней, князья Чарторыйскіе только 55 коней, а изъ пановъ—Гаштольды 466 коней, Кезгайлы (трое)—768,—изъ нихъ одинъ 371 коня; Сапѣги—153, Радивиллы—628 коней. Если принять во вниманіе, что по уставу 1528 г. одинъ конь выставлялся съ 8 службъ крестьянскихъ, то указанныя цифры даютъ достаточно полное представленіе о размѣрахъ вотчинъ аристократіи *).

Княжескія и панскія фамиліи распредѣлялись территоріально неравномѣрно. Княжескія фамиліи цѣлыми гнѣздами сидѣли на Волыни. Волынь оставалась областью съ крупнымъ землевладѣніемъ попреимуществу; въ другихъ частяхъ государства представители крупнаго землевладѣнія растворялись въ массѣ средняго и мелкаго, а въ Кіевщинѣ его и совсѣмъ не было.

в) служилое шляхетство.

Кромѣ княжеской и боярской (панской) аристократіи, въ Литовско-русскомъ государствѣ довольно рано формируется военно-служилый классъ, будущее шляхетство, занявшее среднее мѣсто между аристократіей, съ одной стороны, и низшими служилыми людьми съ другой. Внѣшнее положеніе княжества заставляло великихъ князей литовскихъ думать объ организаціи военной силы, безъ которой, конечно, борьба невозможна (старыя княжескія дружины были слишкомъ

*) Служба крестьянская, крестьянскій участокъ,—окладная единица военной повинности; въ пол. XV ст. считалась въ 1 дворъ.

малочисленны и не удовлетворяли цѣлямъ внѣшней обороны); сама служба должна носить строго принудительный характеръ подъ строгимъ контролемъ и регламентаціей правительства, что впослѣдствіи отразилось и на самомъ правѣ распоряженія земельной собственностью. Первоначальный составъ военно-служилаго класса отличается большой пестротой и разнообразіемъ. Только впослѣдствіи изчезаетъ эта пестрота въ его составѣ благодаря цѣлому ряду законодательныхъ актовъ. Составъ новаго военно-служилаго класса отчасти былъ подготовленъ предыдущимъ общественнымъ развитіемъ. Прежде всего въ него вошли представители средняго землевладѣнія, которое было распространено въ большей или меньшей степени во всѣхъ земляхъ Литовско-русскаго государства, затѣмъ захудавшія знатныя фамиліи и, наконецъ, военные слуги крупной знати, такъ называемые milites, sodales — по терминологіи нѣмецкихъ хроникъ, вои, послужильцы, отроки—по русскимъ памятникамъ. Кромѣ того, въ интересахъ увеличенія численности военно-служилаго класса, правительство брало людей, годныхъ для военной службы, и изъ другихъ общественныхъ элементовъ: мѣщанъ, зажиточныхъ крестьянъ, отдавая имъ земли подъ условіемъ службы со всѣми „пожитками и ужитками“. Конечно, тяглые элементы, верстанные въ службу, освобождались отъ тягла. Наконецъ, и магнаты верстали своихъ подданныхъ и свободныхъ людей на службу. Часто мелкопомѣстные бояре поддавались крупному пану, превращаясь въ его вассаловъ и отправляя военную повинность подъ его началомъ. Первое время, до окончательнаго сформированія шляхетства, составъ военно-служилаго класса не отличался особенной устойчивостью: въ него постоянно входили и изъ него выходили новые элементы. Иной переводился на службу боярскую со службы тяглой; съ другимъ поступали какъ разъ наоборотъ; словомъ, лица, несшія боярскую службу, крѣпкими нитями были связаны съ крестьянской тяглой

массой. Съ конца XIV в. начинается медленный процессъ консолидаціи шляхетскаго сословія, совершавшійся подъ непосредственнымъ вліяніемъ польскихъ идей и понятій.

2) Шляхетскіе привилеи.

Шляхетское сословіе въ Литовско-русскомъ государствѣ организовалось втеченіе XIV—XVI в.в., и въ его составъ вошли большею частью различные военно-служилые элементы. Какъ не всѣмъ старымъ боярамъ земли удалось удержаться въ средѣ высшаго „стана“ литовско-русской аристократіи, такъ далеко не всѣ служилые люди вошли въ кадры шляхетства: кое-кому изъ нихъ не удалось воспользоваться дарованными и завоеванными правами и привиллегіями, смѣшавшись съ верхнимъ слоемъ крестьянства—слугами. Консолидація шляхетскаго сословія началась съ момента опубликованія Ягайллой своего перваго привиллея въ 1387 г. Воспользоваться привилеемъ могли только лица, принявшія католицизмъ: привилей предоставлялъ право боярамъ наравнѣ съ польской шляхтой владѣть недвижимымъ имуществомъ и свободно имъ распоряжаться, право выхода замужъ вдовамъ, дочерямъ и сестрамъ бояръ—свободно, безъ всякаго принужденія или участія господаря. Наконецъ, привилей освобождалъ бояръ-католиковъ отъ всякихъ натуральныхъ повинностей, за исключеніемъ военной службы и замковой повинности: постройки новыхъ замковъ и исправленія старыхъ. Въ 1413 г. Ягайлло и Витовтъ опубликовали второй привилей, данный всей шляхтѣ, а не только одному боярству (barones), которое, по смыслу привилея, является частью шляхетскаго сословія. Впрочемъ, первоначальный кругъ шляхетскаго сословія не могъ быть особенно великъ: пользованіе его благами связывалось съ принадлежностью къ католической вѣрѣ и полученіемъ отъ поляковъ гербовъ и клейнотовъ вмѣстѣ съ принятіемъ въ польскія гербовыя братства. Зато, конечно, важно принципіальное значеніе привилея: онъ наносилъ серьезный ударъ литовскимъ

3) привилеи Ягайллы.

магнатамъ, уравнивая ихъ съ шляхтою въ сферѣ гражданской правоспособности и политическихъ правъ: за магнатами фактически остались служебныя прерогативы. Привилей подтверждалъ всѣ статьи привилея 1387 г. и устанавливалъ должности по польскому образцу, причемъ на всѣ уряды могли назначаться только бояре, принадлежащіе къ католической вѣрѣ (fidei catholicae cultores et subjecti sanctae romanae ecclesiae). Наконецъ, привилей вводилъ сеймы для совѣщанія о благѣ и пользѣ обоихъ государствъ съ правомъ участія пановъ, прелатовъ и шляхты королевства Польскаго и земель литовскихъ. Привилеи Сигизмунда въ 1432 и 1434 гг. имѣли въ виду шляхту, не только литовскую, но и русскую, распространяя на послѣднюю дѣйствіе привилея 1413 г. Облегчался и самый способъ пріобрѣтенія шляхетства: привилей 1432 г. предоставлялъ право русскимъ брать гербы у литовцевъ — тѣ самые гербы, которые они получили отъ поляковъ, а литовцамъ ставилось въ обязанность принимать русскую знать въ гербовыя братства по сношеніи съ своими польскими одногербовниками. Привилей 1432 г. не давалъ никакихъ новыхъ правъ по сравненію съ Городельской хартіей 1413 г.: статья Городельскаго привилея конфессіональнаго характера осталась неотмѣненной. Нѣсколько шире по содержанію второй привилей 1434 г. Являясь въ большинствѣ статей повтореніемъ хартіи, изданной два года назадъ, привилей вводилъ въ жизнь кое-что новое: государь обѣщалъ никого не карать и не наказывать по тайному или явному доносу, иначе какъ по суду, отправленному по обычаю земли. Затѣмъ привилей освобождаетъ княжескихъ и боярскихъ подданныхъ и шляхту отъ платежей дякла, что еще требовалось привилеемъ 1413 г. *).

б) привилеи Сигизмунда.

в) привилей Казиміра IV.

Слѣдующій привилей былъ опубликованъ 2-го мая

*) Дякло—одна изъ самыхъ распространенныхъ государственныхъ податей, взимавшаяся натурой: рожью, овсомъ, сѣномъ, дровами, а также курами и яйцами, иногда переводилась на деньги.

1447 г. Условія его появленія намъ извѣстны. Въ исторіи сословныхъ отношеній онъ имѣетъ огромное значеніе, наглядно показывая, какого вліянія шляхта уже достигла. Привилей 1447 г. подтверждалъ всѣ прежнія пожалованія, распространялъ свое дѣйствіе на всѣ станы шляхетскаго сословія, какъ собственно Литвы, такъ Руси въ широкомъ смыслѣ этого слова, съ сохраненіемъ конфессіональныхъ ограниченій. Кромѣ того, привилей давалъ новыя привиллегіи, весьма существенныя для политическаго вліянія и значенія военно-служилаго класса: привилей освободилъ шляхетскихъ и мѣщанскихъ подданныхъ не только отъ платежа дякла и отъ барщинныхъ повинностей на господаря, но и отъ платежа денежной подати—серебщины, за исключеніемъ постройки мостовъ, исправленія замковъ, даванія стацій съ имѣній, пожалованныхъ самимъ Казиміромъ, *) и предоставлялъ „княжатамъ, панамъ, рыцарямъ, шляхтичамъ и боярамъ“ право свободнаго выѣзда за границу „для лѣпшаго ихъ щастія набытія, а любо учинковъ рытерскихъ“ (ст. 4), кромѣ страны непріятельской. Привилей широко обезпечивалъ личныя права статьями, подтверждающими личную неприкосновенность и индивидуальную отвѣтственность за преступленіе. Далѣе, Казиміръ обязывался не принимать на свои земли частно-владѣльческихъ крестьянъ: извѣчныхъ, именитыхъ, невольныхъ, запрещая то же дѣлать владѣльцамъ въ отношеніи къ господарскимъ крестьянамъ (ст. 12); отдавалъ въ руки собственниковъ судъ надъ подданными: отнынѣ подданные не могутъ привлекаться къ великокняжескому суду, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда владѣлецъ не дастъ на нихъ управы, но и въ этомъ случаѣ пени идутъ въ пользу владѣльца. Наконецъ, великій князь обѣщалъ раздавать уряды, держанія и владѣнія только литов-

*) Стація, древнее полюдье,—обязанность населенія доставлять князю все нужное для передвиженія по странѣ и содержать его въ своей области.

г) привилеи 1492 и 1506 г.

ско-русскимъ туземцамъ. Остальные шляхетскіе привилеи 1492 и 1506 гг. новаго шляхтѣ ничего не дали, за исключеніемъ статьи о неповышеніи людей низшаго званія подъ шляхтой. Ихъ содержаніе всецѣло относится къ аристократіи, какъ членамъ „господарской рады".

Привилеи опредѣлили соціально-политическое положеніе шляхты, сдѣлавъ ее господствующимъ сословіемъ въ государствѣ и естественно уменьшивъ прерогативы верховной власти, такъ какъ сборъ „серебщины" теперь могъ производиться только съ согласія самого военно-служилаго класса, а это вообще было одной изъ причинъ дальнѣйшаго роста его вліянія, постепенно лишавшаго магнатовъ того значенія, которымъ они пользовались въ странѣ на основаніи привилеевъ 1492 и 1506 гг.

д) привилеи XVI в.

Въ XVI в. шляхетскіе привилеи неразъ подтверждались, но новаго они ничего не дали. Впрочемъ, привилей 1547 г. подтвердилъ вольности „пановъ радъ обоего стану, духовнаго и свѣтскаго, римскаго и греческаго, княжатъ, панятъ и всего рыцарства". Предыдущіе привилеи какъ-то умалчивали о православныхъ, и если православная шляхта фактически пользовалась ими, то все таки это пользованіе было невполнѣ законно. Послѣ привилея 1547 г. принадлежность къ православію не могло быть причиной непользованія шляхетскими правами со стороны русской шляхты. Въ 1563 г. была отмѣнена и конфессіональная статья Городельскаго привилея.

Общеземскіе шляхетскіе привилеи не отмѣняли дѣйствія тѣхъ статей уставныхъ земскихъ грамотъ, въ которыхъ говорится о мѣстныхъ шляхетскихъ правахъ: такъ, Волынская грамота освобождаетъ панскихъ и шляхетскихъ подданныхъ отъ особой подати—воловщины, Кіевская—отъ постановки езовъ для ловли рыбы; церковные, княжскіе и панскіе подданные не должны ходить всѣ на облаву; по Волынской и Кіевской уст. гра-

мотамъ предоставляется право шляхтичу отказаться отъ подсудности мѣстному старостѣ и прямо перенести разборъ своего дѣла на судъ великаго князя.

3) Опредѣленіе шляхетства и составъ его.

Въ XV в. литовско-русское право не выработало точныхъ юридическихъ признаковъ, опредѣляющихъ шляхетство того или другого военно-служилаго человѣка. Изданные привилеи въ этомъ отношеніи противорѣчили другъ другу. Привилей 1387 требовалъ только принятія католицизма; по привилею 1413 года необходимо было взять польскіе гербы; привилей 1432 ограничивался дозволеніемъ брать гербы отъ литовцевъ, по соглашенію послѣднихъ съ своими одногербовниками, а въ привилеѣ 1447 года нѣтъ ни одного слова о томъ критеріи, который могъ служить опредѣленіемъ шляхетства. Найти такой критерій было необходимо вслѣдствіе разнообразія въ составѣ военно-служилаго класса и неопредѣленности терминологіи: въ высшей степени было трудно провести раздѣльную черту между низшими разрядами служилаго сословія и крестьянами—слугами, несшими военную повинность. Такъ, въ XV в. для опредѣленія шляхетства были почти равнозначущи три термина: бояринъ, шляхтичъ, имянинъ, но далеко не во всѣхъ мѣстахъ государства эти теремины имѣли тождественный смыслъ: напр., на Волыни терминъ „бояринъ“ не былъ въ употребленіи и собственно означалъ слугу, несшаго военную повинность, но принадлежащаго къ высшимъ разрядамъ крестьянскаго сословія, въ другихъ мѣстахъ бояринъ и шляхтичъ равнозначущи. Мало по малу для опредѣленія привиллегированнаго сословія сталъ употребляться терминъ „шляхта“, хотя онъ не убилъ собою термина бояринъ, которому опять таки можно было придавать различный смыслъ. Опредѣлить признаки шляхетства было необходимо, такъ какъ въ Литовско-русскомъ государствѣ было немало такъ называемыхъ слугъ панцырныхъ, путныхъ, конныхъ, доспѣшныхъ, щитныхъ и просто бояръ, лицъ свободныхъ отъ всякихъ повинно-

а) терминъ.

стей, но съ обязанностью несенія ими самими и ихъ потомками военной службы. Это впослѣдствіи, на почвѣ неясности терминологіи и неточности признаковъ шляхетства, создавало немало судебныхъ процессовъ: истцы доказывали, что они „зъ роду и з вѣковъ суть бояре шляхта и здавна, съ предковъ, службу земскую военную прикладомъ иныхъ земянъ служивали".

б) обособленіе шляхетства.

Обособленіе шляхетства началось въ концѣ XV, а въ первой половинѣ XVI вѣка административная и судебная практика точно выработала признаки, безъ которыхъ невозможно рѣшить о комъ-либо, прирожденный ли онъ шляхтичъ или нѣтъ. Это былъ тѣмъ болѣе необходимо, что классъ бояръ слугъ постоянно увеличивался вслѣдствіе необходимости увеличивать военную силу государства. Немудрено, что жизнь создавала множество недоразумѣній: одни незаконно пользовались шляхетскими правами; другіе, наоборотъ, незаконно ихъ лишались, поднимая судебный процессъ для возстановленія своей чести.

в) доказательства шляхетства.

Все это и заставило правительство вмѣстѣ со шляхтой въ руководство для будущаго, издать въ 1522 г. „сеймовую ухвалу". Устава 1522 г. вся построена на принципѣ давности: если шляхтичъ, доказывающій свое шляхетство, представитъ двухъ шляхтичей, которые присягнутъ, что онъ отъ прадѣда одного съ ними рода и братъ имъ по крови, то шляхетство утверждается за нимъ. Устава 1522 г. допускаетъ и одного свидѣтеля подъ условіемъ принесенія присяги лицомъ, доказующимъ свое шляхетство. Впрочемъ, присягу можно замѣнить документами, указывающими на изстаринность боярской службы его предковъ.

Но на практикѣ шляхетство доказывалось и другими средствами, и Статутъ 1529 г. допускаетъ не только показаніе двухъ свидѣтелей, такъ такъ таковыхъ изъ рода отца и матери можетъ не оказаться, но и показаніе бояръ—шляхты околичной. Чужеземцы могутъ

ссылаться на оффиціальные документы, удостовѣряющіе ихъ благородное происхожденіе Доказавшіе свое шляхетство были переписаны въ 1528 г., и впослѣдствіи ссылка на попись 1528 г. служила доказательствомъ шляхетства, а въ 1529 г. по дворовому уставу Сигизмунда I бояре-слуги были обложены тяглыми службами, и тѣмъ самымъ рѣзко проведена демаркаціонная черта между боярами шляхтой и боярами не шляхтой. Послѣдующее законодательство дѣйствовало въ томъ же направленіи. Такимъ образомъ, ядро „прирожонныхъ шляхтичовъ“ составили потомки тѣхъ лицъ, которые въ эпоху первыхъ привилеевъ исполняли „боярскую службу“.

в) пріобрѣтеніе и потеря шляхетства.

Роды шляхетства не оставались замкнутыми: общее количество шляхты постоянно увеличивалось благодаря пожалованіямъ. Обыкновенно, великій князь возводилъ въ шляхетское званіе ратныхъ людей, разныхъ дворцовыхъ и канцелярскихъ чиновниковъ. Всѣмъ имъ жаловались вольность, свобода и право шляхетское, и утверждался гербъ, который, въ концѣ концовъ, являлся лучшимъ показателемъ шляхетскаго происхожденія того или другого лица. О полученіи герба стали хлопотать и тѣ, кто его раньше не имѣлъ. Шляхетство жаловалось не только за личныя заслуги: принимались во вниманіе заслуги братьевъ, родственниковъ. Шляхетское званіе, такъ или иначе пріобрѣтенное, могло быть по разнымъ причинамъ утрачено. Послѣдующее законодательство, въ статутахъ 1566 и 1578 г., опредѣлило преступленія, за которыя по суду утрачивается шляхетское званіе.

г) разряды шляхетства.

Изъ всего сказаннаго видно, что составъ шляхетскаго сословія далеко неоднороденъ, не смотря на однородность пожалованныхъ правъ. Статутъ 1529 года, кодифицировавшій литовско-русское право, отмѣтилъ неоднородность въ составѣ шляхты. Статутъ дѣлитъ шляхетскій станъ на два разряда: высшій и низшій. Къ первому относятся: прелаты, княжата и паны хоругвные,

ко второму рыцарство-шляхта. Сообразно этому въ Статутѣ 1529 г., рядомъ со статьями, имѣющими отношенія ко всему шляхетскому сословію безъ различія его разрядовъ, встрѣчаются статьи, относящіяся спеціально къ высшему разряду шляхетства.

4) Права шляхетства.

Привилеи 1387—1506 г. въ общихъ чертахъ намѣтили ту сумму политическихъ и гражданскихъ правъ, которыми пользовалось шляхетское сословіе.

Статутъ 1529 г. повторилъ всѣ права, полученныя шляхтой при посредствѣ привилеевъ, пополнивъ ихъ нѣкоторыми новыми и болѣе подробно развивъ нѣкоторыя статьи привилеевъ. Сообразно дѣленію шляхетства на два стана, и законодательство Статута о шляхетствѣ дѣлится на два вида: обще-шляхетское и поразрядное. Коснемся сначала перваго.

а) общія права.

На первомъ планѣ стоитъ охрана личной неприкосновенности. Всякаго шляхтича можно подвергнуть судебной карѣ и другимъ правоограниченіямъ только по суду явному, основанному на основаніи достаточныхъ свидѣтельствъ (Раз. I, 1). Нельзя безъ вины отнять у шляхтича разныя держаніи (III, 5). Отвѣтственность за преступленія должна быть индивидуальной (I, 7). Для всѣхъ устанавливается одно право (I, 8). За шляхтой остается право ненарушимаго владѣнія недвижимымъ имуществомъ: „отчиной тежъ и имѣніями, пожалованными отъ господаря“, но право распоряженія происходитъ только въ рамкахъ, установленныхъ закономъ(III, 9; I, 17); право свободнаго вывода замужъ вдовъ и дочерей. Шляхетскіе подданные освобождаются „отъ платовъ и отъ подводъ и отъ работъ“, за исключеніемъ „стародавнихъ звычайныхъ обычаевъ“: „подымоване стацей, звычайныхъ мосты старые поправляти, и тамже на тыхъ старыхъ местехъ дельницы свои знову будовати мостовъ новыхъ будованія и подводъ подъ гонды наши дованя, гдѣ зстародавна давали суть“ (I, 22). Укрѣпляется вотчинная юстиція (VI, 10). Шляхтичи имѣютъ право поѣздки за границу „для поученія учинковъ рыцор-

ских", за исключеніемъ непріятельской земли (III, 8), „и уѣзда" съ движимымъ имуществомъ отъ пановъ, которымъ они поддались (III, 15). Къ политическимъ правамъ шляхты можно отнести установленіе новыхъ законовъ на „вольномъ сеймѣ" (VI, 1), право участія выборныхъ шляхтичей въ количествѣ двухъ на судѣ княжескихъ урядниковъ (VI, 3). Наконецъ, практика говорила еще о правѣ шляхты участвовать въ избраніи государя и рѣшеніи разныхъ государственныхъ вопросовъ. Впрочемъ, порядокъ участія на сеймахъ не для всѣхъ былъ одинаковъ: паны лично являлись на сеймъ, а шляхта призывалась поголовно, и только при Сигизмундѣ I появляются первые зародыши ея постояннаго представительства.

б) права литовско-русской аристократіи.

Особыя права литовско-русской аристократіи можно представить въ слѣдующемъ видѣ. За аристократіей закрѣпляется ея положеніе, созданное привилеями 1492 и 1506 г. (III, 1): она освобождается отъ подсудности провинціальной администраціи (VI, 1); она призывается на судъ господаря за 4 недѣли до срока (VI, 4), жалобы на радныхъ державцевъ подаются не воеводѣ, а господарю или панамъ радѣ (VI, 1), наконецъ, князья, и паны имѣютъ право выступать на войнѣ подъ собственной хоругвью (II, 2), выставляя отряды вооруженныхъ бояръ и слугъ.

в) права рыцарства.

Низшій разрядъ шляхты имѣлъ свои особыя права, закрѣпленныя Статутомъ: шляхтича можно привлекать къ суду только судебными повѣстками: дѣтскаго для привода на судъ можно посылать только послѣ двукратной повѣстки (IV, 4); шляхтичи неподсудны державцамъ, которые недавно были тивунами (VI, 33); на судъ провинціальный—воеводы, старосты, моршалковъ земскаго и дворного, державцевъ – поступаетъ аппеляція къ господарю и панамъ-радѣ, если административныя должности были заняты лицами изъ среды пановъ рады (VI, 1); если державца былъ не изъ пановъ, то аппеляція поступаетъ къ воеводѣ (VI, 1); шляхтичъ, под-

давшійся подъ какого-нибудь пана, имѣетъ право въ любой моментъ уйти отъ него, вмѣстѣ съ движимымъ имуществомъ (III, 15), но пока онъ находился подъ паномъ, онъ подлежалъ юрисдикціи послѣдняго. Наконецъ, за шляхетствомъ оставалось право во время судебнаго процесса оправдываться отъ возводимаго обвиненія посредствомъ присяги, принимающей въ такомъ случаѣ характеръ неопровержимаго доказательства (I, 4; III, 2, VII, 21—22), а также право на усиленное вознагражденіе за посягательство на жизнь и здоровье.

г) шляхетское землевладѣніе.

Помимо указанныхъ выше правовыхъ отличій, жизнь создала весьма крупное различіе въ сферѣ землевладѣнія. Практика жизни различали три вида землевладѣнія: къ первому относятся имѣнія, надъ которыми нѣтъ верховнаго собственника,—съ государемъ собственники связаны только отбываніемъ военной повинности; ко второму и третьему относятся имѣнія, надъ которыми верховнымъ собственникомъ былъ господарь или крупный панъ, которые могли свое владѣніе въ любой моментъ передать въ руки другого лица, а шляхта, не желавшая быть подъ его рукою, должна была уйти съ земли. Впрочемъ, впослѣдствіи шляхтѣ удалось закрѣпить за собою отчинныя имѣнія, приравнявъ ихъ къ первому виду землевладѣнія, въ томъ отношеніи, что такія земли не могли быть никому отданы.

Б) Повинности шляхетства.

Главной государственной повинностью всей шляхты, не исключая и духовенства, была военная служба, соединенная съ правомъ землевладѣнія. Всѣ землевладѣльцы, какого бы рода собственность они ни имѣли, должны были являться на войну „подле уфалы“ земской. А земская Устава въ 1528 г. постановила, что одинъ конь, т.-е. всадникъ, выставляется съ 8 крестьянскихъ службъ. Всѣ должны становиться подъ своею повѣтовой хоругвью, заисключеніемъ „пановъ хоругвныхъ“, выходившихъ подъ своей хоругвью (II,2). Отъ службы освобождала болѣзнь при условіи выставленія на свое

мѣсто сына или слуги (II, 5); неявка на войну влечетъ за собою потерю имѣнія (II, 7), какъ и самовольный отъѣздъ домой (II, 11). Духовенство должно было отбывать лично службу „съ закупного именя", въ другихъ видахъ землевладѣнія оно освобождалось отъ личной военной службы (II, 3).

2) Мѣщане.

По мѣрѣ выдѣленія шляхетскаго сословія происходило выдѣленіе въ особую общественную группу и мѣщанскаго сословія.—Это процессъ давнишній. Уже ко времени татарскаго ига въ русскихъ областяхъ начала порываться связь между городомъ и волостью благодаря развитію частнаго землевладѣнія и развитію торговой дѣятельности въ нѣкоторыхъ изъ русскихъ городовъ. Появленіе городовъ въ Литвѣ — фактъ довольно поздній: по существу это были первоначально крѣпости, охранять которыя и поддерживать составляло обязанность всего населенія. Но и тутъ подрывалась связь съ округой благодаря образованію многочисленнаго военно-служилаго класса, на обязанности котораго лежала военная защита страны. Собственно городскіе жители, не имѣвшіе земли за чертой города, не несли военной повинности, и вся защита города ограничивалась починкой городской стѣны и содержаніемъ стражи. Въ городахъ жители стали заниматься ремеслами и торговлей, и это еще болѣе отдѣлило ихъ отъ землевладѣльческаго и земледѣльческаго населенія. Конечно, не во всѣхъ городахъ были для этого подходящія условія, но относительно нѣкоторыхъ это можно сказать съ увѣренностью: въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, въ землѣ Полоцкой, Витебской, Смоленской и Сѣверской, наконецъ на югѣ—въ западномъ Подольѣ и Волыни были города, гдѣ промыселъ и торговля въ большей или меньшей степени были

развиты, что зависѣло преимущественно отъ близости или отдаленности заграничныхъ рынковъ.

Магдебурское (нѣмецкое) право.

Литовское правительство прекрасно учитывало значеніе торговли и промышленности для государственнаго хозяйства и принимало рядъ мѣръ въ ихъ интересахъ. Одной изъ такихъ мѣръ являлось пожалованіе городскому населенію магдебурскаго права, прививавшагося не безъ польскаго вліянія. Правительство въ интересахъ развитія торговли и промышленности даровало городамъ т. н. магдебурское право, выработавшееся на западѣ самоуправленіе, съ цѣлью пробужденія самодѣятельности города. Магдебурское право прививалось довольно быстро, такъ какъ въ быту городовъ были нѣкоторыя данныя для его воспріятія, и, несомнѣнно, содѣйствовало, ихъ процвѣтанію. Полученіе городомъ самоуправленія было все равно неизбѣжно, а нѣмецкое право давало внѣшнюю форму его, нисколько не убивая мѣстнаго права и мѣстныхъ обычаевъ. Дальнѣйшее паденіе городовъ надо ставить въ связь съ паденіемъ заграничной транзитной торговли и измѣненіемъ торговыхъ путей въ связи съ развитіемъ денежнаго хозяйства въ Европѣ, а также съ нарушеніемъ равновѣсія въ сословныхъ отношеніяхъ благодаря исключительнымъ торговымъ привиллегіямъ шляхты. Нѣмецкое право по Руси распространялось постепенно: началось его распространеніе съ собственно Литвы, идя отъ нея по радіусамъ къ окраинамъ. Въ 1387 г. получаетъ нѣмецкое право Вильна, въ 1390—Берестье и Подляшье, въ 1391 г. Гродно и Ковно, черезъ который шла торговля воскомъ за границу. При Витовтѣ магдебурское право получаетъ рядъ городовъ по Бугу: Берестье въ 1408, Дорогичинъ въ 1429 г., Бѣльскъ въ 1430 г. При Свидригайллѣ въ 1432 г. Луцкъ, Кременецъ въ 1438 г. Затѣмъ идутъ Полоцкъ въ 1498 г., Минскъ—въ 1499 г. Особенно сильно распространялось магдебурское право въ XVI в., когда Литва переживала исключительный торгово-промышленный подъемъ,

и когда уже обрисовались наиболѣе важные торговые центры. Сущность магдебурскаго права заключалась въ освобожденіи городскаго населенія отъ юрисдикціи мѣстной администраціи и предоставленіи городу сословнаго самоуправленія на корпоративныхъ началахъ. Въ городахъ устанавливался свой судъ, имъ предоставляется право заботиться о городскомъ благоустройствѣ, развитіи торговли и промышленности. Конечно, формы самоуправленія въ разныхъ городахъ отличались другъ отъ друга. Обыкновенно, при первоначальномъ дарованіи магдебурскаго права, во главѣ города стоитъ *войтъ*, назначаемый господаремъ; въ рукахъ войта сосредоточивалось управленіе и судъ надъ горожанами по уголовнымъ дѣламъ. Обычно войтъ судилъ не одинъ, а совмѣстно съ *лавниками*—пожизненными присяжными изъ мѣщанъ. Текущее управленіе находилось въ рукахъ совѣта—*рады*. Ея члены—райцы—назначались войтомъ изъ кандидатовъ общины. Совмѣстно съ радой войтъ выбиралъ *бурмистровъ*, двухъ и больше, бывшихъ предсѣдателями городского совѣта. Въ концѣ года рада отдавала отчетъ въ своей дѣятельности передъ всѣмъ поспольствомъ. На раду можно было жаловаться войту, послѣдній находился подъ юрисдикціей самаго великаго князя.

Впослѣдствіи городамъ удалось выкупить должность войта. Тогда выдвигается на первый планъ городской совѣтъ, вѣдавшій полицію, гражданскій судъ, городскія имущества, надзиравшій за торговлей, правильностью мѣръ и вѣсовъ и отчасти смотрѣвшій и за нравственностью гражданъ. Рада издавала обязательныя постановленія, и все поспольство было обязано ихъ исполнять. Когда должность войта была выкуплена, то рада составлялась по-другому. Городская община была совершенно устранена отъ участія въ ея пополненіи: рада сама выбирала членовъ на мѣсто выбывшихъ. Тогда же и выборъ лавниковъ перешелъ въ радѣ. При такомъ положеніи дѣла поспольство, въ широкомъ смыслѣ этого слова, было лишено

участія въ управленіи, которое сосредоточилась въ рукахъ купеческой аристократіи, захватившей раду. Въ городахъ началось броженіе, и кое-гдѣ городскому посполству, ремесленникамъ, разбившимся на цехи, удалось добиться организаціи особаго городскаго совѣта изъ 40 членовъ, захватившаго въ свои руки законодательную власть.

Такова сущность магдебурскаго права въ теоріи. На практикѣ часто бывало подругому: въ городахъ не было отдѣльной рады и лавничаго суда. Часто то и другое составляло одно собраніе. Количество радцевъ и бурмистровъ въ городахъ было разное. Въ городахъ съ населеніемъ православнымъ и католическимъ положеніе дѣлъ ухудшалось отъ нетерпимости католицизма. Вмѣшательство королевскихъ урядниковъ, которые часто „дѣлали кривды великие“, также не могло благопріятствовать правильному развитію городского самоуправленія. Города, получавшіе нѣмецкое право, освобождались отъ разныхъ натуральныхъ повинностей, взамѣнъ чего платили въ казну денежные подати съ разныхъ торговъ и промысловъ. По примѣру господаря нѣмецкое право раздавалось и крупными землевладѣльцами, которые вмѣшивались постоянно въ городскую жизнь и обыкновенно сводили на нѣтъ дарованное право.

Обособленіе городовъ.

Магдебурское право, конечно, рѣзко обособило городское населеніе отъ другихъ разрядовъ населенія. Правда, мѣщане пока не лишились права землевладѣнія и несли съ земель военную службу, но и послѣднее фактически только терпѣлось уже къ эпохѣ перваго Статута. Не удалось городамъ завоевать и представительства на вальныхъ сеймахъ, на которыхъ законодательствовала шляхта, издавая законы узко-сословнаго характера, и подрывая тѣмъ самымъ городъ, какъ торгово-промышленную единицу.

3) Сельское населеніе.

Институтъ рабства былъ знакомъ Руси въ кіевскій періодъ исторіи; литовско-русское право его хорошо знаетъ подъ именемъ „паробковъ“, холоповъ. Его хозяйственное значеніе было двояко: часть челяди употреблялась въ качествѣ дворовыхъ слугъ, получая содержаніе отъ собственника; другая часть жила за дворомъ, на небольшихъ земельныхъ участкахъ, „приробкахъ,“ и имѣла свою собственную движимость—бонду. Юридически между этими двумя разрядами нѣтъ никакой разницы: вся невольная челядь лишена какой бы то ни было гражданской правоспособности. Невольниками становились: дѣти рабовъ, плѣнники, неволю влекъ бракъ свободной стороны съ несвободной; кромѣ того, смертную казнь можно было замѣнить рабствомъ, неоплатный долгъ также велъ къ невольничеству. Статутъ 1578 г. уже не знаетъ невольничества, приравнявъ невольниковъ къ отчичамъ. Трудно опредѣлить количество невольниковъ вообще въ частныхъ имѣніяхъ, но въ господарскихъ имѣніяхъ въ половинѣ XVI в. общее число ихъ незначительно, благодаря измѣнившимся условіямъ хозяйства и усиленной эксплоатаціи собственно крестьянскаго населенія. Невольниковъ могли имѣть только одни христіане, хотя первоначально ихъ имѣли и служебные татары. Холопы.

Положеніе крестьянства въ Литовско-русскомъ государствѣ измѣнялось по мѣрѣ роста шляхетскаго сословія. Раскрѣпощеніе послѣдняго вело къ постепенному закрѣпощенію перваго, и ко времени опубликованія перваго Статута можно считать институтъ крѣпостного права достаточно сложившимся съ рѣзко выраженнымъ личнымъ характеромъ. Такова въ общихъ чертахъ судьба крестьянства, жившаго на частно-владѣльческихъ земляхъ. Подобный же процессъ совершался и въ жизни государственныхъ крестьянъ съ тою только разницей, что здѣсь закрѣпощеніе совершилось Крестьяне.

значительно позже, начиная со второй половины XVI в., въ связи съ аграрной реформой Сигизмуда-Августа. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что хорошо знакомаго сѣверо-восточной Руси термина „крестьянинъ“ литовско-русское право совсѣмъ не знаетъ, употребляя выраженія мужики, подданные. Литовско-русское крестьянство вообще не было однородной массой по своему составу. Въ зависимости отъ повинностей, которыя они несли, сидя на землѣ частно-владѣльческой и господарской, крестьяне дѣлились на нѣсколько разрядовъ: 1) людей тяглыхъ, 2) данниковъ и людей спеціальныхъ службъ, 3) слугъ-путниковъ и панцырныхъ бояръ. Характеръ повинностей того или другого разряда опредѣлялся въ зависимости отъ характера господарскаго или частно-владѣльческаго хозяйства.

а) тяглые. Тяглыми, дякольными людьми, назывались крестьяне, обязанные исполнять всякаго рода хозяйственныя работы и платить оброкъ. Эти тяглые люди составляютъ главную массу крестьянскаго населенія, какъ основная рабочая сила господарскихъ и частныхъ имѣній. Тяглые сидѣли на особыхъ участкахъ, съ которыхъ и несли свою службу. Такой участокъ назывался въ разныхъ мѣстностяхъ поразному. Часто на участкѣ жило нѣсколько семей. Съ начала XVI в. увеличивается издѣльная повинность крестьянъ, благодаря развитію въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сельскаго хозяйства. Натуральныя повинности, въ XVI в. иногда перекладываемыя на деньги, назывались „дякло и мезлева“,— подати съ всего того, что уродилось въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Кромѣ того, тяглые люди давали подводы, когда это требовалось для нуждъ пана или господаря.

б) данники. Къ тяглымъ людямъ по своему юридическому состоянію тѣсно примыкали крестьяне, несшія разныя спеціальныя службы по хозяйству и промышленности, данники; впрочемъ, громадное число послѣднихъ сидѣло на господарскихъ земляхъ въ Подвинскихъ и Поднѣпр-

скихъ волостяхъ, гдѣ для развитія промысловаго хозяйства были наиболѣе подходящія условія. Къ этой группѣ можно отнести: бобровниковъ, бортниковъ, осочниковъ, псарцовъ, ловцовъ, сокольниковъ, свинуховъ, конюховъ, кобыльниковъ, дойлицъ, плотниковъ, рудниковъ, рыболововъ, дегтярей, млынарей. Къ данникамъ относятся также лица, платившія государю „дани“ изъ доходовъ, получаемыхъ отъ эксплоатаціи мѣстныхъ угодій. Такіе данники платили дань медовую, бобровую, куничную.

в) слуги путные.

Высшимъ слоемъ крестьянскаго населенія являлись слуги путные, щитные, доспѣшные, конные. Они несли военную службу, исполняли всякаго рода порученія, связанныя съ разъѣздами; но кромѣ того отбывали тягло, правда въ незначительномъ размѣрѣ, что и приближало слугъ въ юридическомъ отношеніи къ тяглымъ людямъ.

Положеніе крестьянъ. а) на частновладѣльческ. земляхъ.

Развитіе въ Литвѣ частнаго землевладѣнія—фактъ довольно ранній, вмѣстѣ съ нимъ постепенно исчезали землевладѣльцы—крестьяне, а внѣшнія и внутреннія обстоятельства, конечно, благопріятствовали этому процессу обезземеленія. Крестьянамъ приходилось садиться на земляхъ частновладѣльческихъ, на извѣстныхъ условіяхъ, причемъ послѣднія отнюдь не ограничивали ихъ юридической свободы. Крестьянинъ былъ вольнымъ, похожимъ человѣкомъ и могъ уйти, когда хотѣлъ. На дѣлѣ этого не было: крестьяне подолгу сидѣли на одномъ мѣстѣ, обзаводились хозяйствомъ и старались увеличить его доходность, передавали его по наслѣдству, мѣняли. Собственники не обращали на эти сдѣлки никакого вниманія, т. е. фактически одобряли ихъ, заинтересованные только въ правильномъ отбываніи повинностей и платежѣ даней.

Но мало по малу вся эта крестьянская масса закрѣпощается, появляется особый родъ непохожихъ людей, потерявшихъ право выхода. Для крестьянъ частновладѣльческихъ крѣпостная неволя стала фактомъ уже въ половинѣ XV в. Въ настоящее время трудно ска-

зать съ достовѣрностью, какъ создалось „непохожее“ крестьянство, но несомнѣнно, что на его генезисъ вліяли и юридическая природа тогдашняго землевладѣнія и экономическая зависимость крестьянина отъ помѣщика и наоборотъ. Потерявшіе право выхода крестьяне стали называться отчичами, какъ подолгу жившіе на одномъ участкѣ, „непохожими“, „извѣчными“, и, согласно привилею 1447 г., такихъ людей нельзя было принимать на господарскія земли. Такъ возникло прикрѣпленіе крестьянъ къ тяглу, къ службѣ, а шляхетскіе привилеи придали возникшему крѣпостному праву характеръ личной зависимости, освободивъ частновладѣльческое крестьянство отъ платежа дякла и другихъ государственныхъ повинностей, а также отъ господарскаго суда, съ передачей подъ присудъ своего пана. Литовскій Статутъ 1529 г., поскольку онъ касается крѣпостного права, также указываетъ на личный характеръ прикрѣпленія „отчинныхъ людей“. Статутъ допускаетъ возможность покупки крестьянъ безъ земли (разд. I, 8, 15; VIII, 21), передачи ихъ по наслѣдству (V, 14). Такъ, постепенно крестьянинъ становился подданнымъ своего пана. Послѣдующее законодательство не отмѣнило класса вольныхъ людей, но втеченіе XVI в. онъ почти исчезъ фактически, и крестьянство превратилось въ тяглецовъ, имущество которыхъ составляло собственность помѣщика.

б) на земляхъ господарскихъ.

Положеніе крестьянъ, жившихъ на земляхъ государственныхъ, было нѣсколько иное. Нельзя забывать, что въ лицѣ литовскаго великаго князя они имѣли не только обыкновеннаго пана, но также и государя, подданными котораго они всегда были. Это послѣднее обстоятельство и мѣшало литовскому великому князю превратиться въ обыкновеннаго пана. И на господарскихъ земляхъ былъ особый разрядъ крестьянъ, называемыхъ „отчичами“, но положеніе этихъ отчичей было другое, чѣмъ частновладѣльческихъ. Отчичи не были прикрѣплены къ лицу своего господаря-

они могли уйти, посадивъ на свое мѣсто другого человѣка и переложивъ на него всѣ лежавшіе на себѣ службы. Но даже и такое обязательственное прикрѣпленіе было далеко неповсемѣстнымъ. Нѣтъ никакихъ слѣдовъ ранняго прикрѣпленія въ Поднѣпрскихъ и Подвинскихъ волостяхъ. Впрочемъ, разница въ юридическомъ положеніи тѣхъ и другихъ зависѣла отъ системы использованія ихъ труда со стороны правительства. Въ собственно Литвѣ и Черной Руси правительство имѣло дѣло съ отдѣльными, разной величины, службами крестьянъ, и оно слѣдило за точнымъ ихъ выполненіемъ. Въ Поднѣпровьи и Подвиньи еще существовала въ первой половинѣ XVI в. волость. Правительство накладывало повинности на волость общею суммою, а раскладка ея между членами волости происходила на волостномъ вѣчѣ. Вѣче выбирало особыхъ пановъ-старцевъ: они исполняли постановленія вѣча, собирали слѣдуемыя дани и отдавали администраціи. Они же отстаивали самостоятельность волости отъ „въѣздовъ“ въ нее администраціи и нарушенія „звыклыхъ обычаевъ“. Въ западной половинѣ княжества обще-волостная организація довольно рано сошла со сцены: съ переходомъ къ земледѣлію сохранить ее, конечно, было невозможно. Этимъ объясняется устройство крестьянскихъ службъ, которое давало возможность болѣе точнаго опредѣленія скарбовыхъ доходовъ. Что касается восточной половины, то здѣсь и въ половинѣ XVI в. промысловое хозяйство яввлялось доминирующимъ, и земледѣліе почти не имѣло мѣста. Восточная половина княжества какъ разъ и пополняла королевскій скарбъ тѣми „данями“, которыхъ не могло дать дворцовое хозяйство на западной половинѣ. Этимъ объясняется, почему правительство сохраняло волостную организацію и удовлетворяло ея жалобы на администрацію. Но въ половинѣ XVI в. замѣтно разложеніе волостной организаціи. Волость пустѣетъ. Жители разбѣгались, а оставшимся не подъ силу платить повинности полностью. Поэтому прави-

Служба и волость.

тельство перестало выпускать „отчичей“ и требовало ихъ обратно, запретивъ державцамъ принимать ихъ въ другія волости. Въ общемъ, и здѣсь намѣчалась тенденція имѣть дѣло не только съ волостью, а и съ крестьянскою службой.

Волочная реформа.

Во второй половинѣ XVI в. правительство намѣтило и осуществило грандіозную аграрную реформу, совершенно измѣнившую юридическое и экономическое положеніе господарскаго крестьянина. Аграрная реформа совершенно разрушила старыя формы крестьянскаго уклада. Необходимость аграрной реформы уже давно чувствовалась, а во второй половинѣ вѣка она стала прямо таки настоятельной. Надо было поднять доходность дворцоваго хозяйства въ цѣляхъ увеличенія рессурсовъ господарскаго скарба, который переживалъ хроническій кризисъ, благодаря обострившимся внѣшнимъ отношеніямъ. Да и независимо отъ Литвы его состояніе было неблестяще: революція цѣнъ въ Европѣ вызвала такое же пониженіе цѣнности серебра и въ Литвѣ, что было особенно ощутительно именно здѣсь благодаря слабому экономическому развитію Литвы. Къ тому же перемѣна направленія торговыхъ путей, повлекшая упадокъ прибалтійскихъ странъ, сократила до минимума транзитную торговлю и вызвала уменьшеніе мытныхъ пошлинъ. Правительство и въ началѣ XVI в. вывозило въ Европу разнаго рода сельско-хозяйственные продукты. Теперь на нихъ былъ особенный спросъ. Удовлетворить потребности рынка только и было возможно путемъ интенсификаціи сельскаго хозяйства, а ее то имѣла въ виду аграрная реформа Сигизмунда II Августа. Сущность реформы заключалась въ болѣе точномъ опредѣленіи размѣровъ крестьянскихъ участковъ, равномѣрномъ ихъ распредѣленіи между крестьянами, при условіи фиксаціи платежей и повинностей. До сихъ поръ крестьянскіе участки были неравномѣрны, и не было никакой опредѣленной системы въ опредѣленіи платежей, да и

собственно господарская пашня была относительно небольшихъ размѣровъ. Перемѣривъ всю землю и раздѣливъ ее на однобразные участки—волоки (около $19^1/_2$ десятинъ), правительство роздало крестьянамъ однообразные участки и ввело однообразныя повинности, съ выдѣленіемъ части земли и угодій подъ собственно господарскую пашню, продукты съ которой предназначались для иностраннаго вывоза. Такая волочная помѣра была введена въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ еще Сигизмундомъ I. Его сынъ въ 1557 г. задумалъ ввести ее во всѣхъ областяхъ, за исключеніемъ Подвинья и Поднѣпровья: тамъ она была введена въ концѣ XVI и началѣ XVII в. Съ переходомъ къ волочной помѣрѣ вводилось принудительнымъ путемъ трехполье. Волочная устава убила послѣдніе остатки волостной организаціи и поставила крестьянина въ непосредственныя отношенія къ державцамъ и старостамъ. Обыкновенно крестьяне получали по одной волокѣ, высшіе разряды—по двѣ. Если оставались волоки неразобранными, то они раздавались крестьянамъ подъ условіемъ платежа чинша. Введеніе новой уставы сопровождалось бѣгствомъ крестьянъ, не желавшихъ примириться съ новыми аграрными отношеніями. Производя помѣру земли, иногда мѣрники „припускали“ и сосѣднія земли на шляхетскомъ правѣ, отчего создавалось множество исковъ. Иногда въ интересахъ хозяйства допускалась мѣна имѣніями между паномъ и господаремъ. Повинности крестьянъ были точно опредѣлены и большею частью переложены на чиншъ. Конечно, новыя хозяйственныя отношенія могли поднять доходность крестьянскаго хозяйства, но бдительный контроль администраціи въ лицѣ войта парализовалъ крестьянскую иниціативу и приводилъ часто къ обратнымъ результатамъ.

Волочная помѣра не прикрѣпила крестьянина къ землѣ: и теперь онъ могъ уйти, посадивъ на свое мѣсто другое лицо, но фактически это было невозможно, такъ что количество „вольныхъ“ все болѣе и болѣе

сокращалось. Крестьянину приходилось оставаться на своемъ участкѣ, всецѣло предоставленному опекѣ мелкой администраціи. Послѣдняя же блюла не только интересы фиска, но и свои собственные. Благодаря этому экономическое положеніе крестьянства только ухудшалось, а свобода ухода смѣнялась крѣпостной неволей.

X. Политическій строй.

I) Великій князь, органы центр. и мѣстн. управленія.

Власть великаго князя Литовскаго.

Въ половинѣ XV в. въ Литовско-русскомъ государствѣ исчезли послѣдніе остатки удѣльной системы. Великій князь очутился во главѣ единаго, но сложнаго по формѣ государства, княземъ-отчичемъ всѣхъ земель княжества. По существу, великій князь—неограниченный монархъ: его дѣйствія не связаны никакими правоограниченіями, и такимъ онъ оставался до конца XV в., когда ему пришлось раздѣлить власть съ панами-радой. Но по отношенію къ землямъ-аннексамъ суверенитетъ великаго князя сталкивался съ правами земель, неоднократно подтверждаемыми господарями, хотя въ предѣлахъ „права земли“ его власть оставалась неограниченной. Только въ Литвѣ, по примыкавшимъ къ ней землямъ, да въ разбросанныхъ по территоріи господарскихъ волостяхъ суверенность его власти была полная. Здѣсь не происходило столкновенія права земли съ волей великаго князя. По отношеніи къ послѣдняго рода землямъ великій князь являлся настоящимъ княземъ-вотчинникомъ, чего сказать нельзя относительно земель-аннексовъ.

Кругъ его дѣятельности.

Обычный кругъ дѣятельности литовскихъ господарей трудно очертить съ извѣстною опредѣленностью, но, во всякомъ случаѣ, онъ былъ необыкновенно разностороненъ и широкъ. Въ рукахъ господаря сосредоточиваются всѣ нити управленія, какъ въ области внѣшней такъ и внутренней политики. Онъ прини-

маетъ мѣры по оборонѣ страны, издаетъ законодательные акты и назначаетъ должностныхъ лицъ, непосредственно разбираетъ юридическіе казусы. Положеніе его въ странѣ двойственное: онъ не только „господарь“, но и богатѣйшій вотчинникъ: доходы съ господарскихъ вотчинъ составляли едва ли не главную доходную статью великокняжескаго скарба. Великому князю приходится не только быть государемъ въ полномъ смыслѣ этого слова, но и сосредоточить въ своихъ рукахъ верховный надзоръ по управленію господарскими имѣніями.

Выступая въ качествѣ верховнаго распорядителя—государя, великій князь былъ заваленъ массой всякихъ дѣлъ. Великій князь утверждалъ собственной властью всякаго рода сдѣлки съ недвижимыми имуществами, разбиралъ поземельныя тяжбы, споры о межахъ, дѣла о холопствѣ, денежныя тяжбы, дѣла о грабежѣ, насиліи, безчестіи. Великій князь держался того взгляда, „что виненъ его милость каждому съ подданныхъ своихъ, а зълаща тымъ, которые съ жалобами своими нез его милость приходятъ, справедливость дѣлати зъ вирхности своее господарское“.

Центральное управленіе

Двойственное положеніе великаго князя отразилось на составѣ органовъ центральнаго управленія. Появленіе однихъ приходится поставить въ связь съ необходимостью вести дворцовое хозяйство, появленіе другихъ связано съ заботами объ интересахъ государства, такъ какъ паденіе удѣловъ поставило передъ литовскимъ господаремъ рядъ задачъ и цѣлей въ области внѣшней и внутренней политики, осуществленіе которыхъ было невозможно безъ посредства соотвѣтствующихъ должностныхъ лицъ. Это и вызвало появленіе органовъ центральнаго управленія, земскихъ по своему характеру.

а) дворцовые урядники.

Общее количество дворцовыхъ урядниковъ было значительно, что отчасти вызывалось усиліемъ придать великокняжескому двору больше пышности. Къ числу дворцовыхъ урядниковъ можно отнести *маршалка земскаго и*

дворнаго, на обязанности которыхъ лежало устройство придворныхъ церемоній, пріемъ гостей, пріѣхавшихъ къ господарю, отведеніе квартиръ „станамъ“, съѣхавшимся на сеймъ, опубликованіе различныхъ обязательныхъ постановленій въ мѣстахъ пребыванія господарской квартиры, начальство надъ господарскими дворянами, служившими при дворѣ и исполнявшими различныя правительственныя порученія административнаго и судебнаго характера. Обязанности маршалка при великой княгинѣ выполнялъ „охмистръ“. Такое же придворное значеніе имѣлъ „*подчашій*“, вѣдавшій напитки, подаваемые къ господарскому столу; *чашникъ*, наливавшій напитки господарю; *крайчій*—разрѣзавшій кушанія, подаваемыя къ столу великаго князя; *стольникъ и подстолій*, завѣдывавшіе сервировкой великокняжескаго стола; *кухмистръ*—завѣдывалъ господарской кухней, *конюшій* — завѣдывалъ придворными конюшнями, *ловчій*—охотой, *подкоморій*—порядкомъ и убранствомъ внутреннихъ, покоевъ; *ложничій*—господарской опочивальней, *мечникъ*, державшій мечъ передъ великимъ княземъ во время различныхъ торжественныхъ церемоніи. Къ числу такихъ же придворныхъ урядниковъ можно причислить и *подскарбія дворнаго*, спеціально вѣдавшаго господарское имущество—доходы, поступавшіе на содержаніе великокняжескаго двора; эти доходы составлялись изъ „личныхъ“ имѣній господаря и поступленій изъ общаго земскаго скарба.

Подъ началомъ всѣхъ этихъ придворныхъ чиновъ находилось множество низшихъ служителей, получавшихъ за свой трудъ вознагражденіе дачею земли, денегъ, суконъ, шубъ, хлѣба.

б) земскіе уряды

Къ органамъ земской центральной администраціи относится—*подскарбій земскій*, завѣдывавшій всѣми поступленіями въ господарскій скарбъ и провѣрявшій отчетность мѣстныхъ агентовъ по сбору государственныхъ налоговъ, выдававшій изъ „скарба“ деньги или вещи по приказанію господаря и составлявшій кассовую отчетность. Кромѣ того, подскарбій земскій хра-

нилъ въ „скарбѣ“ подлинники договоровъ съ иностранными державами и другіе подлинные акты, литовскую метрику, разные государственныя регаліи: скипетръ, мечъ, хоругвь, а также огнестрѣльное оружіе и боевые припасы. Общее же управленіе финансовымъ хозяйствомъ находилось въ рукахъ господаря и его рады: подскарбій земскій являлся пока только исполнителемъ чужой воли и не имѣлъ никакого самостоятельнаго значенія. Иногда обязанности подскарбія земскаго возлагались на подскарбія дворнаго, — преимущественно въ отсутствіе перваго. Большое значеніе среди центральныхъ органовъ имѣлъ *канцлеръ*, обыкновенно въ тоже время занимавшій должность Виленскаго воеводы. Онъ являлся управителемъ государственной канцеляріи, состоявшей при великомъ князѣ и панахъ-радѣ. Государственная канцелярія облекала въ письменную форму всѣ законодательныя, судебныя и административныя распоряженія господаря и радныхъ пановъ. Въ государственной канцеляріи изготовлялись и разнаго рода дипломатическіе документы: грамоты къ сосѣднимъ государствамъ, инструкціи посламъ. Тутъ же составлялся государственный архивъ—литовская метрика. Канцлеръ великаго княжества являлся также хранителемъ государственной печати, скрѣплявшей документы, выходившіе изъ государственной канцеляріи. Выдача всякаго рода документовъ могла производиться только съ воли господаря, выраженной тѣмъ или другимъ путемъ. Подъ началомъ канцлера былъ цѣлый штатъ секретарей, писарей, дьяковъ.

Въ рукахъ *гетмана наивысшаго* сосредоточивалось командованіе арміей во время войны. Великій князь на время передавалъ ему функціи главнокомандующаго. Власть гетмана, какъ главнаго военноначальника, была обширна: всѣ находившіеся въ арміи, безъ различія званія, должны были его слушаться, какъ самого государя. Въ его рукахъ былъ судъ надъ виновными въ нарушеніи военной дисциплины, а также надъ всѣми, со-

стоявшими подъ его командой, по жалобамъ другъ на друга и по жалобамъ на нихъ со стороны мѣстныхъ обывателей. Заботы же о снаряженіи арміи, ея комплектованіи, снабженіи жизненными припасами — это оставалось въ рукахъ господаря и пановъ-рады.

Характеръ земскихъ урядовъ и измѣненія въ половинѣ XVI в.

Отличительной чертой вышеупомянутыхъ земскихъ урядовъ княжества являлось то, что ни одинъ изъ нихъ въ періодъ самостоятельнаго существованія княжества не выдѣлился въ самостоятельное вѣдомство, съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ кругомъ дѣйствій. Собственно, всѣ эти „урядники“ были только исполнителями рѣшеній великаго князя и пановъ-рады, и ни въ чемъ не могли проявить своей самостятельности. Всякое проявленіе дѣятельности съ ихъ стороны требовало соотвѣтствующаго приказа отъ великаго князя и пановъ-рады. Но въ 60 годахъ XVI вѣка уже замѣчаются существенныя измѣненія въ положеніи нѣкоторыхъ урядовъ. Такъ, подскарбій земскій—не только казначей,— онъ уже можетъ дѣйствовать по собственной иниціативѣ: отдача въ наемъ господарскихъ имѣній, выдача денегъ на расходы, награжденіе и смѣна сборщиковъ налоговъ,— все это было предоставлено собственной иниціативѣ подскарбія; наконецъ, въ 1568 г. завѣдываніе монетнымъ дѣломъ также перешло къ нему. Измѣнилось и положеніе гетмана наивысшаго. Онъ—не только фельдмаршалъ, но и военный министръ: комплектованіе арміи находится въ его рукахъ, какъ и снабженіе ея жизненными припасами. Гетманъ можетъ въ интересахъ государственной обороны по собственному усмотрѣнію распоряжаться бюджетомъ арміи. Все это опредѣлилось только почти наканунѣ Люблинской уніи.

Великій князь и господарская рада упустили изъ своихъ рукъ кормило правленія, отдавъ его въ руки шляхетскаго народа, выступавшаго на сеймахъ въ роли законодателя. Примѣненіе въ жизни сеймовыхъ постановленій требовало извѣстной самостоятельности отъ должностныхъ лицъ. Это и было основной причи-

ной перемѣны въ положеніи подскарбія земскаго и гетмана наивысшаго, превратившихся изъ агентовъ великаго князя и пановъ-рады въ исполнителей сеймовыхъ постановленій.

Областное управленіе.

Отъ характеристики великокняжеской власти и органовъ центральнаго управленія—естественный переходъ къ областному управленію. Послѣднее находится въ тѣснѣйшей связи съ областнымъ дѣленіемъ. Для обозначенія послѣдняго употреблялись различныя термины, какъ-то: волость, держава, повѣтъ. Этими названіями обозначались и крупныя территоріальныя единицы, развившіяся по старымъ удѣльнымъ княженіямъ или землямъ, и малыя территоріальныя единицы. Впрочемъ, съ теченіемъ времени слово „волость“ исчезло изъ оффиціальнаго языка, и для обозначенія правительственныхъ округовъ стали употребляться только два термина: держава и повѣтъ. Съ начала XV вѣка намѣчается новое территоріальное дѣленіе: собственно Литва съ Русью Литовской, Полѣсьемъ и Подляшьемъ, дѣлится на два воеводства: Виленское и Троцкое, и слово „воеводство“ стало обозначать наиболѣе крупное территоріальное дѣленіе. Съ начала XVI в. воеводствами стали называться и земли-аннексы: Кіевская, Полоцкая, Витебская и Смоленская; Жмудская и Волынская земля носили названіе староствъ. Благодаря появленію новаго болѣе крупнаго областнаго дѣленія, державами и повѣтами стали называться подраздѣленія воеводствъ, причемъ размѣры этихъ округовъ попрежнему отличались поразительной неравномѣрностью. Съ исчезновеніемъ удѣльной системы, въ областяхъ сидѣли *намѣстники*, впослѣдствіи *воеводы и старосты*, представители великокняжеской власти. Воеводы и старосты получали свои должности отъ великаго князя. Должности обыкновенно были пожизненны, если только великій князь не жаловалъ ихъ какой-нибудь новой, болѣе высокой должностью. Въ нѣкоторыхъ земляхъ-воеводствахъ великому князю приходилось считаться

съ желаніемъ населенія, какъ въ назначеніи, такъ и въ смѣнѣ воеводъ и старостъ. Положеніе воеводъ и старостъ двоякое. Съ одной стороны, они—представители территоріальнаго единства земли—воеводства, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась высшая судебно-административная власть. Кромѣ того, воеводы и старосты были начальниками надъ военными силами области. Въ этомъ отношеніи къ нимъ перешли функціи прежнихъ удѣльныхъ князей. Съ другой стороны, въ ихъ вѣдѣніи находились нѣкоторыя волости—державы, прилегавшія къ главнымъ городамъ областей. По отношеніи къ этимъ державамъ—воеводы и старосты были обыкновенные намѣстники—державцы. Воеводы и старосты завѣдуютъ хозяйствомъ въ господарскихъ имѣніяхъ, какъ обыкновенно приказчики, являются сборщиками податей и пошлинъ и вообще финансовыми агентами господаря; они были комендантами мѣстныхъ крѣпостей и принимали мѣры по оборонѣ территоріи, будучи также командирами части областного ополченія, которое они сами снаряжали подъ своей личной отвѣтственностью. Кромѣ того, воеводы заботились, чтобы въ ихъ державѣ земля не лежала безъ службы, и поэтому раздавали пустовщины въ земскую службу, но воеводское пожалованіе нуждалось еще въ особомъ господарскомъ разрѣшеніи. Иногда въ своихъ державахъ воеводы имѣли и судебную власть надъ всѣми жителями державы, за исключеніемъ только тѣхъ лицъ, кто пользовался иммунитетомъ: дѣла о шляхетствѣ были изъяты изъ вѣдомства воеводъ, старостъ и державцевъ.

По нѣкоторымъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ въ Кіевской и Волынской землѣ воеводы, старосты и державцы не могли приводить въ исполненіе приговора до указа государя. Впрочемъ, подсудность населенія воеводамъ, старостамъ и державцамъ была факультативна. Стороны всегда могли, минуя мѣстные уряды, обратиться къ суду господаря. Статутъ 1529 г.

требуетъ, чтобы стороны обращались къ государю до начала судоговоренія.

Воеводы и старосты обыкновенно управляли волостями съ помощью назначаемыхъ ими слугъ, которые выполняли различныя ихъ служебныя порученія. Впрочемъ, волостями, гдѣ не было развито господарское хояйство, воеводы и старосты управляли изъ центральнаго города и судили въ центральномъ городѣ.

Военная власть воеводъ и старостъ.

Разсмотримъ теперь подробнѣе правительственную дѣятельность воеводъ и старостъ, какъ замѣстителей удѣльныхъ князей. Въ качествѣ таковыхъ и представителей единства земли—воеводы и старосты имѣли военную власть. Они являются начальниками ополченія всей области. Въ составъ его входили ополченія изъ повѣтовъ, бывшихъ въ вѣдѣніи самого воеводы, изъ повѣтовъ, находившихся подъ управленіемъ намѣстниковъ-державцевъ, и ополченія князей и пановъ, выступавшихъ подъ собственной хоругвью.

Какъ начальникъ всего ополченія, воевода и староста собирали „пописы“ съ обозначеніемъ числа военныхъ слугъ; по нимъ они провѣряли явившихся на военную службу, а подскарбій земскій—сборъ съ ихъ имѣній серебщины. Воеводы и старосты принимали также участіе въ устройствѣ военно-служилаго класса и за предѣлами своихъ державъ. Они сами раздавали „пустовщины“ и подыскивали таковыя по порученію государя въ предѣлахъ своей области — воеводства.

Судебная власть.

Судебная власть воеводъ и старостъ распространялась на всю область—воеводство. Здѣсь они были главными и высшими судьями. Часто населеніе, недовольное судомъ державцы, подавало жалобы воеводамъ и старостамъ. Иногда самыя дѣла вчинялись передъ ними, минуя низшую администрацію; наконецъ, въ нѣкоторыхъ державахъ намѣстники-державцы и тивуны не могли судить шляхту, которая была подсудна одному воеводѣ. Подсудны имъ были и нѣкоторые изъ князей и пановъ, имѣнія которыхъ не входили въ составъ по-

вѣтовъ. Воеводы и старосты судили низшую провинціальную администрацію по жалобамъ на нее со стороны, что признано и Статутомъ 1529 г. (VI, 1). Сами они были подсудны великокняжескому суду. Но нѣкоторые изъ князей и пановъ, въ силу господарскаго пожалованія, были изъяты изъ-подъ юрисдикціи воеводъ и старостъ. Воевода обыкновенно судилъ не одинъ, а въ присутствіи различныхъ должностныхъ лицъ и мѣстнаго населенія, являвшагося хранителемъ мѣстнаго права. Воеводамъ и старостамъ часто приходилось откладывать дѣла на томъ основаніи, „что на тотъ часъ никого при насъ пановъ и бояръ земли... не было“.

Надзоръ надъ державцами
а) державцы.

Наконецъ, для полноты характеристики вѣдомства воеводы слѣдуетъ отмѣтить, что общій надзоръ за хозяйственной и административной дѣятельностью провинціальной администраціи также находился въ рукахъ воеводъ и старостъ. Въ XV в. провинціальный администраторъ обыкновенно назывался намѣстникомъ-державцемъ и тивуномъ. Назначался онъ обыкновенно изъ числа представителей мѣстной аристократіи. Державы раздавались до „воли господарской“ или „до живота“, но расточительное веденіе хозяйства въ державѣ могло повлечь за собою лишеніе должности. Вѣдомство намѣстниковъ-державцевъ, какъ намъ уже извѣстно, было очень обширно. Намѣстники-державцы, какъ и воеводы со старостами, жалованія не получали, а кормились на счетъ своихъ держаній. Это кормленіе могло быть двоякое: гдѣ не было господарской пашни, тамъ намѣстники-державцы получали кормъ натурой. Это преимущественно относится къ Поднѣпрскимъ и Подвинскимъ волостямъ. При существованіи господарскаго хозяйства—въ пользу намѣстника-державца поступала треть урожая озимымъ и яровымъ хлѣбомъ, овощи съ огорода, часть улова рыбы. Иногда намѣстникамъ-державцамъ представлялась эксплоатація господарскихъ угодій въ свою пользу. Кромѣ того, они получали не мало разныхъ судебныхъ пошлинъ: „пе-

ресудъ“—% съ суммы иска, „повинное“—% съ штрафовъ въ пользу государя, „заклады“ — которые тяжущіеся устанавливали по обоюдному соглашенію въ пользу намѣстника-державца, „поколодное“ и т. д. Иногда, по спеціальному пожалованію господаря, поступали особые доходы. Бывали случаи, когда в. князь, закладывая имѣніе, отдавалъ доходы съ него вмѣсто процента впредь до выплаты „закладныхъ денегъ“.

б) злоупотребленія державцевъ.

Такая система содержанія должностныхъ лицъ приводила къ расхищенію господарскихъ имѣній и вызывала недовольство населенія, которое неоднократно жаловалось господарю на администрацію, вводившую разныя новины: „съ ихъ людей брали свадебныя куницы, на имѣнія ихъ слугъ своихъ насылали и безъ каждаго права грабили ихъ самихъ и людей ихъ, и мыта новыя, гдѣ здавна не бывали, вновь установили“. Такія жалобы повторялись постоянно. Правительство было не въ силахъ бороться съ злоупотребленіями. Въ интересахъ борьбы оно стало раздавать держанія въ пожизненное владѣніе, въ надеждѣ, что крѣпость владѣнія заставитъ урядника относиться съ большимъ вниманіемъ къ господарскому хозяйству. Наконецъ, гдѣ были „роскрошители и шкодники“ господарскаго хозяйства, тамъ, гдѣ населеніе разбѣгалось благодаря „кривдамъ“ администраціи, держанія отбирались на государя, такъ какъ внушенія не производили никакого впечатлѣнія.

в) контроль.

Отчетъ въ веденіи господарскаго хозяйства намѣстники-державцы давали особымъ писарямъ, объѣзжавшими господарскія имѣнія два раза въ годъ. Кромѣ того и воевода могъ вмѣшиваться въ хозяйственно-административную дѣятельность державцевъ.

Дѣятельностью администраціи было недовольно не только населеніе, жившее въ господарскихъ имѣніяхъ. Администрація вторгалась въ частновладѣльческія имѣнія, ловила звѣря и рыбу въ лѣсахъ и водахъ, причиняя огромные убытки населенію. Вполнѣ понятно,

почему на „великихъ вальныхъ сеймахъ“ шляхта громитъ дѣятельность областной администраціи.

2) Господарская рада.

Составные элементы рады.

На всемъ протяженіи исторіи Литовско-русскаго государства бросается въ глаза видная политическая роль особаго совѣта при государѣ—рады. Конечно, и ея составъ и компетенція за этотъ періодъ времени не оставались одинаковыми. И то и другое измѣнялось въ зависимости отъ перемѣнъ, происходившихъ въ соціально-политическомъ быту государства. Совѣтъ при государѣ—учрежденіе старое. Такой совѣтъ около себя имѣлъ любой изъ удѣльныхъ князей. Ни составъ такого совѣта, ни его компетенція не были опредѣленными. Удѣльный князь теоретически совѣтывался съ кѣмъ и о чемъ хотѣлъ, но на практикѣ уже сформировался опредѣленный кругъ лицъ, изъ числа которыхъ приглашались совѣтники. Такимъ кругомъ и были бояре земли, мѣстные крупные землевладѣльцы. И великіе князья чувствовали нужду въ поддержкѣ и помощи со стороны окружавшихъ лицъ. Они тоже неоднократно совѣтывались со своими боярами, принимая вмѣстѣ съ ними то или другое рѣшеніе. Но эти совѣщанія были большею частью моральнаго характера, и такіе совѣты нельзя считать уже отлившимся и сформировавшимся учрежденіемъ. Кромѣ совѣтовъ съ боярами, великіе князья рѣшали разныя дѣла совмѣстно съ удѣльными князьями. Отъ имени великаго князя и удѣльныхъ князей заключали миръ, писались различные договоры. Окончательное рѣшеніе заключить унію съ Польшей было принято на совѣщаніи Ягайллы и удѣльныхъ князей. Вообще, можно сказать, что великіе князья всѣ важнѣйшія общія дѣла, касавшіяся всего государства, рѣшали по совѣту и съ согласія удѣльныхъ князей. Развитіе удѣльной системы временно лишило литовскихъ бояръ того

значенія, которое они могли имѣть, какъ бояре земли и совѣтники князя. Съ Витовта положеніе дѣлъ измѣнилось. Врагъ удѣльныхъ князей и сторонникъ самостоятельности Литвы долженъ былъ найти опору своимъ стремленіямъ въ иномъ общественномъ слоѣ, и таковымъ явились литовскіе бояре—представители крупнаго землевладѣнія. Витовтъ постоянно съ ними совѣтывался. Всѣ крупные политическіе акты были имъ предприняты послѣ совѣта съ боярами. Недаромъ поляки при повтореніи уніи требовали подписи литовскихъ бояръ. Конечно, совѣщаніе съ боярами не исключало возможности приглашенія и удѣльнаго княжья, признавшаго авторитетъ Витовта, но такія совѣщанія были чрезвычайными. Обыкновенный же совѣтъ состоялъ изъ первостепенныхъ литовскихъ пановъ, общее число которыхъ значительно увеличилось въ зависимости отъ извѣстнаго уже политическаго объединенія, которымъ сопровождалось возведеніе Витовта на великое княженіе. Число совѣтниковъ Витовта было постоянно колеблющимся. Иногда въ радѣ присутствовало два—три человѣка, иногда значительно больше. Но уже при немъ мало-по-малу намѣчался тотъ кругъ лицъ, изъ котораго господарь призывалъ себѣ совѣтниковъ, хотя еще онъ и не былъ точно очерченъ и замкнутъ.

Опредѣленіе состава рады.

Витовтъ обыкновенно, приглашалъ на совѣтъ католическихъ бискуповъ, придворныхъ сановниковъ, и главныхъ областныхъ правителей:—намѣстниковъ. За этимъ разрядомъ лицъ упрочилось преимущественно званіе господарскихъ совѣтниковъ. При преемникахъ Витовта—Свидригайллѣ и Сигизмундѣ—рада составлялась изъ того же круга лицъ, только при Свидригайллѣ въ нее входило много русскихъ бояръ. Впослѣдствіи имъ не удалось войти въ нее въ силу извѣстной конфессіональной статьи привилея 1413 года. Правда, иногда православнымъ вельможамъ и удавалось проникнуть въ раду, но это бывало сравнительно

рѣдко, и объяснялось только заслугами передъ государствомъ. При Казимірѣ составъ господарской рады сталъ еще отчетливѣе. Совѣтниками великаго князя стали католическіе епископы, нѣкоторые значительные князья, намѣстники областей и правители крупныхъ территорій, высшіе земскіе и дворные совѣтники. Окончательное же опредѣленіе состава господарской рады относится ко времени Александра и Сигизмунда I. Она состояла изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ государства, „отправлявшихъ высокія должности и носившихъ высокія званія".

Передняя Рада.

Рада въ полномъ составѣ могла собираться, конечно, рѣдко, за отъѣздомъ разныхъ ея членовъ. Поэтому съ конца XV вѣка можно отмѣтить функціонированіе особой *передней рады*, состоявшей изъ лицъ, бывшихъ всегда около господаря, изъ числа высшихъ областныхъ правителей и государственныхъ сановниковъ, занимавшихъ должности по центральному управленію. Мѣсто въ господарской радѣ было тѣсно связано съ званіями и должностями. Пріобрѣтаніе того и другого давало право засѣданія въ ней. Бывали случаи, впрочемъ очень рѣдко, когда въ раду попадали люди незнатнаго происхожденія, оказавшіе ту или другую услугу государству; обыкновенно же въ радѣ сидятъ представители однихъ и тѣхъ же фамилій, отличавшихся богатствомъ и знатностью. Уже эти два качества сами по себѣ давали право на занятіе мѣстъ въ радѣ. Поэтому господарская рада всегда являлась учрежденіемъ аристократическимъ, и вполнѣ понятно, почему выступавшая на сцену шляхетская демократія относилась къ ея дѣятельности съ недовѣрчивостью и извѣстнаго рода боязливостью.

Вѣдомство рады и обособленіе ея.

Отъ состава обратимся къ вѣдомству господарской рады. Первоначально господарская рада была совѣтомъ при государѣ, и отдѣльное ея функціонированіе фактически было невозможно. Тѣсно связанная съ господаремъ, она принимаетъ участіе почти во всѣхъ его пра-

вительственныхъ актахъ, издаваемыхъ „подумавши съ князьями и паны“. Чѣмъ сложнѣе и запутаннѣе становилась общественная и государственная жизнь Литвы, тѣмъ все больше и больше участія принимала рада въ управленіи государствомъ. Такъ, великіе князья вмѣстѣ съ радой рѣшали разные судебные вопросы, раздавали имѣнія, укрѣпляли переводъ недвижимости изъ однихъ рукъ въ другія. Впрочемъ, такая совмѣстная дѣятельность рады и великаго князя не исключая возможности единоличныхъ правительственныхъ актовъ со стороны великаго князя. Дѣйствительно, случаи проявленія единоличной его воли довольно часты втеченіе всего XV в.: раздача имѣній, укрѣпленіе актовъ объ отчужденіи недвижимости, разныя судебныя и финансовыя дѣла производились княземъ и единолично. Но въ то же время, съ половины XV вѣка, начинается постепенное обособленіе рады отъ господаря и превращеніе ея въ самостоятельное учрежденіе. Конечно, этотъ процессъ обособленія необходимо поставить въ связь съ личной уніей съ Польшей, заключенной при Казимірѣ. Благодаря частымъ отлучкамъ послѣдняго, господарской радѣ приходилось неоднократно выступать въ роли высшаго правительства страны. Рада вела дипломатическія сношенія, въ отсутствіе господаря разбирала связанныя съ захватомъ земли и наѣздомъ на имѣніе процессы, но вопросъ о наказаніи виновнаго рѣшался господаремъ по его возвращеніи, распоряжалась военными силами, раздавала земли военно-служилымъ людямъ. Такъ рада изъ личнаго совѣта при государѣ постепенно превращалась въ государственный совѣтъ великаго княжества, продолжавшій функціонировать и въ отсутствіе господаря.

Права рады.

Литовской аристократіи удалось привилеями 1492 г. и 1506 г. закрѣпить за радой закономъ ея положеніе самостоятельнаго учрежденія, принимавшаго активное участіе въ политической жизни страны. Но содержаніе этихъ привилеевъ шло дальше: они надѣлили госпо-

дарскую раду политическими правами, существенно ограничивавшими прерогативы великокняжеской власти. Привилей 1492 г. подтверждалъ право рады на совмѣстное веденіе съ в. княземъ дипломатическихъ сношеній. Привилей обязывалъ господаря въ дѣлахъ внутренняго управленія помимо пановъ-рады не измѣнять и не исправлять ничего, что уже имъ было постановлено совмѣстно съ панами-радой; въ случаѣ несогласія пановъ-рады съ его мнѣніемъ при обсужденіи тѣхъ или другихъ государственныхъ дѣлъ, не держать за это на нихъ гнѣва и дѣлать то, что они посовѣтуютъ ему для его же и земской пользы. Далѣе, великій князь Александръ обязывался не отнимать ни у кого урядовъ и державъ безъ вины и совѣта пановъ-рады, раздавать державы въ украинныхъ областяхъ по совѣщанію съ панами-радой, расходовать средства на государственныя нужды по совѣту пановъ-рады и не вывозить ихъ изъ страны безъ воли радныхъ пановъ. Наконецъ, привилей обезпечивалъ участіе пановъ-рады въ господарскомъ судѣ. Привилей 1492 г. не говорилъ о правѣ пановъ-рады непремѣнно участвовать въ изданіи тѣхъ или другихъ постановленій. Отсюда вытекала возможность и единоличныхъ распоряженій господаря, что окончательно уничтожается привилеемъ 1506 г., по которому всѣ законы и распоряженія общаго характера, направленные ко благу государства, издаются послѣ обсужденія ихъ совмѣстно съ панами-радою. Эти два привилея закрѣпили за радой ея политическое значеніе, и власть великаго князя съ конца XV в. приходится трактовать, какъ ограниченную.

Дѣятельность рады.

Дѣятельность господарской рады была очень сложна и разнообразна. Эта сложность привела къ учрежденію при ней и господарѣ канцеляріи съ канцлеромъ во главѣ и „скарба“ съ подскорбіемъ земскимъ. По мѣрѣ развитія вальнаго сейма и усиленія его значенія — политическій вѣсъ пановъ-рады уменьшался, рядъ вопросовъ, раньше обсуждаемыхъ ими, сталъ раз-

сматриваться на вальномъ сеймѣ, а статутъ 1566 г. окончательно закрѣпилъ за сеймомъ его политическое значеніе. Но текущая администрація, подготовленіе вопросовъ для обсужденія на вальномъ сеймѣ—это осталось въ вѣдѣніи пановъ-рады.

3) Великій вальный сеймъ.

Зарожденіе сеймовъ.

На ряду съ господарской радой въ началѣ XV вѣка, можно замѣтить первые зачатки новаго учрежденія—великаго вальнаго сейма, окончательно сформировавшагося во второй половинѣ XVI вѣка. Первые признаки появленія сейма можно отнести къ 1401 г., когда заключалась третья унія съ Польшей. Въ Вильну съѣхалось для переговоровъ объ уніи много лицъ, принадлежавшихъ къ первостепенной литовской знати и княжескому роду. Тутъ же присутствовало и вообще все боярство Литвы и Руси литовской. На первомъ сеймѣ не было представителей другихъ областей Литовско-русскаго государства. Князь и паны, собравшіеся на сеймъ, какъ извѣстно, заключили унію съ Польшей. Такой составъ перваго сейма, конечно, объясняется тѣмъ значеніемъ, которое имѣла литовская знать въ жизни княжества, отстаивавшая съ Витовтомъ его самостоятельность. И второй сеймъ, собравшійся въ 1413 г. тоже по поводу уніи, составился изъ тѣхъ же общественныхъ элементовъ. Присутствовали на немъ и многіе изъ рыцарскаго класса, но активная роль на сеймѣ принадлежала литовской знати. По крайней мѣрѣ, она своими подписями за себя и за шляхту скрѣпила новый унитарный трактатъ. Первые два сейма можно назвать „вальными“, т.-е. всеобщими, только съ извѣстнымъ ограниченіемъ, такъ какъ на нихъ не было русской знати и шляхты изъ земель-аннексовъ. Извѣстная уже намъ политическая борьба Литвы и земель-аннексовъ выдвинула на первый планъ русскій элементъ, какъ крупную политическую силу. Поэтому литовскіе князья и паны сочли для себя

невозможнымъ безъ русской знати рѣшить вопросъ, соглашаться ли Казиміру на избраніе его польскимъ королемъ или нѣтъ, и пригласили ее на сеймъ 1446 г. въ Вильну. Этотъ съѣздъ въ Вильнѣ, на которомъ были литовскіе и русскіе паны, и можно считать „великимъ вальнымъ“ въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Вообще, при Казимірѣ сеймы собирались довольно часто, чуть ли не ежегодно, но не всѣ они могутъ быть подведены подъ категорію „великаго вальнаго сейма“. Нѣкоторые изъ сеймовъ были только полными собраніями радныхъ совѣтниковъ, и къ сеймамъ въ собственномъ смыслѣ слова причислить ихъ нельзя. На другихъ присутствовали паны, бояре-шляхта не всего государства, а только изъ Литвы, Жмуди и литовской Руси. И только на нѣкоторыхъ присутствовали князья, паны и шляхта со всего государства, отъ всѣхъ его земель. Эти сеймы и можно считать „великими вальными“ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Собирались они сравнительно рѣдко и только въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалась поддержка и согласіе областей-аннексовъ.

Въ правленіе великаго князя Александра сеймы собирались также часто, и по своему характеру они ни въ чемъ не отличались отъ сеймовъ временъ Казиміра. Рѣже всего собирались „великіе вальные сеймы“, но и такихъ сеймовъ было четыре: на нихъ были князья, паны и бояре-шляхта со всего Литовско-русскаго государства. Такіе сеймы собирались только въ очень важныхъ случаяхъ, когда рѣшались вопросы первостепенной политической важности. Все это укрѣпляло политическое значеніе вновь возникшаго учрежденія, которому впослѣдствіе удалось занять центральное мѣсто въ политической жизни княжества.

Причины появленія сеймовъ.

Происхожденіе сеймовъ приходится поставить въ связь съ соціально-политической структурой княжества. Слабость великокняжеской власти, носившей военно-политическій характеръ и представлявшей собою лишь идею національнаго единства, усилило авторитетъ мѣст-

ной знати и представителей мѣстныхъ общественныхъ союзовъ. Собственно, они задавали тонъ политической жизни страны отъ временъ Витовта. Окруженные многочисленными дружинниками, они представляли собою и крупную военную силу, съ которой ссориться было рискованно, а опираясь на нее, они выступали противъ политики Ягайллы. Въ союзѣ съ ними шла борьба Витовта за автономію Литвы. И, конечно, когда автономія Литвы висѣла на волоскѣ, когда поляки хотѣли использовать затруднительное положеніе Витовта, послѣдній не могъ рѣшиться на заключеніе уніи одинъ, безъ поддержки знати, да и сами поляки желали сговориться съ нею и видѣть ея подписи на новомъ унитарномъ договорѣ. Такъ унитарный вопросъ былъ лишь внѣшнимъ поводомъ для проявленія политическаго вѣса и значенія литовской знати. Впослѣдствія, какъ мы видѣли, къ основному ядру литовской аристократіи присоединяется и аристократія земель-аннексовъ, что опять таки являлось только отраженіемъ того вліянія, какое имѣлъ въ жизни княжества, русскій элементъ, не желавшій признавать исключительности политическаго господства Литвы. Вполнѣ понятно, что въ разгаръ національной борьбы великій князь не рѣшался рѣшать неотложные вопросы на сеймахъ стараго состава и пригласилъ на сеймъ знать и шляхту земель-аннексовъ.

Составъ сейма.

Если самое учрежденіе не успѣло отлиться въ однообразную форму, то конечно, не можетъ быть и рѣчи о болѣе точномъ опредѣленіи его состава и компетенціи. На великихъ вальныхъ сеймахъ присутствуютъ князья, паны и бояре-шляхта. Князья и паны призывались на сеймъ поголовно, особыми грамотами, какъ вожди и руководители мѣстныхъ обществъ; не было еще правильно-постановленнаго шляхетскаго представительства. Призывались только „старшіе“ шляхтичи, болѣе крупные землевладѣльцы. Такъ, разсылая приглашеніе на великій вальный сеймъ 1492 г., паны-рада просили пріѣхать „старшихъ“ земель: „десять, або двад-

цать, або колько ся вамъ увидитъ". Но такое неопредѣленное положеніе шляхетства кончилось въ XVI в., когда сорганизованное и сплоченное шляхетство начало на сеймахъ играть видную политическую роль.

Компетенція сейма.

Компетенція сеймовъ не была точно опредѣлена. Предметы обсужденія ставились вел. княземъ по его усмотрѣнію; только вопросы, связанные съ заключеніемъ уніи, всегда восходили до сейма, и подавляющее большинство „сеймовъ" и „вальныхъ сеймовъ" занималось именно этимъ вопросомъ, да въ связи съ нимъ—внѣшней политикой. Кромѣ того, великіе вальные сеймы избирали новаго господаря: великіе князья Александръ и Сигизмундъ были избраны на престолъ „едностайною волею" великаго вальнаго сейма.

Развитіе Сейма въ XVI в.

Время обоихъ Сигизмундовъ было въ высшей степени благопріятно для дальнѣйшей эволюціи великаго вальнаго сейма. За этотъ періодъ расширяется его компетенція, болѣе точно организуется шляхетское представительство. Сеймъ постоянно выступаетъ въ роли вершителя судебъ государства и постепенно отстраняетъ на второй планъ господарскую раду. И Статутъ 1566 г. только юридически закрѣпилъ за сеймомъ то значеніе, которое онъ фактически имѣлъ, въ особенности при Сигизмундѣ II.

Однимъ изъ условій, содѣйствовавшихъ дальнѣйшему развитію великаго „вальнаго сейма" и превращенію его въ постоянно-дѣйствующее учрежденіе, было затруднительное внѣшніе положеніи княжества. Затяжная борьба съ Москвой и обострившаяся борьба съ татарами требовали большого напряженія военныхъ силъ и денежныхъ средствъ со стороны государства.

Необходимость въ организаціи защиты страны и сбора денегъ на военныя нужды заставили литовское правительство обратиться къ помощи великаго вальнаго сейма. Государственный скарбъ находился въ весьма неудовлетворительномъ состояніи; обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ не хватало на удовлетвореніе экстренныхъ военныхъ расходовъ, а постоянный сборъ

военной подати, „серебщины“, въ силу привилея 1447 г. не могъ производиться великимъ княземъ. Казиміру приходилось прибѣгать къ единоличному назначенію экстренныхъ сборовъ „серебщины“, но еще чаще при немъ и Александрѣ „серебщина“ назначалась или панами-радою, или на великихъ „вальныхъ сеймахъ“, а при Сигизмундахъ обложеніе населенія военными и денежными повинностями перешло всецѣло въ руки великаго вальнаго сейма. Участники сейма оцѣнили для себя такой способъ назначенія серебщины. Они начали просить у господаря новыхъ правъ и вольностей, а также обращались съ требованіемъ реформъ и новыхъ законовъ. По мѣрѣ роста и усиленія и сейма его значенія, исчезаютъ другія формы сеймовыхъ совѣщаній, практиковавшіяся въ XV вѣкѣ. Съ 1505 г. приходится наблюдать только созывъ однихъ „великихъ вальныхъ сеймовъ“.

Дѣятельность сейма въ XVI в.

Сеймовая дѣятельность въ XVI в. необыкновенно часта и разностороння. Правительство цѣлый рядъ вопросовъ первостепенной важности передавало на разсмотрѣніе сейма. Въ 1510 г. сеймъ занимался принятіемъ мѣръ по оборонѣ государства, въ 1512 г. шли переговоры объ уніи, въ 1514 г.—поднялся вопросъ о продолженіи войны съ Москвой, и сеймъ высказался въ утвердительномъ смыслѣ, въ 1515 г.—сеймъ отказалъ господарю въ новыхъ налогахъ, въ 1516 г.—были изданы постановленія о мобилизаціи земскаго ополченія и о сборѣ серебщины, въ 1522 г.—сеймъ выработалъ условія мира, предложенныя московскому правительству, и занимался составленіемъ Статута, который кодифицировалъ бы шляхетское право; на сеймахъ 1528—1529 г. былъ принятъ рядъ постановленій о военной службѣ, внесены поправки въ Статутъ, установлены правила о дачѣ въ „заставу королевскихъ имѣній“; въ 1532 г.—сеймъ не согласился на борьбу съ волошскимъ воеводой; въ 1534 г.—новый сборъ серебщины и рѣшено начать войну съ Москвой; въ 1538 г.—были опредѣлены размѣры взысканій за недоимки, на сеймахъ 1544 г.—шляхтой былъ

заявленъ рядъ требованій въ смыслѣ расширенія правъ шляхты и ограниченія господства можновладства. Перечисляя предметы занятій сеймовъ временъ Сигизмунда I, мы указывали только на тѣ предметы, которые наиболѣе ярко выясняютъ характеръ компетенціи этого учрежденія.

Въ сравненіи съ XV в. дѣятельность сейма расширилась: за нимъ окончательно утвердилось право обложенія населенія новыми налогами и военной повинностью, онъ принимаетъ активное участіе въ вопросахъ внѣшней политики, и хотя его мнѣніе не связываетъ воли господаря, но съ нимъ считаются; сеймъ принимаетъ участіе въ изданіи новыхъ законодательныхъ постановленій и составленіи шляхетскаго кодекса: сама иниціатива этого дѣла шла со стороны становъ сеймы, высказывавшихъ свои положенія на Виленскомъ сеймѣ 1514, и Городенскомъ сеймѣ 1522 г.; сеймъ выступаетъ съ критикой текущей администраціи.

Усиленіе на сеймахъ шляхетства.

И въ составѣ сеймовъ произошли большія перемѣны. Постепенно увеличивается роль и значеніе шляхетскаго сословія, составлявшаго основное ядро военныхъ силъ княжества и многолюднаго плательщика серебщины. Уже на сеймѣ 1507 г. присутствуетъ рядовая шляхта, а не только „старшіе“ изъ ея среды. Но присутствовала она на сеймѣ поголовно. Конечно, при такомъ характерѣ представительства шляхта не могла играть большой политической роли, и вполнѣ понятно ея стремленіе къ болѣе систематической организаціи представительства. Уже на сеймѣ 1512 г. присутствуютъ представители по 2 отъ каждаго повѣта, и съ этого вермени появленіе шляхетскихъ представителей на сеймѣ вошло въ обычай. Шляхетское представительство не исключало возможности и поголовнаго появленія шляхты на сеймахъ.

Два коло сейма.

Впрочемъ, рядомъ съ „послами“ повѣтовъ пріѣзжали на сеймъ, по личнымъ приглашеніямъ, князья, паны, дворные и земскіе урядники. Вмѣстѣ съ послами они

составляли рыцарское коло, другое коло—были паны-рада. Постепенно устанавливается между ними такой же порядокъ сношеній и общихъ засѣданій, какой существовалъ въ Польшѣ. Невыборные члены „рыцарскаго кола“ вышли изъ него только послѣ уніи 1569 г. Таковъ характеръ сейма въ послѣдней его формаціи, ставшаго въ концѣ концовъ органомъ шляхетскаго представительства. Теперь шляхтичи, выбирая на мѣстахъ депутатовъ-пословъ и снабжая ихъ мандатами, имѣли полную возможность черезъ послѣднихъ руководить политической жизнью страны въ своихъ интересахъ и цѣляхъ. Въ связи съ новымъ административнымъ дѣленіемъ общее число шляхтскихъ депутатовъ значительно уменьшилось, но зато увеличился политическій ихъ вѣсъ: за ними теперь стояла плотная масса шляхетскаго народа, зорко слѣдившаго за политической жизнью въ странѣ. Въ зависимости отъ этого пало прежнее вліяніе аристократіи, пановъ-рады, превратившихся въ неравноправную часть сейма. Такимъ образомъ, структура сейма вполнѣ соотвѣтствовала тому положенію, которое шляхетство занимало въ государствѣ въ соціально-политическомъ отношеніи. Эта шляхетизація строя и учрежденій и рѣшила вопросъ объ уніи на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г.

XI. Настроеніе шляхты и судебно-административныя реформы 60 годовъ.

Шляхта на сеймахъ.

Великіе вальные сеймы служили прекрасной школой для политическаго самосознанія литовско-русской шляхты, понимавшей свое значеніе, какъ военно-служилаго класса и какъ плательщика „серебщины“. Шляхта занимаетъ на сеймахъ будирующую позицію, направленную противъ аристократіи и ея доминирующаго положенія въ государствѣ. Она выступаетъ съ жалобами на недостатки аристократической администраціи и съ другими пожеланіями, и съ каждымъ годомъ ея натискъ все

настойчивѣе и настойчивѣе. Она уже не ограничивается только жалобами, а рисуетъ стройную систему реформъ, долженствующихъ убить литовское можновладство. Шляхта недовольна судомъ и проситъ права избирать судью и писаря и ввести общую подсудность для всѣхъ становъ, что уничтожало особую юрисдикціи духовной и свѣтской аристократіи и вводило контроль шляхты надъ судами; она требуетъ „поправы“ Статута въ направленіи, указанномъ ею; выпуска монетъ съ согласія сейма, реформы администраціи.

Бѣльскій сеймъ 1563 г.

Аристократія сопротивлялась, пока могла, но затѣмъ пришлось пойти на уступки: она согласилась на „поправу“ Статута въ духѣ высказанныхъ пожеланій, и къ 1563 г. Статутъ былъ готовъ. Тогда паны-рада, старосты, державцы, представъ передъ господаремъ, заявили, что они, „милуючи Рѣчь Посполитую, а въ ней братью молодшую, народъ шляхетскій и рыцарскій“, отступаются и отрекаются отъ свой судебной власти и отъ другихъ прерогативъ, связанныхъ съ ея пользованіемъ, дабы введеніе новыхъ судовъ не встрѣтило препятствія. Затѣмъ станы сейма заявили, что они передаются „въ одно ровное право“ и подчиняются юрисдикціи новыхъ земскихъ урядниковъ, „на судъ выбранныхъ и высаженныхъ“. Бѣльскій сеймъ 1563 г. фактически убилъ можновладство и усилилъ политическій вѣсъ шляхты, но планы шляхты были реализированы только спустя 2 года, когда было введено новое областное дѣленіе, разрушившее самостоятельность земель, опредѣлены границы судебныхъ округовъ и намѣчены кандидаты на судебныя должности.

Новое судебное устройство.

Литва съ Русью дѣлилась на 30 судовыхъ повѣтовъ, въ предѣлахъ которыхъ устраивались сеймики для выбора кандидатовъ на судебныя должности, по 4 на каждую изъ нихъ, изъ числа которыхъ одинъ получалъ утвержденіе. Всѣ мѣстные землевладѣльцы были подчинены присуду новаго суда. Персоналъ *земскаго суда* состоялъ изъ судьи, подсудка и писаря. Выбираться на эти должности могли только осѣдлые шляхтичи: духовенство

не могло быть избираемо. Компетенціи земскаго суда подлежали всѣ гражданскія дѣла шляхетскаго сословія. Аппеляція на приговоръ земскаго суда направлялась къ государю и панамъ-радѣ. Рѣшенныя дѣла записывались въ книги, которыя хранились въ особыхъ судебныхъ зданіяхъ въ мѣстахъ судебныхъ сессій. Изъ компетенціи земскаго суда были изъяты дѣла о насильственныхъ наѣздахъ на шляхетскіе дома, о поджогѣ и разбоѣ, злодѣйствѣ и обманѣ, насиліи надъ женщиной, убійствѣ шляхтича. Всѣ такія дѣла были отнесены къ юрисдикціи *замковаго суда*, находившагося въ рукахъ воеводы и судового старосты. Въ отсутствіе ихъ судилъ намѣстникъ, совмѣстно съ градскимъ судьею, назначеннымъ изъ числа мѣстныхъ осѣдлыхъ шляхтичей, и писаремъ. На судъ намѣстника аппеляція шла къ воеводѣ и старостѣ, а на судъ послѣднихъ—къ самому господарю.

Наконецъ, вводился еще третій *судъ—подкоморскій*, „для справъ граничныхъ и земленыхъ“. Онъ состоялъ изъ подкоморія и коморника. Подкоморій назначается королемъ, хотя впослѣдствіи право выбора передается повѣтовой шляхтѣ. Коморникъ былъ помощникомъ подкоморія, выбиравшаго его изъ числа шляхтичей въ повѣтѣ, осѣдлыхъ, людей годныхъ и статочныхъ, чтобы для „отправы всякихъ справъ“ не было никакого „омѣшканія“. Коморникъ разбираетъ дѣла, подлежащія присуду подкоморія, и аппеляціонной инстанціей для обоихъ является королевскій дворный судъ. Судъ подкоморія или коморника былъ единоличнымъ.

Административная реформа.

На сеймахъ шляхта неоднократно настаивала на умноженіи числа должностей, доступныхъ для шляхетскаго сословія. Желаніе шляхты было исполнено, и ввидахъ этого а также приведенія къ единству областного управленія, такъ какъ старыя воеводства были слишкомъ крупными территоріальными единицами, въ 1566 г. было учреждено 5 новыхъ воеводствъ, раздѣленныхъ болѣе правильно на повѣты. Къ старымъ вое-

водствамъ были прибавлены: Волынское, Берестейское, Мстиславское, Браславля Подольскаго и Минское.

Ограниченіе власти воеводы.

Во главѣ воеводства былъ поставленъ воевода, назначавшійся великимъ княземъ, но въ воеводствахъ Жмудскомъ, Полоцкомъ и Витебскомъ происходили выборы воеводы на мѣстныхъ областныхъ сеймахъ.

Положеніе воеводы послѣ реформъ 60-хъ годовъ сильно измѣнилось въ сравненіи съ предыдущей эпохой: и территоріальные размѣры воеводства стали меньше, и компетенція воеводскаго уряда значительно сократилась. Судебная власть была почти изъята изъ рукъ воеводы, такъ какъ за нимъ осталась лишь юрисдикція по уголовнымъ дѣламъ, да гражданскіе иски по движимости и дѣла тѣхъ обывателей повѣта, которые по своему состоянію не имѣли доступа ни въ земскій, ни въ магдебурскіе суды, да и то она распространялась лишь на центральный повѣтъ, такъ какъ въ другихъ повѣтахъ (ихъ было отъ 5 до 1 на воеводство) градской судъ былъ въ рукахъ особаго судового старосты. И административная власть воеводы ограничивалась только предѣлами центральнаго повѣта. Но въ военномъ отношеніи сохранялось единство воеводства: воевода былъ главнымъ командиромъ, подъ начальство котораго собирались всѣ военно-служилые элементы воеводства съ своими повѣтовыми командирами: каштелянами въ центральныхъ повѣтахъ и маршалками въ остальныхъ. Такова была власть воеводы въ старыхъ воеводствахъ. Воеводы же вновь учрежденныхъ воеводствъ совершенно не имѣли никакихъ административныхъ и судебныхъ функцій: они оставались лишь военноначальниками съ правомъ засѣдать въ господарской радѣ.

Старосты судовые.

Во главѣ повѣтовъ были поставлены старосты. Ихъ нужно отличать отъ несудовыхъ старостъ, завѣдывавшихъ господарскимъ хозяйствомъ и имѣвшихъ судъ надъ не шляхетскимъ населеніемъ, а также исполнявшихъ различныя административныя функціи,—напр. сборъ серебщины. Старосты, стоявшіе во главѣ повѣ-

товъ, въ отличіе отъ послѣднихъ назывались „судовыми“, они соединяли въ себѣ функціи несудоваго старосты вмѣстѣ съ администраціей и судомъ надъ повѣтовой шляхтой.

Значеніе шляхты послѣ реформъ; ея депутаты.

Реформы 60 годовъ измѣнили и политическое значеніе шляхты. Государь во второмъ Статутѣ 1566 г. обязался не установлять ничего новаго для блага государства, никакихъ уставовъ, иначе какъ на вальномъ сеймѣ, съ вѣдома и согласія пановъ-рады и дозволенія всѣхъ земель великаго княжества. Это обѣщаніе не внесло ничего новаго въ практику государственной жизни, обобщая лишь то, что давнымъ давно уже примѣнялось. Установленіе новыхъ серебщинъ или вообще налоговъ, объявленіе войны было вообще невозможно безъ согласія князей, пановъ хоругвныхъ и пословъ земскихъ повѣтовыхъ, созванныхъ на вальный сеймъ. Депутаты избираются на повѣтовыхъ сеймикахъ, на которыхъ участвуютъ воеводы, каштеляны, паны, князья и вся повѣтовая шляхта. Собравшись, они, „зволившися вси одностайне“, выбираютъ двухъ пословъ отъ каждаго судового повѣта для представительства на сеймѣ, съ врученіемъ имъ мандатовъ относительно тѣхъ вопросовъ, о которыхъ было объявлено господаремъ, такъ „и иные нормальные рѣчи водле чащи и потребъ“. Сеймики собираются за 4 недѣли до сейма. Такимъ образомъ, Статутъ 1566 г. знаетъ два вида сеймиковъ: для выбора пословъ и для избранія кандидатовъ на судебныя должности.

Годъ судебно-административныхъ реформъ является поворотнымъ пунктомъ въ исторіи государственнаго строя Литвы. Установленіе шляхетскаго представительства, реформа судовъ и областного управленія приблизили литовскій государственной строй къ польскому, что и дало возможность осуществить парламентарную унію 1569 г.

XII. Люблинская Унія.

Склонность шляхты къ уніи.

Унитарный вопросъ снова выдвигается на первый планъ во время Сигизмунда II. Постановка его совпала съ движеніемъ шляхты въ сторону демократизаціи государственнаго строя. Шляхта, чѣмъ больше принимала участіе въ политической жизни, тѣмъ все болѣе и болѣе сознавала необходимость уніи съ Польшей, какъ условія шляхетизаціи Литвы. Этимъ и объясняется ея сочувственное отношеніе къ уніи, такъ какъ самостоятельность Литвы не давала надеждъ на реализацію ея плановъ. Борьба шляхты съ аристократіей, ливонская война заставили поднять вопросъ объ уніи. Шляхта открыто на сеймахъ заявляетъ о своихъ симпатіяхъ къ уніи, а на Виленскомъ сеймѣ 1563 г. ей удалось добиться постановленія объ отправкѣ сеймовой делегаціи для переговоровъ объ уніи. Наказъ делегаціи составленъ въ духѣ компромисса между автономными стремленіями магнатовъ и унитарными требованіями шляхты.

Перегозоры съ поляками.

Инструкція ни слова не говоритъ объ инкорпораціи: она понимаетъ унію въ смыслѣ сближенія обоихъ государствъ на почвѣ военной защиты и единства королевской власти, выбираемой на общихъ совмѣстныхъ сеймахъ; коронованіе происходитъ въ Краковѣ, а въ Вильнѣ бываетъ отдѣльно посаженіе на великокняжескій столъ. Инструкція предусматриваетъ совмѣстные сеймы и по другимъ общимъ вопросамъ, но внутренняя автономія каждаго государства сохраняется въ неприкосновенности. Кромѣ того, литовцы соглашались въ интересахъ уніи разрѣшить полякамъ пріобрѣтать имѣнія въ Литвѣ. Но для поляковъ и такая унія оказалась непріемлемой, да и политическій моментъ былъ очень благопріятенъ для втѣленія Литвы въ Польшу. Переговоры на Варшавскомъ сеймѣ 1564 г. кончились ничѣмъ, хотя литовская делегація во многомъ отступила отъ инструкціи, настаивая только на сохраненіи особыхъ законовъ и установленіи особыхъ судовъ и администраціи.

Переговоры на Варшавскомъ сеймѣ 1564 г., на которомъ не удалось заключить уніи, закончились опубликованіемъ весьма важнаго акта: король отказался за себя и своихъ потомковъ отъ своихъ „дѣдичныхъ“ правъ въ Литву, съ передачей таковыхъ коронѣ Польской на вѣчныя времена. Такая декларація могла ускорить заключеніе уніи въ желательномъ для поляковъ и Сигизмунда направленіи. Впрочемъ, поляки не унывали, въ надеждѣ что переговоры объ уніи всетаки увѣнчаются успѣхомъ. Бѣльскій сеймъ 1564 г., на который пріѣхало немало поляковъ, обнаружилъ сочувствіе къ уніи со стороны шляхты и отрицательное отношеніе только аристократіи, а послѣ реформъ 1565—1566 г., когда власть перешла въ руки шляхты, заключеніе уніи было обезпечено. Поляки торопились заключить унію до окончанія войны съ Москвой. Послали пословъ для переговоровъ на Брестскій сеймъ, но они кончились ничѣмъ, хотя литовцы предлагали унію въ духѣ переговоровъ Варшавскаго сейма 1564 г. Но внѣшнее положеніе дѣлъ для Литвы складывалось неблагопріятно, и Литвѣ пришлось снова поднять вопросъ объ уніи.

Люблинскій сеймъ 1569 г.

Сигизмундъ II, въ интересахъ скорѣйшаго рѣшенія этого вопроса, созвалъ спольный сеймъ въ Люблинѣ (1569 г.): онъ и явился завершеніемъ того политическаго плана, который столько вѣковъ приводился въ исполненіе. И на этомъ сеймѣ шла упорная борьба сторонниковъ и противниковъ уніи. Каждая сторона выставляла извѣстные намъ аргументы: одни ссылались на Мельницкій трактатъ 1501 г., другіе на старые привилеи и прошлое государства. Польскіе послы не желали считаться ни съ какими моральными и политическими соображеніями литовцевъ. Въ концѣ концовъ литовцы уѣхали, въ надеждѣ что безъ нихъ дѣло уніи не будетъ рѣшено. Но въ моментъ ихъ отсутствія поляки присоединили къ Польшѣ Подляшье и Волынь, и, конечно, это присоединеніе было актомъ насилія по отношенію къ Литвѣ: бывшихъ на сеймѣ

подляшанъ заставили присягнуть подъ угрозой лишенія имѣній. Не присягнулъ только староста Евстафій Воловичъ, лишенный держжавъ, полученныхъ за разныя государственныя заслуги. Затѣмъ, по требованію короля, стали пріѣзжать на сеймъ уѣхавшіе подляшане и волыняне для принятія присяги. Послѣ присоединенія поляками двухъ областей, литовцы опять пріѣхали на сеймъ, но ихъ протестъ по поводу инкорпораціи не имѣлъ практическаго значенія. Присоединеніе двухъ областей и видимая невозможность для стороны Литвы активно этому противодѣйствовать сдѣлали поляковъ смѣлѣе: они такимъ же путемъ присоединили Кіевщину.

Люблинская унія 1569 г.

Послѣ этого и поляки не настаивали на полной инкорпораціи, согласившись сдѣлать кое-какія уступки литовскимъ магнатамъ. Правда, Литва лишилась части территоріи: Подляшья, Волыни, Кіевщины и Литовскаго Подолія, но урѣзанное княжество сохранило въ нѣкоторомъ отношеніи автономію въ видѣ правъ имѣть свои суды, законы, уряды. Но зато соединенное государство имѣетъ общаго главу, избираемаго на совѣстномъ сеймѣ; элекціи происходятъ въ Польшѣ. Сеймы и раду Литва и Польша должна имѣть общіе. На сеймахъ и въ радѣ литовцы засѣдаютъ совмѣстно съ поляками. Мѣсто для сеймовъ избирается въ границахъ Польши, по указанію пановъ-рады. Устанавливается общая монета. Внѣшняя политика—дѣло обоихъ народовъ: заключеніе договоровъ, отправка пословъ—производится съ вѣдома и согласія обоихъ народовъ. Поляки и литовцы имѣютъ право повсемѣстнаго пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ, но старыя пожалованія остаются въ неприкосновенности. Должности, почетныя и служебныя, могутъ раздаваться только лицамъ, присягнувшимъ королю и коронѣ польской: благодаря этой статьѣ поляки получили возможность занимать должности въ Литвѣ. Шляхта и ихъ подданные въ Польшѣ и Литвѣ освобождаются отъ платежа всякихъ

пошлинъ при продажѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ или вывозѣ ихъ заграницу.

Значеніе Люблинской уніи.

Заключеніемъ уніи 1569 г. польскіе дипломаты отчасти добились своего, отторгнувъ отъ Литвы лучшія русскія земли, но „втѣленія“ и теперь не произошло, и самостоятельность литовскихъ урядовъ—лучшій показатель извѣстной внутренней самостоятельности Литвы. Это, впрочемъ, все, чего могли добиться литовскіе сепаратисты въ лицѣ магнатовъ. Зато шляхта могла быть довольна результатами парламентарной уніи, отдавшій судьбу Рѣчи Посполитой въ ея руки. Съ введеніемъ уніи 1569 г. политическая роль магнатовъ фактически была кончена. За ней оставались незначительныя привиллегіи, отнять которыя было дѣломъ будущаго... Унія 1569 г. сблизила литовско-русскую шляхту съ польской и содѣйствовала усвоенію ею польскихъ формъ быта. Отсюда идетъ ея быстрая полонизація, а вмѣстѣ съ ней быстро развивается крѣпостное право, гнетъ котораго въ Рѣчи Посполитой содѣйствовалъ образованію казачества, вызвалъ рядъ его возстаній, принявшихъ характеръ соціальнаго протеста. Унію нельзя забывать при изученіи общественной борьбы въ Рѣчи Посполитой и той религіозной борьбы, которая обострилась послѣ 1569 г. въ связи съ нетерпимой религіозной политикой польскаго правительства. Въ общемъ, унія дала больше отрицательныхъ результатовъ, чѣмъ положительныхъ, и съ нея приходится вести начало упадка Рѣчи Посполитой.

В. Пичета.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

Контора Книгоиздательства и Складъ
Москва, Тверская, Глинищевскій пер., д. 3, кв. 74.